



18+

ГАЛИНА  
ГУБАЙДУЛЛИНА

СОСЕДИ И  
РОДНЯ  
ОТТАВИИ  
МАЛЕВОЛЬТИ

# Галина Ивановна Губайдуллина

## Соседи и родня

### Оттавии Малевольти

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63509282](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63509282)*

*SelfPub; 2020*

#### **Аннотация**

Действия происходят в Англии в городе Милфорд-Хейвен в правление Герга Третьего (который подозревался в вампиризме и был душевнобольным). Оттавия из семьи итальянских скульпторов-иммигрантов попадает в семью английского дворянина. За её сердце будут биться соседи: адвокат и капитан дальнего плавания. Будут раскрыты козни маньяка, разоблачены контрабандисты, прогонят привидение.

# Галина Губайдуллина

## Соседи и родня

### Оттавии Малевольти

Фотография для обложки предоставлена с согласия автора кукол Анной Тереховой с «Ярмарки Мастеров», где много других работ этого замечательного кукольника. Её сайт [www.tannadolls.livemaster.ru](http://www.tannadolls.livemaster.ru)

И в инстаграмме страница автора кукол [annaterekhova.artdolls](https://www.instagram.com/annaterekhova.artdolls)

4июня 1.800 года. Великобритания. Герцогство Уэльс. Графство Пембрукшир. Город-порт Милфорд-Хейвен. Правление Георга Третьего Ганновера.

Туманное утро. В десяти шагах силуэты зданий едва различимы, а люди кажутся тёмными пятнами, которые, колыхаясь, растворяются в гуще пара по мере удаления. Сонно разъезжают редкие кареты и дилижансы.

Простой люд, привыкший и приноровившийся к специфической, побережной погоде, спешит на заводы, фабрики, в мастерские, в порт.

Зажиточные горожане ещё спят, не говоря уж о богатых, из них не почуют разве что, те, кого мучила бессонница или болезнь, кого ждут неотложные дела на бирже или в конторе.

Достопочтенный, пятидесятилетний эсквайр Освальд Боу ехал в этот ранний час в своей новой карете и хмурился от вида покосившихся и облезлых трущоб рабочего квартала.

Перед одним из таких убогих домов его экипаж остановился. Эсквайр вознамерился сделать доброе дело, и был очень доволен собой, своим вниманием и тактом по отношению к бедным, особенно благотворительность важна сейчас – перед выборами в городской парламент. Он решил в качестве премии за хорошую работу выдать вдове, вчера скончавшегося слуги, приличную сумму денег. Боу мог бы доверить это дело управляющему, но хотел составить о себе мнение в городе, как о заботливом и добром человеке.

Эсквайр заметил, что зашарпанный подъезд, тем не менее, чист, а доски пола выскоблены ножом до блеска.

Выслушав плаксивые благодарности и жалобы вдовы, Боу с радостью освобождения от обременительной обузы, вышел вновь на лестничную площадку.

Дверь напротив отворилась и на пороге показалась ошеломляюще красивая брюнетка, совсем юная, на её лице читалась непорочная невинность и наивность. Её зелёное платье, расклешённое от груди, с модным узким рукавом до локтя, обхватывающим волнующе хрупкую руку, вздымалось «фонариком» у плеч. В отличие от ряда дворянских нарядов, простолюдинки зачастую прятали плечи и шею за огромным воротником, так и эта скромница прикрыла свои прелести за белоснежную ткань рубашки с длинным воротником. Из под

рукава платья торчали кружевные оборочки этой рубашки. Маленькая, зелёная шляпка завязана лентой на шее на бант.

Боу отвернулся к двери вдовы, прикуривая трубку.

–Дай тебе бог здоровья, детка,– причитала сзади девушки дряхлая старушка,– Ты никогда не забываешь об одиноких, брошенных стариках. Вот с утра уже на ногах, молочка принесла.

–Я завтра приду, и наведу порядок в Вашей квартире,– обещала девица.

–Спасибо тебе, Оттавия.

–До свидания, бабушка Олли.

Старушка закрыла дверь.

Юное создание беззаботно, без опаски стало спускаться вниз по лестнице. Эсквайру Боу показалось, будто все окружающие его предметы и стены стёрлись, зрение сосредоточилось на хрупкой фигурке незнакомки, что плыла, словно в тумане. Звериный инстинкт обладанием любой ценой лучшей представительницей женского пола стало навязчивой необходимостью. Потрясающая сила желания сделала из обычного, законопослушного гражданина трясущегося от вожделения маньяка.

Беспечность юной особы побудило мужчину, которым руководил самец, напасть на незащитное существо. Он оглушил жертву лёгким ударом по шее, сгрёб в охапку и втащил в свою карету.

Оттавия очнулась, и с удивлением увидела вокруг себя незнакомую обстановку в мрачных, коричневых тонах.

Она лежала на широкой, заправленной постели, и в руку ей кто-то вложил 50 фунтов. Страшная догадка заставила в ужасе вскрикнуть и подскочить. Девушка закинула деньги как можно дальше, и оглядела предательски измятое платье. Сомнения нет: её изнасиловал тот пожилой джентльмен, что спускался по лестнице сзади неё. Слёзы отчаянья и брезгливости перешли в рыдания.

Немного успокоившись, девушка выскочила из номера гостиницы. Всхлипывая на ходу, со всех ног бежала из этого проклятого дома.

Её растрёпанный вид и зарёванное лицо привело в ступор отца и брата.

Из кухни выглянула белокурая, невзрачная невестка, англичанка Зила с маленьким Франческо на руках. Завидев растрёпанную Отту, она тут же испуганно спряталась в глубине комнаты.

Отец первый бросился к дочке.

Обнимая, спрашивал дрожащим голосом:

–Что случилось, мой цветок?

–Всё... всё произошло неожиданно... я... я шла от бабушки Олли, как вдруг один господин набросился на меня и ударил, – захлёб рассказывала Оттавия, её губы тряслись, а огромные глаза беспрестанно наполнялись слезами.

—Чезорино, быстро беги к тётке Олли и узнай от соседей к кому кто приходил,— сердито распорядился отец, затем ласково, роняя слезу за слезой, успокаивал дочь,— Ты такая прекрасная, добрая, что... что счастье не посмеет пройти мимо тебя.

—Папа, этот джентльмен был таким противным и старым, что мне хочется утопиться в проливе Святого Георга от обиды, отчаянья и омерзения.

—Нет, нет, только не это. Такая красота не должна покидать землю и достаться рыбам. А как будем жить мы без тебя, Отта?

—Что может быть хуже для итальянцев, чем потерять честь? Чезорино скоро будет меня ненавидеть, а ты стыдиться такой дочери.

—Только не я, мой цветок. Только не я,— уверял отец, прижимая дочь.

Весть об изнасиловании самой очаровательной девушки рабочего квартала, Оттавии Малевольти, облетела все закоулки. Люди возмущённо роптали и кричали, обвиняя властвующих в растлении невинной молодёжи. Оттавия была всеобщей любимицей, ею восхищались за добродушие, добропорядочность и скромность. Если б на её месте оказалась пустоголовая кокетка, вступающая в весёлую болтовню с любым прохожим, никто бы не жалел эту дрянь, все бы хихикали над ней и сплетничали до конца жизни; но Оттавию все искренне жалели и требовали наказания виновного.

Группа активистов пошла в суд. Хоть никто не видел, как мистер Боу похитил девушку, но несколько человек в голос уверяли, что были свидетелями этого происшествия.

Повсеместно обсуждались только два события: плачевное событие в жизни красивой Малевольти и победа Наполеона у итальянской деревушки Маренго. Французская армия перемахнула через перевал Сен-Бернар, испытал холод и бездонность пропастей, снежные лавины унесли десятки жизни, но появление противников для австрийцев было совершенно неожиданным.

Отец семейства, судья Остин Филдинг, любовался за завтраком своими детьми. Семнадцатилетняя Няяда больше всех похожа на него, такие же светло-соломенные волосы и правильные черты лица. Зато характер девушка полностью переняла у матери: такая же скрытная, непрошибаемая, никаких эмоций на людях! Эта амбициозность приветствуется и воздвигается в ранг добродетели в Высшем Свете, который заполонили снобы-денди. Фальшивое подобострастие, безучастность, хотя его жена Джобет называет это уравновешенностью.

Шатенка Граветин, что младше старшей на год, копия матери, но характер «золотой». Милая, улыбчивая девочка, правда, глуповатая, учёба даётся ей с трудом, говорят, такой же была и Джобет, хоть и мнит сейчас из себя всезнайку.

У дочерей лучистые, голубые глаза их матери.



Сын Орин, восьми лет, похож на мать, но его серые, туманные глаза такие родные, такие свои, которые Остин привык видеть по утрам в зеркале и у всех близких родственников: у отца и у дядьёв. Орин послушный ученик, подающий большие надежды. Отец чувствует, что влечёт сердце его сына – море. Мальчик часами может сидеть на берегу и смотреть на волны. В порту он давно свой. Помогает матросам натягивать канаты и фалы.

В здании суда Остин Филдинг чувствовал себя уверенно и комфортно, любимая работа доставляла радость. Иные скажут: «Что хорошего разбирать чужое, грязное бельё?» А судья Филдинг мнил себя богом, карающим или милосердным. Его боялись и уважали, с его мнением считались все в городе.

Последнее время он наблюдал за активным, молодым человеком, который недавно окончил университет, и так рьяно взялся за службу, что его старания были заметны всем.

Судья остановил одного из служащих, спросил о деле с поддельными документами одной из судоходных компаний.

Хедлунд доложил:

–Мистер Норман Сэндлер разобрался в этом деле. Выявил фальсификатор, сличив подписи.

–Молодец этот Сэндлер! А тебе, Хедлунд, что слабо было разобраться?

–Ваша Честь, мистер Сэндлер новичок, новеньким ве-

зёт... Да и мозги у него свежие, молодые...

–Рано ты себя в старики записываешь, Хедлунд. И что у тебя уже мозги затвердели?

Служащий растянул губы в жалкую улыбку.

Филдинг заметил везунчика Сэндлера, окликнул.

–Какое дело ведёте, сэр?– поинтересовался судья.

–Люди из рабочего квартала собрали денег и купили мои услуги в качестве адвоката для потерпевшей в деле об изнасиловании дочери скульптора Малевольти.

–А, слышал-слышал. Боу боится высунуться из дома. Боятся, что толпа порвёт его, отомстив за добрую девочку.

–Его бизнес заглох. Никто не хочет покупать товар у насильника. Сейчас я намерен съездить в дом Малевольти, взять показания у пострадавшей.

–Не понимаю мистера Боу: вот так взять и из-за блажи в одночасье накануне выборов загубить карьеру, ославить себя на весь город, навредить бизнесу... Ну, ступайте, молодой человек, удачи.

Зила с ребёнком не высовывалась из своей комнаты, которая также была и семейной мастерской, где отец и сын Малевольти ваяли статуи.

Оттавия находилась в своей комнатушке.

Отец скрючился на кухне за столом, обхватив голову руками.

Чезорино метался из угла в угол, в бешенстве размахива-

вая руками, его красивое лицо выражало крайнюю озлобленность.

–Я убью этого старого выродка!– решил парень.

–Убьёшь...и что? Здесь не кипучая страстями Сицилия, где за вендетту тебя будут уважать, вознесут в ранг святых и скажут: «молодец». Здесь: Англия, а значит, за убийство дворянина тебя самого повесят или в лучшем случае ушлют на край света – в Австралию. Ступай лучше к Чосеру, узнай: какой новый заказ он нам предоставит.

Оттавия сидела у окна и отстранённо смотрела на дымящиеся трубы фабрик и жилых домов. «Сколько копоти, скоро нечем будет дышать»,– пронеслось в её голове. А слёзы всё текли и текли из глаз.

Шурша юбками о пол, кто-то вошёл. Отта нехотя оглянулась, но тут же вскочила и бросилась с плачем в объятия вошедшей.

–Моя маленькая сестрёнка,– позвала отдалённо похожая на неё девушка.

–Берта, дорогая,– горячо шептала и целовала щёки сестры Отта.

–Я пришла поддержать тебя.

–Ты с семьёй?

–Нет, я не взяла с собой Элеонору, от неё всегда столько шума! Ты же знаешь эту проныру и болтушку.

–Настоящая, неугомонная кровь итальянки,– слабо улыбнулась младшая сестра,– Её следовало назвать не Элеонора,

а в честь Сицилийского вулкана – Этна.

–Я пришла сказать тебе, что ЭТО событие не должно так сильно тяготить тебя, милая. Выходят замуж даже вдовы с огромным выводком детей.

–Я не могу смотреть в глаза людям...Мне стыдно.

–Но в чём, скажи, твоя вина?

–В глупой беспечности. Я не выйду замуж. Что я скажу мужу? Почему не сохранила единственное сокровище, что даёт Бог каждой девушке?

–Глупышка. Я тоже вышла замуж не девственницей. И несколько себя за это не виню.

–Это ты специально придумала сейчас, чтоб выставить изнасилование таким никчемным, пустяковым событием, как мелочь бытия.

–Я не лгу! Помнишь сапожника Доменико?

–Вот ты и попалась: во всём городе нет такого сапожника.

–Вспомни, когда мы ещё жили в цветущих Сиракузах в доме над обрывом скалы...

–Сиракузы...

–Ну, Доменико, чья голова усыпана мелкими кудрями, и, проходя мимо, ты дразнила его: «руно-домино».

–Так ты любила этого парня?

–Да. Но отец ни за что не согласился бы на этот брак с человеком, коего он считал лентяем и неудачником.

–А как же Энрико Фиоре?

–Энрико побушевал, конечно, но успокоился. Ты же зна-

ешь моего болвана: разве вернул бы он меня назад в дом отца вместе с приличным приданым? Он, правда, постоянно напоминает мне мой грешок и попрекает, но для меня это – пустое. Этот громила боится без спроса и волосок на моём плече тронуть. А зарабатываю я вышиванием порою больше его, так что он лишний раз рта боится раскрыть.

–А вдруг он всё же бросит тебя?

–Где ты видела итальянца, бросившего своих детей? Над Элеонорой он трясётся, как над хрустальным бокалом, наполненным доверху счастьем. Ты ела?

–Мне не хочется. И я не хочу лишний раз попадаться на глаза папы, Чезорино, и тем более Зилы.

–Я принесу еду к тебе в комнату. Сейчас быстренько чего-нибудь состряпаю на кухне.

Берта чмокнула сестру и вышла.

Оттавия села у камина, выложенного из обработанных бело-коричневых камней. Камин украшала медная решётка и иные детали из этого металла.

Бесшабашная сестра развеяла часть грустных мыслей. Но в одиночестве вновь всплывали неприятные воспоминания.

Дверь вновь распахнулась. В комнату вошёл отец и красивый господин в дорогой одежде и в белоснежном парике с хвостиком. Незнакомец галантно снял шляпу в помещении, протянул её Малевольти-старшему.

Сэндлер увидел заплаканную девушку, сидящую у камина. Смуглая брюнетка с огромными глазами казалась выро-

ненным на землю цветком из букета Бога; казалась одиноким, брошенным созданием; и если этот цветок не спасти, то безжалостные люди втопчут его в грязь.

Норман, наверное, ещё долго смотрел бы на Оттавию, совершенно забыв о цели прихода, если б её отец не окликнул его:

–Мистер Сэндлер, что Вы хотели спросить у моей дочери?

–Я должен узнать все подробности дела,– отстранённым тоном проговорил адвокат.

–Папа, нет!– девушка вскочила и хотела убежать из комнаты, но рука Сэндлера крепко впиалась в её руку.

–Господин адвокат, неужели Вы думаете, что молоденькая девушка способна обсуждать ТАКИЕ детали с посторонним человеком?– возмутился Малевольти-старший.

Норман не отвечал, он взволнованно глядел в молящие о снисхождении огромные глаза. И ему вдруг захотелось поцеловать эти глаза, поцеловать эти вытаченные самой Совершенностью губы, захотелось утешить малышку и прижать к себе.

Но он взял себя в руки: перед ним всего лишь красивая женщина, она небогата и...не девственна.

–Мисс Малевольти, Вы ДОЛЖНЫ детально описать все случившиеся с Вами казусы,– протокольным тоном настаивал Сэндлер, его немного резкие черты лица напряглись.

«Прочь! Прочь наваждение!»– гнал он трепетные чувства из сердца.

–Я ничего не помню! Мистер Боу ударил меня по шее!– рыдала и кричала Отта.

Из кухни прибежала Берта.

–Неужели Вам мало свидетельств очевидцев? Зачем Вы мучаете нашу девочку?– запротестовала старшая сестра.

Сильный акцент бил по ушам, Норман поморщился, но руку Оттавии выпустил. Та упала в объятия сестры, не переставая рыдать.

–Дайте же девушке воды,– потребовал адвокат,– Я специально не вызвал пострадавшую в контору, а приехал лично, чтоб не напрягать девушку поездкой и официальной обстановкой. А вы кидаетесь на меня чуть ли не с кулаками.

Отец семейства Марко Малевольти поспешил на кухню за водой.

Сэндлер наблюдал за сёстрами. Бойкая, миловидная старшая держалась деловито. Младшая прелестница, как он понял, представляла собой тонкую, ранимую особу.

–Мисс Оттавия Малевольти, что Вы делали четвёртого июня в такую рань на соседней улице?– начал допрос адвокат.

Берта усадила сестру на стул.

Всхлипывая, Отта пояснила:

–Я работаю в попечительской организации, а так как молочницы доят коров очень рано, то я и доставляла молоко подопечным старушкам сразу после доения.

–Люди говорят, что Вы выполняли любые поручения ста-

рушек без дополнительной оплаты. Это правда?— поинтересовался Норман.

—Что значит: любые? — вспыхнула Берта.

—Я хотел сказать: мисс Оттавия Малевольти занималась благотворительностью,— пояснил адвокат.

Отец принёс воды в глиняной кружке. Отта нерешительно отпила из неё несколько глотков.

Воззрившись на Сэндлера своими чистыми, лучистыми глазами, она с возмущением вопрошала у него, как будто он тоже в ответе за все беды бытия:

—А почему старики должны быть брошенными? В городе тьма народу, но никто не поинтересуется: есть ли хлеб у их соседа, а может ли он самостоятельно выйти на улицу? Разве мы живём среди лесных животных, где должен выживать сильнейший? Но даже волк несёт добычу в стаю, кормит детей и старых родителей, а тех, кто это не сделает — стая разрывает на куски. Как может быть в цивилизованном обществе внутривидовое насилие?

«Ничего себе рассуждения девочки-подростка,— изумился Норман,— Да она размышляет, как профессор философии. И акцента у неё нет, на лицо быстрая обучаемость... Оттавию нужно ввести в Высшее общество. Я хочу видеть её. Её красота достойна даже короны».

Он критически заметил:

—Кстати, о свидетелях. Их показания расходятся. Все называют разное время.



–У бедняков нет карманных часов,– вывернулась Берта,–  
Эти показания лишь подтверждают их честность.

–Каким образом?– усмехнулся адвокат.

–Между ними нет сговора.

–Жаль, что женщин не берут в полицию, я бы нашёл там местечко для Вас, мисс...

–Миссис. Миссис Берта Фиоре.

–Мисс Оттавия Малевольти, что Вы хотите от ответчика?– Сэндлер едва не закончил фразу словами: «Денег или его крови?», но благоразумно умолк.

–За такое преступление у нас на Сицилии убивают,– глухо проговорил отец семейства.

–Я не желаю видеть этого господина, пусть его увезут как можно дальше,– устало вымолвила Отта.

«Ага, куда делось твоё милосердие к старикам?»– иронизировал в душе Норман.

–Вы будете осведомлены о ходе дальнейшего следствия, и по мере необходимости вызваны в органы суда,– этими словами адвокат «попросился» с потерпевшими.

Малевольти-старший принёс и подал мистеру Сэндлеру его шляпу.

Филдинги прибыли на торжество. Бал давал доктор Бернхард Драммонд в честь десятилетия совместной жизни с женой Августой.

Доктор слыл человеком замкнутым, обычно он ходил с

низко опущенной головой, о чём-то всегда размышляя. Париков не любил, отрастил из тёмных волос собственный хвост. Его короткая борода всегда выражала педантичную аккуратность. В 32 года борода ни сколько не старила его.

Двадцатилетняя Августа одним казалась хорошенькой, другим обыденной. Блондинка с выразительными глазами. Строение её губ и подбородка, казалось, выражали некую обиду, и потому лицо выглядело чем-то недовольным.

Их дочь Билинда, восьми лет, с белёсыми волосами, выглядела какой-то бесцветной, в отличие от симпатичных родителей, она уродилась неказистой. Трёхлетний Залман перенял все черты отца. Но в отличие от сурового Бернхарда малыш рос весёлым и шустрым. Этот нрав он, конечно, унаследовал от деда – неунывающего Айвора Драммонда, который колесил по свету, привозил редкие товары из далёких стран, а также искусных мастеров, что работали над усовершенствованием интерьера его дома и обновлением сада. Он-то и привёз среди прочих других семью Малевольти в Англию.

У Августы в этом же городе проживала младшая сестра Беула Спенсер. Темноволосая, миловидная девушка, лицо которой выражало непреступную величественность. С сестрой во внешности её объединяли только глаза. Беула год, как овдовела, но продолжала вести светскую жизнь, ничем не выражая скорби. Её сын, пятилетний Роланд, к всеобщему неудовольствию, впитал в себя всю природу отца, чьё лицо

было нескладным, с узковатыми глазами и с вздёрнутым носом.

Двадцатилетняя Беула с присущим ей цинизмом обвела гостей и хозяев взглядом. Мужчины во фраках. Дамы с причёсками «а-ля титус» и «а-ля Каракалла», украшенные диадемами и лентами в платьях с завышенной талией. Внимание притягивала белокурая красавица Наяда Филдинг. На её фоне сестра, шатенка Граветин, тухла. Не сказать, что младшая дурнушка, но крупный нос и простоватое лицо сразу бросались в глаза. «Если Наяда не глупа, то может рассчитывать на лучшую партию сезона,— подумала Спенсер и решила завязать дружбу с этой девушкой,— Кто знает, может это знакомство очень даже пригодиться. Но это потом. Сейчас надо мило улыбаться зануде-сестре, и придумать для неё какой-нибудь вздорный комплимент».

Миссис Спенсер подходит к сестре засвидетельствовать своё почтение. Бернхард кивает ей, и удосуживает взглядом вскользь: есть гости и поважнее.

Августа, выслушав милый комплимент Беулы, вполголоса сообщила мужу:

—Миссис Данст хочет, чтобы ты лечил её. Она будет хорошо оплачивать твой труд.

—Ну вот ещё. Не желаю прикасаться к её высушенному телу.

—Но ты же врач! Ты не должен сторониться пациентов, как отвратительно бы они не выглядели.

—Я сказал: нет. Передай ей, что я загружен работой.

—Но Берни...

—Разве у нас острая нехватка денег? Нет. Я работаю с теми, кто мне нравится. Всё.

—Берни, представь меня дочерям судьи,— попросила родственника Беула.

—Вот, Августа, займись делом, развлеки свою сестру,— буркнул Бернхард.

Спенсер изобразила на лице душевную, открытую улыбку, чтоб расположить людей к себе. Тогда как девочки робко улыбались, перебирая перья веера.

Но не успела новая знакомая открыть рот для светской беседы, как к их компании присоединился широкоплечий, хоть пожилой, но крепкий Айвор Драммонд, ему недавно исполнилось 53 года.

—Девочки Остина Филдинга!— восхищался и радовался Драммонд-старший,— Рад видеть вас у себя. Очень рад.

—Ах, папа, от Вас столько шума,— указала свёкру сноха на чрезмерное выражение чувств и громкую речь.

Не обращая на Августу ни малейшего внимания, старик Айвор делился воспоминаниями с отпрысками давнего друга:

—Ваш папаша в юности был озорной парень. Джебет пролила не мало слёз из-за его любви к актрисам. Служба в Африке образумила его. Мы служили вместе. Вместе едва не остались в песках. Мы оба получили ранения при отступ-

лении кавалерии. Ваш отец еле полз сам, но ещё тащил и меня, терявшего сознание и изрядное количество крови, тащил к потерявшемуся арабскому верблюду, что щипал колючки. К нашему счастью, Остину удалось поймать животное, и взвалить меня на него. Для этого ему пришлось встать на обе простреленные ноги. Хорошо, что пули прошли на вылет, иначе Остину пришлось бы хромать на обе ноги. Старина Филдинг привязал меня к себе верёвкой, а нас обоих к седлу, но мы без особых приключений доехали до своего форта. Когда мы скакали, Остин заботливо вливал в меня воду из фляжки, что на солнце превратилась в кипяток. После ранений нас комиссовали. Остин, ещё, будучи в Африке, очень скучал по жене и по вам, дочкам. Каялся, что плохо обращался с Джобет, не ценил её, мало времени уделял дочерям. Ну, а вернувшись домой, обзавёлся наследником. Отличное образование позволило ему почти сразу занять место судьи.

–Папа любит свою работу,– вставила Граветин.

–Не сомневаюсь,– подхватил Драммонд-старший,– Остин Филдинг – человек с большой буквы, и за какую работу бы не взялся: будет делать её с долгом.

Дочки судьи с благоговейным трепетом внимали похвалам однополчанина отца.

Беула начала откровенно скучать. Сестра заметила это, и увлекла её знакомиться с молодым человеком, который недавно вернулся из Нового Света с приличным капиталом.

Сёстры прошли мимо двух пожилых леди.

Одна, скривив нос, заметила собеседнице:

–Беула Спенсер может сорить деньгами налево и направо, но вместо этого – скрупулёзно считает каждый пенни. Вот и наряд её уступает в роскоши почти всем дамам её сословия.

Вторая, многозначительно подняв брови, заявила:

–Беуле незачем пускать пыль в глаза, все и так знают, что она баснословно богата. А скупость обычно присуща всем богачам.

Познакомившись с приятным джентльменом, прибывшим из Канады, Спенсер поинтересовалась каким бизнесом занимается новый приятель. Оказалось, что предприимчивый молодой человек, по имени Персиваль Росс, имеет несколько мореходных судов, кои приплыли с ним эскадрой из Нового Света с грузом. Разговор немедленно приобрёл деловой характер.

И Беула совсем не заметила, как воодушевлённо выкладывала совсем незнакомому человеку о производственных достижениях:

–Когда я купила фабрики, они были оснащены гидравлическими машинами Аркрайта, теперь же я поставила в прядильные цеха новейшее изобретение: «мюль-машины», которые ускорили процесс прядения. Но вот парадокс: чем больше мы производим, тем большим спросом пользуется наша продукция. И у нас доступные цены. А мастера-прядильщики в Индии работают кустарно, в домашних семей-

ных мастерских, их продукция дорога, да и перевозка через моря имеет немалую цену. И теперь они нам не конкуренты.

–Какой молодец этот Аркрайт, первый создал прядильные машины, и прогресс стремительно пошёл вверх,– подхватил Росс.

–А с женой бедолаге не повезло: больше половины его моделей эта злыдня уничтожила, обзывая мужа мечтателем.

Заинтересованные взгляды на эту парочку бросала не только Августа, но и её муж Бернхард Драммонд.

Остальные люди, без сенсационного всколыха поглядывали в их сторону, никто не верил в продолжение более близкого знакомства вне стен этого дома. Деловые отношения этих двух капиталистов – несомненно. Личные связи – ни за что. Уж слишком непреступной вдовушкой слыла «каменная» Беула. Соискатели её руки звали её за глаза льдиной.

Сестре же чудился какой-то злой рок.

Как только Росс примкнул к группе джентльменов за игральным столом, она подошла к Беуле и сокрушалась:

–Я не понимаю мужчин. Ты красива и имеешь колоссальный капитал, но не можешь найти второго мужа.

–Виноваты не мужчины. Я сама не хочу замуж. Хочу пожить вольной жизнью.

Беула обратила внимание, что Бернхард в компании друзей залпом выпил две порции виски, и теперь зло поглядывает в их сторону.

–На что сердится твой муж?– недоумённо поинтересова-

лась младшая сестра.

–Эгоист всегда недоволен,– хмыкнула Августа.

Судья Филдинг встретил среди гостей Драммондов и Нормана Сэндлера.

–У Вас сегодня сияющий вид, мистер Сэндлер. Есть с чем Вас поздравить?

–О, да! Я получил немалое наследство от бабушки, Ваша Честь. К тому же, поговаривают, что мой старший брат скоро уйдёт следом за бабулей.

–Уедите в Кембрийские горы в своё поместье?

–О, нет, я не привык заниматься овцами и решать земельные вопросы. Имение я продам или попрошу сестру приглядеть за хозяйством. Сестра Иллария осталась старой девой потому, что в детстве лицо сильно попортила оспа. А я продолжу службу под Вашим началом.

–Отличное решение! Ведь Вы подаёте большие надежды, как юрист.

«Надо будет почаще приглашать Нормана к нам. Теперь к нему тоже перейдёт титул барона. Да и парень он хороший, примерный, работающий»,– подумал барон Филдинг.

Вслух судья сетовал:

–Дорогой Сэндлер, Вы не устали всё время сидеть дома? Пора, мой друг, вливаться в общество Милфорд-Хейвена. Приглашаю Вас в следующую субботу к себе на обед.

–Весьма польщён, сэр.



Конец июля. Оттавия с удивлением поделилась с сестрой тем, что в июне крови на белье у неё не было. Берта заплакала, и сказала, что на одного Малевольти скоро будет больше.

Младшая сестра смирилась с участью, и не поняла слёз Берты.

–Зачем же плакать? Дева Мария подарила мне младенца, значит так угодно небесам. Я буду помогать отцу и брату, и заработаю на молоко.

В дверь позвонили. Заинтригованные девушки вышли в гостиную.

Из коридора раздавался твёрдый голос отца, говорившего по-английски с сильным акцентом:

–Что Вам угодно, леди?

–Я – Виндэлия Торнтон, дочь эсквайра Освальда Боу. Я хочу поговорить с мисс Оттавией Малевольти.

–Она больна,– лгал отец.

–Как жаль...

Оттавия вышла в коридор, предстала перед гостьей.

Молодая дама, одетая в шляпку кивер с пышными страусовыми перьями. Воротник жабо у дорожного коричневого платья не слишком пышный. На спенсере серые ленты в виде эполет, низ платья и оборки того же серого цвета. При всей изысканности платья девушка не обладала выдающимися внешними данными.

Виндэлия вскинула глаза на утончённую красавицу и обмерла от удивления.

Красавица же жёстко проговорила:

–Уходите. Я не приму денег.

–У папы кроме меня ещё трое маленьких детей. Вам их не жалко? Я понимаю: Вы оскорблены...

–Я беременна, и Ваш отец за это сядет в тюрьму!– жёстко прервала её Отта.

–Беременна...– ошеломлённо повторила дама прежде, чем перед ней закрыли дверь.

–Беременна?– с ужасом переспросил отец.

–Почему-то никто не радуется этому событию. А я рада. По крайней мере, если никто не возьмёт меня замуж, я буду не одинока.

Отец потерянно пробормотал: «Да-да».

В здании полиции сквайр Освальд Боу давал показания:

–Я не видел никакой девчонки, когда завозил деньги вдове. И никакая старуха не выходила за двери.

–Откуда тогда Вам известно про старуху?– нахмурился адвокат со стороны потерпевшей мистер Сэндлер.

–А разве Вы не упоминали про старушку, от которой выходила пострадавшая?– переспросил Боу.

–Нет,– заверил Сэндлер,– И вообще Вы излагаете туманно суть дела, таких диких словосочетаний я ещё нигде не слышал. Пятилетний сын лавочника свяжет фразы культурней, чем Вы.

«Какой наглый мальчишка,– возмутился про себя Боу,–

Таким высокомерным тоном разговаривать с господином на-много старше его! И его никто не одергивает! Видно здесь он на высоком счету».

—Я повторяю: с чего все решили, что это я изнасиловал итальянскую эмигрантку? Это мог сделать кто угодно. Что из того, что я тоже был неподалёку в тот злополучный день?

—Против Вас, сэр, выступает ряд свидетелей.

—Откуда, интересно, они взялись? У дома никого не было.

—Ага! Значит, кроме Вас никого поблизости не было?!— напирал следовательно, мужчина средних лет и неприметной внешности,— Так откуда мог появиться другой богатый джентльмен в этот ранний час в рабочем квартале?

—Откуда я знаю? Из тумана.

—Хватит отпираться, мистер Боу, рабочие настроены против Вас. Вы ведь не хотите, чтоб Вам проломили голову. Потомучто, если мы оправдаем Вас, то люди устроят самосуд или бунт, а нашему спокойному городу это ни к чему,— ввёл в курс дела судья Филдинг, он тоже решил попресутствовать при допросе подозреваемого.

—Сколько подобных историй, когда девушки продают свою невинность, и все довольны, все молчат. Чем эта Малевольти лучше них?

—Вот именно: продают, а не становятся жертвами насилия,— напомнил Сэндлер.

—Как Вы могли, мистер Боу, так запятнать репутацию накануне выборов?— сокрушался Филдинг.

–Вы не видели Оттавию, Ваша Честь. Этот прелестный ангел разбудит в любом демона,– вздохнул подозреваемый.

–Мистер Никсон, внесите в протокол дознания: эсквайр Освальд Боу сознался и осознал вину,– быстро проговорил следователь.

–Если Вы это запишите, господа, то не увидите от меня никаких взяток. Действие будет схоже с сатирической комедией «Дон Кихот в Англии», которую написал Ваш славный дядя Генри Филдинг, господин судья. В книге описывается, как избиратели одного города пришли в ужас оттого, что на предстоящих выборах ожидается лишь один кандидат, ведь не имея конкурентов, он не станет давать взятки. Ведь и у вас, господа, всего один кандидат на это преступление.

–Сквайр Боу, Вы хоть осознали, что совершили злодейское преступление?– подначивал Сэндлер.

Обвиняемый опустил голову.

Адвокат потерпевшей с жаром расписывал достоинства своей подзащитной:

–Я допрашивал Малевольти и сделал вывод: она – чистая, милосердная и богобоязненная девушка. Что ещё надо от жены? А краше неё и вовсе не найти на свете...

–Женитьба избавит меня от судебной ответственности?

–Разумеется! Всё замечательно складывается, вы вдовец и имеете лазейку в законе узаконить отношения с потерпевшей,– обрадовался Сэндлер.

–Женюсь. К тому же эта замарашка беременна,– согласил-

ся Боу.

–Беременна?– ахнул Норман.

–Ну не герой ли я, с первого раза засеял целину?– смеясь, нахваливал себя раскаявшийся подозреваемый преступник.

–Молодцом, молодцом,– нахваливал сквайра барон Филдинг.

На следующий день на пороге квартиры Малевольти стоял самодовольный эсквайр Боу. Марко Малевольти впустил богатого господина, полагая, что это опять кто-то из судейской конторы.

Дворянин снизошёл до объяснений с главой семьи:

–Я приношу свои искренние сожаления и извинения, я сразу хотел жениться на Вашей дочери, как только её увидел...но сражённный её небывалой красотой, потерял контроль над разумом и телом...Вы отдадите за меня свою дочь?

–Ни за что!!!– взревел Малевольти-старший.

–Убирайтесь!!!– вторил ему Чезорино.

«Кровожадные итальяшки»,– хмыкнул про себя Боу.

–Я, как порядочный джентльмен, возьму замуж Вашу дочь,– повторил незванный гость.

–Какой ты порядочный! Насильник! Душегуб!– кричал Марко Малевольти на весь дом.

–В тюрьму негодяя, опозорившего нашу честную семью!– вопил брат пострадавшей,– Если сейчас же не выметешься из нашего дома – я убью тебя!!!

Сквайр попятился к выходу.

В гостиную вошла бледная Оттавия.

–Стойте, мистер. Я выйду за Вас замуж. Я не хочу вконец осиротить Ваших детей.

–Зачем тебе старик вместо мужа?– вразумлял сестру Чезорино.

–Думаешь легко растить чужих детей? Зачем тебе чужие проблемы? Ты никогда не будешь своей среди лордов,– подхватил отец.

–Я дам ей дворянскую фамилию, престиж, деньги,– перечислял достоинства будущего брака Освальд.

–Нет уж, фамилию оставьте себе,– огрызнулась Отта.

На неё не действовали ни уговоры брата, ни укоры и наставления отца. Их слова, будто не долетали до Оттавии, ударяясь о стену непроникновения и неприкаянности. Её занимали лишь собственные мысли. Она разузнала, что у Боу действительно кроме старшей, замужней дочери Виндэлии, которой двадцать семь лет, есть ещё трое малолетних детей: десятилетний Артур, семилетний Эммит и шестилетняя Лэсли. Большая разница в возрасте у детей объяснялась тем, что по молодости сквайр служил на Цейлоне, жену же оставлял дома, в Великобритании. Не смотря на ледяное спокойствие, мысли, пронесившиеся в голове Отты, были яростного настроения, и агрессивны по отношению к ней самой: « Так тебе и надо, Оттавия! Дождалась принца!»

Эсквайр Боу взял суженую под руку. Девушка вздрогнула,

но не убежала.

Жених заявил семье невесты:

–Я забираю Вашу дочь, но всех вас, её родственников, я не желаю видеть в своём доме. Даже на свадьбе. Не хочу, чтоб все обсуждали: какие бедняки родственники жены.

Из кухни вышла Зила с ребёнком на руках.

–Я прошусь с племянником,– и Оттавия высвободила руку, погладила малыша, заговорила с невесткой,– Прости меня, Зила, я мало общалась с тобой. Раз Чезорино выбрал тебя в жёны, а не итальянку, значит – ты лучше, чем кто-либо для него.

У тихони Зилы выступили слёзы на глазах.

–Желаю счастья, Отта,– пробормотала жена брата.

Казалось, из всех окон выглядывают соседи, провожая глазами красавицу-итальянку. Многие улыбались и махали ей, когда она садилась в карету.

Молодожёны заехали в ряд магазинов, где будущий муж выбрал невесте уйму платьев, ворох нижнего белья, дюжину туфель. Причём Оттавия не изменила своего каменного выражения лица, не выказывая чувств. Сквайр Боу принимал поздравления, и уже был доволен решением жениться на столь эффектной красавице. И ему очень нравилось, как держалась на людях его будущая жена, будто прирождённая леди.

Он подвёз невесту к своему дому.

Строгое здание без балконов, с двумя колоннами у входа,

широкое крыльцо из серого мрамора. Стены дома отштукатурены блекло-коричневым цветом.

Освальд сразу отвёл Отту наверх, показал её спальню.

–Моя спальня – в конце коридора,– оповестил он.

Девушка разглядывала свою комнату. Выпуклые голубые квадраты на стенах украшены белой лепниной, сам фон стен васильковый. Голубые шторы. Васильковое покрывало на кровати. Над изголовьем несколько картин в невыразительных тонах.

Боу поведал:

–Вот эта небольшая картина Питера Ван Лара, голландского живописца, жившего в семнадцатом веке. Он любил писать пасторали и сюжеты из жизни бродяг. Пусть эта картина напоминает тебе о прежнем, полуголодном существовании.

–Я не собираюсь задирать нос оттого, что мой муж – дворянин.

–Правильно. Чем гордиться, если тебя приютили из жалости. Ты должна быть благодарна мне.

–Я хочу увидеть Ваших детей.

–Лэсли гостит у сестры Виндэлии, а Артур и Эммит болеют. Простыли. Дура-гувернантка разрешила им пускать кораблики в холодном ручье. Мальчики намочили ноги, а она даже не заметила, уткнувшись в свой глупый, готический роман.

В комнате с обоями в зелёную полосу, сидела гувернантка



с виноватым лицом.

Мальчик с русыми кудрями приподнялся на койке, и изучающее вглядывался в красивую девушку в новом нежно-розовом платье с ярко-сиреневыми вкраплениями. Мачеха отметила, что ребёнок похож на отца. «Значит, Боу-старший в юности был симпатичным малым»,— подумала она.

—Теперь ты моя мама?— пролепетал ребёнок.

—Да, Эммит, теперь ты мой малыш.

И Оттавия обняла мальчика. Ребёнок доверительно прижался к ней.

—Я ждал тебя. Я просил у Бога прислать мне маму, чтобы было кому любить меня.

У девушки побежали слёзы из глаз.

—Я познакомлюсь с Артуром, и вернусь к тебе, сын.

—Я буду ждать тебя, мама.

—Что ни делается — всё к лучшему,— пробормотал довольный сквайр.

С Артуром сидел доктор Драммонд. Малевольти присела в приветственном реверансе перед незнакомым господином.

Красивый мальчик с тёмными волосами метался по койке и бредил.

—Мама! Мама!— звал ребёнок.

—Я думаю дать мальчику снотворное,— отстранённым тоном доложил доктор.

— Позаботились бы лучше о согревающем, спиртовом компрессе, ребёнка бьёт озноб,— перебила Драммонда Ма-

левольти.

Отта подошла к мальчику и взяла его руку в свою.

–Мама, уедем в Новый Свет. Там тепло...А здесь так холодно, мама,– бредил ребёнок.

Слёзы вновь побежали по щекам девушки. Она укрыла мальчика одеялом, погладила по взъерошенным волосам, и он вдруг затих и уснул.

Доктор недоумённо наблюдал за красавицей: «У девчонки доброе сердце»,– отметил он.

–Вы выбрали себе потрясающе красивую жену, мистер Боу,– слетел с губ Бернхарда комплимент.

Девушка даже не глянула на доктора, что задело самолюбие Драммонда.

Она вернулась к Эммиту. Отпустила отдохнуть гувернантку, осталась с ребёнком сама.

Когда Освальд попозже заглянул в комнату младшего сына, Оттавия и Эммит сладко спали, обнявшись. Девушка лежала в новом платье поверх одеяла, а укутанный мальчик уткнулся лицом ей в плечо.

Адвокат Норман Сэндлер стал часто бывать в доме Филдингов. И причина была не только в дружелюбии босса. Молодой человек, успешно делающий карьеру, присматривался к дочерям судьи.

Тайные надежды девушек заставляли их неискушенные сердца мечтать о красавчике-блондине. Его пытливые чёр-

ные глаза, когда останавливались на их лицах, заставляли девиц краснеть и смущаться. Но если смущение Наяды невозможно было прочесть на лице, то Граветин замирала от взгляда юноши, а после опускала глаза и боялась их вновь поднять.

По реакции девушек Сэндлер решил, что младшую влечёт к нему, тогда как надменная красотка старшая – холодна и безразлична ко всему живому.

В очередной раз Норман приехал на званый обед к Филдингам. Миновав сад, он проходил мимо окон. Вдруг адвокат невольно отшатнулся с дорожки, так как рядом упал цветочный горшок. Юноша едва не упал, потеряв равновесие. Сверху донёсся радостный смех. «Сорванец», – Сэндлер узнал по голосу младшего Филдинга.

Обтряхнув землю с замшевых панталон, скрипя от досады зубами, адвокат продолжил путь к дверям.

– Чем Вы занимаетесь, сэр? – поинтересовался у Орина слуга Руперт Буркс, симпатичный мужчина тридцати лет.

– Я пошутил... Я не хотел в него попасть... – замямлил баронет, – Вы крадётесь, как хищник на охоте, Буркс!

– Сэр, я даже представить не мог, что в Вашем сердце живёт маленькое чудовище. С каждой ложью и с каждым плохим поступком чудовище растёт и набирает сил, и, если Вы не исправитесь, завладеет всем Вашим существом.

– Вы здорово рассказываете сказки, Брукс.

– И всё же, сэр, джентльмены так не поступают.

—Ладно, я извинюсь перед мистером Сэндлером.

Орин хлопнул носом, и вытерся ладонью, не замечая, что на ней осталась грязь от земли с цветка. Мальчик зашагал к двери.

С трудом прогоняя с лица добрую улыбку, ведь Руперт любил этого шкодника, слуга окликнул господина:

—Сэр, постойте.

—Я же торжественно обещал исправиться,— иронично напомнил ему мальчуган.

—Сэр, взгляните на себя в зеркало. Вы рыли носом тоннель? Вы хотите, чтоб все за столом упали в обморок от вида ребёнка — доблестного шахтёра?

Баронет пошёл умываться и опоздал на обед.

Подходя к столовой, он замешкался, встал неподалёку от раскрытых дверей, и слушал о чём без него говорят взрослые.

—Освальд Боу женится в это воскресенье на итальянской эмигрантке, дочери скульптора,— говорил Филдинг-старший.

—Дворяне никогда не женятся на любовницах,— хмыкнула Няяда.

—Но здесь особый случай,— возразил Норман,— Совсем молоденькая девушка была изнасилована. И вся чернь взбунтовалась, требуя возмездия потому, что Оттавия Малевольти — любимица людей бедных кварталов, ею любовались и её боготворили за доброту, она помогала одиноким старушкам...

–Бедная девочка,– вырвалось у Джобет.

–Но женитьбой на безродной Боу закрыл для себя все двери Высшего общества, никто не потерпит в своём доме простолоудинку, обряженную в шелка. Его никто не пригласит в гости...– вздохнула Наяда.

–Но презрение себе равных господ лучше, чем сидеть и гнить в Ньюгейте вместе с бродягами и убийцами,– ухмыльнулся голос доктора Драммонда.

–Мы должны принять приглашение на свадьбу,– заявил глава семьи Филдингов,– Свадьба – это святое. К тому же Боу – мой дальний родственник, сводный брат кузена.

–А ещё: свадьба – очень радостное событие,– вырвался восторженный возглас у Граветин.

–Но не для Оттавии,– грустно возразила Джобет.

–Я извиняюсь за опоздание. И я извиняюсь перед мисте-ром Сэндлером за неудачную шутку,– покаянно «заблеял» баронет, артистично изображая раскаяние, хотя его глазки шаловливо блестели.

–Это из-за твоей шутки у мистера Сэндлера грязь на туф-лях?– ехидненько поинтересовалась Наяда.

–Да,– признался Орин.

Граветин улыбнулась.

Норман смутился.

–Я не рассержен на Вашего проказника,– играл роль доб-ренького дяди Сэндлер,– Подумаешь, какой-то керамиче-ский цветочный горшок едва не приземлился мне на голову,

я же был в шляпе, что бы мне было?

–Завтра же, Вы, молодой преступник, отправитесь учиться в Итон,– властно изрёк отец.

–Но Девоншир так далеко от Уэльса,– опечалилась мать.

–Орин – мужчина, и к тому же собирается стать капитаном, так что пусть привыкает к расставанию.

–Конечно, чтоб стать умным человеком, мне необходим не один учитель, как дома, а масса учителей,– согласился мальчик.

–А сейчас присаживайтесь с нами за стол, баронет,– пригласил сына судья.

–Я слышал, что до женитьбы на Августе Вы где-то путешествовали, сэр Драммонд?– перевёл разговор в другое русло Сэндлер.

–Да, я много времени провёл в Австралии, изучая новый континент, общался с аборигенами,– согласился Бернхард.

–Зачем?– не поняла Граветин стремление доктора общаться с дикарями.

–А Вам не интересен быт чуждой цивилизации?

–«Цивилизация»?– хмыкнула эхом Наяда.

–Почувствовали в себе призвание этнографа?– устало переспросила Джобет.

–Продолжайте, продолжайте рассказ,– нетерпеливо просил Орин.

–Я стал частым гостем у племени аранда. Выучил их язык. И поверьте: не напрасно. Шаман племени поведал, что его

соплеменники верят, что вокруг них летают «мана» – это бесплотная сила, которую все очень боятся, но которой беспрельдно доверяют. Чем вам не ангелы? Аранда уверены, что после смерти душа летит в то место, где обитают предки, и живёт там до тех пор, пока вновь не захочет родиться в теле новорождённого.

–Из нашего рая не возвращаются,– заметила Джобет.

–Кто знает, Миссис Филдинг, кто знает,– задумчиво проговорил Драммонд, и продолжил воспоминания,– Колдун поведал мне, что неисчислимое количество времени назад Земля была почти вся покрыта солёной водой. И на берегах этого океана жили инапертва, которые выглядели, как множество существ в одном животном. Живущие на небе боги пожалели этих тварей и сделали из инапертв людей, больших ящериц, крыс и попугаев, отделив их друг от друга. И так как именно эти животные – часть общего целого, то люди сделали их тотемами своих племён.

–Колдунами рождаются?– спросил Орин.

–Нет, мальчик. Старый шаман выбирает себе на смену юношу из племени, отводит того в священную пещеру, где избранник должен просидеть три дня наедине с «мана»

–А разве шаман сам не обучает новичка?– спросила Граветин.

–Нет. Всему обучают духи. Вот как колдун пугал будущего претендента на своё место: «Духи убьют тебя. Они пронзят твою голову копьём от уха до уха и унесут в свой мир.

Они заменят твоё сердце на более чуткое. Глаза научатся увидеть то, чего не видят остальные. Уши услышат то, что не разбирают простые люди. А нос начнёт улавливать такие запахи, которые не унюхает ни один зверь. Духи сделают твоё тело необычайно сильным. Ты станешь обновлённым, совсем иным, кем был раньше. Если через три дня ты не вернёшься, значит, духи не признали тебя своим приемником и умертвили насовсем. Если же духи примут тебя – я уйду в лес, где звери съедят меня».

–А как одет колдун?– допытывался Орин.

–Простые аборигены носят только набедренные повязки, тогда как тело шамана украшает огромное ожерелье из очень крупных ракушек, нанизанных лесенкой. Маленькая ракушка в самом низу, затем по возрастанию до самой шеи. Это символ лестницы, по которой в молитве шаман взбирается на небо. На голове у колдуна ободок короны с рогами, в которую воткнуты перья и цветы.

–Это должно быть прекрасно быть паломником, нести в серые, дикие массы свет религии,– мечтательно проговорил Норман.

Орин почувствовал, что Сэндл говорил не от чистого сердца. «Кривляется перед дамами, выставляя себя человеколюбом»,– решил мальчик.

–Представьте, все бы сорвались с обжитой земли и пошли паломниками-пилигримами по свету, призывая друг друга к добру... Да мы бы превратились в пищу для хищников, и ста-



ли бы вновь дикими племенами, со временем забыв и речь,— пугал Филдинг-старший.

—А, может, эдак было бы и лучше! Вдруг разум человеческий осушит моря и реки, отравит воздух и истребит всех животных? Это же мировой кошмар...— рисовала другую крайность Джобет.

—Если человечество достигнет такого прогресса, то будьте уверены, сможет воссоздать погибшие, вымершие виды флоры и фауны, заселит ими, положим, Луну,— выступил с верой в человечество Драммонд.

—Ох уж эти учёные, всё бы им только мечтать,— усмехнулся Норман.

—Кстати, мистер Сэндлер, Вы не слышали, кто в этом году поедет на соревнования по боксу от Милфорд-Хейвена?

—Поговаривают, что на соревнования выдвинули новичка. Некого Персиваля Росса. Он из Нового Света, но вояка яростный, побил всех предыдущих чемпионов нашего города. Манеры у парня, тоже, говорят, наилучшие.

—В 1.819 году будет столетие, как в Англии проводятся соревнования по боксу. Надо будет обязательно вырваться в Лондон,— надеялся на лучшее Остин Филдинг.

После обеда доктор заторопился домой.

Орин ушёл в свою комнату собирать вещи в дорогу.

Судья предложил коллеге прогуляться по саду.

Граветин, усаживаясь за вышивание напротив сестры и матушки, делилась сновидением:

–Мне снилось, будто я лечу на ковре над Кембрийскими горами. Рядом парит стая лебедей. В мои волосы вплетены маргаритки. Бабочки играют со мной, отвлекая от созерцания местности. С высоты вся мрачность пейзажа пропадает. Уэльс кажется милой, чудесной страной. И, видится, что в лесах, которые растут на склонах гор, живут забавные, добрые эльфы, а в реках плавают красивые русалки.

–Ах, какой чудесный сон! Это к чему-то хорошему и дивному, – вздохнула Джобет.

Филдинг-старший окликнул молодого человека:

–Сэндлер.

–Да, босс?

–Кому из моих дочерей Вы отдаёте предпочтение? Я хочу видеть Вас своим родственником.

–Ваше отцовское сердце не ошибается. Я смею просить у Вас руки Граветин.

–Граветин?! Но почему Вы оставили без внимания старшую из сестёр? Вам не стыдно свататься к младшей, тогда как Наяда ходит не обручённая, она даже ни с кем не помолвлена!

–Но Наяда так хороша, что не засидится в девах.

–Хорошо... Сердцу не прикажешь... раз Вам нравится моя младшая дочь...

–Можете объявить о нашей помолвке, – перебил его Норман.

–Зачем же нам спешить?

–Я боюсь, что женитьбу придётся отложить, если мой брат уйдёт в мир иной.

–Тогда поторопимся.

И за ужином Филдинг-старший торжественно объявил:

–Мой коллега мистер Сэндлер...

Дочери замерли. Их вилки повисли в воздухе.

–...желает взять в жёны...

Обе девушки судорожно сглотнули.

–...Граветин,– закончил фразу отец.

–Граветин,– эхом отозвалась Наяда.

Младшая победно глянула на старшую. Остин с болью заметил, как глаза его любимицы Наяды застлали слёзы, но девушка стойко продолжала жевать овощи. Через минуту её глаза высохли и ничего не выражали, её лицо приняло свой обычный, невозмутимый вид.

Брат переводил взгляд с одной сестры на другую. Даже он догадался, что обе хотели понравиться франту Сэндлеру.

–Орин, ты можешь остаться ещё на пару недель,– заявил Филдинг-старший,– В это воскресенье мы едем на венчанье сквайра Боу, а на следующей – будет обручение твоей сестры с мистером Сэндлером.

–Спасибо, папа, я рад, что поучаствую на этих праздниках.

Позже отец зашёл в комнату Наяды. Девушка расчёсывала

свои длинные, блестящие волосы.

–Ты уязвлена?

–Вовсе нет. Зачем мне муж, который не оценил меня с первого взгляда,— кривила душой дочь.

–Вот и славно,— обрадовался обманутый глава семейства,— Я опасался, что ты возненавидишь сестру.

В это время Джобет склонилась над кроватью сына.

Поцеловав Орина на ночь, она шептала:

–Я боюсь отпускать тебя в море... Может, ты станешь судьёй, как папа?

–Но, мама, сейчас такие надёжные корабли!

–Боюсь, что море никогда не назовёшь спокойным и предсказуемым.

На свадьбу к мистеру Боу Няяда и Граветин ехали в одной карете с овдовевшей сестрой отца – миссис Тиной Бонэм. Не взирая на приличные лета, 48 лет, пожилая дама выглядела прекрасно. Её умело покрашенное лицо до сих пор притягивало взгляды молодых людей.

Престарелая миссис Бонэм взяла на себя ответственность почитать молоденьким леди нравоучения.

Сурово глянув на расслабившихся от тряски девиц, родственница величавым тоном произнесла:

–Меня поставили перед фактом, что мисс Граветин Филдинг собирается замуж. А говорил ли вам кто-нибудь, чем высокородная дама отличается в браке от обычной женщи-

ны?

Девушки недоумённо распахнули глаза и покраснели.

Пожилая дама продолжала назидательную беседу:

–Так вот: аристократка не должна уподобляться шлюхам из бордели. Супружеский долг надо выполнять со снисхождением раз в несколько месяцев. Только тогда муж будет вас ценить и уважать, и вы ему не наскучите. Муж также будет уверен, что холодная жена не возжелает другого мужчину. И ничего страшного, если муж будет посещать бордели. Себя надо беречь, а у мужчин завышенная потребность в телесном соитии. Мы – гордость и красота нации, мы обязаны быть красивыми, воспитанными и хладнокровными. Мы не должны замыкаться на семье, обязаны появляться в Свете в новых нарядах и блистать, блистать... А если высокосветская дама будет каждый год рожать, как крестьянка, когда же ей выезжать в общество? И на кого она станет похожа?

Наяду подмывало спросить: почему же тётя Тина не удосужилась подарить мужу хоть одного наследника, но это прозвучало бы так бестактно и жестоко...

Из кареты сёстры Филдинг вылезли раздурманенные и смущённые.

При напоминании о предстоящей свадьбе Граветин, в Наяде тихо закипала злость, хорошее настроение улетучилось. А тут ещё толпа нищих у церкви затянула заунывное выпрашивание милостыни.

И Наяда высокомерно отвечала попрошайкам:

–Бог подаст.

–На свадьбах принято раздавать мелочь беднякам,– на-помнила Граветин.

–Нечего поважать бродяг, так они никогда не уйдут из го-рода. Права была Елизавета Первая, что издала указ вешать попрошак. Надо работать или плыть в Америку, там земли и лесов много: строй дом, сей посевы.

Граветин, не взирая на злопыхания сестры, раздала все свои мелкие монеты нищим. Те радостно загалдели, желая доброй и щедрой девушке всех благ.

Миссис Бонэм, пытливо глядя на старшую племянницу, напонила той:

–Храм место, где люди вспоминают о душе.

Приглашённые на торжество гости съезжались к церкви.

Норман Сэндлер подошёл к семейству Филдингов, рас-кланялся, приподнимая цилиндр, поцеловал девушкам ру-ки.

Подкатали карета с молодожёнами. Боу вывел юную кра-савицу. Ей сшили белое платье не по французской моде, а приталенное, с пышными юбками.

Оттавия приподымая юбки, чтоб не запутаться в них, схо-дя со ступенек, жалуется жениху:

–Мне кажется: я выгляжу, как гусеница, которая вознаме-рилась сбежать из своего кокона, но застряла в нём.

Сквайр Освальд Боу не счёл нужным ответить, лишь пе-редёрнул плечами. Он повлёк хрупкую невесту в храм. Сила

воли ей вдруг изменила – из глаз полились слёзы, она быстро накинула полупрозрачную фату.

Орин Филдинг стоял с матерью у входа, поджидая «молодых». Сыновья Боу ещё болели и коробочку с кольцами поручили нести Филдингу-младшему.

Мальчик даже издали заметил, что девушка плачет, и тут же спросил:

–Мама, почему невеста плачет?

–У невест так принято, малыш.

–Она не хочет уходить из дома родителей?

–Бывают слёзы радости, Орин.

–Но невеста ни разу не улыбнулась.

–Иногда люди вступают в брак, не любя друг друга. Обычно, это касается богатых.

–Ну, уж нет, я женюсь на той, которую полюблю.

Мать улыбнулась и погладила ребёнка.

Невеста приближалась к ним, поток слёз всё ещё лился из её огромных глаз.

–Мама, почему лицо невесты закрыто густой, белой вуалью? Оно кажется таким прекрасным, я хотел бы получше рассмотреть его.

–Орин, иди вслед за девочками, – подтолкнула его мать.

Сзади длиннющий шлейф фаты невесты несли Лэсли Боу и Билинда Драммонд. Доктора с семьёй приглашали на все торжества все его пациенты, вот и сегодня он принял участие в главном событии этого года семьи Боу.

Орин Филдинг засеменял к алтарю позади пышной процессии. Он с особой, трогательной торжественностью нёс коробочку с кольцами. Его костюм не отличался от парадной одежды джентльменов.

Норман Сэндлер в церкви сидел на сидении возле Граветин.

Он рассеянно спросил у своей невесты:

–Что ты думаешь об этой девушке, что ведут под венец?

–Ослепительно хороша.

–Зачем я спросил? – слабо улыбнулся адвокат. – Другого мнения и не может быть.

Граветин с сомнением глянула на жениха... хотя, что плохого в том, что человек восторгается шедевром Творца?

Джобет, вошедшая последней, села рядом с мужем в предпоследнем ряду.

Она довольно шепнула мужу:

–Эта женщина из низов своим появлением взволновала всю общественность.

Присутствующие действительно шушукались и переговаривались, ещё никогда во время брачной церемонии не было так шумно.

Оттавия поборолла сомнения и гордо шла мимо нарядно разодетых гостей из Высшего Света.

–С каким достоинством держится эта итальянская девочка, будто леди самых благородных кровей, – удивился Остин Филдинг.



Граветин искренне жалела красавицу Оттавию:

–Как порою жесток мир... Такую молоденькую и прелестную девушку отдают замуж за старика...и это считается отличной партией!

–Ну не такой уж он и старый, раз смог её обесчестить,– сдерживая ухмылку, заметил Бернхард Драммонд, который сидел с другой стороны от Граветин.

–Мужчина до глубокой старости – жених,– изрёк Норман.

–А где родители этой девочки? – не унималась мисс Филдинг.

–Матери у неё нет давно, а остальным родственникам сквайр Боу запретил общаться с Оттавией,– рассказал последние сплетни Бернхард.

Миссис Бонэм, что сидела сзади, сделала молодым людям замечание:

–Негоже переговариваться громче органной музыки.

Наяда с завистью наблюдала, как сестра активно перешёптывается с Норманом. Она с родителями сидела намного дальше, ближе к выходу, и не имела возможности слышать на какую тему беседуют «влюблённые».

Брачующиеся подходили к алтарю, как вдруг очаровашка Лэсли наступила на фату, подвернула ногу, упала на Орина; мальчик, падая, конечно, выронил коробочку, и кольца разлетелись в разные стороны. С невесты слетела фата, и зал вмиг смолк, любясь растерянной, обворожительной девушкой.

Билинда Драммонд испуганно схватила себя ладонями за щёки.

Джобет бросилась поднимать сына. Мальчик вырвался из её рук, сгорая от стыда, он убежал к Граветин, пряча лицо в её рукав. Миссис Филдинг замешкалась и приняла участие в поисках колец, обводя недоумённым взглядом вокруг себя.

Лэсли боялась плакать от страха. Её поднял с пола Теодор Торнтон, муж Виндэлии, задумчивый субъект с неряшливой причёской из светло-русых волос, плотного телосложения. Виндэлия искала пропавшие золотые украшения. Её хорошенькие сыновья Алан десяти лет и Тим девяти лет уже на четвереньках заглядывали между рядами.

Когда нетерпеливые руки старшей дочери сквайра Боу обшаривали пространство пола в поисках пропавших сокровищ, фату невесты запутали так, что неудобно стало водворять смятую тряпку с пола обратно на голову красавице. Виндэлия с обескураженным видом скомкала материю фаты и держала в руках, отстранившись от поисков.

Одно большое кольцо, предназначавшееся мужу, нашла Наяда, и с улыбкой вручила невесте. Второе же кольцо бесследно исчезло, видно кто-то позарился на чужое добро. Зависла неловкая пауза в праздничной процессии.

Джобет Филдинг поспешно сняла с пальца один из своих перстней с рубином и отдала невесте, так как посчитала, что драгоценность проворонил её сынуля.

Норман нарочно уронил носовой платок на кольцо Отта-

вии, наклонился и поднял обе вещи. Он удивился себе: раньше алчность была ему непресуща...нет, здесь другого рода жадность – жажда обладания красотой той девушки, которую ведут под венец со стариком.

Неуместно и глупо прозвучали слова Освальда Боу:

–Этим кольцом я связываю Вас, Оттавия, с мужем.

Со стороны можно было подумать, что церемония проходит без жениха, и отец или поверенный надевает молоденькой девушке кольцо, и обязывает её быть верной тому, кто является членом той семьи, кто ему вверил драгоценность.

Далее господа проехали в дом мистера Боу, где прошёл праздничный фуршет.

Дети под присмотром гувернанток ели праздничный обед в другой зале, отдельно от взрослых.

Вечером Орин, укладываясь спать, жаловался маме:

–Я так и не разглядел лицо невесты вблизи. Сначала она плакала и накрылась вуалью, затем плакал я, уткнувшись сестре в рукав. А после нас угощали в другом зале.

–Вернёшься из Итона и увидишь Оттавию у нас на балу в честь твоего прибытия.

–Но ведь все говорят, что нельзя пускать в Высшее общество кого попало с улицы.

–Говорят. Но в Высшем Свете полно проходимцев. А перед такими прекрасными созданиями, как Оттавия Малевольти, открываются любые двери.

Мать склонилась над сыном, любовно целуя в щёку. Долго

любовалась лицом мальчика.

–Я хочу сделать тебе подарок, Орин.

Джобет раскрыла ладонь, и мальчик восхищённо воззрился на чудесный, сине-зелёный камень, играющий гранями, от бликов свечи.

–Это изумруд – камень моряков. Он приносит удачу тем, кто любит море.

–Он сам похож на море, мама. А невесте ты отдала перстень с рубином, у которого огранка была такой же, как у этого изумруда?

–Да, зачем нам два схожих камня в одинаковой оправе? Вырастишь, будишь носить этот перстень.

После ухода гостей, Освальд со скабрёзной улыбочкой пригласил новобрачную в свою спальню.

Оттавия побледнела и умоляюще просила:

–Я боюсь Вас. Дайте мне привыкнуть к Вам.

–Как ты можешь бояться? У нас уже была близость!– наступал на неё сквайр.

–О которой я, к счастью, ничего не помню!

Освальд передёрнул плечами, но процедил:

–Как Вам будет угодно, миссис Малевольти.

–Сеньора Малевольти. В Италии замужних дам называют «сеньора».

–Смотрите-ка, я думал: привёл в дом тихую мышку, а в шкурку мышки рядился зверь непонятной породы, которого,

я подозреваю, называют мегерой.

–Спокойной ночи, сэр.

–Иди-иди, детка, к себе, а то схлопочешь по попке.

Отту долго уговаривать не пришлось, она, чуть ли не бегом, ринулась в свою спальню, закрыла дверь на щеколду и устало стала стягивать платье.

Что-то зацепилось за кружева. Ах, да, это же перстень Филдингов! Даже она была наслышана об этой семье, ведь её глава – судья.

Девушка высвободила перстень из плена кружев и залюбовалась блеском камня. Она, конечно, даже не догадывалась, что в эту минуту мальчик Орин восторгается изумрудом с такой же огранкой.

Эммит Боу поправился быстро. Артур же тяжело болел уже неделю.

Оттавия сменяла дежурства доктора и гувернантки, ухаживая за больным ребёнком.

Сегодня Отта застала Артура бодрым. Он полулежал на больших подушках.

–Наконец-то ты пошёл на поправку!– вырвался у девушки возглас радости.

–Кто Вы?

–Я вышла замуж за твоего отца, пока ты болел.

–А я думал, меня украли злые тролли и мучили. А прекрасная фея, такая же пленница, как и я, ухаживала за мной,

больным.

– Меня зовут Оттавия.

– А можно называть Вас мамой?

– Спасибо, сынок. Что-нибудь хочешь?

– Почитайте мне книгу, если Вам не трудно.

Девушка потупилась.

– Артур, я не умею читать.

– Как?

– Я не англичанка.

– Я научу Вас читать, это совсем не сложно.

Провозившись с грамматикой, Отта и мальчик устали. Девушка отложила в сторону грифель и бумагу, и принялась рассказывать мальчику о цветущих садах Сицилии, о жарком солнце.

Её дежурство сменил доктор Драммонд.

Оттавия зашла в детскую к Лэсли. Девочка игнорировала мачеху.

– Лэсли, я же ничего плохого тебе не сделала, почему ты избегаешь меня?

– Ваше общество мне не нравится, – скривила губы падчерица.

– А тебе не скучно играть одной?

– Ничуть. У меня много кукол.

– У тебя скоро появится брат или сестра, будешь играть с младенцем?

– Ну вот ещё! Я не няня, чтобы возиться с малышами. За-

чем ты пришла сюда?! Раньше я была любимицей всех и маленькой принцессой, а теперь всё внимание достанется твоему карапузу!

И девочка сердито отвернулась от Отты.

Мачеха ушла в комнату к Эммиту. Тот с грустным лицом рисовал деревья. Он обернулся на вошедшую, но лишь кивнул девушке, продолжив занятие.

–В чём дело, малыш? Чем ты рассержен?

–Лэсли говорит, что, общаясь с Вами, я предаю память матери...

–Она просто завидует нашей дружбе! Её злое сердце не способно дарить любовь, потому ей неприятно видеть, как радуются жизни другие. И любая мать радовалась бы на небесах, что её дитя любимо.

Ребёнок встал со стула и обнял Оттавию.

–Я соскучился, мама,– прошептал он.

«Мальчик похож на отца внешне, но такой ласковый и добрый, что никак не скажешь о мистере Боу»,– подумала девушка.

Филдинга-младшего отправили в учебное заведение для аристократов после свадьбы сестры Граветин с Сэндлером.

Чета Боу на знаменательном событии бракосочетания не присутствовала, сквайр сослался на то, что его жене в связи с интересным положением надо беречь здоровье.

А Оттавии сказал:

–Я найму репетитора по бальным танцам, раз тебя принял Свет, как равную, ты должна быть совершенной не только в красоте, но и в танцевальных па. Таковую прелестницу наперебой кинутся приглашать почтенные кавалеры. Пожалуй, найму ещё учителя французского языка и учителя по этикету. Глупость в нашем круге прощается, но незнание этика – никогда. А сейчас ступай в свою комнату, там ждёт тебя доктор Драммонд. Я вызвал его, чтоб он осмотрел тебя.

–Зачем?

–Ну, мало ль что! Может, таз у тебя слишком узкий, и тебе лучше сделать аборт.

–Спасибо за заботу, но на аборт итальянка никогда не согласится. Детей даёт Господь, и мы не должны убивать их в чреве.

–Всё равно пусть тебя осмотрит специалист, так я буду спокоен. Только приобрёл отличную мачеху-гувернантку для детей, и не хочу тебя терять.

Девушка в душе возмутилась: «Приобрёл! Говорит обо мне, как о вещи!»

Когда Оттавия вошла в комнату, Бернхард казался взволнованным.

–Здравствуйте, миссис Мале...олите,– коверкая её фамилию и запинаясь, заговорил врач,– Для осмотра попрошу Вас снять платье и нижнее бельё.

–Малевольти,– поправила она и вспыхнула: предстать перед чужим мужчиной без одежды!



—Отвернитесь,— попросила она.

Драммонд исполнил просьбу.

Сгорая от стыда, Отта освободилась от дорогой, верхней одежды. На ней остались чулки, исподняя нижняя юбка и сорочка на бретельках.

Мужчина развернулся. Его глаза поддел туман, когда он увидел тончайший стан, переходящий в казавшиеся широкими бёдра; холмики-груды имели совершенную, каплевидную форму.

—Ложитесь на кровать, я пощупаю Ваш живот, миссис Мале...

—Малевольти,— подсказала полуобнажённая, ложась на ложе.

—Малевольти,— повторил незнакомое для себя слово Драммонд.

Коснувшись о нежную кожу живота, рука доктора надавила в нескольких местах, затем опустилась на бедро. Девушка нахмурилась.

—Оттавия, ты не должна меня бояться, я же доктор.

—Тогда уберите руку с моей задницы.

Трясущаяся ладонь мужчины скатилась с аппетитных бёдер. И тут же тело Бернхарда навалилось на неё. Он впился губами в её рот. Его противный, скользкий язык обшаривал пространство её рта. Оттавии это показалось отвратительным и гадким. Одна рука доктора больно сжала её грудь, другая нырнула вниз, расстегивать брюки.

Девушка нащупала на тумбочке узкую вазу, и опустила её на голову насильника. «Я, что, создана для искушения мужчин? Этот господин ранее казался таким положительным и воспитанным...»— удивлялась Отта. Она вырвала своё тело из под придавившей тяжести.

Ваза, видимо, была из толстого стекла, она не разбилась.

Держась за голову, доктор стонал.

Сам, превратившись в жертву, он умолял:

—Прошу: только никому не говорите о происшедшем казусе. У меня двое маленьких детей, их надо кормить. А кто меня будет приглашать в благовоспитанные дома, если моя репутация будет подмочена?

Драммонд кривил душой, его отец нажил такое состояние, что всем его потомкам можно было не работать лет сто, но Бернхард надеялся, что Оттавия этого не знает, он рассчитывал на её доброту и лояльное снисхождение.

Доктор поправил одежду и вышел.

У выхода он передал слуге:

—Передайте мистеру Боу, что его жена совершенно здорова.

За ужином Освальд заметил на лице у суженой некое беспокойство.

После трапезы, отослав детей спать, он прямо спросил у супруги:

—Что произошло между Драммондом и тобой? Почему

доктор вылетел из дома, будто за ним гналась свора собак?

Правда была дороже для честной девушки, чем покрывательство негодяя, она с обидой вымолвила:

–Этот господин, что именуется врачом, распускал руки!

–Докторам это не возбраняется, моя дорогая.

–Он поцеловал меня, и я его ударила,– опуская подробности, вынуждена была рассказать Отта.

–Докторишка потому вёл себя развязно, потому что считает тебя уличной девкой! С дворянкой он был бы обходителен и даже побоялся бы косо взглянуть!– сурово отчитывал жену Освальд.

–Я не намерена выслушивать подобные обвинения!– вспылила Оттавия и вышла из-за стола.

«Нахал, конечно, рассчитывал, что девчонка предпочтёт ласки молодого мужчины, чем приставания старика, но она ещё слишком наивна и юна,– думал Боу,– А Отта – молодец, не поддалась. Я не ошибся, сделав её женой».

Беула Спенсер напряжённо вглядывалась у окна в гущу деревьев в саду. Она ждала любовника. Через потайную калитку в саду в домик смотрителя за цветами должен прийти человек, которого она с нетерпением ждёт. В этот день недели, в назначенный час Спенсер всегда отпускала садовника на выходной, тот уезжал в деревню навестить мать.

«Как глупо волноваться, он обязательно придёт»,– ругает себя влюблённая девушка.

Дрожащей рукой наливает в бокал вина, что принесла с собой в корзине с другими деликатесами.

Открывается дверь.

–Здравствуй, Бернхард,– выдыхает Беула.

Мужчина молча берёт из рук девушки бокал и ставит на стол, затем поспешно обнимает желанную, ненасытные губы ласкают всё её лицо. Этот педант и зазнайка преобразается. Теперь он больше похож на холерика, который спешит и не может успокоиться, унять жажду обладания.

15 февраля 1.801 года повитуха приняла роды у Оттавии Малевольти, которая произвела на свет близнецов-девочек.

Появившуюся на свет первой мать назвала, как ангела – Умбриэль. Раздумывала, как назвать вторую. И тут пришёл муж взглянуть на новых членов семьи. Поморщился, углядев в черноволосых малютках все черты их матери.

–Вон ту, что всё время орёт, назовём Джессика, в честь моей матери, та тоже была женщина с норовом,– распорядился он и вышел, даже не поздравив жену с прибавлением.

Их отношения стали носить враждебный характер. Юной Оттавии, конечно же, хотелось идеальных знаков внимания, преданности, любви, взаимопонимания. Но взрослый мир мистера Боу не соприкасался с наивными мечтами молоденькой девушки.

Пока ещё живота не было видно, Малевольти приглашали на балы, где она ненароком и услышала смешок, что, де-

скать, до чего горяч «старикашка» Освальд Боу: женился на девочке, а как был постоянным визитёром притонов с дешёвыми шлюхами, так и после женитьбы не забывает старых развлечений. Вторая сплетница отвечала подруге, что «потому и бегаёт мистер Боу к проституткам, что жена совсем молодая, неопытная». И никому и в голову не пришло, что Оттавия игнорирует своего мужа. Она с усмешкой подумала, что зря ждала, что путём привязанности возникнет любовь, этот человек вызывал в ней неприязнь, а теперь ещё и брезгливость. Сердцем она чувствовала, что Боу видел в ней не любимую женщину, а объект для наслаждений, и не настолько желанный объект, чтоб ради её любви отказаться от других женщин.

Тем временем вся Европа следила за Наполеоном. Его генерал Моро нанёс полный разгром Австрийской армии в Баварии. Бельгия и левый берег Рейна безоговорочно прикнули к территориям Франции.

20 февраля. К дому Боу подошёл престарелый отец Оттавии. Ему показалось, что вид дома недоброжелательный, негостеприимный, равнодушный ко всему окружившему его великолепию соседних садов и особняков. Этот дом, словно скупой старик, жил своей прозябающей жизнью, тая в себе сокровище – юную, прекрасную Отту.

Слуга передал хозяину просьбу «какого-то оборванца» повидать дочь.

–Видимо, старик что-то напутал... Как можно звать прислугу с парадного крыльца... – сказал предположения слуга, даже не догадываясь, что гость хочет видеть его госпожу.

Всё, что касалось строптивой Оттавии злило Освальда, он спустился сам, открыл дверь, и, в ярости сверкая глазами, крикнул:

–Пошёл вон! Я запретил кому-либо из вашей семейки появляться на пороге моего дома!

Старик заплакал.

–Я хочу повидать своих девочек, – ломая слова от переживания ещё больше, попросил Малевольти-старший.

–Нечего на них смотреть, девчонки на одно лицо со своей мамашей. Глянь в зеркало, увидишь там свою итальянскую, мерзкую рожу, предай ей мысленно женственные черты – и любуйся, – издевался Боу.

–Вы – жестокий человек.

–Ждёшь, когда я спущу собак?!

Рыдая, старик побрёл прочь.

Отта стояла у окна и тоже плакала в голос, глядя, как отец удаляется всё дальше. Но разве может она что-либо приказать могущественному мужу?

Она взяла крошек из колыбели и положила на кровать. Легла рядом, поглаживая их головки. Слезы всё ещё катились из глаз.

Вошёл муж и закричал:

–Что за плебейская замашка спать вместе с детьми?! Для

этого есть колыбели и гувернантки!

–Почему Вы выгнали моего отца? Я могла бы сама спуститься к нему.

–У нас был уговор относительно посещений родственников.

–Мой отец не джентльмен, чтоб придерживаться идиотских уговоров. В итальянской семье все любят друг друга, и заботятся даже о дальних родственниках.

–Так, значит, ты не издевалась над родственниками? А кто затюкал бедняжку Зилу?!

–Я же извинилась перед ней...

Крик разбудил близняшек. Они дружно заревели. Освальд скривился и покинул спальню жены.

После его ухода в дверь кто-то постучал.

–Войдите,– утирая слёзы, разрешила Оттавия, укачивая плачущих деток.

С радостными лицами Артур и Эммит вошли с цветами.

–Нам наконец-то разрешили посмотреть на сестёр,– выпалил младший.

–Мадонна! Да где же вы отыскиали цветы?– ахнула мачеха.

–На пристани. Моряки иногда привозят цветы жёнам из тёплых стран, вот мы и упросили одного продать букет,– рассказал старший.

–Какие вы предприимчивые! Уж не открыть ли нам своё дело?

–У папы есть шляпный салон,– напомнил Артур.

–Я не хочу всё время сидеть дома, малышей можно будет брать с собой, ведь везде есть склады и подсобки,– заявила Отта.

–По-моему, папа обрадуется такому повороту событий,– рассуждал, как взрослый, старший мальчик,– Чем платить управляющему, лучше будет, если кто-нибудь из семьи будет вести дела.

–Ну, идите же поближе,– подозвала мачеха.

Мальчики приблизились.

Эммит поставил букет в вазу.

–Та, что зевает – Умбриэль. А та, что хмурится – Джессика.

–Ой, мама, как же Вы их различаете?– удивился ребёнок помладше.

–У Джесс губы чуть-чуть потолще и брови изогнуты домиком. Хотите их подержать?

–Они такие маленькие и хрупкие, что страшно брать малышей на руки,– заволновался Артур.

–Тогда садитесь на кровать рядом, уж отсюда никуда их не уроните.

Братья уселись. Оттавия аккуратно переложила им в руки живые свёртки.

–Так, ребята, обязательно поддерживайте голову младенцу, мышцы на его шее ещё слабы и не могут держать такой груз.

Малевольти села на колени напротив детей и счастливо



улыбалась тому, что видела с какой нежностью и восхищением братья глядят на сестёр.

Достопочтенный судья Остин Филдинг светился от счастья, когда Граветин разрешилась младенцем мужского пола. Мальчика назвали Джозеф. Роды хоть и были преждевременными, но прошли успешно. У ребёнка был отменный аппетит, и он быстро набирал вес. К удовольствию бабушки малыш Зэф повторил все черты лица матери.

Норман Сэндлер стал бароном, поместье вверил сестре Илларию, и получал солидные дивиденды с земель, ничем себя не утруждая. Его карьера и слава стремительно росли. В свои 25 лет он уже слыл популярным адвокатом в городе.

Вот и сегодня, 25 февраля, довольный делом, что завершил с честью для себя, Норман вернулся домой, и хвастался за ленчем перед тещей:

–Применил метод диалектики, что разработал ещё Сократ в своё время, путём наводящих вопросов отыскал истину!

Джобет задумчиво кивала.

Наяда же «вся обратилась в слух».

Глава семьи отсутствовал, задерживаясь на работе.

–А почему Граветин всё ещё не присоединяется к нам?– рассеянно спросил Норман, вспомнив о существовании жены.

–Я не позволяю ей вставать. Она всегда отличалась хрупким здоровьем,– взывая к состраданию зятя, оповещала мис-

сис Филдинг, – Вы бы, Норман, зашли к ней. Она Вас ждёт. Уже пять дней, как родился ваш сын, а Вы были у Граветин всего пару раз.

– Работа, работа... Вот и сегодня я не могу навестить жену: мне нужно написать отчёт и подготовить обвинительную речь для нападок на врагов очередного подсудимого. Встреча с женой взбудоражит меня, а мне нужна светлая голова.

Вечером Норман уединился в саду. Сидя на скамейке, мечтательно вглядывался в звёздное небо.

Рядом, ёжась от вечерней прохлады, села Наяда, укутанная в кашемировую шаль. Сэндлеру не понравилось, что кто-то врывается в его мир грёз.

Девушка сбивчиво заговорила:

– Норман, я была сегодня на заседании суда... ты просто очаровал публику своим выступлением.

– Благодарю за комплимент, сестричка.

– Пожалуйста, не называй меня так... это звучит фамильярно...

– Вот уж не хотел выглядеть фигляром! С каких это пор проявление симпатии к родственникам возбраняется?

– Я повторяю: для Вас я – мисс Наяда.

Она нервно тёрла руки.

– Вы замёрзли? Надо было перчатки надеть потолще, – то ли надсмехался, то ли говорил серьёзно Норман.

– Я выражаю протест Вашей глупой опеке, если я замёрзну, то уйду домой!

—Чего Вы злитесь? В чём же я провинился перед Вами?

—Спокойной ночи, мистер Сэндлер,— нарочито холодно пожелала ему Наяда.

—Спокойной ночи, дорогая сестра,— в высшей степени любезно, с доброжелательной улыбкой на лице, дразнил самообладание самоуверенной Наяды Норман.

В её глазах отразилась ярость, и Сэндлер возликовал, он любил дразнить мегер. Он догадался. Что неспроста сестра жены ищет «нечаянных» встреч подальше от глаз родни. Его забавляло, что гордячка Наяда терзается от безответной любви.

В дверях Наяда столкнулась с Джоанной, любимой служанкой матери, и женщина укоризненно глянула на молодую госпожу.

От одного из окон отошла Джобет, покинув пункт наблюдения. Давно ушедшая любовь к Остину Филдингу перешла в чувство неприязни к его любимице Наяде. Теперь к развитию отчуждения была причина.

С того дня на Наяду со стороны матери посыпался шквал упреков, укоров и придинок разного характера.

К концу лета Оттавия Малевольти расширила бизнес мужа. В городе появилось ещё несколько магазинов разных профилей.

Умбриэль и Джессика росли на руках прислуги. Зато Артур и Эммит, как заправские бухгалтера помогали названной

матери вести документацию. Они играючи демонстрировали головные уборы покупателям, и никто не мог устоять перед милыми, вежливыми улыбками мальчишек.

Отта не забывала и об отдыхе. Всё лето она с близнецами и пасынками уезжала за город на пикники. Туда же доставляли её отца, Чезорино и Берту с их семьями.

Мальчики Боу и гувернантка Сьюзан, конечно же, не выдавали тайну Освальду, всем нравилось веселиться в большой, итальянской семье.

Когда карета с вензелем Боу первый раз остановилась у дома, где жила семья Малевольти, ещё не видя, кто выходит из неё, старик Марко сердцем почувствовал: приехала его Оттавия.

–Цветочек,– запричитал он, отложил в сторону инструменты и подбежал к окну.

Действительно из кареты вышла его девочка.

Марко и Чезорино со всех ног бросились вниз.

Оттавия упала в объятия отца, потом обняла и поцеловала в обе щеки брата. Все заливались слезами.

–Как тебе, дочка, живётся с этим чудовищем?

–Я практически не вижу Освальда.

Из кареты донёсся плач Джессики.

–Ты привезла малышей!– обрадовался новоиспечённый дед.

–Чезорино, зови Зилу, поедим на уик-энд.

Отец влез в карету. На руках у молоденькой, пухлой слу-

жанки Сюзанны лежало два свёртка.

– Мои лапуленьки, мои маленькие итальяночки, – заворковал Марко над младенцами.

– Папа, поздоровайся и с внуками, это – Артур и Эммит, – подсказала Оттавия, влезая в карету вслед за отцом.

Мальчики, оробев, сидели, помалкивая.

– О, моя семья выросла в три раза! – обрадовался старик, здороваясь с мальчиками за руку, – Я научу вас, что значит: быть итальянцами! Мы стоим горой за любого члена семьи!

После родственников привозили за город или в гостиницу наёмные экипажи.

Одна только Лэсли избегала мачеху. Она и с братьями разговаривала сквозь зубы. Зато теперь Освальд, жалея дочь, часто разрешал ей играть в своём кабинете.

Лэсли как-то утром и вовсе «забыла» поздороваться с мачехой и братьями.

Оттавия сразу дала определение этому поступку:

– О, Мадонна! Излишняя свобода только уродует людей. А от скуки и безнаказанности человек и вовсе превращается в чудовище.

Однажды Малевольти в своём магазине повстречалась с Беулой Спенсер. Та сделала незначительную покупку, но хозяйка салона сделала ей хорошую уступку, и прижимистая дама расцвела в улыбке.

Отта попросила:

—Леди Спенсер, зная, что Вы владелица многих прядильных фабрик, я осмелилась просить Вас взять на работу мою сестру Берту Фиоре.

—Я слышала о ней, как о талантливой вышивальщице... Что ж, я уверена, что миссис Фиоре сможет служить в качестве художника-новатора рисунков тканей.

—Я хотела бы сделать заказ на продукцию Ваших мануфактур. Я задумала не ввозить из Франции готовые головные уборы, а шить модели в ателье из Ваших тканей.

—Вы — умная и расчётливая женщина в хорошем смысле этого слова, миссис Малевольти.

Оттавия менялась на глазах. Итальянская кровь заговорила в ней в полный голос. Она уже не была робкой, стеснительной девочкой. Она стала весёлой и бойкой. Её добрые шутки ценили покупатели и не скупились.

Освальд разделил бизнес на свой и бизнес жены. Он продолжал ввозить дорогие шляпки из Франции, а Оттавия строила ателье. Боу злорадно ждал, когда дело жены прогорит, и он вечно будет упрекать её за недалёковидность.

Как-то он вошёл в спальню Отты. Та расчёсывала волосы у трельяжа, будучи уже в ночной сорочке.

Уловив в лице мужа вождеделение, Оттавия со страхом переспросила:

—Что Вам угодно? Как Вы вошли?

—Я — хозяин этого дома, следовательно, у меня есть ключи

от всех комнат.

Страх сменился в душе у девушки на ярость.

–Насилия больше не будет!– заявила она.

–Куда ты денешься, деточка?– усмехнулся Освальд.

–Ещё шаг и я опрокину на Вас трельяж! Потом пойдёт в ход ваза. А отныне я буду спать с ножом! Вы больше не притронетесь ко мне!

–Какая, к чёрту, из тебя аристократка?! Дикая кошка!!!

Вот ты кто.

Мужчина в бешенстве схватил кочергу, что стояла у камина, и заявил:

–Ты из разряда прислуги, а чернь понимает только тумачки.

Отта насмешливо переспросила:

–Вы опять желаете повторить прошлый «подвиг» насильника?

–Я – муж! И требую выполнения моих желаний!

–Тогда Вам снова придётся довести меня до бессознательного состояния, только в этом случае я подпущу Вас к себе.

–Зачем же ты шла за меня замуж?

–Чтобы не осиротить Ваших детей окончательно, и Вы это прекрасно знаете.

Боу размахнулся скрюченной железкой, и в тот же миг Оттавия опрокинула на него трельяж.

Обозлённая девушка кричала:

–Так и знай: ты отнял мою молодость, радость бурной

жизни, загнав в постылый дом, где сидишь ты!

–Как ты посмела поднять руку на мужа!– орал Освальд, всё его лицо было в крови, один осколок стекла даже торчал из щеки.

Он вновь наступал на неё, крепко держа орудие для наказания строптивицы.

Отта, отступая, горячо высказывалась:

–Весь этот год я не была итальянкой, а была каким-то забитым существом без своего слова! Теперь, поганый старикашка, ты поймешь, кому ты испортил жизнь! Ты привёл в свой дом врага, так и знай. Ласки от меня ты не увидишь никогда!

–Ты даже общаться с мужем не умеешь, куда уж там до ласки! Бесчувственный истукан в юбке! Бревно! И очень хорошо, что ты меня отвергаешь, а то плодишься, как таракан!

Преследователь загнал жертву в угол и со злорадством замахнулся вновь. Оттавия насмешливо глядела прямо в глаза палачу.

–Мама! Мама!– с криком ворвались в комнату Амазинг и Эммит.

Дети бросились к мачехе, заслоняя её от деспота. С широко раскрытыми глазами они смотрели на окровавленное и перекошенное злобой лицо отца, изумлённо переводя взгляд на его руку с кочергой.

–Тебя били, мама?– жалобно спросил Артур, заглядывая в бесстрашные глаза Отты,– Не бойся, мама, мы не дадим



тебя в обиду.

–Дорогой мальчик, женщину из клана Малевольти не так просто запугать, пока мы не упали, мы в состоянии за себя постоять.

–Папа, зачем ты нас пугаешь!?!– крикнул Эммит, слёзы разочарования катились по его щекам, отец так низко пал в его глазах.

Освальд молча покинул комнату.

Сбежались слуги. Молча, без вопросов, стали собирать осколки зеркал. Мужчины вынесли разбитый шкафчик трюмо.

Дети потянули мать за собой в комнату старшего мальчика. Там они, лёжа на одной кровати, долго болтали, пока не уснули.

Глава семьи заглянул в спальню Артура. Оттавия спала посередине, дети по бокам. «Она ненавидит меня, зато любит моих сыновей больше, чем своих дочерей, о девочках она вечером даже не спросила,– думал Боу-старший, глядя на мирно спящих домочадцев,– Ничего, подождём, когда-нибудь в девчонке проснётся женщина, и она сама прибежит ко мне, требуя исполнения супружеского долга».

Конец августа.

Наяда и Граветин совершали конную прогулку за городом.

–Я так рада, что мы, наконец, выбрались из города хоть к

концу лета. Маленький ребёнок – это так хлопотно! Столько проблем!– делилась радостью младшая сестра.

–Я не знаю, зачем ты вскармливаешь Джозефа сама, обычно все аристократки отдают младенцев кормилице.

–А я удивляюсь тебе! Дорогая, чем плох барон Михаэль Готлоб, что приезжает в Милфорд-Хейвен по делам из Германии?

–Что я тебе сделала, что ты решила услать меня так далеко от родины?

–Граф Борроудэйл боготворит твою красоту, у него такое высокое положение... На его земле добывают графит, как говорят местные: «плумбаго», оттуда графит развозят по всей Европе. Почему бы тебе пару раз ему не улыбнуться?

–Когда я спрошу твоё мнение, сестра, тогда и высказывайся, а решать за кого мне идти замуж предоставь моему сердцу.

–Боюсь: твоё чёрствое сердце никогда не откликнется на зов любви...

–Нет, лучше вцепиться в первого встречного, кто придёт свататься, как это сделала ты?

Неловкая, гнетущая пауза затянулась.

Лошади вынесли девушек к реке, берег которой кое-где покрывали заросли акации, а у кромки воды местами росли ивы.

Наяда повернула было кобылу к дому, как сестра окликнула её:

—А давай, как в детстве, скинем одежды и нырнём в прохладную водицу?

Место безлюдное, до ближайшей мельницы надо было порядком скакать вниз по течению, чего бояться? Последние тёплые деньки уходящего лета, когда ещё доведётся побаловать себя купанием в реке? Что в этом плохого? Да и с сестрой надо помириться... Наяда спешила. Стала снимать громоздкий костюм амазонки, аккуратно складывая вещи на травке. Затем тихо вошла в леденящую воду и неторопливо поплыла.

Граветин сложила одежду на седло и с визгом вбежала в реку. Сестра успела заметить, как налились груди кормящей мамочки. Младшая шумно плескалась у берега, затем поплыла вдогонку, нырнула...

Наяда заплыла уже на другой берег, а голова Граветин всё ещё не показывалась из-за мелкой зыби волн. Старшая разозлилась: «Зачем она пугает меня?» Но через минуту испуганно побежала к реке, предполагая: «Что же случилось? Ударилась о дно? Зацепилась о корягу? Наглоталась воды? Попала в холодное течение, и у неё свело ногу?»

Она ныряла до изнеможения, но так и не увидела сестру. Видимо, ту унесло течением.

На берег девушка выползла без сил, тело сотрясали рыдания. Волосы выбились из причёски, и теперь облипали голые плечи. Она села, обхватив колени руками, и просидела так неизвестно сколько. Слезы со временем высохли, Наяда по-

тянулась к одежде, но не нашла её, вместо этого её рука наткнулась на чей-то сапог. Девушка испуганно подняла голову и застыла в изумлении. Её замершее тело бросило в жар от стыда. Над ней возвышалась фигура Нормана Сэндлера.

–Ты вся синяя, Наяда. Как долго ты так сидишь?

–Не-не-не знаю.

Мужчина расстелил её одежду, живо достал фляжку из сапога, и к возмущению девушки принялся растирать озябшую кожу спины виски. Она издала нечленораздельный звук, когда его сильные руки опрокинули её на живот и прошлись быстрыми движениями по заду и ногам.

–Спереди тоже надо растереть, на,– Норман всунул в её руки фляжку.

Наяда продолжала лежать, её зубы стучали от холода.

Видя, что девушка вне себя, мужчина стал тормошить её за плечо:

–Дурёха, ты, что хотела утонуть? Или промёрзнуть, заболеть и умереть? Из-за меня?

Та обвела глазами лужайку, и заметила, что лошадь сестры отвязалась и ускакала вместе с одеждой Граветин. Надо как-то сказать Норману о случившемся. Забывшись, что она совершенно голая, Наяда привстала. Виски в её руках опасно накренилось, грозясь пролиться. Мужчина переводил взгляд с фляжки на заманчивую наготу. Дрожащими руками взял виски.

–Я сам тебя натру, раз ты не в состоянии.

Его руки, мокрые от спиртного, коснулись её шеи и поскользили вниз, но уже не быстрыми движениями, а плавными, томными. Вдруг Норман прижался к её телу. Его руки жадно гладили спину Наяды. Девушке тоже захотелось обнять мужчину, коим она бредила этот год.

Но она всхлипнула, набралась храбрости и выпалила:

–Почему ты не спросишь где моя сестра? Ведь ты приехал искать нас обеих?

Руки мужчины замерли.

–Зачем ты вспоминаешь о Граветин?– зашептал он,– Ты ведь хочешь меня?

–Да, я люблю тебя. Но не могу быть твоей женщиной в день смерти своей сестры.

–Что?!– Норман подскочил.

Наяда поспешно принялась одеваться.

–Она утонула,– вновь всхлипнула девушка.

Пустыми глазами Сэндлер уставился на спокойную рябь волн. Потом допил остаток виски, помог свояченице залезть в седло, и угрюмый ехал всю дорогу до дома. Он не любил Граветин, но успел привязаться.

«Наверное, это я виновата в смерти сестры...я так неистово желала быть вместе с Норманом...что небеса услышали мои мольбы...»– печально думалось Наяде.

Она вдруг испугалась: никому ещё не принесло счастья чужое горе.

После панихиды Сэндлеру не хотелось покидать уютный дом судьи, но что делать... «Оставить Джозефа здесь, или увезти малыша сестре Илларию? Та, безусловно, будет рада, своих детей у неё нет. А здесь свой наследник – Орин. Его не стали вызывать на похороны из Девоншира, чтоб не травмировать душу, – размышлял Норман, собирая свои вещи в саквояж, – За книгами по философии и праву пришлю потом слугу... Наяда боится на меня глянуть, видно жжёт стыд. Глупая ещё, думает, если кинулся на неё у речки, значит влюблён. Да любой нормальный мужик точно также среагирует на голое тело молодой, соблазнительной девушки. А почему бы и не совратить её? Она же не будет кричать о том, что сама забралась в постель к мужчине, да ещё и к мужу родной сестры! Ну, останется старой девой, да и чёрт с ней. Я-то буду далеко от дома Филдингов. Теперь надо плотнее подобраться к обожаемой Оттавии. Но как? С какой стати вдовец Сэндлер будет приглашать чету Боу? Какие у нас общие интересы? Никаких. Хоть бы кто на Малевольти предъявил иск что ли...»

–Собираешь вещи?– плаксивым голосом поинтересовалась вошедшая Наяда.

«Ага, я так и знал – прибежала проститься, – ухмыльнулся Норман, – Завалить её прямо здесь, на столе? А, что, экстравагантно и заманчиво». Он улыбнулся своим пошлым мыслям. Затем придал лицу скорбное выражение и обернулся.

–Наяда, ты будишь во мне насильника, – счёл нужным для

очистки совести предупредить Норман.

Она опять поняла его не так.

Закрывши лицо руками, девушка вопрошала:

–Почему ты сразу не женился на мне? Польстился на глупышку?

По мере того, чем больше говорил Сэндл, руки Наяды ползли вниз с лица, открывая удивлённые глаза.

–Твоя красота отдаёт льдом. Я никак не мог предположить, что столь шикарная девушка способна полюбить простого служащего... Граветин была простой девчонкой, без особого обаяния, готовая к подчинению, радостно и с благоговением заглядывающая в рот мужу, если тот говорит умную фразу. А ты...интеллектуальная, непосредственная личность...я боялся отказа...и боялся тебя.

Она во все глаза смотрела на него.

–Спасибо за откровение, значит, я внушаю тебе страх?–хватило у неё сил на иронию.

–Я боялся потерять голову. Боялся быть нелепым подкаблучником.

–Значит: ты меня любишь?– поспешила сделать вывод девушка, и к полной неожиданности Нормана, сама кинулась к нему в объятия.

Мужчина не успел возразить, в последнюю минуту он испугался последствий, её всемогущий папочка может упрятать и на каторгу, как вдруг дверь открылась и на пороге замер старик Остин.

–Как это понимать?– рявкнул хозяин дома.

–Норман просит моей руки,– скороговоркой ответила за друга Наяда.

–Что не делается – всё к лучшему,– пробурчал Сэндлер, не то, успокаивая тестя-патрона, не то себя.

–А, что, действительно: благодать,– оживился Филдинг,– Джозефа не обидит родная тётка, и Норману с малышом незачем будет покидать наш дом. Да и ты, наконец, выйдешь замуж.

И глава семьи поочерёдно обнял обоих. Дочь плакала от счастья.

Сэндлер смиренно думал: «Да, так будет лучше. Мы по-прежнему сможем приглашать супругов Боу на все праздники и торжества. Какая разница женат я или нет, ведь Оттавия тоже не свободна».

Отец приобнял любимицу, вывел её из комнаты.

Он рассказывал ей:

–Когда ты родилась, уже была очень красива, и я сказал, что такими совершенными бывают только феи, потому мы назвали тебя нимфой – Наяда.

–Папа, меня удручает тот факт, что все считают меня занудой.

–Будь веселее, научись шутить. И пусть твои шутки будут не колкой издёвкой, а подбадривающей поддержкой.

–Я попробую измениться...мне надоело быть одной, без подруг, все избегают меня.



–Но я заметил, как к тебе набивается в подружки Беула Спенсер. Она умная, опытная женщина, она многому научит тебя и даст совет.

Они поделились радостью с матерью.

С высокомерием и с непроницательным видом Джобет выслушала их, и заявила:

–Поздравляю, ты добилась своего.

–Ты знала, что Наяда любит Нормана?– удивился Остин.

Девушка присела в почтительном реверансе перед матерью и удалилась к себе.

–Создаётся впечатление, что Наяда причастна к гибели своей сестры,– жёстко намекнула Джобет.

–Вы клеветеете на собственную дочь!

–Почему Сэндлер и Наяда вернулись вместе? От обоих несло спиртным, будто они в нём искупались!

–Замолчите! Норман облил Наяду для согрева, а сам выпил, чтоб заглушить горе.

–Вы всему находите оправдания.

Судья, еле сдерживаясь от злобы, предупредил:

–Если Вы ещё раз скажите подобное – я ударю Вас!

Оттавия поправляла цветы на шляпках, когда в магазин вошёл Освальд Боу. Жена безмолвно вопрошающе воззрилась на него.

–Мой зять Теодор Торнтон внезапно скончался от резей в животе.

–Чем я могу помочь?

–Виндэлия сильно убивается, побудь с ней, пока я отлучусь по делам.

–Хорошо, я оставлю магазин на продавцов.

Когда Отта вошла в комнату для гостей, падчерица, что старше мачехи на десять лет, билась в истерике, катаясь по полу. Её дорогие платья нещадно мялись. Вокруг неё бегали служанки, кто с нюхательной солью, кто с водой. Оттавия растерялась.

–Виндэлия Торнтон, Вы же дворянка! Не подобает так переживать на глазах у всех!– грубо напомнил дочери правила приличия Боу.

Ответом ему были безудержные рыдания.

–А как чувствуют себя мальчики?– спросила Отта у мужа.

–С ними Артур и Эммит.

–Пожалуй, я тут ничем не смогу помочь, нужен доктор с успокоительными или снотворными.

–Миссис Дирк, идите за доктором! У меня куча дел, А Ваши бабьи слёзы меня отвлекают от важных мероприятий.

Драммонд прибыл быстро. Сухо поздоровался с Оттави-ей, которая брызгала в лицо великовозрастной падчерице водой. Затем врач приказал Виндэлии лечь на кровать и поставил ей укол. Оставил большой пузырьёк со снотворным и дал рекомендации какими дозами употреблять микстуру.

Отта про себя хмыкнула: «Каким отстранённо-деловым сделал доктора один удар вазы».

За ужином собралась вся семья. Притихшие дети. С красными от слёз глазами Виндэлия.

Помолившись, Боу рыкнул:

–Всем есть!

Дети заскребли ножами по тарелкам.

Виндэлия лишь отпила сок из высокого стакана, и задумчиво поставила сосуд обратно на стол.

Отец упрекал её:

–Ты – разгильдяйка и транжира, хозяйство вела ужасно! Тратила, не считая. Ты оставила сыновей без гроша! К чему дом полный картин и статуй, если нет денег в наличии заплатить за аренду земли? Придётся продавать из твоего дома все безделушки, которые ты накупила без надобности.

–Делайте что хотите, папа,– слабым голосом отозвалась старшая дочь.

–Я не удивлюсь, если окажется, что дом заложен, а банковские счета заморожены. На чём строил семейный достаток твой муж?

–Играл на бирже, привозил бренди из Франции.

–Контрабандист! Весёленькие дела! А с виду и не скажешь, что этот толстый увалень был рискованным парнем. Ну вот, он при жизни не боялся оставить детей без отца, а ты по нему слёзы льёшь! А могли его и в тюрьму за махинации с законом упечь! Вот было бы позору!

–Теодор был добрым, спокойным человеком,– защищала память мужа Виндэлия.

– Не пойму, как за одиннадцать лет вы не надоели друг другу? – дивился глава семьи.

– Теодор часто был в плаваньях, – глаза женщины вновь наполнились слезами.

– А, так вы редко видели друг друга... он, то на бирже торговал, то в море пропадал...

– Да, очень редко виделись, – заревела дочь.

– Возьми себя в руки! Ты должна быть сильной ради сыновей!

Но она не слышала воззваний отца, её душевное состояние опять «расклеилось».

– Я провожу её наверх, – приподнялась Оттавия.

– Сиди. Эй, Сьюзан, отведите миссис Торнтон в гостевую комнату, – подозвал Боу служанку.

Он проводил глазами унылую фигуру старшей дочери, и принялся не торопясь, но напряжённо, пережёвывать пищу.

Когда подали чай, собирать тарелки со стола пришла Сьюзан.

– А с кем Виндэлия? – резко спросил Освальд, его рука с чашкой задрожала.

– Сэр, миссис Торнтон выгнала всех слуг и заперлась.

Боу вскочил, опрокинув стул, и побежал наверх к комнате Виндэлии. Одна любопытная служанка постарше прошмыгнула следом. Её крик заставил Оттавию помчаться туда же.

Она застала мужа стоящим на коленях у постели дочери, лицо он уткнул в одеяло и глухо стонал. Отта увидела, что

пузырёк со снотворным пуст. Виндэлия казалась спящей.

–Что Вы сидите!?! Надо позвать доктора делать промывание,– советовала Малевольти, её голос дрожал от страха.

–Да, пусть бегут за врачом,– пробормотал Освальд.

–Врача! Врача!– выбежав, заполошенно закричала Отта.

Затем она вернулась в злополучную комнату.

–Мистер Боу, сделайте же что-нибудь! Искусственное дыхание, массаж сердца!– закричала она на сквайра.

Оттавия подскочила к окну и распахнула створки. Подбежала к Виндэлии и затормошила ту за плечи, схватила за руку и вскрикнула, рука падчерицы была ледяной.

После двойных похорон Освальд Боу через два дня сказал детям за обедом:

–Четверо мальчиков-подростков в одном доме – это слишком шумная компания. Надо будет отправить вас в военное училище в Сэндхерст, у меня там двоюродный брат преподаёт.

–Но, папа, нам больше нравится коммерция!– возразил Артур.

–Я полагаю: ваша мачеха справится одна,– подобострастно произнёс глава семьи.

–Не отнимайте у меня детей,– взмолилась Оттавия, её ужасала мысль, что те, к кому она привязалась, и кто любит её, уедут, и она останется одна в чужом большом доме,– Да и мальчики будут скучать вдали от дома.

–Торнтоны, а вам хочется в армию?– поинтересовался Освальд у внуков, не обращая внимания на жену.

–Маршировать скучно,– поморщился красивый шатен Алан.

–Наставлять на безоружных негров винтовки – подло,– отозвался белёсый Тимоти.

–А я сказал: всех в армию!– вышел из себя Боу-старший.

Ночью мальчишки Алан и Тим перешёптывались в кровати.

–Цирк-шапито разъезжает по всем странам. Мы увидим мир,– мечтал старший.

–Но возьмут ли нас?– сомневался белокурый брат.

–Разве мои учителя по фехтованию не хвалили меня за подвижность и гибкость? Буду гимнастом. Да и для тебя работа найдётся.

–Но кто рискнёт взять в цирк детей из дворянской семьи?

–В цирке артисты всегда используют псевдонимы. Нас никто не найдёт,– уверял младшего брата Алан.

–Мы скажем, что сироты, нам даже врать не придётся,– радостно согласился Тим.

–Лучше жить в цирке, чем маршировать на плацу.

–Лучше жить в цирке, чем есть хлеб деда, и быть ему обязанными. Сами заработаем, да, Алан?

–Да, Тимоти.

В кабинет Освальда утром вошла Отта.

–Алан и Тим...– глотая слёзы, еле выговорила она.

–Что? Заболели?– испуганно вскричал Боу.

–Убежали из дому...– закончила фразу жена.

–Ты их обижала? Может, била?!

–Нет, нет,– отрицая, рыдала Оттавия, ей было жаль этих осиротевших мальчиков,– Разве не Вы пугали их военным училищем?

–Заткнись, дрянь! Какой стыд! Что скажут люди? Я, пожалуй, сообщу всем, что отправил Торнтонов учиться.

В это время шло бракосочетание Нормана и Наяды. Гостей пригласили мало, торжества наметили очень скромные.

Шествуя к алтарю, Сэндлер думал: «Очень хорошо, что из-за траура Оттавия не присутствует на моей свадьбе. Если б я встретился с ней глазами, то не смог бы сказать Наяде слов верности, не смог бы сказать священнику, что беру в жёны по собственному желанию ту женщину, что стоит в белом платье. Как там сейчас Отта? Бедняжка, теперь у неё семь детей в доме... Пожалуй, ей придётся оставить торговлю и заняться воспитанием детей, она застрянет в доме Боу, и я не увижу её... Но, может, так будет лучше? Мне надо забыть её. Нет, не хочу и не могу! Она, как манящая, прекрасная фея тянет к себе своими колдовскими чарами».

Сестра Иллария, не рискнувшая открыть обезображенное лицо, пряталась за густой вуалью. Заметив, что брат обратил на неё внимание, кивнула ему.

Но после, будучи гостьей в доме Филдингов, она улучила момент и перехватила Нормана в коридоре.

Пользуясь тем, что вокруг никого нет, Иллария, положив ладонь на локоть брата, молвила:

—Я не вижу радости на твоём лице. Зачем ты цепляешься за этот дом? Или этот брак опять важен для успешного продвижения по службе?

—Всё хорошо, дорогая сестра.

—Но мне почему-то кажется, что этот брак не принесёт тебе счастья. Невеста красива и спесива, она не в состоянии любить кого-то, кроме себя.

Вечером, уединившись с новобрачной в спальне, Норман заметил на её лице смущение.

—Стесняешься?

—Да,— пролепетала та.

—Я отвернусь, а ты раздевайся и ложись,— пошёл навстречу её боязни Сэндл.

После раздевания Наяда зажмурилась и лежала в ожидании.

Супруг тоже скинул одежду, усмехнулся тому, что суженая даже не предприняла попытку подглядеть.

Он лениво залез под одеяло. Жена, как испуганный, лесной зверёныш зажалась и отодвинулась на край кровати. Но требовательные руки мужчины достали её, сняли ночную сорочку, ощупали.

После интима Нормана подмывало спросить: «В чём вы-



ражается твоя любовь, дорогуша, если ты даже прикоснуться ко мне боишься?»

Утром Сэндлер проснулся, а жены в постели уже не было. Встал, помылся, оделся, спустился в столовую к завтраку.

Тёща с кислой миной едва кивнула.

Тесть радостно улыбался, подмигивая.

Наяда отчего-то была недовольна, мужа будто и не видела. «Ого, да она – стерва», – изумился Норман.

Новоиспечённая миссис Сэндлер скомкала салфетку для чаепития, что лежала перед ней, швырнула этот кусок ткани в лицо служанки, отчитывая неряху:

–Грязно, как в доме у рабочих с окраин!

Служанка жалко съёжилась.

–Дорогая, зачем кричать? Если прислуга не справляется, может, нанять ещё несколько рабочих рук?– сделал замечание Норман.

–Обычно, если прислуга никудышная, и не справляется с обычным объёмом работы из-за своей лени – таких работников увольняют!– не успокаивалась Наяда.

Служанка заплакала.

–Госпожа, я исправлюсь,– умоляла девушка сквозь слёзы.

–Ступай в кухню с моих глаз!– опять кричала миссис Сэндлер, и сама встала из-за стола, и ушла вслед за убежавшей молодой.

–Переволновалась вчера девочка,– выгораживал дочь отец.

—У меня тоже пропал аппетит,— сообщила Джобет и тоже ушла.

«Неужели Наяда добивалась меня только из-за раненого самолюбия?»— задумался Сэндлер, анализируя поведение жены.

Ночью, после очередного интима, он высказал ей:

—У меня каждый раз, когда я ложусь с тобой в постель, ощущение, будто я ласкаю тебя там, на берегу реки: ты такая холодная, отчуждённая, что мои ласки никак не доходят до твоей души.

—Аристократка не должна уподобляться шлюхе с её животной ненасытностью.

—Да, в благовоспитанном обществе принято иметь вместо жены лягушку. Я пойду в свою спальню, а то от тебя веет морозом. Заходи ко мне, когда надумаешь обнять меня, но, уверен, что это событие, если произойдёт, то лет через десять.

Наяда не удерживала его.

В кабинет Освальда вошли его сыновья и Оттавия.

Артур заявил:

—Мы тоже убежим из дома, если Вы, папа, будите настаивать на нашей отправке в Сэндхерст.

—Бунт! Это ты виновата, Малевольти, что мои дети стали своевольны! Они берут пример с тебя!

—Они требуют благ для себя, разве плохо бороться за свои

привилегии? Они вправе сами решать свою судьбу,— вскинулась Отта.

—Ладно, оставайтесь возле юбки,— недовольно пробубнил Боу-старший,— Как бы после не пожалели. Карьера военного — самая престижная в нашем королевстве.

—Я не думаю, что мы пожалеем о том, что в нас никто не будет стрелять,— отпарировал старший сын.

«А Артур не промах, башковитый»,— отметил глава семьи.

Когда мальчики подошли к двери, отец окликнул их вновь:

—Стойте. Торнтоны не говорили вам куда собирались?

—Нет, папа,— уверенно, в голос отрицали дети.

—Тогда искать их бесполезно. Они могли наняться юнгами на любой корабль в порту и уплыть хоть в Африку, хоть в Америку,— заключил Боу.

Прошло три месяца. Начало зимы выдалось ветреным, промозглым. В один из таких непогожих дней в галантерейный магазин госпожи Малевольти вошёл барон Сэндлер в тёплом рангоуте и в величественном цилиндре. Чтобы скрыть свою взволнованность он улыбнулся. Оттавия смутилась. Почему-то её язык отнялся предлагать товар. У неё возникло двоякое, противоречивое чувство. С одной стороны её душа отозвалась болью воспоминаний, когда этот адвокат бестактно требовал от неё откровений об интиме с Боу;

с другой стороны его восхищённый взгляд в тот день льстил её самолюбию.

Норман принялся разглядывать прилавки с товаром: перчатки, гребешки, нитки, ленты. Здесь же продавались дуэль-ные шпаги и игральные карты.

Ещё два посетителя магазина рассматривал предлагаемые изделия в дальнем углу комнаты. Они приглушённо обсуждали недавнюю англо-ирландскую унию, по которой авторитарный парламент Ирландии ликвидировался. В защиту английского правительства вступался второй оппонент в разговоре, заявляя, что нескольким представителям ирландской знати отвели места в парламенте Великобритании.

Наконец адвокат нарушил молчание:

–Миссис Малевольти, мы, покупатели, смиренно стоим и ждём, когда Вы нас осчастливите своим вниманием.

–Что угодно Вашей Милости?

–Давайте померим перчатки.

–Какого цвета желаете?– галантно поинтересовалась Оттавия.

–Белого, конечно.

–Покажите свою руку, я определю размер.

Ладонь Нормана дрожала.

–Вот, Ваша Милость, лучшие образцы.

Сэндлер с трудом натянул самое узкое кожаное изделие на правую руку. Затем он сделал несколько безуспешных попыток снять прилипшую к коже рук вещь.

–Помогите же мне. Видите: мне не удобно снимать перчатку левой рукой.

Нежные, мягкие пальчики Отты коснулись запястья мужчины. Это прикосновение внезапно взволновало обоих, окатило волной трепета.

Девушка сделала неуверенную попытку стянуть перчатку, отшатнулась, залилась краской и залепетала:

–Ах, я извиняюсь, Ваша Милость, но в моих руках мало силы, я принесла Вам неудобства, предложив вещь не по размеру.

–Я вижу, что являюсь для Вас не желанным посетителем, а малоприятным визитёром,– вспылил Сэндлер, раздосадованный тем, что Оттавия так быстро отпрянула от него.

От её прикосновений всё его тело, будто щекотала некая приятная энергия. Хотелось подскочить к этой трусихе и опять схватить её руку.

–Я...я позову сына. Он поможет Вам, мистер Сэндлер.

И Норман не успел оставить её возгласом:

–Мы справимся сами, зачем тревожить ребёнка?

–Артур! Сынок!– звала Отта.

Из её уст этот зов звучал смехотворно. Сын, которому одиннадцать лет, тогда как его «маме» шестнадцать!

Появился темноволосый, симпатичный мальчик. Он нёс в руках дымящуюся от пара тарелку.

–Мама, я уже погрел тебе рагу,– хвастал Артур.

–Нет, малыш, унеси блюдо, ещё не обед. Надо помочь кли-

енту снять перчатку.

Сэндлер заглянул в тарелку, что проплыла мимо него.

Он тут же поделился своим мнением:

–У вашего повара удивительная способность к кулинарии.

Не понятно из этого месива, где морковь, а где мясо. Это истинное призвание так уродовать продукты. Я уверен: маньяки получают из тех, кого плохо кормили, потому они и стремятся кого-нибудь растерзать.

–Я ещё не до конца растерзала Вас, мистер Сэндлер,– набралась смелости и дала отпор Оттавия.

Барон расхохотался.

–Ваш магазин, без сомненья, в этом сезоне занял почётное последнее место в номинации: «самый невежливый продавец».

–А если дать Вам волю глумиться над людьми, занятыми работой, так Вы доведёте до паники население всей страны.

–Паника быстро проходит, тогда как изжога от острого разговора с Вами может долго мучить, напоминая о себе.

Покупатель в дальнем углу с интересом слушал перебранку.

–Магазин закрывается на обед,– напомнил распорядок расписания Артур, что вновь появился перед Сэндлером.

–Порядок придумали скучные люди,– отпарировал Норман,– Давайте проводим джентльмена, что ничего не покупает, снимем, наконец, эту злополучную перчатку, и я в знак благодарности куплю у вас не одну пару перчаток, а кучу

нужных, дорогих вещей. И в залог примирения я согласен выпить с вами, молодые люди, чашечку, другую, чаю.

–Вы ошибаетесь, Ваша милость, кафе находится в другом квартале,– напомнил мальчик назойливому посетителю.

–У меня ощущение, будто я попал во враждебный стан беспощадного противника. Никакого снисхождения к врагу, ни доли милосердия, а я считал Вас, Оттавия, добрейшим человеком. Как я ошибался!– кривлялся барон.

–Хорошо, Ваша слезливая речь возымела действие,– улыбнулась Отта, – Вы допускаетесь до нашего чаепития. Это дело, Вы, как всегда, выиграли, мистер Сэндлер.

Артур пошёл закрывать дверь, выпуская посетителя из дальнего угла.

–Давайте перейдём на «ты». Просто: Норман. Мы ведь друзья.

–Друзья?– удивлённо переспросила итальянка.

–Ну-у...мой тесть дальний родственник Вашего мужа.

–Вы сказали: «Вашего».

–Ах, эта любезность, видать, уже вьелась в кровь.

Барон сам довольно быстро освободился от перчатки.

–Проходите, господин барон,– важно пригласил гостя Артур.

Норману сейчас требовалось всё мужество, чтобы не выдать своих пылких чувств к Оттавии. Он вырос в лицемерной среде аристократов, и не должен теряться от взгляда прекрасных глаз. Но когда он сел напротив Отты за маленький

столик в подсобке, ему показалось, что с неба посыпались цветы.

Сэндлер блаженно улыбался и пил чай.

Оттавия чувствовала себя неловко, но всё же сделала несколько глотков горячего настоя.

–Мама, а как же рагу?– недовольно спросил пасынок.

–Я не голодна, сынок.

«Увести бы Оттавию в Америку, украсть и увести... Но нет, моя карьера, Джозеф, имение в горах...»– гнал мысли о побеге барон.

Оттавия проявляла интерес к этому красивому, образованному человеку, который по непонятным причинам искал её дружбы.

После чаепития Норман купил пару безделиц, поцеловал руку хозяйке и откланялся.

На следующий день чета Сэндлер была на приёме у Драммондов.

Норман нечаянно услышал разговор сестры тестя Тины Бонэм с другой дамой.

Родственница обращала внимание подруги на поведение общей знакомой:

–Эта вертихвостка вдова Вирджиниуса Беула опять с бокалом вина не отходит от хозяина дома. Была бы Августа поумней и побойчей, сама бы увлекла мужа разговорами.

–Ходят слухи, что Бернхард Драммонд уморил её мужа



передозировкой лекарств, и теперь хаживает к свояченице без опаски.

Хозяйка приёма пела под аккомпанемент Билинды какую-то жалостливую шотландскую балладу.

Сэндлер перехватил взгляд Беулы и Бернхарда.

Наклонился к уху жены и шёпотом спросил:

– Мне кажется, или это на самом деле? Что Спенсер поглядывает на Берни, как на дорогую собственность?

Наяда после своей свадьбы сблизилась с Беулой, и была посвящена в её тайну.

Потому потешила слух мужа:

– Да, они любовники.

– Значит, сплетники не лгут. Забавно.

– Но ведь и ты женился на сестре жены.

– Вот именно: женился, а не завёл грязные шашни. Берни Драммонд – жёсткий прагматик, как это Беула могла влюбиться в такого чванливого ублюдка?

– В погоне за вниманием мужчин леди, наверное, закрывают глаза на мелкие недостатки.

– А, может, женщинам интереснее расшевелить бесчувственного субъекта? Бегают же некоторые за монахами...

– Зато мужчины предпочитают легкодоступных шлюшек.

Затем дома Норман заикнулся о наболевшем:

– Надо пригласить на очередной бал к нам чету Боу. Бедняжка Оттавия заперта в доме с выводком мужа и своими близнецами.

–Насколько я знаю: она не вылезит из своих магазинов, даже заменяет заболевших продавцов.

–Боу нигде не бывают, а красота должна светить, ею должны восхищаться. Красота должна вдохновлять поэтов, музыкантов, скульпторов и художников.

–Нет, надо пресечь на корню наглую попытку внедриться в круг нашего общества женщине из низов сословия.

–Но Оттавия вышла замуж за дворянина, а значит, стала частью Высшего Света.

–Скажи мне, Норман, ты тоже боготворишь эту выскочку-итальянку?

–А кто ещё о ней говорит?

–Бернхард отзывается о ней, как о святой. Все, кто видел её, уверяют, будто это ангел сошёл с неба и сияет неземной, возвышенной красотой. Но ты не ответил на мой вопрос. Ты присоединяешься к общему мнению?

–Да по сравнению с Оттавией все остальные дамы нашего города – накрашенные пугала!

–Никаких балов на ближайшее время у нас не предвидится. Ты же знаешь: после нашей свадьбы здоровье матери неожиданно пошатнулось.

Клан Драммондов провожал на пристани главу семейства, старик снова собрался в плаванье.

Беула Спенсер причитала:

–В Вашем преклонном возрасте разве можно так подвер-

гать жизнь опасности и лишениям в длительном путешествии?

– Дорогая родственница, истинным англичанам никогда не сидится дома: кровь викингов зовёт завоёвывать новые земли, – шутил Айвор.

Августа по-дружески обняла сестру. Беула поёжилась от её прикосновений: совесть больно уколола сердце.

Внуки Драммонда-старшего бегали по борту корабля и весело смеялись.

– Билинда! Залман! Мы едим домой, идите сюда! – окликнула их мать.

– Мы поедem с дедушкой! Мы тоже хотим в дальние страны! – запротестовал Залман.

– Пусть дедуля нас хотя бы покатает, – поддержала сестра брата.

– Вот вернусь из плавания, и займусь вами, – обещал Айвор внукам, – Выращу себе замену. А сейчас: марш на берег! Мне нужна дисциплинированная команда, а не нытики на корабле!

Дети с неохотой покинули барк, поцеловали деда, и стали вместе с роднёй махать ему вслед.

Джобет таяла на глазах, она отказывалась от пищи, пребывала в плохом расположении духа. Последнее время женщина уже не вставала.

Дочь часто приходила к ней, уговаривала что-либо съесть,

но мать гнала её.

Остин навещал супругу очень редко, его раздражал вид больных людей, тем более он считал, что Джобет сама усугубляет недомогание своей отрешённостью.

У постели больной неизменно дежурила её любимая служанка Джоанна, молчаливая и скромная, преданная и отзывчивая.

Даже Джозеф не радовал Джобет, она просила унести шумного ребёнка.

Как-то Джоанна отпросилась на пару дней. Её сменила дочь больной.

Мать молчаливо лежала, отвернувшись.

Неделю назад Руперта Буркса послали за Орином по просьбе Джобет.

–Ты...и Граветин...– вдруг глухо заговорила больная,– Вас было двое там, у реки. Что же произошло на самом деле?

Женщина повернула своё потемневшее лицо к дочери.

–Мама...мама...– залепетала Няяда, заливаясь слезами,– Ты мне не веришь? Да, я любила Нормана, но Граветин была мне сестрою...

–Ты презирала бедняжку за её неказистость, а после ненавидела за то, что та опередила тебя, признанную красавицу, в браке. С крошкой Джозефом ты никогда не играешь! Что, слишком похож на мать?

–И из-за этих низменных мыслей Вы вгоняете себя в гроб?– слёзы девушки высохли, она зло смотрела на Джобет.

–Все вы, красавцы, хотите для себя лучшей доли. Что Остин, что ты...– осуждала больная своих близких, затем более спокойно наставляла дочь, её голос с каждым словом слабел всё больше,– Ты не любишь Нормана. Ты просто хотела заполучить того, кто не обратил на тебя должного внимания... подумай, как будет болеть твоё сердце и рваться вслед тому, кого ты действительно по-настоящему полюбишь...

–Я люблю Нормана,– упрямо заявила дочь.

–Подъехала карета... Глянь, это, наверное, Орин...

Наяда подбежала к окну.

Мрачный брат выходил из кареты.

–Орин!– воскликнула сестра и вернулась к матери.

Джобет невидящими глазами смотрела в потолок.

–О, мама! Ты не дождалась своего сына!

И Наяда разрыдалась.

Следующий год прошёл у Филдингов в трауре.

Оттавия Малевольти почти безвылазно просидела дома три года, воспитывая подрастающих дочек. Никакие няни не справлялись со своевольной Джессикой. Чем быстрее девочка росла, тем шаловливей становилась. И, скрипя сердцем, Оттавии пришлось нанять нескольких управляющих в магазины. Теперь ей приходилось следить за бизнесом только по бумажным отчётам.

Филдинги ещё несколько лет не устраивали праздников и не принимали у себя большое количество гостей из-за бо-

лезни младшего Сэндлера, у мальчика то начиналось кровотечение из носа, то рвота, то сильнейшая простуда. С ребёнком сидела то Джоанна, то Руперт.

17 апреля 1.807 года.

После очередного заседания суда, Остин Филдинг пребывал в угрюмом настроении за ужином дома.

Зять за столом обсуждал выгодное для Англии первенство на море:

–После Трафальгарской битвы в 1.805 году Атлантический океан можно переименовывать в Английский.

–Горацио Нельсон был самым выдающимся вице-адмиралом,– вздохнула Няяда.

–Да, как мы тогда разгромили франко-испанский флот!

Заявление Филдинга прозвучало, как приговор самому себе:

–Я ухожу с поста судьи.

–Но, папа, Вы только и жили делами горожан,– ахнула дочь, держась за свой округлившийся живот.

–Сегодня я узнал, что обвинил мистера Чосера ложно.

–Виновато не правосудие, а следователи, они не дознались истины!– выгораживала работу отца дочь.

–Вы такой деятельный человек, дорогой тесть, что не сможете просто так бездельничать дома,– отмахнулся Норман от старика.

–Чосер погиб в изгнании, он страдал и болел, хотя в жизни

ничего предосудительного не совершил! Его спутали с другим джентльменом!— не унимался Остин.

—Значит такая у него на роду судьба,— уверяла Наяда.

—Глупости! Это и моя вина! Ведь было очевидно, что Чо-сер не виноват! У него были глаза честного человека!— кричал Филдинг-старший.

У Джозефа пошла кровь из носа, заливая красной краской опустевшую белую тарелку перед ним. Руперт, что сегодня прислуживал за столом, подхватил мальчика на руки и вынес из столовой. Вся семья в ступоре воззрилась на пятна крови, предчувствуя плохое предзнаменование. Норман распорядился послать за доктором.

Служанка убрала окровавленную посуду.

Разговор за столом продолжался.

—Я не буду надоедать вам, молодым, своим присутствием, я решил пойти в миссионеры,— обнародовал своё решение бывший судья.

—Папа, это неслыханно! В твои годы разве можно пускаться в сомнительные авантюры?

—Начну жизнь заново и точка!— настаивал отец,— Уеду в самые забытые Богом края, на Андаманские острова.

—Но, папа, ни одна миссионерская экспедиция не смогла прожить там и пару лет! Все умирали от лихорадки!— со слезами вскричала Наяда.

—Я — крепкий старикашка,— успокаивал дочь Остин, уверяя и себя, просил,— Берегите Джозефа.

–Джозефа надо тоже отдать в военный колледж, как и Орина,– вытирая слёзы, рассуждала миссис Сэндлер.

–Ты в своём уме?!– вскричал Норман,– Да он дома-то болеет, а что будет с ним без надлежащего присмотра?

–Слишком много бегаете с ним!– возражала жена,– Изнежили его с дедом. Словно он барышня какая! В колледже будет режим дня и тренировки. Это сделает его здоровым.

–Интересно, что скажет доктор,– с тяжёлым вздохом, вставая, сказал Филдинг.

Через четверть часа дед и отец Джозефа стояли у кровати мальчика. Бернхард Драммонд осматривал больного.

Затем взрослые вышли в коридор. Сэндлер предложил врачу чашку чаю в своём кабинете. Тот согласно кивнул.

Драммонд удобно расположился в кресле и потягивал бодрящую жидкость.

–Берни, уже изобретено столько лекарств, неужели нельзя найти нужную комбинацию фармацевтических средств, чтобы сразу поставить на ноги недужного?– недоумевал Норман.

–Ваш ребёнок просто более чем другие дети, восприимчив к еде. Надо укрепить его желудок, и всего лишь. Ни в коем случае не голодать, есть только свежие продукты, даже вчерашний хлеб может вызвать у него приступ тошноты. С годами эти недоразумения с желудком пройдут, он ведь мужчина,– объяснял доктор, затем, подумав минуту, развил тему лекарств,– А на счёт фармацевтики... Да, с каждым годом в



услужении у врачей становится всё больше лекарств, наука всё глубже познаёт человеческий организм...и чем больше мы познаём внутреннее строение человека, тем загадочней и непостижимей нам представляется душа индивидуума.

–Это Вы к тому, что приступы Зэфа могли возникнуть на нервной почве?– переспросил Филдинг.

–Запросто. Мальчик хочет обратить на себя внимание, он переживает, как следствие – повышается давление, тонкие стенки сосудов носа лопаются, вот вам и пожалуйста: произвольный выплеск крови.

–Тогда действительно лучше его отправить в какое-нибудь военное заведение, там ему не надо будет заострять внимание на своей персоне,– принял решение бывший судья.

–Но я хочу видеть, как растёт мой сын,– возражал Норман,– Я спрошу у мальчика, хочет ли он жить в казарме.

–Ты балуешь его!– одёрнул зятя Остин,– Дети должны слушать приказания родителей и беспрекословно исполнять!

–А Вас ни в коей мере не должны касаться наши дела: Вы собираетесь сменить дом на хижину аборигена!

–Чего ты боишься, Сэндлер? Можно отправить Джозефа в Итон, там за ним присмотрит Орин.

–Я боюсь потерять его.

–Ты и дома-то его не часто видишь. И потом: дети когда-нибудь вырастают и покидают родителей.

–У Филдингов, я смотрю, всё наоборот: старики покида-

ют дом в поисках новых перспектив,— огрызался адвокат,— И мне кажется ненормальным тот факт, что дети должны идти на поводу у причуд взрослых и покидать дом в столь юном возрасте.

—Если Джозефу станет хуже, можно отправить его в поместье в Кембрийские горы, к Вашей сестре, Норман,— пожал плечами Филдинг.

Доктор, забыв об остывающем взваре, с интересом слушал перебранку. Затем, как знаток, попытался отговорить Остина от поездки в пагубные земли Андаманских островов, но старик твердолобо стоял на своём. Не помогло и напоминание о том, что некогда судья сам был не сторонник паломничества.

Филдинг-старший не покинул дом, пока не оформил Джозефа в Итон.

Трясаясь вместе с Сэндлером-младшим в карете, Руперт спросил у мальчика:

—Жаль уезжать?

—Раз я никому не нужен — не жаль,— обиженно процедил Зэф.

—Отец очень тебя любит. Он не хотел тебя отпускать.

—Знаю. Это всё дед и мачеха. Няяда ждёт своего ребёнка, и я для неё, как неприятная мозоль. А дед всегда скакал вокруг своей любимой дочери, ублажая и потакая всем её капризам. Я похож на мать, а они, видно, за что-то на неё взъелись.

–Ваша мама, сэр, в свою очередь была похожа на миссис Джобет.

–А, так это бабуля их чем-то допекла?– затаил зло ребёнок на деда и Няяду.

По истечению путешествия, через несколько дней, они прибыли к месту назначения.

Орин вышел их встречать. Пятнадцатилетний парень похлопал слугу, потрепал вихры Джозефа. Отвёл приезжих в отведённую для них комнату для разговоров.

Руперт рассказал Орину о том, что его отец уплыл миссионером к берегам Индокитая в Бенгальский залив то ли на Андаманские острова, то ли на Никобарские. Юноша повесил голову. Отец был суровым, но в то же время очень дорогим человеком.

–Я читал переводы французского аббата Ренодо, где говорится, как двое арабских путешественников побывали на тех островах. Они описывали жителей: чёрный цвет кожи, кучерявые волосы. Ели дикари сырое человеческое мясо,– вспоминал с тревогой упоминая о тех местах Орин.

–Белые люди хорошо вооружены, их не так просто съесть,– успокаивал молодого хозяина слуга,– Мистер Остин Филдинг разделил состояние между Вами и Няядой. Львиная доля состояния, конечно, оставлена Вам. И дом в Милфорд-Хейвене числится за Вашей Милостью.

–Я напишу сестре, чтоб не тратилась на покупку собственного дома, я ведь большей частью буду в плаваниях. А она так

любит наш город... Ей будет скучно сидеть в горах и смотреть на стада овец.

—Как бы Вам позже не пожалеть об этом решении...

—Брось, Руперт. Вместе веселее.

—Осмелюсь сказать: у Вашей сестры сильно испортился характер.

—Ерунда. Я повторяю: моряки на суше бывают редко.

Орину Филдингу пришлось ни раз краснеть за племянника, который хоть и был смышленный не по годам, но мог дерзить офицеру или отказаться от выполнения приказа, что у военных приравнивалось к преступлению. Вместо опёки Джозеф Сэндлер частенько получал родственный подзатыльник от дяди, которого оскорбляла такая манера поведения малявки.

Зато солдатская муштра подействовала благоприятно для здоровья. Бег и тренировки закаляли юное тело. Новый друг Эфа, такой же курсант, заваривал ему траву, привезённую его отцом из далёких колоний в Индии, эти отвары быстро вылечили и укрепили желудок.

Беула прохаживалась по комнатушке садовника, посасывая длинный мундштук. Табачный дым мелкими клубами струился из сигареты.

Спенсер обвиняла Бернхарда:

—Ты приходишь ко мне, как к жене, из чувства долга.

—Да, я привык к тебе,— не отпирался Берни, развалившись

на диване,— Да, наши встречи стали тусклыми.

Женщина продолжала тираду:

—Я не могу так больше. Это мелко и паршиво встречаться вот так наспех, за спиной у твоей жены и моей сестры, прятаясь от всех людей.

—Что плохого в том, что у нас есть тайна?

—Я не буду больше ждать тебя.

—Скажи проще: я тебя разлюбила.

—Да, Бернхард, я тебя уже не люблю. Нельзя любить призрака.

—Можно. Супружеская любовь остывает ещё быстрее.

—Ты, как всегда, прав.

—Может, повременим со встречами месяца три-четыре?

—Нет, Бернхард, ты больше не войдёшь в мой дом. У меня появилось отвращение к тебе.

—Как скажешь, я тоже устал от тебя. Странно, однако, тебя жалит совесть, выгораживая себя, сосредотачиваясь на моём образе. Но что мы будем делать с Фредди?

—Ты беспокоишься о нём, зная, что у меня денег гораздо больше?

—Дело не в деньгах. Ребёнку нужно общение с близкими.

—Но разве я запрещаю тебе видеться с сыном?

—Значит, Фредерик так и будет жить в приюте?

—Не смейся меня, Берни, ты хочешь забрать мальчика в свой дом?

—Ни в коем случае. Он видел меня ни раз, и всё выложит

Августе. Я думал, ты усыновишь его.

–Я подумаю, как сделать это без пересудов.

Совместная жизнь Наяды и Нормана не приносила обоим счастья.

Не могли они преодолеть скованности и в постели. Иногда руки Нормана тянулись к интимным местам жены, но на пол пути останавливались: почему он первый должен дарить ласку? Его жена никогда не хочет прижаться к нему... Они не любят друг друга... Их связывает лишь редкий секс, как нудная обязанность.

Всё же ноги в очередной раз сами вели его в спальню Наяды.

Заслышав его шаги, женщина нырнула под одеяло.

Разглядывая бугорок из одеял, мужчина надсмехался:

–Наяда, почему тебе не хочется глянуть: правильную ли позу я принял? Не противоречит ли эта поза благопристойности? Не навредит ли твоему честолюбию?

–Сволочь!– ругнулась жена, как кухарка, резво отбросила одеяла и запустила в Нормана подушкой.

–О, ты, как всегда, наглухо забинтована сорочками и шалью, словно египетская мумия... Впечатляет...

–Пижон! Зачем ты вообще пришёл в мою спальню?

–Действительно, что могло понадобиться мужу ночью в спальне жены? Может, он искал ласку?

–Ты – извращенец! Как можно требовать ласки от женщи-

ны, которая ждёт ребёнка?

– Хорошо, я – извращенец, а ты – недочеловек. И имя у тебя даже нечеловеческое: Наяда. Вот ты и холодна, как все рыбы-русалки.

Оттавия постучала в комнату Артура.

– Кто? – раздалось из-за дверей.

– Это я, сынок.

Дверь распахнулась.

– Ты пришёл поздно, я беспокоилась. Много возни с бухгалтерией?

– Нет, мама. Я прошёлся по вечернему городу.

– О, это опасно. В поздние часы по улицам шляется пьяная матросня.

До носа Отты донёсся винный перегар.

– Артур, ты стал захаживать в пабы? – изумилась она.

– Нет, мама, я с продавцами немного расслабился, крупные продажи, день рождения у сотрудника...

– Смотри, не попадайся на глаза отцу, тот может и побить тебя.

– Я осторожен. Помню, как недавно он оттаскал за волосы Джессику за то, что та изрезала шторы для платьев своим куклам.

– Да, если б я не вырвала Джесс у него из рук, кто знает, как далеко Освальд зашёл бы в своей злобе.

– Мама, тебе всего 22 года, а ты заперла себя. Пора вновь

выходить в Свет.

–Мне 22 года, а сыну 17 лет,– улыбнулась Оттавия.

–Мать та, кто воспитал, вкладывая в ребёнка свою душу и ум. Та, кто любила и страдала, переживала в дни его болезней и невзгод, та, кто всегда следовала за ним сердцем, пытаюсь укрыть от бед и напастей.

Слёзы выступили на глазах Отты.

–Спасибо вам с Эммитом, не будь вас в этом доме, моя жизнь стала бы похожа на ссылку в Австралию.

–Джессика вела себя сегодня подобающе молодой леди? Тихо и неприметно?

–Разве этот ребёнок бывает спокойным? Услышала, что на камнях угля бывают отпечатки древних растений, так пробралась на кухню, когда там никого не было, и разбросала все угольки, скидав их на пол. Перемазалась, конечно, но нашла отпечаток какой-то диковинной рыбки!

–Кто ищет, тот найдёт,– хохоча, изрёк молодой человек,– Всё же не пойму, как две близняшки могут так разительно отличаться друг от друга в поведении?

–У них одно лицо, но обрати внимание, какие плутовские глаза у Джесс.

–А Умбриэль всё играет и играет целыми днями в свои куклы, никому не доставляя хлопот.

–Но Умбри ленива, знания для неё не играют роли в жизни. Тогда как Джессика хватается всё новое на лету.



Беула засиделась в гостях у Наяды. Они пили чай с молоком, болтали о том, о сём.

–Искусство, бесспорно, пошло от женщин. Кто первым придумал красить лицо?– заявила Наяда.

–Недоказуемо. Мужчины-фараоны тоже оттеняли глаза. И к тому же ещё древние охотники изображали сцены охоты на стенах пещер.

–Но среди охотников могли быть и женщины...

–Мой покойный муж Вирджиниус ругался, если я даже слегка подкрашивала глаза, а у самого были шлюхи самого низкого пошиба, намалёванные и выкрашенные рыжей хной. Мужчины – непонятные существа, им нравятся раскованные, ярко накрашенные особы, а дома им подавай скованную, стеснительную, бледную особу,– удивлялась неподдающемуся логическому объяснению поведение мужчин Беула.

–Двуличные сволочи,– мрачно поддакнула подруга.

–Ты от меня что-то скрываешь. Раскрой душу – станет легче. Я же тебе рассказала о своём разрыве с Берни.

–Как только папа покинул дом, Норман словно сбесился. Приходит с работы иной раз за полночь...но разве конторы работают до темна?

–Это можно узнать. Дать сторожу презент, тот всё и выложит. Или найми частного сыщика.

–Я боюсь узнать правду...И его опять нет...Что мне делать? Как жить рядом с лжецом, видеть его лицо каждый день...Бессовестные, ничего не выражающие глаза...Я не

могу так больше. Развод никто не даст... Что предпринять? И это я гонялась за этим человеком и мечтала заполучить его любой ценой!

—Найди себе любовника.

—Что ты! Мои устои и принципы не позволят мне даже взглянуть на другого мужчину.

—Так в тебе ещё нет огня плотской любви?

—А как скоро он должен был появиться?— покраснев, переспросила Наяда.

—Некоторым это так и не удаётся познать... Успокойся, дорогая, все мужья изменяют своим благоверным. Надо смириться.

Миссис Сэндлер заплакала, уткнувшись в льняную салфетку.

—Глупая, уйми дрожь, уйми неистовое биение сердца, потуши тревогу в глазах: ни один мужчина на Земле не стоит слёз. И уж тем более не стоит реветь из-за Нормана: он ничего не делает, чтобы окружить тебя вниманием, коего ты достойна, он ничего не делает, чтобы исправить свои пороки. Поговори с ним. Пусть прекратит врать и притворяться. Ну, Наяда, ну перестань транжирить нервы, ты к тому же в положении...

Немного успокоившись, миссис Сэндлер, заикаясь, с чувством говорила подруге:

—Любовь коварна. Она манит сказочным блеском, кружит в вихре разноцветных надежд, притягивает красотой... и по-

сле ты в тисках, в стальном кольце объятий, вырваться из которых не хочешь, ведь тогда растают миражи мечты. Любовь сама внезапно покинет тебя, и спадёт пелена, а сердце опустеет, и низость, подлость окружающих тебя людей станет заметней, людей, которые потому ещё и существуют, что когда-то придумали себе идеалы честности и подражания героям. . . живую, потому что единицы «отщепенцев» следуют велениям совести и порядочности.

После ухода Беулы Наяда дождалась в холле прихода мужа. На часах был час ночи. Сэндлер вошёл покачиваясь.

– Жулики умеют втереться в доверие, – зло, сквозь зубы, процедила жена.

– Да, мы это умеем, высокомерная миссис Фригидность, – уязвил Наяду Норман.

– Все законы приличия писались не для тебя.

– Я не смею отрицать этот факт, – с апломбом, наигранно опустил голову адвокат, – Но моё поведение закономерно: мужчин среднего возраста не удержать дома одним только благонравием, благочестием и посулом секса, запланированного на будущий год.

– Может, мне ещё и посочувствовать тебе?

– Не помешало бы, – нагло кивнул муж и зашагал к лестнице.

– Ах, какая тяжёлая жизнь у мистера Сэндлера: жена-стерва его совсем не любит, – кривлялась Наяда, платя мужу той

же монетой.

Мужчина остановился на ступеньке.

Развернулся, и скорее с удивлением, чем с сожалением, переспросил:

–Ты меня уже не любишь?

В ответ горестное молчание.

Норман кивнул своим мыслям и добавил к сказанному:

–Правильнее было бы сказать: никогда не любила. Желала, как охотник добычу. Меня любила только бедняжка Граветин. Вот ей я не изменял.

Ваза чуть-чуть не долетела до его головы, разбившись о стену.

–Самовлюблённый кретин!

–Вандалка. А я и не подозревал, как негативно ты относишься к предметам искусства. С чего ты сорвалась? Я был на банкете по поводу удачно выигранного дела,– обратился их брань в розыгрыш Норман.

Наяда схватила за живот.

На звук разбитой вазы сбежалось несколько слуг.

–Руперт, бегите за доктором, у миссис Сэндлер начались преждевременные схватки,– распорядился барон.

К Драммондам зашёл на ленч Персиваль Росс, прибыла с визитом и Беула.

Отдав должное ароматному напитку и булочкам, августа увлекла сестру в дальний угол комнаты к окну рассмотреть

новые тропические цветы в горшках.

Доктор жаловался приятелю на жену:

– Не успеет утром встать – вцепляется в бедолагу-болонку. Она повсюду носится со своей собачкой, уделяя этой псине практически всё время. Как можно ставить животное вровень с людьми? Собаку Августа гладит в день по пятьсот раз, тогда как на меня лишь искоса бросает взгляд.

– Мой друг, Вы ревнуете жену к собаке?

– Вовсе нет. Я лишь показываю вам, молодым, во что превращается быт после свадьбы. Лучше бы Августа посвящала дни Билинде. Бедная девочка скучает. Ей 15 лет, в этом возрасте Беулу уже выдали замуж. Целыми днями дочь вышивает на пяльцах, и ждёт, что хоть кто-нибудь клонет на её солидное приданое. Кстати, Перси, а Вам нравится Билинда?

– Уважаемый доктор, мне ещё рано думать о женитьбе, я погряз в рутинной работе, накапливаю состояние.

– А, испугались. Ну не такая уж Билинда и страшилка. Ещё формируется... Женился же я на Августе, право, лучше б подождал ещё лет десять, да сосватал её младшую сестру... но, что сделано – то сделано. А Ваше состояние, говорят, действительно стремительно растёт. Свет обсуждает Ваши удачные экспедиции, после которых Вы стали владельцем крупной судоходной компании.

– Когда вернётся из плавания Ваш батюшка?

– Он никогда не говорит заранее на сколько уходит в плавание. Я тоже любил путешествовать, но вот зачем-то же-

нился, и теперь некогда...

–Я слышал, что после приключений в дальних краях Вы поступили на врачебную практику к самому королю. Почему Вы оставили Виндзорский дворец? Служить при дворе так перспективно и заманчиво...

Персивалю показалось, что глаза Бернхарда потемнели от какого-то воспоминания.

Драммонд не успел ответить гостю, как вошёл слуга и сообщил, что чета Сэндлер просит доктора осмотреть Няяду, у недавней роженицы открылось кровотечение. Бернхард извинился и покинул компанию.

Августа прошептала сестре:

–При гостях Берни – сама доброта и любезность, для домашних же – тиран и деспот.

Хозяйка дома приказала принести яблочный мартини и фрукты. Молодые дамы с удовольствием потягивали приятный алкогольный напиток. Персиваль не любил корицу, что входила в рецепт мартини, но не подавал вида, ему было приятно общаться со слабой половиной человечества, он устал от скабрёзной матроской брани, от офицерского лизоблюдства и цинизма, от сухих, без сантиментов разговоров.

–Вы, мистер Росс, проводите большую часть дня в конторе, тренируетесь на ринге, остаётся ли у вас время хотя бы на чтение газет?– поинтересовалась Беула.

–И газеты успеваю читать, и изучаю религиозные книги, ту же «Библию», например. Цитирую: «Когда Ной постро-

ил ковчег, Иегова сказал ему: «Войди ты, и семейство твоё в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сём; и всякого скота чистого возьми семь семи, мужского пола и женского, а скота нечистого по два, мужского пола и женского...»». В «Древнееврейской грамматике» Гезениуса разъясняется это повторение, как определение количественных числительных.

—Но принято говорить: «Ной взял каждой твари по паре»,— возражала Августа.

Её собачку унесла служанка, и, чтобы занять руки, она перебирала край атласной скатерти.

—Но всем известно, что близкородственные связи приводят к вырождению вида, и истреблению оногo,— не унимался Персиваль.

—Я согласна с мистером Россом, современные переводы «Библии» многое искажают,— согласилась с ним Беула, её взгляд бродил по его большим ладоням, казалось, эти сильные пальцы, если слегка нажмут на хрупкую подставку бокала, тот разлетится вдребезги.

—Но, друзья мои, каких тогда размеров должен был достигать корабль Ноя, чтоб вместить всех животных,— с сарказмом передёрнула плечиками Августа,— А сколько новых видов живности открыли в Новом Свете, в Австралии...

—Ну, не обязательно, что потоп был по всей Земле,— пожалала плечами Беула.

—И неизвестно каких высот достигла древняя цивилиза-

ция, почему судно Ноя назвали не кораблём, а каким-то ковчегом?— фантазировал молодой человек.

Младшая сестра с интересом вглядывалась в горящие глаза Персиваля. Этот жестокий боксёр и жёсткий властитель порта, как ни странно, был мечтательным романтиком...и, вероятно, он ранимый и чуткий человек.

—Давайте не будем богохульствовать,— серьёзно заявила Августа,— Оставим разгребать аллегии в научных трудах философам, к тому же правда теперь известна только Богу.

—Вы интересуетесь религиозными трактатами, занимаетесь боксом, и посылаете корабли в дальние страны, а что ещё занимает Вас?— любопытство Беулы возросло.

—Я хотел бы знать всё о мире, в котором живу. Пока был жив мой отец, мы с ним плавали по свету, и я не переставал удивляться всему новому, что открывал для себя. Отец рано ушёл из жизни, и из юнги я превратился в капитана и владельца небольшой эскадры. Спасибо дяде, он помог мне на первых порах, а иначе, скорее всего, экипаж мог взбунтоваться и захватить моё имущество.

—И где же сейчас Ваш дядя?

—Брат матери погиб в бою с пиратами...

—Как печально...А Вы были участником сражений?

—Десятки раз.

—О-о-о...— невольно воскликнула Беула и представила этого крепкого, мускулистого парня дерущегося с неприятелем с голым торсом, она наткнулась на его пристальный



взгляд и покраснела, как будто гость прочитал её мысли, сболтнула очевидную глупость,— Быть мужчиной так тяжело...

Персиваль улыбнулся.

Эти «ахи» и возгласы делали из неё пустоголовую барышню, она вовремя спохватилась и самым серьёзным тоном осведомилась:

—Вы не потеряли в деньгах, когда я заменила рейсы в Индию на страны ближнего зарубежья?

—Отнюдь. Дальние плаванья рискованные, семьи разлучаются на долгое время...А сейчас, выполняя Ваши заказы, мой флот практически ничем не рискует.

—Ваши корабли, я слышала, плавают и в Северную Америку.

—Да. Моя матушка с отчимом заведуют лесопилкой в Старом Свете, ввозить лес в Европу очень выгодно.

Августа едва сдержалась, чтоб не зевнуть. Она уже соскучилась по своей визгливой болонке.

—А где Ваши дети, миссис Драммонд?— вывел её из сонной скуки Росс.

—Новое поколение Драммондов — строптивые и своевольные грубияны: светские разговоры их раздражают. Билинде нравится одиночество и своё вышивание, а Залман настолько непоседлив, что не усидит и пяти минут.

«Ага, сынуля весь в деда-холерика, а дочурка такая же никчемная особа, как мамаша»,— сделал вывод гость.

Августа перевела беседу на интересную для неё тему: обсуждение французского веяния на моду. После десяти минут перечисления актуальных цветов в одежде на этот сезон, мистер Росс откланялся. Не засиделась и Беула.

Вернувшийся Бернхард застал жену с собачкой расположившихся на софе. Августа с тоскливым видом пялилась в книгу.

– Не порть глаза, дорогая, всё равно полезная информация не задерживается в твоей голове, – хмыкнул муж, – И хватит мучить животное своими тисканьями.

Дама, с пафосом прижимая болонку к сердцу, капризно заявила:

– Не смей ворчать на меня, нам это не нравится.

В подтверждение её слов собачка твякнула на Берни.

– Ещё раз твоя шавка облает меня – и слуги будут смывать мозги и кишки этой псины со стен, – недовольно прикрикнул хозяин дома.

– Чудовище, – испуганно вскричала Августа.

Доктор прошёл в свой кабинет, который был увешан масками аборигенов, обставлен бубнами, статуэтками и идолами, на полках располагались и другие малопонятные простым обывателям шаманские атрибуты. Книги по медицине стояли в дальнем углу.

Бернхард сел за письменный стол, что стоял у окна. Мужчина с вздохом обхватил голову руками.

Жена вошла тихо, и без болонки.

–Что с Наядой? Она умирает?

–Уже нет. Я вовремя успел. Она стеснялась приглашать меня, когда я прибыл, вызванный ею шарлатан хотел пустить ей кровь. Идиот! Она и так её много потеряла! Я выгнал этого недотёпу, запихав ему за шиворот ещё и его пивок. Я выскоблил Наяде матку, удалив лишние сгустки крови, предыдущий акушер просто преступник с докторским дипломом, он не обследовал роженицу, как должно. Я предупредил миссис Сэндлер, что возможно, детей у неё больше не будет.

–Я уверена: ты действовал грамотно, как наилучший специалист, не надо винить себя за халатность других.

–Да, Наяде гораздо лучше. Но не из-за неё меня заела хандра. Внутри какое-то опустошение.

Августа приблизилась, провела рукой по его волосам.

–Может, какие-то тяжёлые воспоминания гложут тебя?

Бернхард с опаской глянул на жену: неужели догадалась о его шашнях с Беулой?

–Ты был на балах у Георга Третьего?– вдруг спросила женщина.

–Неоднократно.

–На тех балах, что проводились для столичных аристократов или на тех, что устраивались для приближённых?

–Я догадался куда ты клонишь... Хочешь знать правду? Но сначала скажи: что плохого в стремлении жить вечно? Я, как юное существо, потянулся к модным тенденциям, обещающим безгранично отдалить старость.

–Как ты мог пойти на поводу у человека с больной психикой?

–Ты соображаешь что говоришь?! Называешь находящегося на браздах правления короля дураком! У тебя ума, как у твоей болонки! Хорошо, что здесь мы без посторонних. В своё оправдание также могу прибавить и тот факт, что события, разворачивающиеся вокруг Георга Третьего, для окружения были живописны и зрелищны. Представь охотничий, небольшой замок посреди леса. Мы облачились в голубые рясы. Король читал евангелие от Лимии, мы прославляли Каина – первого вампира.

–Того, что убил брата Авеля?

–Да. Каин женился на Лилит, которая некогда отвергла Адама, возжелав иметь равные права с мужчинами, тогда Бог сотворил более стоворчивую и слабую женщину – Еву. Самые могучие вампиры – дети Каина и Лилит, их называют: метузелло, они просыпаются раз в 1.000 лет и пьют кровь «мастеров», самых могущественных после них. «Мастера» живут 500 лет, умеют летать, вводить в гипноз, умеют управлять движением вещей и тел. Далее идут «старшие», что живут 300 лет и имеют иммунитет против серебра. Их кормят «младшие». А новички-вампиры, как правило, молодые люди, называемые в кругу вампиров «птенцы», после вступления в тайное общество живут не более десяти лет, становясь добычей «старших» и «младших».

–Я слышала, что Георг Третий боится дневного света и не

стесняется пить кровь вместо завтрака. Твоя совесть тоже не чиста, Бернхард, потому ты и изводишь себя, тебе мерещится кровь!

—Ха! Я — доктор, кровью меня не испугаешь. Я повидал такое, что давно ничему не удивляюсь. Ведь я видел, как аборигены ели своих врагов. Я видел, как озверевшие от жажды вечной жизни и в поисках острых ощущений белые люди самых высоких рангов рвали зубами живую плоть своих подданных. Я неоднократно сам заливал стены и пол охотничьего замка свежей кровью, что добывал у больных, которым делал кровопускание.

—За столько лет ты не изменился, Берни. Не постарел. Лукреция Борджиа купалась в крови девственниц и была всегда красива и свежа.

—Августа, что ты говоришь?! Ты серьёзно считаешь меня вампиром? Может, кровь Няяды я собрал в баночку и сейчас заглотну одним махом для стимула? Вампиров придумали инквизиторы в стародавние времена, чтобы была причина сжигать неугодных.

—Тогда почему твоё лицо не носит отпечатки времени?

—Мне просто повезло. А ты завидуешь, потому что у самой щёки провисли и глаза впали.

—Ты умеешь сделать даме комплимент, грубое животное!

—Я и так устал, а ты ещё меня пилишь неизвестно за что и утомляешь никчемной беседой!

—Устал за пять минут ковыряния в человеческой плоти?—

хмыкнула жена.

–Ты не знаешь, какого напряжения требует сосредоточение на руках, я мог проткнуть скальпелем Няяду насквозь! А ответственность за здоровье и жизнь пациента?!

Августа с раздражением хлопнула дверью.

Через несколько дней Бернхард Драммонд вновь встретился с мистером Россом в игорном доме. После перекидывания карт по столу, они курили через кальян в курительной комнате, где доминировали весёлые жёлтые тона.

Берни опять просил знакомого присмотреться к его дочери:

–Билинда нежный, свежий цветочек, она ещё распуститься, если за ней хорошо ухаживать. Я буду замечательным тестем, Росс, я закрою глаза на Ваше непостоянство, ведь я, как доктор, понимаю, что мужчине быстро надоедает одна женщина. Природа так устроена: многие млекопитающие стремятся оплодотворить большее количество самок для продолжения своего рода.

–Ева, видимо, была шлюхой и извращенкой, и совокуплялась с собакой, только от потомка безразборчивой шавки я мог услышать подобное.

–Я бы мог обидеться, но не стану. Мы разные люди. А Ваша версия с Евой требует углублённого изучения. Почему бы и нет? У многих аборигенов есть тотемы священных животных. Но в обход Вашей гипотезы я бы предположил, что

Адам изначально был падок до секса, и когда Ева по известным женским причинам не могла удовлетворить его похоть, он обращал взор на животных.

Персиваль переборол в себе отвращение к собеседнику, сквозь зубы процедил:

– Хорошо, я принимаю ваше мировоззрение.

Драммонд снисходительно кивнул.

Судовладелец вздохнул и откровенно спросил:

– Что за человек сестра Вашей жены?

– Беула – скользкая личность. Притворяется недоступной штучкой, но от Августы я знаю, что она имеет тайного любовника. А раз она скрывает его от глаз общественности, значит с этим субъектом не всё чисто, он либо из низов сословия... либо женатый человек, а это говорит о её скотском характере, она не в состоянии контролировать ни свои эмоции, ни пагубную тягу к наслаждениям.

– За что Вы ненавидите Беулу?

– А за что мне любить эту женщину?

– Порядочный человек ради приличий не стал бы порочить честное имя родственницы.

– Но Вам ведь нужна была правдивая информация, и потому не пойму за что Вы меня оскорбляете.

– Если Вы на столько честный, ответьте на такой вопрос: ходят сплетни, что это Вы отравили Верджиниуса Спенсера, чтобы освободить свояченицу от деспота.

– А в этом деле Вам зачем правда? Если я на столько смел,

что отравил фабриканта, то я не на столько бестолковый, чтобы сознаться, ведь мне дорога моя шея. Приглашая Вас к себе, я надеялся выгодно пристроить дочь, но раз Вас интересует вдовствующая свояченица, тут я Вам не помощник: Беула самостоятельная, независимая и самодостаточная личность.

—Вы могли бы помочь мне в сердечном деле с Беулой, но Вы ревнуете.

—Ваша фантазия разыгралась!

Росс поднялся и ушёл.

Драммонд в сердцах пнул ногой кальян, тот брякнулся и треснул.

В конце недели в саду у Спенсеров хозяева привечали семью Драммондов.

Беула ушла в дом за лимонадом. Ожидая сестру, Августа сидела за столиком, сжимая свою собачку. Бернхард в это время находился у пациента, его прибытия ожидали с минуты на минуту.

Вдруг через ограду перелез мальчишка лет шести. Билинда вскрикнула и выронила рапиру, которой только что фехтовала с двенадцатилетним Роландом. Её соперник застыл с холодным оружием в руках. Залман, следящий за ходом поединка открыл рот.

Нарушивший идиллию семьи ребёнок, как ни в чём не бывало, приближался к дому.



–Мальчик! Чей ты?– вскрикнула испуганно Августа, этот нарушитель спокойствия был очень похож на Залмана, и сердце женщины дрогнуло в нехорошем предчувствии.

–Я ищу свою маму. Я из приюта,– бойко проговорил мальш.

–Ты думаешь, твоя мама богата и живёт здесь?– усмехнулась миссис Драммонд.

–Но ведь здесь живут Спенсеры?– переспросил непрошенный гость.

–Да, – удивлённо подтвердила Августа.

–Я – Фрэдди Спенсер,– представился мальчик.

На пороге появилась Беула.

Фредерик бросился к ней, крича:

–Мама! Мама!

Собачка соскочила с рук Августы и с тявканьем побежала за ним.

Хозяйка болонки визгливо зазывала питомца:

–Ириска! Немедленно возвращайся! Ириска!

Затем она подошла к сестре, держащей хрустальный кувшинчик с лимонадной водой в одной руке, и прижимающей ребёнка другой.

–Как это всё понимать, Беула?– вскинулась на неё Августа, хватая на руки захлёбывающего от лая пса.

–Я присмотрела в приюте ребёнка.

–Ах, вот что...

–Милый, теперь ты всегда будешь жить здесь,– сюсюкала

Спенсер с Фрэдди.

По каменной дорожке Бернхард приближался к семье. Заметив незаконнорожденного сына, он остановился, и хотел было развернуться, но ушлый малец заметил его.

—А вот и папа!— объявил он.

Билинда вскрикнула. Августа окаменела.

Бернхард зашагал обратно по направлению к карете.

Роланд увёл незнакомого мальчика и остальных детей в дом. Фредерик доверчиво взял старшего брата по матери за руку.

Августа, словно рыба, открывала и закрывала рот, пытаясь что-то вымолвить, но истеричное откровение сестры опередило её вопросы:

—Да, это мой сын! Мой и твоего мужа! А что ты удивляешься, сестра? Да, ты спихнула меня замуж в пятнадцать лет, лишь бы не кормить лишних год-два. Спихнула, чтобы твой муж не заглядывался на юные прелести твоей сестры, но он успел-таки их рассмотреть! Он всегда преследовал меня жаркими посулами и обещаниями любви. А ты можешь любить только собак! Даже дети для тебя не столь важны!

—Что ты говоришь, завистливая гадина?! Разве я сама вышла замуж не ранней птичкой? Разве плохую партию я подобрала тебе для брака? Тебе нет оправданья, дрянь!

Беула отвернулась, не смея смотреть в глаза сестры.

—Прости, если сможешь...— пролепетала младшая.

Августа на неё не глядела, для неё такого человека, как

Беула Спенсер больше не существовало, она вбежала в дом и позвала:

–Дети! Мы уезжаем домой!

Билинда со слезами, пряча глаза, пробежала мимо матери.

Недоумённый Залман испытующе глянул на мать. Этого непонимающего взгляда женщина не выдержала – всхлипнула. Сын прижался к матери, погладил её ладонь. Она прижала ребёнка к себе, спихнув Ириску с рук.

Дома Августа ворвалась в кабинет Бернхарда, выговаривая наболевшее:

–Лгун, ничтожество! Я презираю тебя. Меня ты никогда не любил и не понимал. В порыве ревности я была готова изорвать ножом твой портрет в холле на тысячи кусочков и тысячу раз написать на них: «Тебя я ненавижу». Но страсти улеглись. Ты просто мне опостылел и опротивел.

–О-о-очень хорошо, потому что ты мне надоела.

–Мразь! Какая выгодная у тебя работа: «Я у больного», а сам бегом к шлюхам! Конечно, зачем пользоваться одной и той же женщиной, когда много других мнимобольных!

–Ты предполагаешь, что многие симулируют симптомы болезней, лишь бы очутиться голой перед привлекательным доктором?– усмехнулся Бернхард.

–Уходи к Беуле!

–Она мне тоже надоела, и у нас давно всё кончено,– отстранённо доложил муж.

–Раз я тебе надоела, то не подходи ко мне с Ириской! И знай: если моя собачка сдохнет – не жить и тебе!

–Чучело, собаки живут недолго. И неужели ты думаешь, что врач не распознает яд в примеси любой еды?

–Я – чучело? Ах, так!

И в Берни полетела одна из его любимых масок. Стукнувшись о лицо собирателя этнических реликвий, экспонат с грохотом развалился на полу. Драммонд кричал не от боли, а от скорби утраты дорогой вещи. Его ярость вылилась в то, что он схватил тщедушную жену и стал трясти её, как грушу. Затем, не меняя злобного выражения лица, он вышвырнул Августу за дверь своего кабинета.

–Истеричка! Теперь придётся врезать дверной замок.

Беула завела младшего сына в старую детскую, где когда-то росла сама.

Мальчик устремился к одной из полочек, где стояли куклы в кружевах и бантах. Фрэд взял двух небольших пупсов с фарфоровыми головами, и с силой ударил их красивыми личиками. Фарфор разлетелся на куски.

–Фрэди, что ты делаешь?

–Разве не видите? Играю.

–Но...нельзя вести себя так.

–А что такого? Куклам не больно, зато их головы так забавно хрустят.

–Мистер Спенсер, за порчу игрушек, то есть имущества,

которое стоило немалых денег, которое являлось моими любимыми вещами, Вы будите наказаны! Вы просидите в тёмном чулане два часа!

–Куклы для Вас важнее, чем я?– с вызовом вскинулся Фредерик,– И знайте: темноты я не боюсь!

«Конечно дьявольский ребёнок – порождение тьмы, как он может бояться мрака?»– пронеслось в голове у Беулы.

–Я не стану покупать Вам сладости и новые вещи, пока Вы не научитесь вести себя подобающе джентльмену, и не научитесь уважать старших.

–Пожалуй, я вернусь в приют, там мною дорожили.

–Дорожили, потомучто я оплачивала эту заботливость. Иди, ступай в свой приют, я больше ни пенни на тебя не потрачу.

–Я буду всем рассказывать кто мои родители!

–Кто поверит маленькому мальчику-фантазёру?

–Где чулан? – сдался Фрэд.

Приглядывая за Фредериком, миссис Спенсер не появлялась в конторе с неделю. Встречу с журналистом отложила до завтра. «Теперь газеты раструбят о моей благотворительной, щедрой душе: взять «чужого» ребёнка из детского дома», – усмехалась она в душе.

Рассеянно разглядывая отчёты и счета, она не могла сосредоточиться, сердце опять возвращало её к проблемам дома. Играя с малышом Фредом в приюте, она считала его за-

бавным и милым, оказавшись у неё перед глазами, выявился его настоящий хулиганский характер, к прочим недостаткам он был непоседой и неподчиняемым субъектом.

Более всего Беулу поражало то, что Фрэдди на прогулке давил муравьёв, выжигал лупой крылья бабочкам и пчёлам, пинал добродушного кота Боцмана.

Поймав сорванца за очередным злодеянием, она хлопнула сына по заду и посоветовала:

– Ущипни себя – узнаешь, больно ли другому.

Мальчик надул губы, и, отвернувшись, молчал.

Роланд сторонился внезапно появившегося родственника. С матерью подросток не разговаривал. Да Беула и боялась заговорить с ним, боялась услышать упрёки и оскорбления.

Женщина устало встала из-за стола, задумчиво прошлась из угла в угол.

Кто-то вошёл без стука и поздоровался.

Беула быстро, испуганно развернулась, и не смогла срыть улыбки радости. Росс!

Она подошла к партнёру по бизнесу.

– Я так рада, что Вы самолично явились обсудить наши текущие дела.

– Вы перестали бывать у сестры и появляться в Свете... а я должен был Вас видеть.

– Но... чем вызвана необходимость видеть меня? – непроизвольно попяtilась Беула.

– Почему Вы не поддерживаете родственных отношений с

сестрой?— вместо объяснений задал каверзный вопрос Персиваль, он чувствовал, что между Спенсерами и Драммондами случилось нечто важное, страшное и непоправимое.

—Ну...родные часто ссорятся...Августа не одобрила то, что я усыновила ребёнка. И мне теперь некогда бывать на приёмах. Кроме того, много дел на фабриках и в конторе. Так что времени на праздный досуг совсем не остаётся.

—Похвальная благотворительность, если не считать той мелочи, которая называется правом ребёнка жить с собственной матерью.

—До Вас дошли эти грязные слухи?

—Я давно сам догадался о Ваших встречах с Бернхардом.

—Так зачем Вы пришли к безнравственной, низкой особе?

—Сказать, что отныне Вы будите только моей.

—Какое самомнение!— покраснела Беула, пытаюсь отдалить и охладить пыл мужчины.

Но он подошёл к ней, сжал в объятиях, страстно целуя. Женщина замерла. О, эти сильные руки боксёра! О, этот мускусный запах его тела! У неё закружилась голова от затяжного поцелуя и новых неясных ощущений.

Персиваль перевёл дыхание.

—Мистер Росс, Вы торопите события. Такое поведение не к лицу джентльмену, Вы даже не удосужились узнать, питаю ли я к Вам взаимную симпатию,— заторопорила с предыханием Беула.

—Так я Вам не нравлюсь?— заглядывая ей в глаза, спраши-

вал судовладелец.

Он нежно провёл ладошкой по её шее. Беула затрепетала от желания, но молчала.

–А я вижу, что Ваша сущность тянется ко мне,– истолковал он,– Я приглашаю Вас с сыновьями на прогулку в Ирландию на новеньком галеоне.

–Как эту поездку истолкуют в Свете?– пыталась тщётно высвободиться из объятий боксёра женщина.

–Так давайте до путешествия заключим брак!– пожав плечами, весело предложил Росс.

–Но Вы совсем меня не знаете.

–Достаточно того, что я люблю Вас, а какой там у Вас характер – пустяки, притрёмся.

–Но Вы берёте меня с солидным довеском из двух сыновей, причём младший сущий бесёнок. Не лучше ли сосватать молоденькую девицу? Любая будет на седьмом небе от счастья вступить в брак с эдаким красавцем.

–И только прелестная Беула отпихивает от себя эдакое счастье.

–Мне уже двадцать семь лет, тогда как Вы можете найти пятнадцатилетнюю избранницу.

–Мне тоже двадцать семь лет, и я хочу каждое утро видеть именно Вас в своей постели. Ну, соглашайтесь же, наконец.

–Я боюсь ошибиться. Мой прежний муж любил вымещать на мне своё дурное расположение духа. Я боюсь, что эта ситуация вновь повторится. А как я появлюсь на людях с си-



няками?

–Я не бью женщин,– смеялся Персиваль,– К тому же после одного моего удара Вы уже не встанете.

–Вы всё время смеётесь! Решается моя судьба, а Вам смешно!– обиделась женщина.

–Это смех радости, моя милая. Меня переполняет радость оттого, что я держу Вас в своих руках.

–А если я откажу Вам во взаимности?

–Украду Вас и увезу в Америку. Я так решил.

Теперь тихонько засмеялась Беула.

–Безумец. Когда Вы успели так сильно втрескаться в меня? Ведь по приезде в Уэльс Вы едва замечали меня.

–Я пригляделся к Вам в кругу семьи, где Ваша непреступная личина менялась на добродушную и внимательную слушательницу моих рассказов о путешествиях. И Вашу отзывчивую душу выдали искренние глаза. И ещё в них я прочитал призыв.

–Призыв?

–Зов любви.

Беула широко улыбнулась и сама поцеловала жениха. Быстрым, коротким поцелуем. На что мужчина хитро ухмыльнулся и притянул лицо любимой к своему пылающему страстью лицу.

Они потеряли счёт времени, когда до них донёсся голос секретаря леди Спенсер:

–Туда нельзя. Идёт важное совещание с судовладельцем.

Влюблённые, прижимаясь щекой к щеке, счастливо смеялись.

–Давай проводить такие совещания каждый день,– шуткой предложил Персиваль.

–А, ловлю на слове, безобразник.

–Мне-то это занятие не надоест, сама не забудь устраивать «совещания».

–Отметь этот пункт в брачном контракте, чтоб я не посмела забыть.

–Так и запишем: целовать мужа каждый день.

–А просыпаться в одной постели?– напомнила Беула,– Какой ты всё-таки непоследовательный: сначала заявил, что непременно должна принадлежать тебе, затем обязал съездить в Ирландию, только после предложил замуж, и совсем напоследок сказал главное – объяснился в любви! Боже, с тобой я становлюсь смешливой и раскованной!

–Это плохо?

–Нет, это здорово! Я начинаю любить жизнь. На какое число назначим свадьбу?

Приподнятое настроение Беулы улетучилось дома, когда она встретила в холле со старшим сыном. Тот холодно кивнул матери, и хотел уйти.

–Я не понимаю твоего бойкота, Роланд! Ты что боишься раздела капитала между тобой и Фрэдом?

Подросток отшатнулся оскорблённый.

–Как Вы могли такое подумать обо мне! Мне стыдно за Ваше непристойное поведение мама! Встречаться с мужем сестры!

–И ты собрался вечно игнорировать меня и Фрэдди? Чем ты лучше, напыщенный гусь!

–А как должен реагировать на подобное джентльмен?

–Я выхожу замуж.

–Что? За Бернхарда?

–Что ты! Я раскусила этого типчика Берни. Он – плохой человек. Я встретила прекрасного человека. Он зовёт нас, кстати, прокатиться на новом галеоне в Ирландию.

–Там, говорят, дивные места.

Мать протянула руки к сыну.

–Я люблю тебя, Роланд. Разве мои ошибки должны отдалять тебя от меня?

–Мама! Прости!

Они обнялись.

–Мама, кто твой избранник?

–Персиваль Росс.

–Знаменитый боксёр?! Он покажет мне технику боя?

–Конечно! Ведь ты будешь его сыном!

Августу раздражало то, что Бернхард перестал замечать её персону.

Когда муж в очередной раз прошёл мимо неё, она вновь сорвалась на крик:

–Ты, как кот, купаешься в ласках со стороны женщин! Дома наглаживает одна, в других домах облизывают другие!

Берни остановился и устремил на жену ненавидящий взгляд.

–Вместо тебя, Августа, я лучше бы завёл кота, он также то ест, то спит, но он хоть иногда мышей ловит, тогда как ты ещё и денег требуешь.

–Требовать наличные – это моё право жены. К тому же твою кислую физиономию в доме можно терпеть только за деньги.

–Кошка скребёт на свой хребёт.

–А, теперь я понимаю, кто отравил Вирджа Спенсера!

–У тебя нет доказательств, дура. А если ты впредь будешь устраивать мне сцены, крушить мои планы и уничтожать любимые вещи, то и ты вскорости встретишься на небесах с Вирждиниусом.

–Подлый убийца.

–Я – негодяй, и горжусь этим. Не у многих хватит храбрости играть с законом.

Позже Августа долго плакала в своей комнате, но муж не пришёл узнать, почему она не спустилась к ужину. Ему безразличны её переживания, так стоит ли тратить силы и здоровье, заливаясь слезами? Последние благие чувства к мужу выгорели вместе с этими слезами. Только сейчас она прозрела: Бернхард никогда не интересовался её внутренним миром, даже её привязанность и симпатии к животным прирав-

нивал к прихотям. А почему она собственно должна дарить нерастраченные чувства собачке? Неужели никто не способен оценить её по достоинству? Надо чем-то заняться, чтобы отвлечь голову от кручины, не стоит бессердечный Берни её слёз.

На следующее утра Августа уехала за покупками, скупала красивые детские платьица и игрушки. Затем явилась с визитом в дом Боу.

Хозяин встретил госпожу Драммонд с удивлением, но всё же радость скрыть не мог, так весь и светился.

Оттавии тоже было приятно, эта аристократка приехала к ней, как к подруге: запросто, без предупреждения и письменных приглашений.

Августа оглядела гостиную.

Похвалила:

–Чувствуется восточная тематика, несколько непривычно и отлично от классического, английского стиля, но интерьер дурманит обилием красок, что даже завораживает. И сразу ясно: это Ваша, Оттавия, идея так обустроить главную комнату в доме. Вы сами прекрасны, и украшаете вокруг себя пространство с той же старательностью, с какой Вас сотворил Бог.

–Спасибо за комплимент, миссис Драммонд, но Ваша внешность ни чуть не хуже. Вы – воплощение пикантной неповторимости. А авангардное мышление даёт увидеть Вам

гораздо больше, чем другим.

–Диапазон моего мировоззрения расширился буквально вчера. Я вдруг поняла, как много теряю, замуравав себя в доме. Если меня окружили лживые, злые люди, то должны же быть где-то добрые, честные граждане.

–Вы разочаровались в супружеской жизни?

–Удивлены?

–Ни сколько, мне пришлось столкнуться с бесцеремонностью и наглостью Вашего мужа. Он пытался меня изнасиловать прямо во время медицинского осмотра.

–Как это на него похоже...

В комнату вошли девочки. Им вручили подарки. Те вежливо поблагодарили. Августа заметила, что одна из близняшек не сводит глаз с её болонки.

–Ну, подойди, малышка, моя Ириска не кусается,– позвала девочку обладательница забавного животного.

Джессика с восторгом сунула свои ручонки в собачью шерсть.

–Джесс, ты как дикая, невоспитанная девочка, испортила причёску собачке!– ругала хулиганку мать.

Гостья вручила пёсика Джессике.

–Поиграйте. Я вижу: Ириске ты понравилась.

Дети заняли собачку мячиком, и та с радостным лаем бегала от одной крошке к другой.

Дамы же продолжили беседу.

–Я осмелюсь предложить Вам кардинально поменять ма-

кияж, миссис Драммонд.

–Интересно, и какие же цвета Вы мне предлагаете, миссис Малевольти?

–Я заметила, что блондинки становятся ярче с зелёными и голубыми тенями для глаз.

–Я не сомневаюсь, что в своих магазинах Вы подберёте мне соответствующие цвета для смены имиджа.

–Любой Ваш каприз я исполню бесплатно, я дорожу Вашей дружбой. Пока Вы одна увидели во мне равную подругу.

–Тогда перейдём на «ты»?

–С радостью.

–Оттавия, я решила заняться каким-нибудь творчеством, чтоб занять руки и мысли. Когда-то свёкор привёз вашу семью из Сицилии для обустройства дома, теперь семья Малевольти проживает в квартале для рабочих, я могла нанять агента и через контору разыскать специалистов по ремонту, а также скульпторов, но я хочу нанять именно членов твоей семьи, потому что решила не только обновить дом, но и заняться лепкой из глины, и припомнила, что, будучи невестой Бернхарда, я видела среди рабочих помогающего отцу-скульптору подростка Чезорино. Вот его-то я и найму учителем, а Малевольти-старшего управляющим ремонтными работами. И я хочу помочь твоей семье, платить буду достойно, назло всем назначу самую высокую оплату.

–Мой брат уже давно взрослый. И он, действительно, продолжил дело отца. Спасибо за работу для моей родни, у

них сейчас как раз простой. А мне не терпится показать Вам, Августа, косметику. А ещё вчера привезли из Германии несколько видов «Аква адмирабилис» (чудную водицу) от Джани Паоло Феминис.

—Этот Ваш соотечественник делает чудеса, никогда ещё духи и одеколон не были наполнены таким восхитительным ароматом.

—Он, как любой житель Италии, знает один наш секрет: бергамотовое масло. Бергамот растёт только в одном месте в провинции Калабрия, в местечке Реджио. В дикой природе бергамотовые деревья не встречаются, их не вырастишь из семечка, черенки бергамота прививают к схожим деревьям: к лайму или померанцу.

Гостя с интересом слушала.

В это время Артур вошёл в кабинет отца.

—Папа, ты звал меня?

—Как дела в твоих магазинах?

—Капитал неуклонно растёт.

—Августа Драммонд решила записать твою мачеху в подруги, наши семьи будут теснее общаться. Почему бы тебе не позаигрывать с Билиндой?

—Папа, эта девушка из семьи барона, тогда как ты всего лишь сквайр.

—Билинда уродилась дурнушкой, у тебя есть шанс очаровать её своей привлекательной мордашкой.

—Мы не на столько бедны, чтобы охотиться на богатых на-



следниц.

–А, хочешь иметь подле себя мордочку поэстетичней,– махнул рукой на недалёковидного сына Боу-старший.

Сэндлер без особой радости разглядывал младенца.

–Норман, ты не рад дочке?– с волнением спрашивала жена.

–Сын, конечно же, лучше,– решил «добить» Няяду муж.

–В первые дни после рождения Джозефа тебя тоже не было видно у его кровати,– напомнила адвокату супруга, этим же обстоятельством она успокоила и себя: что занимательного для мужчин в пищащем кулёчке?

–Я пойду, у меня много дел.

–Пригласи Беулу Спенсер,– не показывая оскорбления, попросила женщина.

–Как ты можешь дружить с этой мелочной скрягой?

–У всех свои недостатки.

–Зато мои недостатки – это глобальные, непреодолимые, зияющие крошечным адом червоточины на моей личине.

–Ты, как всегда, паясничаешь.

–Не боишься так рано зазывать гостей? Девочка ещё совсем мала, как бы не захворала от какой-нибудь лихой инфекции.

–Мне скучно одной в доме!

–Как знаешь... Да, завтра у нас в конторе очередной банкет. Заночую, может, у кого из друзей, не беспокойся.

Жена ответила безразличным молчанием.

Норман проснулся в объятиях дешёвой проститутки из бордели. Резко бил в нос запах невымытых волос. Девка ещё спала, и слюна стекала из её полураскрытого рта. Мужчина сморщился и брезгливо убрал свою руку со спящей. Ему вдруг захотелось разрыдаться. Он мечтал быть подле другой, а разменивался на каких-то шлюх. Норман с отвращением вспомнил, как в пьяном угаре лил слёзы этой дешёвке в плечо, жалуясь на судьбу, то-то сегодня эта проשמандовка посмеётся над ним с товарками. Нет, к счастью эта дрянь вчера была пьянее его, она могла только поддакивать и кивать.

Августа вняла советам новой подруги-итальянки и стала дополнять макияж яркими цветами. Из невыразительной особы она превратилась в кричащую экстравагантностью кокетку. Из усталой тридцати трёх летней женщины она переродилась в цветущую даму с незабываемым шармом и обаянием. Назло обстоятельствам она источала в мир жизнерадостность. Краска, как бы влила в неё уверенность и дополнительную красоту. Теперь все в Милфорд-Хейвене в один голос уверяли, что леди Драммонд расцвела.

Она уговаривала воспользоваться чудесами косметики и дочь, но та ответила, что не желает обманывать потенциальных женихов, пусть полюбят её без прикрас.

Когда прибыли для заключения договора отец и сын Ма-

левольти, Августа вдруг растерялась. Она почему-то не ожидала, что и брат Оттавии также ошеломляюще красив, как его сестра. В подростковом возрасте она видела его мельком, и издали, и в памяти запечатлелся лишь туманный образ чернявого мальчика.

Чезорино рассматривал хрупкую, изящную женщину, синева её огромных глаз показалась ему такой же глубокой и бездонной, как омуты. Ещё он разглядел в них затаённую грусть. «Отчего богатые впадают в уныние?»— удивился парень.

Под руководством Марко Малевольти мастерскую возвели в укромном месте за аллеей лип, в самом дальнем углу большего сада. Садовник дополнительно спрятал строение от посторонних глаз под вьющиеся лианы дикого, декоративного винограда.

С неизъяснимым трепетом Августа пришла на первое занятие. Ириска осталась дома, и непривычно пустые руки блуждали скрещенные по предплечьям.

—Вам холодно?— неправильно понял её Чезорино, он обеспокоено попросил отца,— Папа, затопи печь, наша работадательница замёрзла.

Марко склонился над топкой.

—Я тут замесил белую глину, возьмите в руки комочек и ощутите податливость материала,— предложил учитель.

Женщина робко отломил кусочек от выступающей во все

стороны неровной, серой массы.

–Из глины Вы способны воплотить любую мечту. Создайте птицу, человека или цветок, но самое главное – вложите в глину частичку своей души: и птица будет готова улететь покорять небеса, цветок захочет благоухать, а человек – улыбаться и любить.

–Да Вы – поэт!

–Нет, я просто люблю свою работу. Как несмело Вы мнёте глину. У Вас нет мечты?

–А разве получится создать шедевр вот так сразу? Без опыта, без навыков?

–Верьте в себя. Я помогу.

Горячие ладони Чезорино накрыли её ладони. Его торс прижался к её спине, отчего волна блаженства вдруг окатила Августу. Она почувствовала слабость во всём теле.

–Ну, Вы совсем испугались, леди Драммонд, замерли, будто я пытаюсь отобрать у Вас комок глины. Вы придумали кого мы будем ваять?

–Лебеда.

–Отлично. Грациозная, гордая птица. Как этот образ похож на Вас.

Их пальцы вместе стали наглаживать глину, придавая бесформенной массе нужную форму. Они понимали друг друга без слов, как будто заранее договорились какая должна получиться фигурка. Они словно читали мысли друг друга, интуитивно дополняя произведение новым штрихом.

Итальянец тоже боролся с собой, только не подавал вида. Душистый аромат духов, смешавшись с тонким благоуханием кожи, выразился в восхитительную композицию. Гамма неясных, но волнительно-прекрасных чувств просыпалась в нём. Близость чужой, неизмеримо далёкой от него по происхождению женщины пьянил. Она никогда не будет принадлежать ему...но разве сейчас она не в его объятиях? Его поразило то, как быстро Августа понимает его образы, задумки, как согласно идёт на уступки и сама выражает колоссальную фантазию, делая изгибы, обрисовывая оперение.

Баронесса тоже хотела избавиться от наваждения, она, как бы, между прочим, спросила:

—А какая у Вас жена?

—Моя жена — англичанка.

Малевольти-старший возился у своего изваяния, шлифуя камень. Чтобы не мешать занятиям, он даже взгляда не бросал в сторону учителя с ученицей.

—Что привлекло Вас в избраннице?

—Белокурые волосы Зилы подействовали на меня гипнотически. Лишь после я понял, что волосам хорошо бы ещё иметь умную головку, а то жена настолько ограниченная личность, что с ней практически не о чём поговорить.

—У вас всё ещё лёгкий акцент. Кто Вас учил английскому?

—Слуги в Вашем доме. Помните, когда мы только приехали в Англию, с нами говорил по-итальянски лишь Ваш свёкор сэра Айвор Драммонд. Ах, да, раньше Вы не вели домаш-

них дел...

—Да, я не интересовалась прислугой и их детьми.

Августа произнесла это и покраснела, как будто в этой фразе было нечто стыдное, разве можно укорить человека тем, что он у тебя в услужении? Но этими словами она ставила всё на свои места: хозяйка и раб.

Чезорино отошёл в сторону, поделка готова.

Задумчиво глядя на совместное изделие, он произнёс:

—Вам не кажется, что нет некой незавершённости?

—Надо обжечь и раскрасить лебеда.

—Лебедь одинок. Он прекрасен, но одинок. Лебедь не должен быть без пары.

—Да, без пары лебедь гибнет, он не мыслит жизни без любимого существа,— теперь задумчиво вторила баронесса.

—Вот Вам и домашнее задание: сделайте фигурку второй птицы. А я сделаю свою. Потом сравним. Оставим возле нашего лебеда лучшую.

—Согласна,— с улыбкой кивнула миссис Драммонд.

Вечером Бернхард, проходя мимо библиотеки, заметил там свет. «Неужели Залман потянулся к книгам?»— подумал глава семьи. Заглянул внутрь. На диванчике расположилась женская фигурка.

—Билинда, не порть зрение, для чтения существует день,— поморщился Берни, полагая, что женщинам ум ни к чему.

—Пошёл вон,— посоветовал ему голос жены.

–Ты стала читать Плутарха?– не веря глазам, не спускал взгляда муж с оглавления.

–Никогда не поздно совершенствоваться.

Женщина поднялась, и, деланно отвернувшись, прошла мимо него.

Она зачиталась до полуночи.

Проснулась оттого, что Бернхард стаскивал с неё одеяло. Августа немедленно водрузила тёплое покрывало обратно. Мужчина напрасно теснил её обжигающими лобзаниями и покрывал навязчивыми поцелуями, женщина лишь морщилась.

–Последнее время ты стала очень привлекательной,– шептал муж.

Августа спихнула обеими ногами с кровати расслабившегося мужчину. Берни плюхнулся на толстый ковёр. Жена злорадно улыбалась.

–Ты мне не интересен, Бернхард. Побереги силы для новых подвигов с другими глупышками.

–Ты ещё пожалеешь, Августа!– грозил муж, покидая спальню жены, и при этом прихрамывая.

Настал следующий день занятий. Миссис Драммонд вертела в руках своего лебедя, который, как ей казалось, тянулся ко второй половинке пары. Но созданного ими лебедя обнимала-оплетала шеей другая птица. Трогательная картина: одна птица млеет от любви, наслаждаясь единением, другой

пернатый благосклонно принимает ласку, тая в объятиях любимой.

Чезорино улыбнулся, разглядывая изделие ученицы.

–Августа, Ваш лебедь шипит от зависти?– шутил он.

Женщина улыбнулась в ответ и бросила своё домашнее задание в огонь печи.

–Ваша половинка более совершенна,– подытожила она.

–Вы самокритичны,– удивился итальянец.

–Где Ваш отец?

–С рабочими облицовывает мраморной плиткой парадное крыльцо.

–А, это, наверное, Бернхард распорядился. Я планировала другие реставрационные работы. Ну, потом я планирую перейти к ремонту остальных помещений дома.

–Давайте сегодня создадим комплекс из двух скульптур. Одну буду лепить я, другую – Вы. Ваше предложение: кто это будет.

–Психея и Эрот.

–Неплохое сочетание. Бог любви Эрот, влюбившийся в Человеческую Душу – Психею. У Вас творческое мышление. Интересно, какой позой Вы будите соблазнять моего Эрота?

–Интересно как Ваш Эрот докажет Психее свою любовь.

Теперь Августа и Чезорино сидели напротив друг друга. Работа вновь захватила их, властвуя над вниманием и временем. Вдохновлённые они творили каждый своё представление о любви и красоте.



Когда Малевольти узрел в склонённой фигурке Психеи скорбную позу, мужчина воскликнул:

—Она плачет! Ваша богиня оплакивает распластанную на земле птицу! Конечно, вулкан чувственности могло тронуть умение сострадать!

—А почему Ваш Эрот так низко наклонился?

—А вам ещё не понятно?— смешинки бегали в глазах итальянца,— Он будет целовать ноги Вашей Психее.

—Ноги?

—Конечно! Потому, что в возлюбленной всё прекрасно. Он обожествляет не только её душу, но и каждую частичку её тела.

И они опять корпели над статуэтками.

Когда фигурки, по их мнению, достигли совершенства, ваятели радостно-блаженно взглянули в глаза друг другу.

Чезорино пожал напарнице руки в знак благодарности. Оба, будто обожглись. Мужчина понял, что слишком долго жмёт руки Августе, но не мог отнять их от себя, словно не видел их целую вечность, словно не её руки только что блуждали возле его рук, ваяя рядом. Скульптор поцеловал поочередно обе её руки.

—Что Вы делаете, мистер Малевольти?

—Ах, простите, я всего лишь хотел выразить признательность за чудесную работу.

Он взял фигурку Эрота и придвинул к ногам Психее. Совокупность двух фигур восхищала.

—Я бы хотела научиться вырезать статуэтки из камня.

—Каменная пыль очень опасна, а Вы слишком нежны.

—Наверное, Вы правы... Я, пожалуй, сделаю перерыв в нашем обучении, а Вам дам другое задание. Я задумала установить в холле фонтанчик с миниатюрной горой Олимп. Два персонажа у нас уже есть. Какие кандидатуры Вы предложите на проживание на Олимпе Драммондов?

—Надо подумать, набросать эскизы: все персонажи греческого фольклора самобытны и интересны.

Ветер раздувал паруса галеона.

Впереди синела морская даль, над головой в небесной лазури кружили чайки.

Росс держал жену за руку. А Беула с умилением переводила взгляд с бегающего по палубе Фрэда на гордо выпрямленного у штурвала Роланда, которому помогал управлять кораблём лоцман.

—Ты не сердись, что я оторвал тебя от дел?

—Сколько можно отдавать времени работе?! Я рада нашему путешествию.

—Я слышал, на одной из твоих фабрик идёт монтаж новых агрегатов.

—Я доверяю своим инженерам. Моё присутствие излишне.

—Как долго продлиться сборка машин?

—Для надёжности эксплуатации и безопасности рабочих никогда не стоит спешить.

–Я признавался тебе в любви, но не слышал слов признаний от тебя... – робко заметил Персиваль.

–Перси! Разве мои глаза перестали кричать тебе о моём чувстве?! Я люблю тебя!

–Пойдём в нашу каюту.

–Как предусмотрительно ты отвёл для мальчиков другую каюту, – хихикнула женщина.

Позже, млея в объятиях мужа, Беула горячо шептала:

–Я теперь понимаю, что не любила Бернхарда. Наша связь была его условием: постелью он покупал моё молчание...

–Так у вас был сговор?!

–О, нет! Он отравил Вирджа, и после поставил меня перед фактом. Получалось, я была ему обязанной. Изводившего меня мужа я ненавидела, интим с Вирджиниусом у нас был раз в год, а любви так хотелось, что я безумно, без любви, кинулась в объятия этого негодяя Бернхарда, ища ласку. Это было убого: объятия с озираниями по сторонам, связь с постоянным чувством вины. А с тобой я растворяюсь в неге безграничного счастья.

Берта со скучающим видом брела домой после службы. Она всегда была фантазёркой. Сначала, в детстве, придумала, будто бог любви Амур влюблён в неё, и каждый раз весной земля расцветает специально для неё. Затем стоило заинтересованно глянуть на Доминика, как парень превратно истолковал её блуждающий, восторженный взгляд. Хорошо,

хоть никто не прознал об их интрижке...

Энрико явно не понимал жену, и уж тем более не соответствовал её романтическим запросам, так считала Берта. Ей 26 лет, а ей так скучно жить!

Радуется, что леди Спенсер, а ныне Росс, ценит её дар художника, ведь только на любимой, творческой работе Фиоре может воплотить свои фантазии в жизнь.

Дома же ждало её уныние. Неразговорчивый, недалёкий и угрюмый амбал Энрико. Шустрая и бойкая Элеонора с компанией подружек с утра до вечера носится по дворам.

Неожиданный вопрос заставил девушку вздрогнуть:

–Миссис Фиоре?

–Да,– удивлённо подтвердила та.

–Вам велели передать.

И посыльный вручил Берте букет махровых тюльпанов.

–От кого презент?– окликнула она незнакомца, но тот даже не обернулся.

На следующий день Берте Фиоре было назначено явиться в адвокатскую контору по поручению уехавшей хозяйки.

Сэндлер деланно поздоровался с вошедшей, оценивающе разглядывая красотку. Она, конечно, уступала сестре во всех отношениях, но отдалённо напоминала любимый идеал красоты Нормана.

–Меня послали за заверенными нотариально договорами и за отчётом о деле с конкурентами.

–Присаживайтесь, пожалуйста.

Девушка послушно опустила на жёсткий стул.

–Как посмотрит Ваш муж на то, что Вы найдёте сверхурочную, отлично оплачиваемую работу?

–Простите, не поняла. Вы предлагаете мне работу секретаря или некоего переписчика судебных дел?

Сэндлер толкнул к ней через стол раскрытую коробочку с ожерельем и серьгами из сердолика.

Сам, глотая окончания, протараторил:

–Я предлагаю Вам немного развеяться от скучной, однообразной жизни, скрасив её любовными эпизодами...вкупе со мной.

Норман внимательно изучал лицо Берты, глаза которой полезли из орбит. Он начал уже бояться за своё лицо: как бы горячая итальянка его не оцарапала в праведном гневе, и как бы не пострадала его репутация, если ей вздумается горланить и оскорблять его достоинство.

Но девушка пришла в себя от неожиданного подарка, кокетливо повела плечиком и поинтересовалась:

–Цветы дарили Вы?

–Понравились?

–Необычные. Надо создать ткань с таким рисунком.

–Поехали в гостиницу куда-нибудь на край города.

–Прямо сейчас?

–А чего медлить? Скажу, что лично доставлю бумаги в контору вашей фабрики.

Адвокат сложил нужные документы в красивую, кожаную

папку с замочком из драгоценных камней. Затем пропустил даму вперёд, и, довольный, шествовал за нею до казённой кареты.

Норман набрал с собой в номер много спиртного. Для Берты взял конфеты и фрукты.

Девушка с беспокойством наблюдала, как барон залпом выпил один за другим пузатые бокалы с виски.

– Выпили для храбрости? – осмелилась спросить она.

Мужчина ухмыльнулся. Он стряхнул с ладони итальянки пару абрикосов, притянул любовницу к себе. Сердце Берты запрыгало и засомневалось: зачем ей это приключение? Однако запах чужого мужчины вызвал желание.

Норман сбросил с неё шляпку, растребушил волосы. Осторожно, словно пробуя: горячо ли, поцеловал губы. Его порадовал возбуждённый призыв её тела.

Они стали наспех снимать толстый слой европейской одежды.

Берте казалось: всё, что с ней сегодня происходит – к ней не имеет отношения. Кто-то другой вместо неё обнимал и прижимал к себе красивого блондина.

Опробовав страсть итальянки в постели, Норман надел замшевые брюки, опять сел за стол, наливая очередную порцию виски. Казалось, он чем-то недоволен или вспомнил о чём-то грустном. Да, он ожидал большего. Произошло простое удовлетворение плоти, как если бы он купил час обычной проститутки. Ему не на минуту не показалось, что пред

ним возжеленная Оттавия. Почему он боится вот так просто подойти к Отт, и спросить: «Не проведёт ли она с ним ночь»? Он боится её оскорбить... и отказа он не переживёт – это будет крах всех его мечтаний.

Августа в один из вечеров спустилась в холл осмотреть бутафорскую гору Олимп. Она не ожидала увидеть там корпевшего над деталями каменного изделия Чезорино Малевольти, который заработался допоздна. Последнее время они долго не встречались, баронесса избегала встреч с молодым скульптором, боясь за своё комфортное спокойствие.

Придав лицу отстранённый вид, она хвалила ваятеля:

– Камешки подобраны живописные, разноцветные...неожиданно, но красиво... Фигурок ещё совсем мало...Рядом с Зевсом Гера?

– Несомненно, – поддакнул итальянец.

– В Гере угадывается внешность Оттавии.

– Да, моя сестра превосходно сложена.

– А кого отображает эта статуэтка? Нежная и хрупкая девушка держит звезду?

– Держит Солнце. Это будет Эос в пурпурных одеждах. Богиня надежды и радости.

– Надежды и радости? Вы ничего не путаете?

– Эос дарит надежду с каждым днём. А каждый день встречать рассвет – великая радость жизни.

– Эос не слишком тщедушна? Ведь ей приходится держать

в руках могучее Солнце.

–В отличие от других богов-атлетов Эос не может претендовать на большее, ей разрешают распоряжаться небом лишь несколько минут. Но она не ропщет, а превращает каждый свой выход в свет в незабываемое зрелище для смертных и богов.

–Мне кажется, я где-то видела это лицо...

–Конечно, оно Вам знакомо – это же Вы.

Женщина смутилась.

Затем, опустив взгляд, спросила:

–Кого Вы ещё намерены поселить на этом Олимпе?

–Пока я в раздумье.

–Может, пройдем в библиотеку, подберем нужную литературу? Вы освежите память...

–Я тоже думаю, что мифы натолкнут на нужную идею.

Обитель книг располагалась на этом же первом этаже.

Миссис Драммонд разложила перед скульптором на столе книги с нужной тематикой.

Чезорино в задумчивости перелистывал страницы. Баронесса тоже погрузилась в научные статьи.

Немного погодя через раскрытую дверь библиотеки читатели услышали, как хлопнула входная дверь, и раздались чертыханья Бернхарда по поводу того «где ошивается лакей-ублюдок, неужели по два часа чай пьет».

–Ой, что муж подумает о том, что мы тут уединились?– прошептала Августа.



—Но мы же ищем достойные кандидатуры для импровизированного Олимпа...

—Иди сюда,— позвала женщина, отодвигая край толстой портьеры.

Её гость шмыгнул за штору.

В библиотеку вошёл Берни. Взял одну из книг со стола, повертел, положил обратно.

У Чезорино пошла кругом голова от близости желанной женщины, пряный запах её тела дразнил терпение. Он осторожно прикоснулся к её талии. Баронесса испуганно расширила глаза. Это было так мило, что итальянец не удержался и быстро чмокнул её в губы. Августа затрепетала, но не от большого испуга, не от близости мужа, а оттого, что любимый мужчина проявил к ней интерес, от пьянящей близости его губ, которые оказались нежно-мягкими и сладкими. Она с обожанием глядела на него, и Чезорино не удержался и приник к её губам с жаром. Поцелуй был опасной игрой под носом у законного мужа, но это их не могло остановить.

Барон вышел из комнаты для читателей, закрыв за собой дверь, ворча в очередной раз:

—Какой баран настезь всё раскрыл, да так и оставил.

Влюблённые с придыханием прервали поцелуй. С минуту жадно и ненасытно глядели друг на друга, затем рьяно продолжили лобзанья.

—Ну, я пойду,— шёпотом проговорил Малевольти.

Женщина прижала его к себе, не отпуская. Он был нужен

ей, она ещё не насладились вкусом его губ, она не испила страсти до дна.

Мужчина с вожделением вновь прижался к ней, его руки крепко вцепились ей в талию, а губы перемещались по шее.

Когда поцелуи достигли уха, Августа взахлёб вздохнула. Желание жгло её, но куда же она его поведёт? В свою спальню – слишком опасно. На чердаке пыльно...

–Нас ждёт наш домик-мастерская,– потянул её Чезорино,– Там сейчас никого нет.

Баронесса открыла окно, и они вылезли в него из читальни.

Крадучись они шмыгнули в тень деревьев. Затем, обнявшись, побрели вглубь сада. Весенняя прохлада нисколько не смущала влюблённых, их грел огонь любви.

–Как ты осмелился поцеловать меня?

–Я вдруг увидел в тебе не баронессу, не хозяйку, а просто женщину. Желанную, одинокую и неизмеримо любимую.

–Любимую? В тебе правда говорила не похоть?

–Я люблю тебя. Любишь ли ты меня, или я лишь игрушка для тебя?

–Я призвала тебя развеять однообразие бытия и тоску...но я отчаянно влюбилась. За Бернхарда я вышла замуж по договору Айвора Драммонда с моим отцом. Брак по расчёту. Отчего-то я даже ревновала его...право же мы с трудом отдаём то, что по праву считаем своим.

Чезорино прервал её монолог поцелуем. Он подхватил

Августу на руки и внёс в домик.

В жарко натопленной мастерской поставил ношу на ноги, нашёл огниво, зажёл свечу.

Женщина села на жёсткую, деревянную скамью с резной спинкой. Она медленно задрала подол, нехотя, как бы лениво, принялась снимать скользящими движениями чулки.

Мужчина тяжело дышал, его руки дрожали от желания, и пальцы непослушно расстегивали бесчисленный ряд пуговиц. Обнажив свою красивую фигуру, он осторожно помог стащить с возлюбленной платье, развязал её корсет, и освободившиеся тела от оков одежды потянулись друг к другу.

Легковесную Августу Чезорино приподнял, она обхватила его руками и ногами.

Утром за завтраком Берни вглядывался в жену: лихорадочный румянец, беспокойный взгляд с красными белками глаз от бессонницы. Жёнушка явно завела себе любовника. Надо за ней проследить.

Этой же ночью Бернхард не нашёл жену в спальне.

Он выглянул в окно. Где-то вдалеке мерцал слабый огонёк.

Из под кровати на доктора зарычала болонка.

–Иди, ищи хозяйку!– прикрикнул на Ириску Берни.

Собачка выскочила в открытую дверь. Хозяин метнулся за ней, спустился в холл, открыл входную дверь.

Животное опрометью побежало по росе, углубляясь в

парк. Но Драммонд и сам уже догадался где «засиделась» допоздна его жена.

В тусклом свете свечи мастерская казалась туманной обителью фей. Барон едва различил два силуэта, слившиеся в один. Его жена сидела на коленях у итальянца, одетого только в панталоны, он завязывал на ней корсет, постоянно отвлекаясь от этого занятия, чтобы поцеловать Августе плечо, шею, затылок...

Обманутый муж понуро побрёл домой.

А Чезорино шептал возлюбленной:

–Сколько времени мы упустили, занимаясь лепкой.

–А я думаю: наши поделки стоили того. Да и мы лучше узнали друг друга.

Мужчина пересадил возлюбленную на скамью, опустился перед ней на одно колено, подобрал с пола чулок, и принялся одевать его ей на ногу, периодически целуя кожу, по которой продвигал эластичную ткань.

–Ты также распляешься и с Зилой?– вдруг ошарашила итальянца Августа откровенным вопросом.

Чезорино замер.

Потом отчего-то грустно признался:

–Нет. Только тебя я обожаю, как богиню.

У женщины пошла кругом голова от счастья, она обрушила всю силу своей любви, выражая чувства поцелуями.

Ранним утром Августу сильно удивила скулящая Ириска

у порога мастерской.

Домой она влезла через окно в библиотеке.

У порога спальни её поджидал муж с вопросом:

–Где ты была всю ночь?

–Читала внизу.

Бернхард зло смотрел в её глаза. Женщина опустила голову.

–Этот замарашка-итальяшка лапает, и как хочет имеет мою жену!– закипела ревность у Драммонда, и он бросил правду в лицо Августе.

–Ты не посмеешь уволить его, и разлучить нас! Ты, который украл у меня сестру!

–Как можно любить существо, которое создано прислуживать нам, высшему обществу?!

–Предки Чезорино сидели на троне и покоряли дикие народы, когда Англия ещё видала только людей в шкурах!

–Я тебе нисколько не дорог? Порви с любовником, давай налаживать семейные отношения.

–Да моя собака Ириска лучше тебя, и дороже мне во сто крат!

–Да, конечно, куда мне до собаки.

В поле зрения, на лестнице, появился лакей.

Ему неудобно было прерывать разговор хозяев, но он всё же доложил:

–Ваша Милость, в дом входит Ваш отец – господин Айвор Драммонд.

–Молодец, папа, опять вернулся живой и здоровый из дальнего плавания,– посветлел лик Берни.

–Дед Айвор, как крокодил, будет жить лет двести,– съехидничала Августа.

Сын спустился встречать отца.

Родственники обнялись.

–Папа, какую пикантную бороду Вы отпустили,– польстил старику Бернхард.

–О, у нас ведутся ремонтные работы!– радостно воскликнул Драммонд-старший, осматриваясь.

–Спасибо тебе, папа, за подарок из Италии от всего города, особенно от сквайра Боу и меня лично,– с сарказмом уныло отвечал сын.

–О чём ты?

–Помнишь, ты приволок нищую семейку с Сицилии?

–Ты-то как пострадал? Марко Малевольти испортил интерьер какой-нибудь комнаты?

–Чезорино Малевольти испортил твою сноху.

–Отрави негодницу, ты же врач.

–Я сам не святой. Долгое время путался с её сестрой Беулой. Прижил с ней сына Фрэда.

–Ого, у меня появился ещё один внук! На кого похож?

–Наша фамильная внешность Драммондов, и такой же непоседа, как Вы, папа, и Залман.

–Почему ты всё-таки позарился на свояченицу?

–Чёрт его знает, понравилась. Кстати, Беула вышла замуж

за Росса.

–Дед!– перебили разговор старших спускающиеся с лестницы обрадованные внуки.

Старик принялся целовать, трепать и разглядывать младших членов семьи.

За завтраком Августа делала усилия не зевать и не клевать носом. Пила очень чёрный кофе.

Драммонд-старший хмурился. Бернхард делал вид, что всё в порядке, безразлично погружённый в поедание каши.

Двенадцатилетний Залман с полной серьёзностью взрослого спросил у деда:

–Что в Европе говорят о Бонапарте? Что он опять замышляет?

–Наполеон – великий правитель,– с пафосом начал путешественник,– Он поднял Францию после руин буржуазной революции.

–Бунты и резня в крови у французов,– поморщилась Биллинда.

–Южные народы – горячая кровь,– усмехнулась Августа.

–В завоёванных землях Наполеон, как истинный домостроевский корсиканец, ставит во главу правления представителей фамилии: Жозеф Бонапарт – неаполитанский король, Луи Бонапарт – король Голландии, Жером Бонапарт – король Вестфалии. А также другие члены рода правят в других завоёванных державах. Полный монархизм,– подхватил

тему разговора Бернхард.

–По-моему, этому французскому лидеру, живому и темпераментному, никогда не наскучит воевать,– подвёл итог престарелый глава семьи,– И я не удивлюсь, если Наполеон замахнётся завоевать весь мир.

–Это будет глупо. Весь мир ему не подчиниться, он обломает зубы о какую-нибудь доблестную, великую расу,– хмыкнула Билинда.

–Но загордившемуся и зарвавшемуся от побед генералу это трудно понять,– парировал Айвор.

–Наполеон – вояка, он слишком зациклен на войнах, это его погубит,– сделала вывод Августа.

–Для Англии Наполеон представляет прямую угрозу?– спросил Залман у деда.

–Как это типично для англичан: видеть во Франции наипервейшего врага,– заметила подростку мать.

–Кто знает, что на уме у диктатора?– пожал плечами седой путешественник,– Наполеон объявил континентальную блокаду Британии в прошлом году из-за того, что наша страна – активный член антинаполеоновской коалиции, но и мы игнорируем товары с континента.

–Всё равно французские вина пребывают к нам с контрабандой,– усмехнулась Августа.

–Эти горячительные напитки скупают и пьют не патриоты,– сурово клеймил Айвор нарушителей правительственного постановления.



Билинда внимательно всматривалась в лицо отца.

Высказала свои опасения:

–Папа, у Вас нехороший цвет лица. И белок глаз какой-то с желта.

–Подозреваю, что у меня панкреатит и желчекаменная болезнь.

–А вдруг гепатит?– испугалась дочь.

–Исключено. Нет температуры.

Августа едва скрыла злорадную улыбку. Но Бернхард уловил её мимолётное проявление радости и нахмурился.

–Что ты за врач, если не можешь вылечить даже себя,– проворчал Драммонд-старший.

–Папа, я уже предпринимаю меры, вот перешёл на лёгкую пищу,– кивал Берни на кашу.

–Может, нарвать какой-нибудь травки?– переживала дочь,– Мы бы с Залманом съездили в лес.

–Я не сторонник фитотерапии,– сморщился доктор, – Аллопатия имеет больше доводов к существованию.

–Аллопатия?– наивно переспросил мальчик.

–Лечение лекарствами: таблетками и уколами,– пояснил Залману отец,– И к тому ж на пороге передовой век индустрии, как можно лечиться травками у колдуньи?

Несколько позже Айвор вошёл к сыну в кабинет.

–Если связь Августы с рабочим всплывёт, то это событие ославит нашу семью на столетия. Билинду будут обходить все приличные семейства не только Уэльса, но и жени-

хи близлежащих государств будут шароахаться от неё, как от чумы,— пугал отец.

—Нечего бояться. Болтать не в наших интересах,— уткнувшись в книгу, уверял Бернхард.

—И ты будешь взирать сквозь пальцы на развратные действия супруги, пока она не притащит бастарда?

—Я же завёл внебрачного ребёнка. Чем я могу помешать Августе?

—Ты же муж!

—На бумаге. В постели она не хочет меня видеть.

—Сегодня она путается со скульптором, завтра перекинется на конюха или дворника! У распутства нет границ! Запри её дома.

—Я подумаю над Вашим предложением.

Обнимая Берту в постели, Норман закрыл глаза и представил на её месте Оттавию. На какой-то миг мечта обманула сознание.

Он со стоном наклонился на неё и коснулся щекой щеки женщины, вожаделенно шепча:

—Оттавия... Оттавия...

Фиоре вздрогнула.

Встрепенулась с криком:

—Что?

—Прости,— пробурчал мужчина, тяжело падая ей под бок, отвернувшись к стене.

–Ты спал с моей сестрой?

–К сожалению – никогда.

–Тогда какого чёрта назвал меня её именем?

–Я люблю Оттавию.

–Я, пожалуй, пойду домой.

–Возьми деньги из левого кармана плаща.

–Возьму, конечно! Хоть сегодня ничего и не было – ты отнял моё время. А в дальнейшем: закрывай жену одеялом и воображай, что занимаешься любовью с моей сестрой, потому что настоящая Оттавия слишком горда, чтобы опуститься до пустого флирта.

Девушка быстро оделась и выскочила из гостиницы. Поймала экипаж. Она злилась на адвоката: «Сэндлер честно признался в своих чувствах к Отте, но до чего же странный тип! Любит одну, живёт с другой, а встречается с сестрой возлюбленной. Извращенец, не иначе. А, может, все мужики такковы?»

Дома она немного остыла. Ходила бесцельно по комнатам и не могла понять: где задерживается её муж. Хорошо, что они взяли в кредит этот небольшой домик. Свой угол. Как-нибудь постепенно расплатимся: леди Росс постоянно повышает ей зарплату. Мысли вернулись к курьёзу: «А что я могла получить от этой связи, кроме денег? Муж у меня есть. Любовь? Но Норман сразу дал понять, что его интересует только постель. И я не могу ревновать Сэндлера ни к жене, ни к Оттавии. Наяду он не любит, Отта – моя любимая сест-

ра. Да и Сэндлер мне совсем не нужен. Как странно: на душе уныние и пустота».

Внизу раздался шум. Берта спустилась.

Пришёл Энрико и снимал ботинки.

– Где ты пропадал?

– А что, ты сегодня не подрабатываешь? Ведь пятница, – удивился муж.

Он прошёл в комнату, жена шла за ним, сетуя:

– Я устала. Брошу подработку.

– А как же кредит за дом? – возражал Энрико, садясь на диван.

– Тебе от меня нужны только деньги?

– Ну, завелась.

– Ты, кстати, не ответил на вопрос, – напомнила жена, – Где ты был?

Она стояла напротив, пристально вглядываясь в мимику мужчины.

– Посидели с ребятами, выпили виски, – растягивая слова проговорил «подозреваемый».

– Я знаю, как ты сидишь с ребятами. Сегодня ты практически трезв и пахнет от тебя не виски, а вином.

– Ну, попробовал дорого вина, что тут криминального?

– Энрико! Ты завёл любовницу!

– Не делай поспешных выводов.

Итальянку ужалило самолюбие в самое сердце. Ей умнице и красавице муж-мужлан наставляет рога! Интересно, кто же

та нахальная счастливица, что путается с женатым?

Чем тратиться и унижаться выпрашивать за выпивку у собутыльников, хитрая девушка решила приврать во благо:

–Я видела тебя с кралей.

–Я проводил до дома невесту друга...– неуверенно залепетал Энрико.

–При этом, лапая за все выступающие места?– напирала жена.

–Клянусь: брошу эту потаскуху, только не уходи от меня,– жалобно взмолился муж, падая перед ней на колени.

–Я всё расскажу брату, и он тебя прирежет!– свирепея, угрожала Берта, она вырвалась из его рук и отскочила по-дальше.

–Я люблю тебя, но ты витаешь где-то далеко, не замечая меня! Никогда не обнимешь, не поцелуешь. Неужели вся твоя голова забита узорами для ткани? Я уйду. Я зря трачу силы и средства на бездушную дрянь.

Мужчина встал и направился к выходу.

Её Энрико будет принадлежать другой?

–Я тебя никому не отдам.

–Что?– остановился у дверей мужчина, оборачиваясь.

–Ты мне нужен, Энрико.

–Зачем? Чтоб деньги носил?

–Я не представляю жизни без тебя.

–Не верю. Докажи. Покажи мне силу своей любви.

Берта с разбега бросилась в объятия мужа. Её поцелуи бы-

ли отчаянностью.

Со слезами она молила о прощении:

–Прости, я не ценила тебя. Я не могу жить без тебя.

–Ваша Милость, Вы просили меня прийти?– с этим вопросом Чезорино появился в кабинете Бернхарда.

Итальянец был готов на всё. Если Драммонд достанет пистолет, он успеет метнуть нож. Ударить себя он тоже не позволит – даст сдачи.

Барон сидел спиной к вошедшему.

Так и не разворачиваясь, хозяин дал распоряжение:

–Я хочу, чтобы Вы расписали потолок в спальне гостей.

Полагаюсь на Ваш художественный вкус.

–Но я же не закончил работу с оформлением миниатюрного фонтана...

–Вы могли бы совместить эти два задания. Во времени я Вам ограничений не даю. Оплата почасовая. Можете расписывать потолок, если Вам будет удобно и угодно, хоть ночью. Домашние спят крепко, и мы Вам полностью доверяем.

–Хорошо, я преступлю к переделке потолка.

–Отлично. Пройдите к лакею, он покажет Вам какую комнату нужно преобразить.

Малевольти-младший делал наброски в блокнот, придумывая оформление потолка в освобождённой для ремонта комнате, когда сзади его кто-то обнял.

–Испугался,— коварно и игриво звучал голосок Августы.

–Ты подвергаешь себя опасности.

–Вовсе нет. Я же говорила, что Бернхард всё знает. Он принял правильное решение: каждый живёт сам по себе.

–И всё же он может прийти в бешенство, заведев пренебрежение приличиями.

–Ты прав: я потеряла осторожность, страсть вскружила мне голову, ведь в доме кроме мужа есть ещё дети, свёкор и слуги. Я прейду ночью. Берни распорядился не тревожить тебя во время работы, так что нам некого бояться.

–Очень похоже на западню.

–Ты так считаешь? А что... вполне вероятно... Вдруг Бернхард решил развестись и лишит меня детей?

–Ты этого боишься?— испытующе глянул на неё Чезорино. Баронесса на минуту задумалась.

Пряча глаза, она признавалась:

–Если честно: то нет. Я была ужасной эгоисткой. Жила только для себя. Муж и дети никогда не были мне важны... и не слишком нужны... Любовь к тебе дала мне возможность переосмыслить жизнь. Я просто существовала, плыла по жизни, ничего не делая изо дня в день. Не пыталась ничего изменить, понять, привлечь чьё-то внимание. А сейчас я хочу знать, что происходит вокруг, что было раньше в глубине веков, почему и зачем существуют законы природы. Я наслаждаюсь каждым глотком воздуха и всё готова отдать за то, чтобы ты был рядом.

–Зила заболела,– вдруг угрюмо поведал её любимый человек.

–Пусть Драммонд осмотрит её.

–И так всё ясно: чахотка. Мне стыдно перед ней. Она угадает, а я совсем не уделяю ей внимания.

Августа всхлипнула, зажав рот ладонью.

–Работай, я не буду тебе мешать,– еле выговорила она и ушла.

Это были слёзы не только сочувствия, но и ревности. Её обожаемый Чезорино принадлежал не ей одной. Какие отношения у него в семье с женой? Может, он лжёт, что давно не любит Зилу? Мучения доставляли измышления по поводу того, как Чезорино и Зила проводят время наедине.

Определившись с узором и цветом, Малевольти-младший к вечеру велел принести стремянку. Он хотел опробовать фактуру краски, спектр цветов и прочность потолочного покрытия.

Полусонные слуги принесли требуемое, и удалились. Им было невдомёк: чего этот итальянец так надсажается на работе, им был неведом творческий порыв, пыл и изыскание.

Чезорино взобрался по лестнице с кистью и палитрой в руке, перебрался на стремянку, дощечки которой как-то жалобно заскрипели. Художник-оформитель не придал этому значения. Сделала пару мазков, оценивая и наблюдая, как впитывается краска. Вдруг доски под его ногами ушли куда-то в бок.



На шум от грохота упавшей стремянки прибежали слуги, Бернхард и Август.

Итальянец распластался на обломках лесов без сознания.

Драммонд цыкнул на слуг, давая распоряжения: одному принести саквояж с лекарствами, другого, посылая за Оттавией, что живёт по соседству.

Баронесса, заламывая руки, подскочила к Малевольти. Положила его голову себе на колени, зачем-то растирала ему щёки.

—Он живой,— со слезами радовалась она.

—Принесла бы холодной воды,— проворчал муж.

—Я не оставлю тебя наедине с Чезорино, и не позволю ставить никакие уколы!

—Я же врач.

—А с Вирджем ты был врачом или убийцей?

—Ну и сиди тут одна со своим скульптором.

—Это ты подпиллил стремянку, негодяй,— догадалась женщина.

—Не докажешь,— ухмыльнулся Бернхард.

Вбежал слуга с саквояжем.

—Достань нюхательной соли,— распорядилась хозяйка.

Слуга перевёл взгляд на хозяина.

—Слушайся госпожу, болван!— прикрикнул на нерасторопного барон,— У потерпевшего ничего страшного, я его осмотрел, моя помощь ему не нужна.

Затем Драммонд всё же сам открыл чемоданчик и достал

нужный бутылёк, после чего ушёл.

После нескольких подношений к носу потерпевшего целебной соли, итальянец открыл глаза.

–Где болит?– быстро спросила Августа.

–Немного отшиб ноги... Стремянка удачно накренилась, я упал не с самой верхотуры потолка,– слабым голосом поведал Чезорино.

В комнату вбежала переполошенная Оттавия в сопровождении Артура Боу. Внимательный взгляд сестры сразу распознал правду: слишком нежно руки Августы держат лицо её брата, слишком трепетно глядят эти двое друг на друга, и с какой стати баронессе укладывать себе на колени голову бедного скульптора?

–Чезорино, с тобой всё в порядке?– взволнованно узнавала Отта.

Её брат приподнялся. Затем с помощью Артура встал на ноги.

–Сынок, проводи пострадавшего до кареты,– дала указание пасынку мачеха.

Итальянец шел, пошатываясь, словно пьяный.

–Прислуга, вы свободны на сегодня,– распустила работников миссис Драммонд.

Оттавия не спешила уходить. Баронесса решила, что девушка хочет услышать подробности об инциденте. Она уже собралась оправдываться, как жгучий взгляд карих глаз остановил её.

Отта с жаром заявила:

–Если б я знала, что ты захочешь совратить моего брата, я никогда бы не пошла тебе навстречу.

–Я не хотела гнусной интрижки, не хотела! Наши сердца сами потянулись друг к другу, не слушаясь нас!

–Как теперь я буду смотреть в глаза Зиле?

–Я осыплю семью Малевольти деньгами, они не будут ни в чём нуждаться...

–Разве Зиле деньги заменят мужа и заботу?

–Зила вправду сильно больна?

–Она угасала и чахла, а мы не обращали внимания на её щедедушность и частые простуды. Она всё время сидела дома, не видя свежего воздуха, а нам опять не было дела до её странностей.

–Почему ваша семья её не любила?

–Сначала дурацкий, пресловутый национализм, затем забитый характер Зилы не давали увидеть нам в ней полноценного человека. Наверное, мы своим темпераментом и талантами задавили в ней личность; она чувствовала себя возле нас несовершенной и малозначимой. Всё, я побежала.

–Пусть Чезорино отдохнёт несколько дней, не спешит на работу.

–Бернхард догадывается о вашей связи?

–Он не возражает, – лгала Августа.

–Что-то я сильно сомневаюсь, – тяжело вздохнула Малевольти, переводя взгляд на разломанную стремянку.

–Я дорожу твоей дружбой, Оттавия.

Итальянка обняла подругу на прощанье.

Прошептала:

–Прощаю тебе роман с моим братом.

Через пару дней слуга доложил миссис Драммонд, что в холле её дожидается скульптор Чезорино Малевольти.

Женщина, излучая самую милую улыбку, спустилась вниз. Лакея, что стоял у дверей, отправила позавтракать.

Не успела она рта раскрыть в приветствии, как итальянец вымолвил:

–Я пришёл попрощаться. Я навсегда покидаю этот дом.

–Тырываешь нашу связь?

–Я виноват перед Зилой. Я совсем не уделял ей внимания, считая бестолковой.

–Любимый, разве ты виноват, что она заболела?– вразумляла его Августа.

–Я не хочу отравлять её последние дни. Я не могу придти сюда, и подвергаться искушению видеть тебя.

–Теперь ты наказываешь не только себя, но и меня.

–Прости, но совесть совсем измучила меня. Я уйду.

Малевольти открыл дверь.

–Береги себя, Чезорино!

Итальянец оглянулся и пожелал того же:

–Ты тоже будь предельно осторожна с этим извергом Драммондом.

Работа в мастерской не клеилась у Малевольти-младшего, долото валилось из рук. Кашель Зилы бил по нервам.

Франческо отправили жить к Берте, опасаясь за его здоровье. Мальчик рос крепким, но чахотка заразна и коварна, лучше держать ребёнка подальше от тяжело больной.

—Что себя мучить, всё равно скоро стемнеет,— сказал парень вслух.

Пришёл от Драммондов отец. Старик не догадывался, почему сын отказался работать у баронов. Подумаешь, стрелянка сломалась, никто ж не пострадал. Марко обиделся и не разговаривал с Чезорино.

В дверь постучали.

Малевольти-старший открыл.

Оттавия бросилась на шею отцу, щебеча:

—Папа, больше ты и Чезорино не будите уютиться в этой маленькой квартирке. Я отвоевала у Боу приличную часть с продаж. Я куплю вам небольшой домик неподалеку от дома Боу. Франческо отправим учиться на бухгалтера: вырастит — начальником будет.

9 сентября 1.812 года. Особняк Филдинга.

Норман Сэндлер за завтраком делает удивлённые глаза и переспрашивает жену:

—Я обещал тебе к нынешнему празднику диадему? Не помню.

—Конечно, как всегда был пьян, сыпал обещаниями, а, протрезвев, забыл!

—И вовсе не поэтому. Я давеча упал с кровати, и вот не помню не клятв, ни обещаний что давал.

—И это паясничают те люди, что должны нести в массы порядок! Такие бессовестные люди, как ты, должны сами себя в раскаянии публично сечь розгами и просить у народа прощение за недопустимую манеру поведения.

—Извини, дорогая, я не ношу с собой перо, чтоб записывать твои советы, требования и пожелания. А так как у меня ветер в голове, то твои мудрые наставления пропадают зазря.

—Исправляться ты и не думаешь.

Громкий колокольчик оповестил весь дом о том, что на пороге гость.

—Господин барон! Вы вернулись!— радостно вскрикнул лакей Руперт Буркс.

Пока домашние не видят, Орин обнял слугу. Тот проследил за ним.

—Хозяин, никто из господ так не ведёт себя.

—Плевать. Благодаря тебе я приобрёл такой нестигаемый характер и чувство юмора. Ты давно стал членом семьи, Руперт. Я знаю, когда ты меня ругал, то делал это деликатно, любя. И все эти годы я скучал по тебе так же, как по Няяде.

Слуга оглядел повзрослевшего Орина. Барон Филдинг не стал безупречным красавцем, его внешность портила крупноватый нос, но лицо располагало к себе своим простым, без

напускной гордости, выражением. Жизнерадостная улыбка часто озаряла его лик. А непосредственное поведение сближало двадцатилетнего парня с любым классом, с кем бы он не общался.

Буркс окликнул молодого слугу, чтоб тот доложил о возвращении Орина в родной дом.

Наяда вскочила из-за стола, заслышав радостное известие.

Но вот уж и сам брат вошёл в столовую.

Придерживаясь этикета, сестра позволила себе холодно поцеловать Орина в щёку пару раз. Тот иного и не ожидал, горячо поцеловал руку сестры.

Миссис Сэндлер распорядилась принести ещё один столовый прибор для барона Филдинга.

Усевшись за стол, Орин делился впечатлением:

–После Лондона Милфорд-Хейвен мне кажется глухой провинцией, где львиная часть интеллигентного населения умеет читать только по слогам.

–В Лондоне ты отчитывался в географическом обществе о проделанной экспедиции к Андаманским островам?– заинтересованно узнавал Норман.

–Хорошо выглядишь, Сэндлер. Облысел что ли?

Адвокат ухмыльнулся: колкий шурин сразу подметил едва заметные залысины у лба.

–Орин, не тяни. Что ты узнал о папе? Он...жив?– допытывалась сестра.

–Я не нашёл никаких следов экспедиции миссионеров. Не нашёл никаких вещей, принадлежащих англичанам...

Наяда уткнула потухший взгляд в тарелку.

Норман блеснул знаниями по части истории освоения тех далёких мест:

–Говорят, на Андаманах и Никобарах свирепствуют ужасные болезни. Ни одна группа миссионеров не выжила. В 1.757 году все члены датской Ост-индской компании, высадившиеся на Никобарах в 1.756 году для создания торговой фактории, скончались от лихорадки. В 1.769 году десятки миссионеров, солдат и служащих датской Ост-индской компании вновь появились на островах Андаманского моря. Они облюбовали остров Нанкаури. Через 2 года в живых не осталось никого. За ними вымерли моравские миссионеры из Чехии, шведские, опять датчане, и вновь чехи... Неблагоприятный климат и болезни – бич белых в той части света.

–Ты делал запрос в Ост-индскую компанию?– понуро узнавала жена.

–Да,– подтвердил Сэндлер.

–Расскажи о тех местах, Орин,– попросила сестра.

–Жители островов представители негроидной расы. В праздничные дни они покрывают себя полосками белой краски. Женщины с открытой грудью, волосы украшают венками из ярких цветов. Патриархальный уклад жизни. Мужчины живут в одной хижине, женщины в другой. Имущество переходит от отца к сыну: хижины, пальмовые деревья, ого-



роды и свиньи. Кстати, маленьких поросят женщины вскармливают своей грудью.

–Какой ужас,– не сдержалась Няяда.

–Много кокосов... Среди негров я видел мальчика с более светлой кожей, чем у собратьев...невольно я подумал, что, вдруг, это мой брат, но сейчас же прогнал эту нелепую мысль прочь. Отец был староват для таких «подвигов».

–Как ты вообще мог такое подумать об отце! Об этом благородном человеке!– возмутилась сестра.

–Да, ладно, сестра, вспомни, что о нём рассказывал Айвор Драммонд. В юности папаша слыл любителем доступных женщин.

–Я никогда не признала бы брата-дикаря.

–А где ваша малышка Фрэзи?

–В своей комнате. Пойдём, я вас познакомлю,– звала Няяда.

Когда мать представила перед пятилетней девочкой дядю, та с детской непосредственностью обняла родственника. Орин подхватил племянницу на руки, закружил белокурое чудо с тёмными глазами.

–Мама! От дяди Орина пахнет морем!

–Потому что я – капитан,– хвастал юноша.

Он уселся на стул, водрузив ребёнка на колени, играючи нажал на её крохотный носик. Девочку ущипнула его за щёку, развеселив дядю.

–Ты не даёшь отдохнуть Орину с дороги, слезь с колен, не

будь надоедой,— приказала мать.

—Но мне нравится играть с его пуговками, они такие красивые...— наивно верещала Фрэзи, перебирая украшения на мундире.

—А я сейчас укушу эту непослушную девочку,— угрожал капитан ребёнку.

Он в шутку открыл рот во всю ширь и скользил им по щеке Фрэзи. Та заливалась смехом.

Наигравшись с племянницей, Филдинг пошёл осматривать свои комнаты. Цвета стен варьировались от серо-фиолетового до сливового.

—О, сестрица, цвет стен ты специально сделала таким унылым, чтоб я долго не мог взирать на них, а мчался быстрее в море?

—Ты стал остроумным, братец.

—Да, и теперь смогу без проблем охмурить любую доверчивую дурочку.

—Ты надолго в родные пенаты? Когда собираешься опять в море?

—Когда я тебе надоем, ты посадишь меня на корабль, и, дав пинка по зад, отправишь к далёким берегам года на два.

—Ты не намерен становиться серьёзным?

—Серьёзным? По моим подсчётам я обрету мрачную физиономию лет эдак через...сто.

Орин до ужина перебирал важные документы, сверял доходы и расходы.

После семейного ужина, за которым адвокат не выпускал из рук графинчик с виски, Сэндлер перехватил шурина у выхода из столовой и шепнул:

–Мягкость и дружелюбие Наяды – это фикция; маска, за которой прячется равнодушная, чёрствая душа.

Скривившись от перегара, Филдинг заметил:

–Я смотрю: книги Вам заменила выпивка.

–Быть серой массой, как все, ужасно скучно, вот я и выделяюсь пристрастием к напиткам погорячее.

–Охотно верю, что в стане алкоголиков гораздо веселей, чем в серой массе трезвенников.

Норман сунулся было в спальню жены.

–Ваши похотливые желания, барон, разве способна удовлетворить благовоспитанная дама? Не лучше ли Вам опять посетить публичный дом?– уколола своим высокомерием Наяда.

Мужчина нагло развалился на кровати и не уступал жене:

–Мы, ставленники закона, хорошо знаем, что не всем сплетням можно верить.

–Вы желаете, чтобы я, как прокурор, доказывала Вашу причастность к грязным играм?

–Что Вы, милочка, себе позволяете? Кто угодно может быть распутным, только не блюстителю закона.

–Однако вокруг Вас витают слухи, как мухи. Такого не случается с честными людьми.

–Если я покаюсь, ты оставишь меня на ночь?

–Возможно.

–Так вот: это не я виноват в том, что развратен и сластолюбив.

–Хм... А кто ж тебя подвигает?

–Бес похоти щекочет мне мошонку.

–Фу, ты как всегда кладезь пошлости! А руку пьянчуги, что тянется к стопке, тоже держит бес пьянства? Как удобно переложить ответственность за свои поступки на чужие плечи, пусть даже на бесовские. И совесть может спать спокойно. Ты покинешь мою спальню, потому что я не могу менять лицо и тело, как тебе хочется.

–Меня влечёт не разнообразие, а поиск суперженщины.

–Тогда надо было искать идеал, а не жениться на мне!

–Но разве не ты, дорогая, вцепилась в меня, как только я овдовел?

–Ты ищешь для себя женщину получше, а сам никогда не был идеальным и надёжным!

–Значит, мне опять идти спать в свою спальню,— понял барон и поднялся с ложа.

–Конечно! Суперженщина ему нужна! А сам жену не может зажечь огнём желанья, бездарный потаскун!

–Недоразвитое, фригидное существо.

–Это ты ничтожество, что отравляет жизнь другим!

Сэндлер шёл в свои покои и ворчал:

–Сама холодная, как рыба, а обвиняет меня в том, что не раскрылась, как женщина. Но что она сделала, чтоб получить

удовольствие? Дари ласку, и получишь взамен с лихвой. Я, конечно, тоже хватил лишку, заврался, шутя. Зачем мне суперженщина? Мне нужна Оттавия Малевольти. Хотя...это, пожалуй, и есть суперженщина.

20 сентября.

Из красивой девочки получилась прекрасная, притягательная женщина. Этой ночью Отта металась по кровати. Ей снилось, будто из пучины моря вылез спрут и пополз к ней. А её сковал страх. Вот чудовище облепило её щупальцами. Оттавия вскрикнула, но не от ужаса, а от неожиданного восторга – прикосновения были тёплыми и нежными. Она проснулась в недоумении: зачем тело играет с ней в эротические игры, заставляя мозг фантазировать во сне на запретные темы? Может, зря она все эти годы сторонится мужа? Может, она упускает что-то сладостное? Но пережитые в юности надругательство, обида и ненависть едва не вызвали приступ тошноты при воспоминании об Освальде. Ему сейчас 62 года, и он совсем редко заглядывает в публичный дом.

Сквайр Боу тоже призирал жену, частенько ей выговаривая:

–Твоя заносчивость мне непонятна. Ведёшь себя, как изнеженная, взлелеянная в роскоши, аристократка, не обладая при этом ни громким именем, ни крупным капиталом. Не желаешь близости со мной? Прекрасно! В очередной раз говорю тебе: так мне гораздо лучше, нет проблем с твоим вы-

водком, мне достаточно близнецов.

За эти годы Оттавия одержала очередную победу: её родственники беспрепятственно навещали дом Боу в любое время суток.

С утра Чезорино навестил сестру. В свои 34 года он выглядел измождённым, уставшим от забот. Печаль залегла тёмными кругами вокруг глаз.

Итальянка поцеловала брата в обе щеки.

Журила:

–На тебе опять лица нет. Как всегда – много работаешь.

–Ну да. И мало сплю. Просыпаюсь каждый раз, когда Зила заходится в кашле.

–Будишь измываться над своим организмом – тоже заразишься. Ешь побольше мяса и сметаны.

–Я ем.

–Сейчас посмотрю на твой аппетит.

Весёлая болтовня молодых Боу за завтраком настроила и пессимиста Чезорино на благодушное настроение.

Двадцатидвухлетний Артур рассказал превосходную новость: в Уэльс едет знаменитый цирк-шапито мадам Жюдор.

Двенадцатилетние близняшки не скрывали радости.

Девятнадцатилетний Эммит хвастал, что поборет борца Тьерри Моранте, ведь с помощью гирь тоже накачал не слабую мускулатуру.

Восемнадцатилетней Лэсли за столом не было.

На вопрос Чезорино, где старшая из сестёр, Джесс шеп-

нула по секрету:

– У нашей «язвы», наверняка, язва – желудок болит. Пьёт молоко да ест манную кашу... Она стала тощая, как кочерга.

Девчущка хихикнула. Её дядя порадовался, что в этом доме детей не морят голодом в угоду моде.

Освальд Боу за столом тоже отсутствовал.

Не дожидаясь вопроса, расторопная Джессика выдала дяде:

– А папа с вечера ещё не появлялся. И чего он ночами в магазине сидит?

Чезорино перевёл взгляд на сестру. Отсутствие мужа её ни сколько не волновало, значит, она так и не сблизилась с Освальдом... хотя, кажется, Отту всё в жизни устраивает.

– Оттавия, скульптуры у фонтана особняка Филдинга – моя последняя работа, обрати внимание, – попросил брат.

– Разве тебя не будет на балу? Покажешь сам.

– Ты путаешь благотворительные выставки бедных художников с великосветским раутом.

– Прости. Я думала Сэндлеры ценят твоё искусство.

– Мало-мальски ценят, но безродных держат на расстоянии. Ты среди них, это уже большое достижение.

Артур перевёл разговор на обсуждение голосов актёров в местном театре Милфорд-Хейвена. Затем спорили, кто победит в новой войне: Франция или Россия. Артур был уверен, что Наполеон, как бесподобный стратег, возьмёт вверх. Эммит утверждал, что у русских могуч дух патриотизма, и

они вгрызутся в горло любому врагу. Чезорино посетовал: «Армия русских хуже подготовлена к войне, всем известно, что тамошние чиновники сплошь казнокрады. Как жаль русский народ...» Оттавия сказала, что любая нация должна не сдаваться, в худшем случае исхода войны: уйти в партизаны, и бешено сопротивляться рабству.

Вечером Оттавия с пасынками и падчерицей переступила порог дома Филдинга. На ней модное платье «греческого» силуэта (приталенное у груди) с глубоким декольте. Платье бледно-голубого цвета с едва уловимым васильковым отливом, по низу и по бокам которого шёл античный орнамент, вытканый из серебра. Сзади развивался накладной шлейф трен из ярко голубого бархата. Рукав платья был коротким, поэтому руки закрывали лайковые перчатки до плеч нежно-голубого оттенка. Ноги не ощущали воздушные туфли «стерлядки» из атласа.

Пасынки надели фрак и кюлоты.

Лэсли обожала невзрачные платья, думая, что в них она выглядит наивно-трогательной. Она присоединилась к группе ровесниц.

Сотни свечей в огромных люстрах освещали наряды гостей. Парики уже никто не носил, мужчины щеголяли бакенбардами, а женщины причёсками, где волосы собирались наверх, оголяя шею.

Норман приготовился к стратегическим действиям: «У



Отт нет любви к мужу, её сердце свободно, я сделаю, наконец, попытку завоевать её. Приглашу на танец, засыплю комплиментами, очарую... Чёрт, говорят, итальянки верны в браке мужу, вдруг Оттавия не купится на мои ухаживания?.. Впрочем, её сестра Берта, тоже итальянка, однако была рада развеяться со мной в гостинице...»

Наяды поблизости не было, она подходила то к одним, то к другим гостям, развлекая последними слухами и выслушивая свежие сплетни.

Многие мужчины галантно ухаживали за ней, сражённые её холодной красотой. Она снисходительно позволяла эти плутонические, невинные шалости. Хотя иногда задумывалась: почему не найдёт себе в этой толпе воздыхателей любовника? Годы уходят, ей уже 29 лет. Неужели она всё ещё любит Нормана? Нет, но она возносит своё благочестие, свою чистоту и высокую нравственность.

В кругу молодых повес на бал прибыл и Роланд Спенсер. Он отстал от своей компании, рассыпаясь в любезностях перед тёткой Августой, ведь заведённые столетиями назад правила приличия нельзя нарушать. Та безразлично кивала в ответ. Но юноша не обижался, его мамаша здорово насолила этой славной женщине.

Роланд приблизился к молодым людям, с которыми сюда приехал. Они что-то горячо обсуждали.

До Спенсера долетели ироничные фразы:

—Роланд мнит себя красавцем, а у самого рыло крестья-

нина.

–Глазки, как у поросёнка!

–Уродливый нос ужасно вздёрнут вверх!

–На такого только за деньги и можно смотреть.

Так вот как о нём отзываются «близкие» друзья! А он-то думал его ценят за искренность, за общительность, а на самом деле его презирают и вполне вероятно: тайно завидуют его капиталам.

Юноша развернулся и пошёл от приятелей в другую сторону. Нет, он не обиделся. Зачем ему сердиться на правду? Да, он обладает отталкивающей внешностью. Просто не надо смотреть на всех, как на потенциальных друзей, надо прятать мечты и порывы в себе, не выставлять на общее обозрение, чтоб не оказаться опять в эпицентре насмешек. А с этими двуличными подхалимами Спенсер больше общаться не будет.

Билинда послушно выслушивала нравоучения отца:

–Дочь, ты уже засиделась в девицах. Тебе двадцать лет, а жениха в нашем доме мы ещё не видали. Будь поактивней, улыбнись кому-нибудь пару раз. Расскажи занимательную историю в кругу сверстников. Короче, лезь из кожи, но обрати на себя внимание. Я буду за тобой следить.

Мисс Драммонд неуверенно примкнула к группе знакомых девиц. На неё, как на соперницу, давно из них никто не смотрел.

Айвор предложил сыну:

–Придётся везти Билинду в Лондон на тамошние приёмы.

–Ага, папа, чтобы на её приданое клюнул какой-нибудь мот-пройдоха.

–Внемли разумному совету, Берни, ведь в Лондоне у меня куча друзей-однополчан, и каждый сочтёт своим долгом пригласить меня с домочадцами на приём. Среди родных друзей, поди, найдётся бедный, но благородный джентльмен, который оценит душевные качества нашей Билинды.

Августа тяжело вздохнула, слушая их.

Её взор поймал в буйстве нарядов силуэт Оттавии. Улыбнувшись, она пошла к ней навстречу.

Айвор заметил сыну:

–Для тридцати восьми лет твоя жена прекрасно выглядит, ей дашь на вид не больше двадцати семи лет.

–Вы, папа, тоже держитесь молодцом.

–Я, признаться, не ожидал, что сноха присмирееет после разрыва со скульптором.

–Да, целыми днями читает. На прежнюю никчёмную Августу совсем не похожа.

–Даже на балах холодна и рассудительна, недоступна и излишне галантна, подумать только.

–Эй, Норман, куда ты так разбежался, что не заметил нас?– окликнул хозяина Бернхард.

Конечно, он спешил к Оттавии, но раз его остановили, придётся поболтать с друзьями.

–Где виновник торжества?– узнавал эпатажный Айвор.

–Всё ещё наряжается, после военной формы трудно менять вкусы и вживаться в новую натуру. Когда он приехал домой, мы целый день скупали всё необходимое для гардероба денди.

–Полиция ещё не нашла след маньяка, что наводит ужас на город вот уже целый год?– интересовался Драммонд-старший.

–Да, кто-то крадёт детей и молоденьких девушек с рабочих окраин, но у нас нет даже подозреваемых,– развёл руками адвокат.

–Этим извергом может быть кто угодно. Как говорится на латыни: «Разновидности безумства бесконечны»,– поддакивал Берни,– Мне жаль полицейских, что день и ночь безрезультатно рыщут по улицам Милфорд-Хейвена.

Норман не слушал, он невольно сравнивал стоящих неподалёку друг от друга Оттавию и Няяду. Скучная и пресная англичанка, а рядом задорная итальянка, что без усталости сыплет шутками, пытаясь развеселить подругу. Эффектная блондинка и шикарная брюнетка.

Айвор проследил за взглядом Сэндлера.

–Да, есть где взгляду задержаться. Уверен, женщины, присутствующие сегодня на балу, завтра скупят все запасы такого материала, что на Оттавии.

–Даже если Малевольти будет торговать мехом из дохлых кошек, все модницы сочтут это шикарным и стильным,– под-

хватил позицию отца доктор.

Орин последний раз поправил бледно-голубой шейный платок, стоя у зеркала.

–Руперт, ну как я выгляжу?

Слуга убрал несуществующую пылинку с тёмно-синего фрака.

–Сэр, Вы выглядите просто великолепно! Все присутствующие на балу должны упасть в обморок от восхищения.

Филдинг вошёл в бурлящий поток разнаряженных гостей. Все ему кивали и здоровались, улыбались и желали успехов в дальнейшем.

Наяда подошла к нему и наставляла:

–Иди, пообщайся с Билиндой Драммонд.

Кончиком веера она указала на невзрачную блондинку.

Орин сморщился.

–Можно подумать: воздух вокруг дочки доктора наполнен вместо духов спорами сибирской язвы или микробами чихотки,– укоряла сестра брата.

Но миссис Сэндлер не стала силком тащить молодого барона к стану дев. Действительно, зачем спешить с женитьбой? Неизвестно ещё как они ВМЕСТЕ уживутся под одной крышей, Наяда не представляла себя вдали от этого фамильного дома. Она отвлеклась на слуг, давая распоряжения.

Оркестр заиграл новую композицию.

Музыка звала душу увлечься чувствами, принять водово-

рот страстей, ощутить всю полноту жизни.

Приятная мелодия заставила биться сердце Орина быстрее. Сердце предчувствовало какое-то неминуемое событие. «Что-то должно случиться,— осознал юноша,— Может, на этом балу в честь моего прибытия домой я встречу свою судьбу...» Он тут же усмехнулся глупой мысли. Он ещё мало повидал свет, да и жениться в 20 лет слишком рано.

«Где этот прохвост Сэндлер? Пусть представит меня местной «золотой» молодёжи»,— Филдинг стал искать глазами зятя.

Орин обернулся и встретился взглядом с огромными глазами незнакомки. Ему показалось, что в их глубине беспомощно тонет маленький человечек — он сам.

Красавицей любовалось всё общество. Изысканное платье подчёркивало изящную фигурку его обладательницы. Длинная шея и покатые плечи смотрелись воплощением идеала, хотя их не украшали ожерелья. Чёрные локоны завитых волос затеняли лоб и щёки. Изогнутые дугой брови шаловливо задевают кудряшки. Камни лазурита в виде цветка лилии в ушах дополняли наряд красавицы, что она выдержала в голубой вариации.

—Где я мог видеть это прекрасно очерченное лицо?— вслух прошептал барон.

—Ты не узнал её?— откликнулась сестра, проследив на кого засмотрелся юный капитан,— Девушка, что вызвала столь бурный всплеск восторга моего брата — Оттавия Малевольти.

–А я всё думаю: где её видел... Я потерял её свадебное кольцо!

–Зато мама вместо их дешёвки отдала своё – настоящий шедевр ювелирного дела!

Теперь смутные, детские воспоминания прояснились. Он и не мог отчётливо помнить лица невесты Боу, ведь то её прятала фата, то его слёзы не давали возможности разглядеть девушку.

Пренебрегая всеми приличиями, потому что в этот момент из головы вылетело всё, Орин зашагал к прекрасной Малевольти.

Он, как в тумане, поздоровался с Августой Драммонд, поцеловав её руку, а сам не сводил глаз с Оттавии.

Итальянка не выдержала такого нелепого, нахального разглядывания, высмеяла молодого человека:

–Вы так пристально за мной наблюдаете, что все окружающие уже решили, что Вы опознали во мне закоренелую преступницу, скрывающуюся от праведного возмездия. Уж не я ли убиваю невинных девушек и детей на окраинах города?

–О, Вы – убийца,– проговорил Филдинг, а на расширенные от изумления глаза Малевольти и Драммонд он пояснил,– Вы пронзаете простодушные, наивные сердца мужчин стрелами Амура.

–Разумеется! А ещё я выскакиваю из подворотни и пью кровь зазевавшихся прохожих! – наговаривала на себя Отта.

–Можно пригласить Вас на танец?– выпалил капитан.

–Конечно: нет! Ведь мы даже не знакомы. Нас никто не представил друг другу,– возражала итальянка.

–Миссис Драммонд, Вы тоже не узнаёте меня?– спросил барон у Августы.

Та кивнула: нет.

Юноша сходил за сестрой.

Наяда, широко улыбаясь, спрашивала у гости:

–Миссис Малевольти, разве Вы не узнаёте нашего Орина?

–Это Орин Филдинг?– захлопала глазами красавица в замешательстве.

–Капитан Орин Филдинг,– гордо уточнил барон.

–Ах, это тот малыш, что потерял на моей свадьбе обручальное кольцо?

–Он самый,– усмехнулся член уважаемого семейства и поклонился,– Теперь Вы отклоняете свой протест?

–Я готова танцевать с бароном Филдингом.

Молодой человек галантно взял даму за локоть и повлёк в танцевальную залу.

–Как же ты быстро вырос. Уже совсем взрослый,– опять слетело с губ Отты удивление.

Они прошли мимо Драммондов и Нормана. «Орин, гадёныш, увёл у меня из-под носа Малевольти!»– разозлился адвокат.

Тем временем Филдинг сыпал комплиментами:

–Вы, Оттавия, принадлежите к числу самых изысканных красавиц.



—На лесь, вы, господин барон, не жадны.

Во время танца капитан шутил:

—Мне сегодня опасно выходить из дома без охраны. Все, кто завистливо следят за нами глазами, подкараулят меня за углом, выщиплют со злости мои волосы и брови, разденут и изваляют в грязи и перьях.

Девушка вообразила эту вопиющую, впечатляющую картину, не удержалась, и прыснула со смеху, прикрывши рот веером.

На их пару немедленно воззрился весь зал.

В отместку она тоже пугала кавалера:

—Не думаю, господин барон, что соперники на этом останутся. Мстительность мужчин Милфорд-Хейвена известна на всю Англию. Вас выдворят из города и погонят по всему побережью, щедро осеняя тумаклами, пинками и плетьюми.

Выдержанный аристократ сдержал смех, позволив себе лишь широко улыбнуться. Его улыбка буквально привораживала: в этот момент лицо его становилось милым и открытым.

Некрасивый Роланд разглядел в кучке неприглашённых танцевать девиц нескладную кузину Билинду. Её плачевный вид говорил об особой непопулярности.

Билинда ответила ему улыбкой.

Юноша подошёл к ней. Заговорил, как будто между их семьями по-прежнему царил лад.

Молодые люди так увлеклись беседой, что не замечали удивлённые взгляды окружающих.

С кузиной Спенсер почувствовал себя равным. С ней он точно знал, что девушка любит его по родству крови, а потому – она не притворная охотница за его состоянием. Ей всё равно, насколько безобразно его лицо, она же с детства любит его таким, каков он есть. Да и сама Билинда далеко не красавица, но юноша увидел в этом одни плюсы: значит – никто всерьёз не увлечётся ею в будущем.

Роланд пригласил кузину на танец. Та с радостью согласилась.

–Что она делает?– вырвалось у Бернхарда.

–Флиртует с твоим племянником,– пояснил Айвор.

–Этого только не хватало!

–Да брось, она просто развлекается,– тут же утешал отец сына,– Бедная девочка устала стоять. Ты можешь спать спокойно, в таких невидных парней девушки не влюбляются.

Артур и Эммит проводили девушек после танцев, передав в руки родителей, и примкнули к группе друзей.

Кто-то посетовал:

–В этом сезоне совсем нет хорошеньких девиц. Ваша сестра, Лэсли Боу, очаровательная барышня, но она совсем редко бывает на балах из-за болезни...

–Придётся ехать за невестами в соседние города,– разделил общее мнение другой джентльмен.

Артур хмыкнул:

–Зачем вообще жениться, когда для удовлетворения плоти полно публичных домов?

–Тебе хорошо рассуждать, Арт, вас в семье много, а я – единственный наследник, так родители меня постоянно домогают: «Когда женишься? Выбери невесту быстрее, мы хотим увидеть внуков. Будешь тянуть с выбором – сосватаем кого-нибудь без твоего ведома», – жаловался один из приятелей.

Весь вечер Орин и Оттавия танцевали. Когда Малевольти поймала взглядом фигуру Артура, пасынок делал знаки в сторону выхода.

–Как быстро пролетело время. Мне пора домой, – сетовала Отта, затем пошутила, – Загоняю и утомлю Вас, Ваша Милость, как скаковую лошадь, в следующий раз.

–Ловлю Вас на слове.

–До свидания.

–Верните моё сердце, сеньора, пока Вы не забыли, – целуя ей руку на прощанье, просил Филдинг.

–Но я ничего у Вас не забирала, – игриво отнекивалась Малевольти, думая, что молодой человек шутит.

Конец сентября. Конкурент леди Росс господин Колин Майерс устроил художественную выставку малоизвестных и начинающих художников. Майерсу перевалило за пятьдесят, но, не взирая на седину, он выглядел статным и красивым

джентльменом. Он слыл скользким типом в делах, но в мошенничестве публично уличён не был, хотя молва приписывала ему различные махинации, вплоть до устранения врагов с помощью наёмных убийц.

Оценить работы «подмастерьев» съехался цвет аристократии и буржуа-«толстосумы» со всего Милфорд-Хейвена.

Оттавия Малевольти приехала с пасынками.

Юноши препроводили мачеху в руки Августы Драммонд, что прибыла с Билиндой, а сами отправились в другую залу, чтоб беспрепятственно пропустить бокал, другой вина.

Артур лениво обвёл глазами толпу, одни и те же лица порядком поднадоели. Как вдруг взгляд его отыскал незнакомку. Томная, грустная и прекрасная блондинка нехотя пила из широкого бокала вино и шла по направлению к окну. Каждое движение исполнено грацией и превосходством. Высокая причёска открывает её изящную шею. Бежевое атласное платье обрисовывает стройные ноги при ходьбе.

–Кто это?– Спросил Арт у брата, указывая глазами на шикарную блондинку.

–Так ты ещё не знаешь? Банкир Оллинхэм привёз это диво из Лондона. Её отец задолжал банку кругленькую сумму, барон Оллинхэм уплатил долги в обмен на дочь сквайра Брантуэйта.

–Но Оллинхэму около шестидесяти!

–Наш отец женился на девушке значительно моложе, чем Рут Брантуэйт.

–Как такая красавица не могла выйти замуж в многолюдной столице?

–Бесприданница, – пожал плечами Эммит.

Артур вернулся в первую залу для показов и попросил жену доктора представить его жене банкира.

Августа улыбнулась кончиками губ и подвела молодого человека к новой особе в их обществе. Познакомила и вернулась к подруге.

–Мистер Боу, принесите мне другой бокал вина, – попросила Рут, – Этот напиток, что в моей руке, уже не достаточно прохладен.

В её голосе сквозило пренебрежение, но влюблённый юноша с радостью бросился исполнять поручение.

Тайлер Оллинхэм подошёл к жене и увёл её из галереи Майера, ворча:

–Скопище бездарей.

Банкир носил новомодные широкие брюки, потому что был вынужден прятать своё увесистое брюшко. А над круглыми щеками и вечно хмурыми бровями с недовольным взглядом серых глаз шляпа «цилиндр» возвышалась как-то неуместно.

Билинда отстала от матери и её подруги, надолго остановившись у портрета девушки с тёмными волосами.

–Позирующая художнику дама чем-то похожа на Джоконду, не правда ли? – раздался сзади неё вопрос Роланда.

–Художник просто смешон! Подражая великому Леонар-

до да Винчи, он выставляет себя, как несостоявшегося мастера и полного неудачника.

—У меня есть копия этой картины да Винчи, когда я смотрю на неё, Джоконда напоминает мне Будду. Такая же блаженная улыбка, говорящая: я всё знаю про этот мир.

—Джоконда была неизлечимо больна, отсюда затаённая грусть на челе. И, будучи больной, она потому радовалась каждому дню, встречая новый рассвет и людей улыбкой.

Августа и Оттавия спорили в другой зале.

—Картина чудесна,— уверяла миссис Драммонд.

—А мне кажется — художник зря перевёл краски.

—Миссис Малевольти, уж не собираетесь ли Вы предать несчастного художника и его полотна ссожению на костре?— узнавал Орин Филдинг, присоединившийся к дискуссии.

—Барон, Вам не кажется, что в закате зелёных и салатных оттенков быть не может? Я, конечно, понимаю, что художник хотел выделиться среди прочих, обратить на свою работу пристальное внимание, но из его затеи получилась заурядная мазня, ляпсус.

Орин выгораживал творца диковинного заката:

—Иногда творческих людей тянет на что-то необычное, они выходят за рамки дозволенного и сочиняют свои миры. Взять хотя бы знаменитого флорентинца Доменико Гирландайо, в капелле Сассетти он изобразил беседующих дам, играющих детей и пасущихся белых единорогов на оранжевой траве! Так Гирландайо засыпали заказами с изображением

именно этой фрески!

–Думаете, на этой картине восход чужого солнца?– ахнула Оттавия.

–Несомненно.

–Тогда это природное явление впечатляет,– пришла к выводу Малевольти.

–Я поищу Билинду,– сообщила Августа и пошла искать дочь.

Филдинг заверял новую знакомую:

–Если бы не обратили на меня должного внимания, мне, вероятно, пришлось бы скакать перед Вами на голове.

–Хвала Господу, он уберёт меня от этого страшного зрелища.

На Оттавии было белое платье с мелким, красным орнаментом по низу. Палец на руке украшал перстень с рубином Филдингов.

Она с удивлением разглядела на руке барона такое же кольцо, что и у неё, только с другим камнем.

–Зачем же Ваша мама разъединила пару колец?

–Может, она разлюбила папу, потому одно кольцо подарила, другое отдала мне,– сделал предположение Орин.

–Я помню Вашего отца. Он был такой честный и важный... Неужели Ваши родители не ладили?

–По молодости Остин Филдинг слыл ветреным, влюбчивым, балагурным чудаком. Уделял много внимания кокетливым актрискам... Армия сделала из него рассудительного и

справедливого человека.

–Пойдёмте, мистер Филдинг, осмотрим другие выставленные здесь произведения.

–У меня к Вам просьба.

–Какая же?

–Называйте меня: Орин.

–С какой стати?

–Я хочу быть Вашим другом.

–Вы можете дружить с моими пасынками, но никак не со мной.

–Что Вы скажете об этой работе?– увёл разговор в другое русло барон.

–Дети рисуют лучше.

У Августы замерло сердце. Невдалеке стоял Чезорино Малевольти и любовался изображением какого-то скульптора. Ноги сами повели её к нему.

Итальянец не расслышал шагов приближающегося человека, поглощённый в созерцание образа.

Как хотелось женщине дотронуться до обожаемого объекта. Но даже долго смотреть на него нельзя – это вызовет у общества нездоровый интерес и догадки.

Возбуждённо, с неровным дыханием, она говорила о представленной работе скульптора:

–О, создателю этого творенья удалось показать движение бегуна; все мышцы напряжены, есть ощущение действия.



—Это моя работа,— не оборачиваясь, отозвался Чезорино,—  
Жаль с ней расставаться.

—Но художник не может творить только для себя.

—Может. Если у него для этого достаточно средств.

—Как ты поживаешь?

—Более, менее сносно... А ты записала себя в монашки,  
Августа? Зачем ты добровольно отказываешься от многих  
благ, что скрашивают жизнь богатых людей?

—У тебя везде осведомители. Разве не понятно, что жизнь  
без тебя для меня стала бесцветна?

—Я не стою таких жертв.

—Стоишь!

Пара голов обернулась на спорящих.

—Я покупаю у Вас, мистер Малевольти, эту скульптуру,—  
громко, для подслушивающих, сказала миссис Драммонд,  
усыпляя бдительность сплетников.

—Деньги пришлёт по почте, госпожа баронесса, мой адрес  
есть у мистера Бэннэна,— тоже громко сказал скульптор.

—И это всё? Ты так просто уйдёшь?

—Я не могу разрываться меж двух женщин. Зила много  
для меня сделала...

Чезорино развернулся и быстро ушёл.

Августа нашла дочь, беседующую с Роландом.

Ответив на поклон племянника реверансом, она сообщила  
дочери:

–Билинда, кое-что я купила, а теперь едем домой.

Родственники опять обменялись знаками почтения.

Когда мать с дочерью отошли подальше от Спенсера, Августа недовольно проговорила:

–Мне неприятно видеть тебя с сыном Беулы.

–Но, мама, чем Роланд провинился перед тобой?

–Он её сын.

–И мой брат...

–Чтобы я больше вас вместе не видела.

Дома Августу ждало новое потрясение: её любимая собачка лежала у клумбы скучная и понурая. Завидев хозяйку, животное лишь слабо заскулило.

Женщина взяла болонку на руки, и вдруг заметила у пёсика синяк во весь живот. Собака беспомощно и бессильно запрокинула голову.

–Ириска, не умирай,– заплакала Августа,– И-ириска, не умирай...

Билинда приказала слуге ехать за ветеринаром.

Её мать ходила по дорожке, качала болонку, словно ребёнка и шептала несчастному животному о том, как она любит свою Ириску.

Приехавший по вызову ветеринар забрал больное животное в свою клинику.

Сквозь пелену слёз баронесса смотрела, как карета увозит её любимое существо.

Она прошептала:

–Это война. Теперь Бернхард Драммонд тебе не будет спокойного житья в доме. И на работе, в больнице, я разужнаю все твои тёмные делишки. Хочешь видеть мои слёзы? Не дождёшься!

В холле её ждал муж. Его глаза светились злорадством.

Он первым урезонил жену:

–Мне уже сообщили, что ты виделась у Майерса с Малевольти, и о чём-то договаривалась! Ириска – первое предупреждение! Подобных вольностей, как раньше, я более не потерплю! Следующей жертвой будешь ты!.. Или твоя глупая дочь, что крутится возле сопляка, которого породили уродец Вирдж с твоей шлюхой-сестрой!

–Что ты за чудовище, если желаешь смерти родной дочери? Можно ведь её просто припугнуть лишением наследства!

–Припугну, конечно...но если это не поможет...

Жена глядела, как он идёт к комнате Билинды и шептала:  
«Ненавижу тебя...ты ответишь за Ириску, подонок...»

Барон заскочил в комнату дочери.

–Билинда! Ещё раз ты приблизишься к Спенсеру ближе, чем на метр – пеняй на себя! Ушлю в монастырь, лишу наследства!

–Почему мне нельзя просто говорить с родственником?!–вдруг девушка пошла в наступление на отца.

–Ты всегда была уравновешенная и податливая, бескомпромиссная и послушная... Как резко ты изменилась!

–Наверное, это произошло, потому что я, наконец, среди толпы злых и грубых болванов, что прикидываются вежливыми и чуткими, встретила родственную душу, которая чиста и заботлива, и, не взирая на общее мнение, благоволит к моей персоне!

–Я подумаю, как наказать тебя за пререкание с отцом, – грозил Бернхард.

–Разумеется: за правду надо больно бить, это закон психической природы человека!

Барон, задыхаясь от бессильной ярости, вышел из комнаты дочери.

Августа вечером пришла в комнату дочери. Устало опустилась в кресло и заунывно вопрошала:

–Ну разве мало других кавалеров? Зачем тебе Роланд? Он такой некрасивый...

–Но и я не красавица.

–Беула много лет лгала мне, встречаясь с твоим отцом... Ты же знаешь...

–Ты думаешь, Роланд тоже лжец?

–Мне противно даже думать, что тебя будет обнимать сын Беулы.

–Но, мама, Беула – твоя сестра, неужели в тебе не осталось и капли любви к единокровному человеку?

–Подумай, как я смогу идти на свадьбу рука об руку с этой

змеёй-предательницей, что разрушила мой брак?

–Разве брак с моим отцом был для тебя так уж и важен? Разве любили вы друг друга беззаветно и трепетно?

Женщина задумалась, и через пару минут более миролюбиво признавалась:

–Вообще-то Беула владела тем, что и мне едва ли принадлежало... Муж нужен мне был для душевного спокойствия, для размеренной, уравновешенной жизни. Лишившись видимого счастья, я вдруг поняла, что прозябала. И сердце сразу нашло настоящую любовь...

–Ты влюбилась в другого мужчину?

–Это моё счастье и несчастье.

–Я уйду в монастырь, если Роланд не предложит мне идти замуж, – вдруг заявила Билинда.

–Деточка, как же так?! Зачем лишать себя радостей бытия?

–Каких радостей, мама?

–Не надо глупить, будут у тебя другие женихи, – махнув рукой, встала Августа, намериваясь выйти из комнаты.

Дочь преградила ей путь, истерично заявляя:

–Роланд – самый лучший! Его выбрало моё сердце! Я ни раз представляла себя женой каждого более менее потенциального жениха, и кроме неуверенности и растерянности в моей душе ничего не возникало. Ни о ком я не мечтала до сего времени.

2 октября. Джентльмены и леди съехались за город, кто играть в стипль-чез, остальные поболеть за соревнующихся.

Дамы и другие наблюдатели заняли позицию у таверны, хозяин которой вынес столы на пригорок. Трактирщик поставил столы яствами и всевозможными напитками: господа заранее оплатили ему за эту услугу.

Обзор был превосходен. Зрители обсуждали наездников и их лошадей.

Участники игры выстроились вдоль намеченной линии и приготовились по свистку скакать до ближайшей деревни.

Артур Боу восседал на лошади игреневого масти (рыжей с белой гривой и хвостом). Его брат красовался на чубаром скакуне (барсового раскраса – белого в небольших угловатых, коричневых пятнах).

Роланд Спенсер предпочёл традиционную чистокровную английскую гнедую лошадь.

Берни Драммонд сидел на золотогнедой кобылке.

Щуплый грум банкира Оллинхэма вжался в седло арабского скакуна в яблоко.

Наездник Майерса с рыжей бородкой нервно натянул поводья буланого коня (жёлто-песочная окраска всего туловища и головы, хвост и нижняя часть ног – чёрные).

Ещё десяток играющих ожидали начала забега.

Вот седоки получили сигнал, и ринулись галопом напрямик, преодолевая препятствия в виде кустов, рвов и канав, объезжая деревья.

Болезньщики оживлённо загалдели, обсуждая тактику скачущих.

За крайним четырёхместным столиком сидели Августа и Оттавия, у обеих шляпки с плюмажем. У баронессы с двумя павлиньими, у Малевольти красовались несколько страусовых перьев.

Итальянка замерла и следила за забегом лошадей пасынков.

Её внимание отвлек вежливый вопрос:

—Ах, у вас есть свободные места! Можно к вам присоединиться?

Голос принадлежал барону Филдингу.

—Да, конечно садитесь,— уже отвечала Августа,— Рада видеть Вас в хорошем здравии, баронесса Бонэм.

—Спасибо, милочка. Что за прелесть отдых за городом.

За соседний столик уселись чета Сэндлер и чета Росс.

Августу передёрнуло, когда заискивающие и извиняющиеся глаза сестры встретились с её взглядом. Раньше ей удавалось избегать общества Беулы.

—Орин, можно поменяться с Вами местами? С этого места солнце слепит глаза,— попросила миссис Драммонд у джентльмена.

Тот даже был рад поменяться местами, ведь после перемещения он оказался ближе к Оттавии.

Зато Августа сидела теперь спиной к соседнему столику. Но и скачки баронессу совсем не интересовали. Она бы по-

наблюдала за борьбой мужа с конкурентами, если бы в правила игры входило сечь друг друга плетью. Вот тогда бы она с радостью считала каждый удар, сопровождая сие действие восторженными возгласами.

—Почему вы с Берни никогда не путешествуете?— задала вопрос Тина Бонэм,— В наше время это совсем не затруднительно.

—Бернхард не может оставить своих больных.

—А я бы с приудовольствием отправилась в дальние страны...— мечтательно поделилась престарелая аристократка,— Но у меня нет достойной компаньонки. Я в преклонных летах, и, естественно, боюсь за своё здоровье, так что девушка или барышня должна быть и сиделкой и развлекающим фактором.

—Я осмелюсь предложить на эту роль свою племянницу Элеонору Фиоре,— подала голос Малевольти,— У этой девочки четырнадцати лет живой, неунывающий характер. Её глаза всегда смеются, и её бодрость и веселье сразу же переходят окружающим.

—Ей не хватает выдержки?— по-своему истолковала Бонэм,— Хорошо, я займусь Вашей родственницей, я воспитаю из неё не только сдержанную особу, но и ярую пуританку.

Оттавия улыбнулась кончиками губ: нелёгкая задача у баронессы Бонэм, её планы на счёт Элеоноры неосуществимы — нельзя укротить итальянский темперамент.



А Орин удивлялся себе: «Как странно, стоит взглянуть на Отту – и замирает сердце».

– Почему никто не наливает вино? – возмутилась пожилая женщина, – Племянник, ты как джентльмен, не в праве забывать о своих обязанностях.

– Ах, дамы, извините, – спохватился юноша.

– Мне вермута, – попросила тётушка, – Полынное вино полезно для печени.

За соседним столиком беседа протекала не менее оживлённо.

Наяда спросила у семьи Росс:

– О чём вы любите поговорить дома?

– Наша излюбленная тема разговоров – это изыскание аллегорий из «Библейских» притч, – сообщил Персиваль.

– Да, эта книга полна тайн и ещё не раскрытых сенсаций, – восторженно протянула Беула, – Порою смысл исторических событий завуалирован и едва уловим.

– А мне кажется: солидные куски текста искажены многочисленными переводами, – заявил Норман.

Его жена, не обращая внимания на мужа, спрашивала у Перси:

– Мне всегда было интересно знать: почему имя Бога – Джиховах (английское произношение Иегова) не упоминается в молитвах, а встречается лишь в текстах «Библии»?

Судовладелец ответил очередным вопросом:

– А Вы знаете, уважаемая, что Джиховах – это не полное

имя Бога?

–Как не полное?– изумилась миссис Сэндлер.

–Евреи, да и многие другие народы не писали гласных букв. В написании имени Бога использованы согласные буквы: й, г, в, г. Их прочтение может быть различно, в зависимости какими гласными их снабдить. Святой Иероним и Климент Александрийский писали его: Яо, Друсий читал: Яхве, Готтигер – Иехва, другие приверженцы церкви писали: Явох, Яуох, Яхе и так далее.

Норман дополнил:

–Вдобавок каждый народ произносит Джиховах по-своему. Шведы говорят: Джахова, испанцы – Джихова, итальянцы – Гиова, славянам больше нравится говорить – Игова.

–Многие призывают произносить имя Бога по-еврейски: Яхве, но никто точно не знает, как это произношение близко к истине. Вот, по этому, думаю, в молитвах предпочитают имя Бога заменять на Вездесущий, Господь, Всевышний, Вечный. И все не упоминать,– заметила Беула.

Адвокат не отставал в познаниях:

–А так-то имя Бога в первых «Библиях», что писались без гласных букв, упоминается повсеместно, кто-то насчитал, что встречается оно 7.000 раз. В 1.611 году «Библия короля Якова» тоже содержит такое же количество упоминаемый святого имени.

Росс удивлялся:

–Вы, сэръ Сэндлер, я смотрю, тоже интересуетесь религи-

озными вопросами.

Норман продолжал блистать осведомлённостью:

–Написание повсеместно в церквях букв ха-вах, по сути, является формой еврейского глагола, означающего: «Он даст становиться». То есть «Библия» даёт понять, что это тот, кто последовательно выполняет свои обещания и осуществляет свои намеренья.

–Или помогает нам духовно расти,– по-своему поняла На-яда.

–Кстати, Норман, Вы могли бы написать научную диссертацию...если бы меньше времени уделяли выпивке,– откровенно сказал Перси.

Беула продолжила давление на друга:

–Скажите, что заставляет Вас так часто напиваться?

Сэндлер протянул руку к бутылке с самым крепким напитком, и шуткой отвечал:

–Ничего не заставляет. Я – доброволец.

Тем временем забег приближался к финишу. Многие болельщики нетерпеливо вскочили со своих мест и столпились у края пригорка. И зрители с двух крайних столиков повторили пример остальных.

Конь Майерса выбыл из игры ещё с первых минут, его ноги запутались о ветви кустарника, и животное рухнуло. Седок вовремя с неё спрыгнул, и остался цел.

Первой пришла лошадь некоего маркиза с соседнего города.

Вторым прискакал конь в яблоко банкира Оллихэма.

Третьим финишировал Арт Боу на игреневой лошади.

–Мне показалось: Артур натянул поводья, давая возможность сопернику одержать верх,– пробормотала Оттавия, делась впечатлениями с Августой.

В следующую секунду Малевольти испуганно ахнула: увесистый Эммит плюхнулся с чубарового скакуна на повороте.

Юноша быстро вскочил на ноги и замахал мачехе, давая ей понять, что опасаться за его здоровье не стоит.

Филдинг склонился к уху Отты. Все подумали, что добрый джентльмен шепчет слова утешения, на самом деле он признавался:

–Я люблю Вас.

Девушка обмерла. «Как поверить столь юному существу? Разве может его сердце отвечать глубоким и верным чувством? Шалит мальчик, ох шалит...»– не верила Оттавия.

Она целесообразно и благоразумно отстранилась от юного капитана. Со всех сторон на неё посыпались поздравления за победу другого пасынка.

–Такая прыть и сноровка Артура радует,– восхищался Росс.

–Перси, отчего ты не хочешь проявить себя на скачках? Не поучаствовал в забеге...– укоряла его жена.

–Ты хочешь, чтобы я, как Берни Драммонд позорно плёлся в последних рядах?

–Спортивные состязания – дело молодых,– поддакнула

Тина Бонэм.

–Норман, у Вас слёзы на глазах...– заметила Беула,– За-  
летела в глаз мошка?

Сэндлер перевёл взгляд с Оттавии на подругу жены и ска-  
зал первое, что пришло в голову:

–Вспомнил о новом случае пропажи ребёнка.

–Зачем же так близко принимать к сердцу чужое горе?–  
заохала баронесса Бонэм.

Малевольти внимательно и сочувственно глянула на ад-  
воката.

–Когда дело касается детей – нет понятия «чужой ребё-  
нок»,– заявил Норман.

Окружающие с уважением посмотрели на Сэндлера.

–Пусть он иногда выпивает, но у него – золотое сердце,–  
шепнула Наяде престарелая аристократка.

Уполномоченный от имени Георга Третьего объявил, что  
победитель приглашается на королевский забег в Аскот, ко-  
торый состоится на следующий год 20 июня.

Когда вручали призы, Оллинхэм заговорил с Артуром  
Боу:

–В нелёгкой схватке сегодня мой грум отвоевал у Вас по-  
беду.

–Ну да...– неуверенно промямлил юноша.

–Зачем Вы приостановили свою лошадь?– в лоб спросил  
банкир.

–Я не слишком честолюбив. Я хотел, чтобы глаза Вашей

жены светились радостью победы.

–Держитесь подальше от моей жены,– не оценил благих намерений Тайлер Оллинхэм.

Затем банкир сменил выражение лица на улыбку, получая приз из рук мэра города.

Бернхард Драммонд уехал с состязаний сразу после финиша. Насмешки друзей доконали бы его совсем. Он любил острые ощущения, пыл борьбы, но, видно, старость уже накидывает на тело невидимые, но крепкие путы.

Пасынки Оттавии возвращались домой верхом, они уже давно скрылись из виду. Она же ехала в карете, которая едва плелась.

Вдруг на ходу в её карету ворвался мужчина. Итальянка вскрикнула от неожиданности. Кучер остановился.

–Поезжайте, это свои!– крикнула девушка слуге, а испугавшего её Филдинга она укоряла,– Что Вы себе позволяете, барон?

–Вы не ответили мне. Ваше лицо оставалось бесстрастным. Это жестоко.

–Вы нарываетесь на крупные неприятности, сэр Филдинг.

–Прекратите называть меня «сэр» и «барон»! Для Вас я – Орин.

–Господин барон, Вы перепутали карету,– злила его Отта.

–Надо быть толстокожим носорогом, чтоб не чувствовать моего расположения к Вам.

–Вы не справедливы к бедным животным, они заботливы

и чутки по отношению к сородичам.

Притягательная близость красавицы сводила с ума, а её ирония выводила из себя, и Орин, повинувшись порывам, прильнул с жаром к губам Оттавии.

А она и не знала, какая могучая сила таится в поцелуе. Как восхитительно отзывается тело на это, казалось бы, пресловутое действие.

Но Отта всё же оттолкнула нахала от себя.

—Если тебе нужна опытная женщина для интима, то иди к проституткам!— всё же перешла на «ты» Отта в порыве гнева.

—Зачем ты так? Я преклоняюсь перед тобой, как перед целомудренной богиней, как перед прекраснейшим созданием природы.

—Ни разу не слышала, чтобы на идолов нападали с поцелуями.

—Целуют, когда почитают и обожают.

—Но когда, когда бы ты успел так сильно влюбиться? Мы знакомы едва-едва.

—А я потерял счёт дням... С тех пор, как увидел тебя, то засыпаю с трудом: воспоминания и мечты о тебе подолгу не дают сомкнуться глазам.

—А в тарелке с яичницей Вам не видится моё лицо?— смеялась Оттавия, всё ещё не веря юному поклоннику.

Она ожидала, что юноша рассмеётся и сдастся, откажется от дальнейших попыток завоёвывать её. Девушка чувство-

вала, что он не очень твёрд в намереньях, называя её, то на уважительное «Вы», то, переходя на дружественное «ты».

Но Орин обиженно говорил:

–Я понимаю, мой обескураженный вид веселит Вас, но позвольте Вам тоже заметить: у Вас каменное сердце.

–Наверное...– задумчиво проговорила Отта,– Я никогда не обращала внимания на мужчин...как на объект любви.

–Я понимаю: Ваша жизнь посвящена детям мужа и своим детям, но, может, настал момент увидеть кого-то ещё?

–Мой дом уже близко,– напомнила Малевольти.

Филдинг быстро поцеловал ладони Оттавии и выскочил из кареты, оставив женщину в смятении.

Любовь всегда неожиданна. Сокрушительным ударом она обрушивается своими жгучими чувствами, заполняя собою все цвета жизни. И вот ты уже с каждым вздохом думаешь только о предмете своих грёз. Всё остальное становится второстепенным.

Куда бы Отта ни шла – повсюду с ней был образ Орина. Его зовущие глаза, полные надежды.

В эту ночь ей снилось, будто океан добрался до её ног. Прикосновения волн были приятными и ласкающими. Мелкие рыбки щекотали кожу. Жадная вода поднималась всё выше, дотянулась до талии...Но испуга Оттавия не чувствовала, её охватило умиротворение, сменившееся тихим оргазмом.

Утром она склонилась на коленях в самую жалобную позу



перед образом Мадонны.

–Пресвятая Дева, желаю тебе всех благ земных и небесных, и молю, и взываю к тебе о помощи от напастей и болезней.

Но о самом сокровенном чувстве девушка побоялась поделиться с Богородицей: ведь грех любить замужней даме чужого мужчину, но как отнять у сердца мечту?

Её уединение нарушил племянник, тринадцатилетний Франческо.

–Бесценный мой малыш, почему ты не пошёл в цирк вместе с Артуром, Эммитом и девочками?

–Тётя, меня по дороге к вам пытался похитить какой-то господин!– ошарашил её племянник.

На пороге дома им встретился Освальд Боу.

Старик заворчал:

–Куда вы бежите, грязные италяшки?

–Это ты, старое чудовище, убиваешь молоденьких девушек! Больше некому!– обвинила мужа Оттавия.

–Я бы очень хотел им быть, но, к сожалению, я теперь только могу безобидно погладить по попке, вожделенно пуская слюну. Я стал совершенно безопасен для женского пола,– с вздохом признавался Боу.

Цирк. Натянут шатёр шапито.

Взволнованная болтовня зрителей перед началом выступлений мгновенно стихла, стоило лишь заиграть оркестру

туш.

Братья пожали руки сёстрам-близнецам. Девочки в ожидании чуда во все глаза уставились на арену.

На яркий ковёр выскочили акробаты в пёстрых одеждах. Их быстрые движения, стремительные сальто приковали всех к действию.

Затем куролесили на сцене клоуны.

После дрессировщица заставляла прыгать своих пуделей.

–Цирк дарит праздник каждому зрителю,– с пафосом сказал Артур.

За кулисами у дрессировщицы собачек вырвался восхищённый возглас:

–Поглядите на девочек-близняшек в первом ряду. Во-он те брюнетки.

Несколько голов заглянули в щель штор.

–Загляденье, как хороши,– протянул гимнаст Ален Моранте.

–Словно две фарфоровые куколки,– согласился борец Тьерри, его брат.

–Ален, Жаклин, антре, антре,– заторопила артиста на выход на арену директриса цирка мадам Жюдор.

Юноша выскочил на сцену в облегающей малиновой майке, покрытыми блёстками руками, и в облегающих белых трико. Его красивые мускулы играли на руках, вызывая визги восторга у женского пола. Лицо атлета было столь же прекрасно, не уступая лидерства телу, только синие глаза обрам-

ляла узкая маска.

За ним бежала рыженькая девушка в белом, даже косметика не делала её милостивой.

Качели подняли их под купол цирка.

Затаив дыхание, люди не сводили глаз с дарителей зрелища.

Гимнасты вращались, перепрыгивали на дополнительные качели и брусья, ловили друг друга в воздухе.

В конце номера благодарные зрители обрушили на артистов гром продолжительных аплодисментов.

Вот и борьба. Тьерри Моранте тоже в маске вышел на арену. Его одежда состояла, как у всех борцов из пляжного, полосатого купальника, который оставлял открытыми только руки до локтя и нижнюю часть икры ног. Парень легко справлялся с соперниками.

Трибуны ревели от восторга.

Вспотевший непобедимый борец, смахивая пот со светло-русых волос, взывал к залу:

—Ну, кто хочет сразиться со мной? Есть смелый?

—Я!— вскочил со скамьи Эммит Боу.

—Эмм, а вдруг Тьерри тебя раздавит?— переполошено вопрошала Умбриэль.

Но решившийся на борьбу доброволец уверенно перешагнул черту, разделяющую зал от арены. Он скинул шляпу и фрак, передавая одежду брату.

—Вам будет больно падать,— с усмешкой пугал Моранте.

Но не так-то просто было оторвать от пола коренастого Эммита. Боу-младший сделал подножку борцу и всей массой навалился на Тьерри. И, о чудо, Моранте грохнулся на спину.

–Как Ваше имя?– радостно спрашивал конференсье у парня из зала,– Деньги за бой ты можешь получить сейчас же.

–Эммит Боу.

Брови Тьерри дрогнули.

Громогласно гремело имя победителя.

–Ну, здравствуй, дядя Эммит,– подал руку борец.

Боу испугался, что парень сильно ударился головой.

–Я – Тим Торнтон,– совсем тихо признался циркач.

Посетители цирка сильно удивились, когда победивший джентльмен бросился обнимать борца. Сочли, что в юноше говорит радость от победы.

–Я здесь с Артуром и сёстрами,– сообщил Боу-младший.

–Веди их за кулисы.

Пришедшие на цирковое представление начали расходиться, и не все заметили, что с первого ряда группа молодых людей прошла вглубь помещения для артистов.

В гримёрной девочки с удивлением озирались, разглядывая многочисленные афиши, написанные на разных языках мира.

Вошёл Алэн. Без маски он выглядел ещё красивее. Лицо Тима было более простовато.

—Алан, я раскрыл наше инкогнито дядькам Боу.

—Почему циркач называет вас дядьками?— засмеялась Умбри.

Проказница-Джесс рассыпала пудру.

Обтряхивая хулиганку от белого облака мела, Тим шаловливо доложил и ей:

—А вы — мои маленькие тётечки.

—Артур, он нас оскорбляет, мы ещё не старые,— надула щёки Джессика, повернулась к старшему брату, а тот уже обнимает воздушного гимнаста.

—Девочки, это дети нашей сестры Виндэлии, портрет которой висит в кабинете папы,— объяснял недогадливым сёстрам Эммит.

—А папа говорил, что они учатся в Девоншире...— всё ещё не верила Умбриэль.

—Мы не захотели стать военными, и убежали из дома,— пояснял Тим.

—Поначалу было тяжело, но труд, а ещё важнее: вера в себя могут творить чудеса,— подхватил Алан.

—Но вы же не Торнтоны, а какие-то Моранте,— настаивала Умбриэль.

—Циркачи почти всегда берут псевдонимы,— напомнил Тим.

—Вы думаете возвращаться домой?— напрямик спросил Эммит.

—За этим мы сюда и приехали. Дед хоть скучал без нас?

–Конечно! Очень часто вздыхал: «Что делают сейчас эти авантюристы Торнтоны?»

Парни дружно рассмеялись.

Джессика робко протянула руку Тиму, затем Алану. Её примеру последовала и сестра.

–Посидите здесь, мы переоденемся и все вместе вернёмся домой,– попросил Алан.

Тётя и племянник Малевольти переступили порог кабинета следователя.

Адвокат Сэндлер сидел на корточках, спиной к двери, и утешал сидящую на стуле девочку лет десяти:

–Поверь мне: всё страшное позади. Я обещаю найти злодея и наказать.

Мать потерпевшей девочки, в скромном платье рабочего сословия, закрыла заплаканное лицо платком.

Оттавия обиженно подумала: «Меня он так не утешал, наоборот, был предельно груб и деловит...А, может, его неделикатная тактика по отношению ко мне была прикрытием зародившихся чувств? Так Сэндлер прятал любовь от меня и себя! Выходит он очень приличный человек...но это совсем не вяжется с его репутацией распутного гуляки и завсегда-тая борделей...Он ходил в магазине вокруг меня, но ни разу не предложил интим, значит – считает приличной девушкой...»

Норман обернулся на вошедших и удивлённо расширил

глаза. Тут же взял себя в руки.

–Миссис Олден, я передам все важные сведения следователю Хедлунду, как только он приедет с места очередного преступления. Распишитесь вот здесь.

Итальянцы прошли в глубь кабинета.

Сэндлер сам усадил Отту на стул. Мальчик сел рядом.

–Мой племянник, Франческо Малевольти, подвергся нападению. Но... может, Вам некогда выслушивать наши жалобы?..

–Рассказывайте. Я такой же юрист. Хедлунд сам поручил мне взять показания у свидетелей.

–Меня пытались втащить в карету, когда я шёл по безлюдной аллее к дому тёти,– залпом выдохнул фразу мальчик.

–Ты запомнил лицо нападавшего?– нетерпеливо спросил Сэндлер.

–Похититель был в маске, но из под неё торчала чёрная борода.

–Борода могла быть и бутафорской,– возразил адвокат,– А особых примет на руках не было?

–На злодее были перчатки. И вообще одет он был в дорогие одежды. Несомненно: он буржуа или джентльмен.

–Вот как,– протянул Сэндлер,– А какая была карета?

–Я не успел разглядеть толком... хотя... вроде экипаж был наёмный, на таких обычно подрабатывают частным извозом. Да, точно: у кареты потрёпанный вид.

–Как тебе удалось бежать?

–Хвала Мадонне: я не растерялся. Пока преступник держал меня одной рукой, что-то доставая из кармана другой рукой, я укусил негодяя. Тот вскрикнул, отдернул руку, а я со всех ног бросился вглубь посадок, где карете не проехать.

–Какой рост был у того маньяка?

–Высокий... как Вы.

Норман засмеялся, показывая целёхонькие обе руки.

–Чаю?– предложил он пострадавшим.

–А печенье есть?– деловито поинтересовался Франческо.

–Конечно,– радостно улыбаясь, адвокат доставал чашки.

–Это неудобно...– заволновалась Оттавия.

–Вынисколькоменя не стесняете. Я и сам собирался пить чай,– уверял барон.

–Но это не Ваш кабинет,– напомнила девушка.

–Я и Хедлунд – друзья, он запросто обедает и в моём кабинете.

Перед лицом Отты уже стояли чашки с холодным чаем, отступить было неприлично.

–Впервые встречаю такого гостеприимного адвоката,– насмешливо заметила она.

–За мной должок. И вообще: общайтесь чаще с судебными исполнителями, и увидите, какие мы хорошие ребята.

–Нет уж, увольте, я хочу, чтоб моя жизнь с этой минуты не омрачалась казусами и жуткими историями,– смеялась Малевольти,– О, чай с лимоном.

–И печенье с орешками,– с удовольствием отметил её пле-



мянник.

–А вот ещё и чудесные конфеты,– достал из ящика стола диковинные штучки в обёртках Норман.

–Ваша Милость, я не ожидала, что Вы на столько чуткий человек. С маленькой девочкой у Вас не было и тени официальной интонации...– нахваливала адвоката девушка.

–Мы же когда-то договорились: для Вас я – Норман.

–Но здесь деловая, судебная обстановка...

–Франческо, не мог бы ты подождать тётю на улице?– эту просьбу Сэндлер сопровождал горстью конфет в обёртке.

Мальчик рассовал дар по карманам и без лишних вопросов вышел из кабинета.

–Я люблю Вас, Оттавия,– наконец набрался храбрости и признался мужчине.

–Я догадалась об этом сегодня. Я сравнила сегодняшней допрос маленькой девочки с собственным, когда Вы нарочито жестоко, грубо и скрупулезно выжимали из меня данные, и я поняла: в тот день Вы пытались оградить себя от любого моего благодушного взгляда. И к тому, хоть Вы и были безмерно добры с предыдущими пострадавшими, всё же их Вы оставили без чая,– свела всё к шутке Отта.

–Я смею надеяться на взаимность?

–Вы опоздали с признанием...недавно я отдала сердце другому...хотя он тоже не дожждётся от меня ничего, кроме взгляда.

Мужчина с силой выдохнул.

–Вы прекрасный человек, Норман, я могла бы Вас полюбить, но Вы слишком затянули с доказательствами своих чувств.

Девушка встала и поспешно вышла из кабинета.

Сэндлер сидел огорошенный.

Затем он прошёл в своё рабочее помещение, закрыл дверь на ключ, распечатал бутылку шотландского виски, и с горла выпил половину ёмкости.

После побросал со стола все вещи и документы на пол, сел на стул и разрыдался, как обиженный ребёнок.

Оттавия на улице взяла племянника за руку.

–Пойдём к нам, скоро придут из цирка мои девочки и сыновья, расскажут что видели. Пообедаем все вместе. А завтра я схожу с тобой на представление,– зазывала она Франческо.

–Пойдёмте.

Они весело болтали, обсуждая какие угощения купят завтра. Свернули на соседнюю улицу. Вдруг одна карета съехала с мостовой на тротуар и понеслась на обоих Малевольти. Оттавия успела отскочить, увлекая за собой ребёнка. Махина на колёсах прогрохотала в сантиметре от её лица.

Когда экипаж скрылся за поворотом, она спросила у мальчика:

–Это была та карета?

–Она самая,– подтвердил бледный Франческо,– Преступ-

ник следил за нами! Он догадался, что мы пойдём в полицию! Надо вернуться и сообщить полицейским.

–Разве можно найти такую неприметную карету в большом городе?– засомневалась его тётка,– Возблагодарим лучше Мадонну за чудесное спасение.

–Не буду молиться.

–В чём дело, дорогой?

–Я молил Богородицу о выздоровлении моей матери, а ей делается только хуже.

–Малыш, не надо отчаиваться. Мольбы и слёзы детей должны возыметь действие.

–Я так редко вижу маму...

–Я понимаю тебя, Франческо. Как хорошо бы Энрике и Берта не относились к тебе: маму никто не заменит.

–Я рад, что дедушка перебрался в дом Фиоре, играет с маленькой Джудиттой.

–Конечно радостней на душе от детского смеха...

–Чем от кашля больной,– закончил фразу мальчик.

Оттавия обняла подростка.

–Бывают в жизни страшные обстоятельства, но надо стараться жить, не давать выбить себя из колеи,– шептала она.

У порога дома их поджидала Джессика. Она схватила мать за руку и повлекла в столовую.

–Хватит шалить, я же ещё не переделалась,– урезонивала дочь Отта.

Девочка не слушала протесты матери.

Франческо плёлся за ними.

–Бабушка, добрый день,– с иронией поздоровался Тим.

–Бабушка?– переспросила девушка и растерялась: обидеться на незнакомого молодого человека – значит выставить себя несдержанной, она сообразила ответить шуткой на шутку,– У юноши плохо со зрением?

–Мама, это же Торнтон!– подсказала недогадливой матери Умбриэль.

–Нашлись! Какая радость!– заплакала Оттавия.

Артур и Эммит бросились утешать мачеху, но ту захлестнула истерика.

–Живые, здоровые,– причитала она.

–Сюзан, принеси успокоительное,– приказал Артур.

Служанка скорым шагом удалилась.

Лэсли с сарказмом недоверия следила за тем, как мачеха плачет.

Эммит усадил мать, поглаживая её плечо. Она благодарно обхватила его другую ладонь.

На пороге появился недовольный Освальд.

–Что происходит?

–Дед, прости нас,– подал голос Алан.

–Торнтон...

–Да, это мы.

–Всыпать бы вам хорошенько! Где вы были? В Америке? В Африке?

–Объехали с гастролями почти всю Европу.

–Гастролировали? Заделались циркачами?

–Зато скопили немало денег,– хвастал Тим.

–Смотрю гимнастические упражнения пошли вам на пользу: оба красивы и могучи, не то, что ваш толстяк-отец. Надеюсь, Милфорд-Хейвен вы навсегда?

–Да. Это наша Родина. И мы хотим общаться с вами, нашими родственниками,– подтвердил Алан.

–Дипломы можно купить почти любые, на это денег не жалко,– учил жизни внуков Боу-старший,– Адвокат Сэндлер славится нужными связями.

–Было бы неплохо тоже стать юристом или на худой конец детективом,– пожелал Алан.

Боу сел за стол и не смог не попортить домашним настроения вопросом:

–Дети, что у вас за отношения с грязными итальяшками? Что общего может быть у джентльменов и рабочих? Нельзя опускаться до уровня низших классов.

Эммит напоминал:

–Папа, а разве не Вы женились на итальянке из рабочей семьи?

–То была ошибка, можно сказать: несчастный случай,– ухмыльнулся Боу-старший.

Джессика и Умбриэль обиженно сконфузились.

–А учёные не перестают удивляться культуре Италии. Древний Рим завоевал все известные государства. А недав-

но в Северной Италии нашли террамары – это археологическая культура бронзового века. Там укрепленные поселения на сваях, погребения в урнах, люди занимались охотой, скотоводством и земледелием, – перечислял Артур.

Утро 5 октября.

Билинда вышивала узоры на скатерти, когда в комнату вошёл отец. Подолгу он пропадал в больнице, злость его, видно, перегорела, выглядел он добродушным.

– Папа, что с Вашей рукой?

– Укусила какая-то бродячая собака на улице. Сменишь повязку?

– Конечно.

Драммонд достал из саквояжа бинт, вату и обеззараживающее средство.

Дочь взялась за обработку раны раствором марганца.

Отец устало говорил:

– Дорогая, в моей больнице сегодня не хватает медсестёр. Чёрт знает что: кто заболел, кто срочно уехал к родне... а больных нынче много, в рабочем квартале была вспышка отравления некачественной колбасой... Не желаешь помочь бедным больным?

– Я не против. Мне даже интересно осмотреть инвентарь больницы и условия содержания пациентов. Забавно окунуться в твою работу, узнать специфику профессии.

До обеда Билинда исполняла поручения отца: ставила

уколы, выдавала больным порошки и микстуры.

Она тайно написала записку Роланду Спенсеру и отослала с мальчиком-газетчиком. В послании девушка назначила парню встречу в этой больнице. Кавалер должен представиться вахтёру, а тот сопроводит юношу в пустую палату №20.

Билинда заглянула в кабинет отца. Тот делал записи в историях болезни.

Девушка притворно вздохнула:

–Хочу домой.

–Что: уже?

–Да. Потому что больница не моя среда обитания, – шутила хитрая дочь.

–А я хотел попросить тебя остаться ещё и на ночное дежурство.

–Ладно, останусь, только отдохну немного в пустой палате №20.

–Поешь, отдохни и приступай к делам.

Билинда Драммонд в белом фартуке медсестры сидела на краю заправленной постели, когда в палату вошёл Роланд Спенсер.

–Ты пришёл, – обрадовалась девушка.

–Конечно. Ведь нам надо многое обсудить. Я готов на тебе жениться, хоть завтра. Ты не против брака со мной?

–Я-то согласна, а вот моя семья слышать о тебе не хочет.

–Я с мамой поговорил, ей всё равно на ком я женюсь, ей

важнее бизнес и Росс. Мать только поставила условие, что жить мы будем в соседнем городе, там строятся новые фабрики. Но я не хочу ехать один. Может, тебя похитить?

–Прямо сейчас?

–А чего тянуть? Того и гляди: выдадут тебя насильно невесть за кого.

–Напишу записку, чтобы меня не искали.

–Пиши быстрее, у меня нехорошее предчувствие.

–Роланд, а ты не пожалеешь о своём скоропалительном решении и выборе? Ты ещё очень молод...

–Не сомневайся во мне. Я люблю тебя.

–Я тоже тебя люблю.

Влюблённые потянулись друг к другу за поцелуем.

–Что здесь происходит?– взревел доктор Драммонд, открыв дверь.

Он подошёл к племяннику, резко ударил ребром здоровой руки Роланда по шее сзади. Парень упал в обморок.

–Иди за мной, иначе я отключу сознание тебе так же,– пугал отец девушку.

–Папа, я же твоя дочь.

–И дочь Августы! Значит, такая же шлюха!

–Папа! К чему грязные оскорбления!

–Ты заслужила все грязные прозвища! Кто толкает тебя на кровосмесительный брак с кузенком?

–Знать всей Англии на протяжении множества веков вступала в подобные браки!



–Молчать! Ступай за мной.

Оглядываясь на распластанное тело Роланда, Билинда направилась к отцу. К её радости юноша пошевелился.

У дверей подвала девушка испуганно замялась.

–Папа, Вы хотите запереть меня?

Бернхард грубо толкнул её вниз по ступенькам. Билинда едва не упала.

–Это низко и подло издеваться над слабыми женщинами!  
У меня никогда не было отца, мистер! Меня принёс аист.

6 октября. Утром в кабинет Сэндлера полисмен ввёл Франческо Малевольти.

Служивый насмешливо отчеканил:

–Сэр, этот джентльмен говорит, что у него к Вам важное дело.

–А Вы сомневаетесь, капрал Сарджент?– с вызовом переспросил адвокат, – Оставьте нас.

–Слушаюсь!

Полицейский вышел.

Подросток подошёл к столу Сэндлера и шёпотом сообщил:

–Я узнал, чья карета похищает детей.

И мальчик совсем тихо прошептал местонахождение злополучного транспорта.

Адвокат решил проверить версию Франческо сам. Он взял мальчика за руку, и вместе они вышли на улицу.

Как нельзя кстати мимо ехала карете миссис Драммонд.

–Уважаемая Августа, куда путь держите?

Женщина велела вознице остановиться.

–Бернхард вот уже сутки заставляет Билинду работать в больнице. Изверг. Пусть сам хоть совсем не выходит из лазарета, зачем же мучить бедную девочку?

–Мне как раз тоже нужно видеть Вашего мужа. Не подведёте?

–Садитесь, барон.

–Этот мальчик со мной. Его надо показать врачу.

Во дворе клиники Франческо сказал фразу, понятную только Сэндлеру:

–Да, это та самая карета.

Мальчик указал глазами на невзрачный экипаж.

–А что тут делает Роланд?– удивлённо протянула Августа.

От угла дома отделилась фигура молодого влюблённого. Он приблизился к подъехавшим. Поздоровался с тёткой.

–Адвокат, я с вами,– присоединился к компании парень.

–Внезапно заболел живот?– иронизировал Сэндлер.

–Я подозреваю, что мистер Драммонд отнял свободу у мисс Билинды.

Августа хмыкнула, но промолчала.

В кабинете ни Бернхарда, ни Билинды не оказалось. Один из сотрудников больницы, пожав плечами, предположил:

–Возможно они в подвале.

Адвокат переспросил:

–Что и в подвале есть палаты для больных?

–Доктор Драммонд содержит там особо опасных больных, инфицированных смертельными микроорганизмами. Но вас туда не пустят – никто, кроме Драммонда, туда не вхож.

–Принесите нам лом,– распорядилось юридическое лицо, и, когда служитель больницы ушёл за искомым, сказал своим спутникам,– Роланд, пойдёшь со мной. Миссис Драммонд, Вам с Франческо лучше остаться здесь, вдруг там действительно опасные инфекции.

–Я с вами,– деловито заявила Августа.

–И я,– поддакнул мальчик, которого раздирало любопытство.

Дверь в подвал поддалась с трудом. Непрошенные гости спустились вниз. Там оказалось небольшое помещение, заставленное какими-то склянками, банками с кровью. Полки, что подпирали все стены, завалены травами, листьями, кореньями, порошками и странными камнями.

–Не думала, что муж – сторонник декоктов,– употребила миссис Драммонд латинское название отвара,– Думала, устаревшие методы лечения его не интересуют.

Сэндлер нюхал настойки.

–Первый раз вижу, чтоб отвары разбавляли кровью,– заметил он.

Августа заглянула в бутыль.

Со знанием дела, она доложила:

–Лепестки красавки. Это всё объясняет. Это не для питья.

Это выливается на себя в мистериях для поддержания красоты и молодости.

—Здесь за шторой дверь,— воскликнул Франческо.

Предчувствуя что-то плохое, взрослые бросились на зов. Эта дверь оказалась ещё крепче.

После бесплодных попыток выбить её, или сломать ломом, Роланд достал пистолет из под полы пальто.

—Всегда ношу с собой оружие, мать приучила. Ведь на богатых любят нападать ради наживы.

Норман кивнул и тоже достал пистолет.

Замок поддался на выстрел адвоката.

Взглядам предстала истекающая кровью Билинда, привязанная к кресту. Доктор Драммонд забился в угол по стол, он боялся правого суда нормальных людей. Его подавленная, согбенная поза не вызывала жалости.

Роланд бросился отвязывать девушку. Её спина оказалась исполосованной плетью, порезы на венах, к счастью, были неглубокими, видимо, отец хотел, чтоб дочь подольше помучилась.

Адвокат сорвал с кровати покрывало и завернул Билинду.

—Я отвезу её домой,— сказал Спенсер и унёс девушку наверх.

Августа тем временем била мужа кулаками и ногами. Сэндлер не торопился отталкивать праведно разгневанную женщину. Он разглядывал все углы комнаты, где валялись верёвки и детские вещи.

Голос Франческо рассеял последние сомнения:

– Это он! Он! Похититель детей!

Миссис Драммонд поражённо застыла. Попятилась, брезгливо обтирая руки о платье, будто трогала не человека, а противного паука.

Спенсер уже вышел из комнаты, и не слышал обвинения.

Сэндлер медленно приближался к доктору.

– Я понимаю пьющих крестьян и совершающих преступления рабочих: у них жизнь тяжёлая, их душа ожесточилась, но тебе-то что не жилось, как человеку?

– Один только шаг отделяет каждого человека от вечности, – заунывно возопил Бернхард.

– Не играйте придурочного, мистер Драммонд, Вы всегда были вменяемым, трезво мыслящим доктором.

Служитель закона не сдержался и с размаха ударил маньяка, словно перед ним была зловонная крыса. Тут же Августа подбежала и пнула мужа.

– Это тебе за Ирису!

Драммонд подал голос:

– Правильно говорят евреи: «Плохая жена хуже дождя – дождь загоняет в дом, а плохая жена из него выгоняет».

– Кто теперь захочет взять в жёны Билинду, зная, что пороки родителей перейдут её детям? – заламывая руки, сокрушалась женщина.

Её муж обещал:

– Я выпью яд. Он в соседней комнате. Норман, принеси

флакон из зелёного стекла, разрисованного лилиями.

Адвокат не торопился идти, но идею поддержал:

– Это правильное решение. Я буду хранить молчание о случившемся, и никакая «Морнинг пост» не очернит фамилию Драммонд. Только Августа... будет одна просьба...

– Деньги?

– Нет, что Вы! Я попросил бы Вас говорить обо мне Оттавии, как о достойном джентльмене.

Бернхард расхохотался.

Дразнил влюблённого:

– И ты втюрился в красотку!

– Не твоё собачье дело, – огрызнулся адвокат, – Ты кому клятву Гиппократа давал: людям или тараканам?

Доктор замолчал и потупился.

– Нельзя оставлять это чудовище наедине с вами, от него всего можно ожидать, – высказал опасения Норман.

– Я сама найду нужную склянку.

Женщина поспешно вышла из комнаты.

– Что сподвигло тебя, Берни, творить зло? – не понимал бывшего друга Сэндлер.

– С юности я привык быть на грани жизни и смерти, стоять на краю опасности. И спокойное, размеренное бытие вызывает у меня приступ меланхолии. Да, я привык рисковать, привык висеть на волоске от гибели: джунгли с дикими зверьми и не менее свирепыми аборигенами, жаждущий крови король со своей сворой бездуховных, падших придвор-

ных, в любой момент готовых выпить твою кровь... Брак связал мне руки. Я женился, подчиняясь воле отца, но постылая, вялотекущая жизнь без приключений отравляла мои дни. Семейное счастье и покой не для меня.

–Но ты же врач. А доктор обязан спасать людей, а не калечить!

–Ты тоже не без изъяна: не можешь бросить пить напитки погорячей. Природа человека двойственна. Мы хорошие на работе или в кругу друзей, реже дома, но в другом окружении проявляется наше второе я, и вылазят наружу не любезность и дружелюбие, а вероломство, эгоизм, тиранство и... вот даже кровожадность.

–Ты не просто редкий тип человека, ты – редчайший экземпляр вырождения.

–У меня нет причин любить человечество. У меня же просто ещё сильны инстинкты охотника.

–Августа что-то долго ищет...

–Торопишься отправить меня на тот свет, дружище? А как вы собрались заткнуть глотку этому мальчишке? Он разболтает приятелям, а после узнает и весь город. Давай, я убью его. Убью быстро...

Франческо попятился.

–Заткнись, мразь!– заорал Норман на маньяка,– Ни один ребёнок больше не пострадает от твоих рук!

Августа вошла с флаконом в руках. Быстро передала зелье адвокату.

–Забери мальчика, и идите наверх. Я, как судейский исполнитель, разберусь с преступником.

–Я пока найду столяра, чтобы он починил наружную дверь, а после закрою больницу на реконструкцию и избавлюсь от тела, тайно вывезу. Объявим, что доктор Драммонд заразился редким типом очень заразной лихорадки, пусть хоронят в закрытом гробу, видеть его больше не могу.

–Прежде всего: возьми себя в руки. Никто из служащих больницы не должен заподозрить неладное. Ломали дверь? Всё правильно – доктору стало плохо, он лежал без сознания, не мог нам открыть. А что ты скажешь старику Айвору?

–Думаю: правду. Иначе он будет обвинять меня в болезни сына, мол, допекла – сбежал из дома в лечебницу, и там сидел днями и ночами.

–Жаль старину Айвора...

–Отправим его успокоить нервы на лечебные воды Бакстона, их живительная сила сыскала себе славу ещё при римлянах.

Когда через пол часа Сэндлер появился перед Августой и Франческо, на его лицо напозла бледность и уныние.

Встретив испуганные глаза ребёнка, мужчина поучительно изрёк:

–Зло всегда наказуемо.

Баронесса, сокрушённо вздыхая, говорила:

–Я всегда чувствовала, что от Бернхарда исходят дурные флюиды. Я предвкусую, что злые языки будут говорить, буд-



то Билинда довела отца до сердечного приступа, сбежав с кузеном.

–Думаете, Роланд увёз девушку к себе?– засомневался Норман.

–После того, что он здесь увидел, даже не сомневаюсь.

–Почему нельзя рассказывать о поимке маньяка? Ведь это сделает меня и Вас героями!– узнавал подросток, испытующе глядя на адвоката,– Мистер Спенсер увёз Билинду, он так влюблено смотрел на неё, что за её замужество лично я спокоен.

–Но есть ещё Залман. Если общество узнает правду о докторе-убийце, этот парень, его сын, станет изгоем.

–Наверняка, Вы правы,– повесил голову Франческо,– А я – себялюбивый зазнайка.

–Давай дружить. Такие смелые ребята нужны в полиции. Будешь помогать искать воров и хулиганов.

–Тётя Отта мечтает сделать из меня бухгалтера...

–А ты кем хочешь стать?

–Я, честно сказать, очень испугался, когда меня едва не похитили, и больше не хочу рисковать жизнью.

–Ну, как знаешь.

–Мистер Сэндлер, а мне тоже рассказывать тёте Отте о Вас?

–Этим ты мне здорово поможешь. Я отвезу тебя домой, пойдём, малыш, поймаем кэб.

–О Вас легко говорить, Вы – герой.

Адвокат засмеялся и потрепал мальчишку по плечу.

8 октября. Франческо весь день крутился в магазине возле тётки и её пасынков, помогая распечатывать коробки с новым товаром.

Стоило Эммиту и Артуру уйти в торговый зал, племянник восторженно излагал Оттавии:

–Мистер Сэндлер не только адвокат, но и прекрасный детектив, и сыщик. Ходят слухи, что он изловил маньяка.

–Уверена: такие слухи пускает сам сэр Сэндлер.

–Тётя Оттавия, он на самом деле очень храбрый человек, – опустив глаза, сообщил мальчик, – Я дал слово, что не назову имя убийцы... Он из благородных, и в интересах семьи...

Ребёнок запнулся, подбирая слова.

–Не стоит говорить дальше, тайны надо уметь хранить, – перебила его тётка, – Но барон Сэндлер подверг твою жизнь опасности?

–Вовсе нет! Он защищал нас пистолетом, и расправился с преступником!

–Не думала, что этот напудренный и изнеженный франт может быть героем...

–Никакой он не изнеженный! Сэр Сэндлер в детстве помогал отцу по хозяйству на ферме, даже пас овец. Он мне рассказал это по дороге домой.

–Точно, тебе уже пора, скажу Артуру, чтоб отвёз тебя.

Отправив племянника с пасынком, Оттавия тоже вышла

в торговый зал.

Эммит шепнул ей на ухо:

—Стоит ли сквайру Флиту тратить деньги на эту корову?

Парень указал глазами на дородную даму.

—Не будь жестоким, женщины, все без исключения, любят наряжаться.

Другая леди, долго и придирчиво выбиравшая перчатки, но оставшаяся очень довольной, хвалила отпрыска Боу:

—Эммит очень достойный молодой человек. Вежливый, исполненный чувством долга.

Малевольти светилась материнской гордостью.

Затем она отправила пасынка на Морскую улицу в другой магазин, записать какой товар заканчивается.

Эммит Боу нагрянул в магазин на Морской улице неожиданно, уличив продавцов в завышениях цен. Пришлось уволить нерадивых тружеников, и самому простоять за прилавком до вечера.

Желая как-то уйти от проблем дня, он решил пройтись до дому пешком, молодой человек надеялся нечаянно встретить старого знакомого или, в крайнем случае, в непринуждённой беседе с первым встречным завести нового.

Парень шёл не торопясь, но никто не привлекал его внимания.

Зачем-то он свернул на улицу, пользующуюся дурной славой. Здесь люд был не столь богат, и не всегда чист.

Продавщица маленькими букетиками вела себя настолько

вульгарно, что создавалось впечатление, будто она торгует не растениями, а собой.

Какая-то бледная девушка из толпы с такими же блёклыми волосами вдруг улыбнулась Эммиту. «Зачем это она сделала? Почему улыбнулась мне? Я смешон? Да нет, она по-доброму улыбнулась. Какая красивая у неё улыбка...И меня, значит, она считает привлекательным...Кто она?»— в секунду пронеслись мысли в голове у парня. Он остановился и сделал вид, что читает афиши, сам же разглядывал незнакомку.

Ей лет шестнадцать, удлинённое лицо, на котором задумчивость и грусть поселились давно. Прямой нос, небольшие светло-голубые глаза, пухлые губы. Голубая шаль делала кожу ослепительно белой. Ничего особенного во внешности, но эта её душераздирающая тоска в глазах показалась Эммиту тайной, он сравнил её с маркизой Помпадур, что тоже вышла из народа.

Тем временем девушка улыбнулась седовласому мужчине, но и тогда её глаза продолжали сиять грустью. Боу показалось, что в мимике лица сквозит некая плутоватость, насмешка. Он прислушался к разговору.

—Деньги вперёд, сэр.

—А ты не обманешь?

—Это как бы Вы не обманули. А то есть такие: возьмут что надо и не платят.

—Я не такой.

–Тогда деньги вперёд.

Мужчина протянул приличную сумму. Девушка взяла банкноты, развернулась и пошла прочь.

Эммит пошёл следом.

–Постой, детка, не так быстро, я не успеваю,– окликнул её седовласый.

Но аферистка не отвечала, не оборачивалась и не сбавляла шаг.

–Воровка!– завопил обкраденный.

Белокурая резко обернулась и возмущённо спросила:

–Что кричите? Что Вам надо?

–Верни деньги, мерзавка.

–Никаких денег у меня нет. Я просто так вышла погулять, Вы меня с кем-то спутали.

«Мошенница успела передать купюры подельникам,– догадался Эммит,– Но я никого не заметил... Наверное, это ребёнок, вот его и не было видно в толпе».

Околпаченный простофиля растворился в толпе.

К блондинке подошла статная дама в пёстром одеянии и зло спросила:

–Опять устраиваешь спектакль? Когда, наконец, начнёшь работать, как все остальные?

–Но мне же платят.

–Когда-нибудь тебя побьют или притащат в полицию.

–Бить не будут, потомучто тогда я потащу их в полицию.

А факт хищения не докажут.

Боу понял: перед ним проститутка, которая отлынивает от «работы».

–Что Вы делаете сегодня вечером?– вышел из-за спин зевак Эммит и спросил у девушки.

Лицо блондинки сделалось злым.

–Удивляюсь таким молодым людям, как ты. Богатый, красивый... а тянешься к низким, пошленьким развлечениям,– процедила она.

–Как ты разговариваешь с клиентом,– ахнула сутенёрша.

–А-а, так ты на самом деле бульварная девка,– тоже язвил парень.

–Ты груб и не воспитан,– обиделась девица.

–Ну и ты не принцесса.

Сутенёрша нахваливала «товар»:

–Эта девочка – несорванный цветок, она дорого стоит.

Щёки блондинки вспыхнули.

–Назовите цену,– согласился Эммит.

–Шагайте за мной, молодой человек,– позвала сводница, а на девушку глянула таким властным, пронзительным взглядом, что та передёрнула плечами.

–Как тебя зовут?– спросил Боу у блондинки.

–Шеннон,– проронила та, поправляя голубую шаль.

–Я – Эммит.

Женщина привела их в неудобное, бедно обставленное помещение с мебелью в пожухлых тонах.

Сводница назвала сумму. Парень, не задумываясь, выло-

жил требуемую плату.

Тётка хмыкнула и вручила ему ключ от комнаты.

–Запри дверь, а то эта бестия сбежит,– посоветовала она перед тем, как уйти.

Эммит смотрел на девушку, как на нечто диковинное, необычное. Шеннон смущалась, отошла подальше. С полки шкафа взяла колоду карт.

–Я могу погадать. Хочешь?– видимо, желая оттянуть интим, предложила она.

–Гаданьям верят только глупые женщины.

–Все знакомства в большом городе случайны, как арканы таро.

–Согласен: наша встреча случайна и неожиданна. Но я заранее знаю, что ты мне нагадаешь. Будешь пугать гибелью, если я до тебя дотронусь.

Шеннон зажато, нервно хихикнула.

–Догадливый.

–Если ты выбрала путь продажной девки, то рано или поздно... это произойдёт, так пусть твой первый интим будет с молодым, симпатичным джентльменом. Твоя сутенёрша настроена воинственно: запрет тебя с каким-нибудь пьянчужкой...

–Она – моя тётка. Мы приехали к ней из деревни. Наш дом сгорел вместе с родителями. Я продала хозяйство, но этого хватило лишь на похороны и на дорогу до Милфорд-Хейвена. На фабрике зарплату дадут только через месяц, а мне на-

до кормить младшего брата. А ты говоришь: «я сама выбрала этот путь»...

–Пытаешься разжалобить?

–Нет. Я знаю – это бесполезно. Ты хочешь весело провести время, и хочешь изведать моих прелестей. Все мужчины одинаковы.

И Шеннон откинула шаль, стянула юбку. Эммит хотел оставить её, но обомлел от вида совершенных женских форм. Ножки в чулочках и панталончики с рюшечками просто приковали его взгляд, плавные, изящные линии заворжили.

Девушка налила юноше вина. Его руки дрожали от желания. Плутовка ухмылялась. Эммит выпил до дна, и его голова закружилась. Последнее, что он помнил, были руки Шеннон, ощупывающие его карманы.

Когда сон слетел, Боу рассмеялся:

–Девчонка убежала и от меня! Видимо, в вино подмешала сонный порошок! Молодец, всё продумала.

Он оценил то, с каким упорством девушка из народа сберегает свою честь. Внезапное чувство обожания к незнакомке, подобное мощному наводнению, вдруг родилось в сердце Эммита, и, размывая все берега невозмутимости и спокойствия, затопив все мосты отступления к недавней отстранённости, теперь сокрушало нерешительность и личный эгоизм.

Утром следующего дня Эммит рассказал Оттавии о кознях уволенных продавцов и просил:



–Мама, запишите вчерашнюю выручку мне на зарплату.

–Что-то приобрёл для себя?

–Ага, приобрёл занятную штучку для души.

Женщина улыбнулась: пусть прихорашивается.

–Ты выглядишь усталым,– заметила она.

–Как раз хотел взять выходные на несколько дней.

–Конечно-конечно. Я сама поторгую на Морской улице.

Эммит оделся поскромнее, чтоб не отличаться от простого люда рабочих, и помчался в тот район, где повстречал Шеннон.

Он исследовал всю улицу вдоль и поперёк, но недавней знакомой не было. Зашёл в тот дом, куда водила их сводница, но дверь оказалась на замке. Парень приуныл, и даже решил, что Шеннон может ловить клиентов-простачков в разных районах города, так, безусловно, удобнее – нет шанса повстречать прежнего облопоченного, а потому озлобленного мужичка.

Время близилось к обеду, и Боу спустился в подвальный кабачок. Заказал жареные сосиски и пиво.

Пенный напиток принесли сразу, а горячее просили подождать.

Юноша грустно посасывал пиво, глядя по сторонам.

Дверь заведения отварилаь, и вошла Шеннон. Эммиту показалось, что она принесла с собой свет, будто в комнате стало светлее, как если бы от её белых волос распространялось сияние. Сегодня на лице Шеннон присутствовала яркая

косметика, делающая её выразительной и соблазнительной.

Боу отодвинулся за спину здоровенного дядьки, чтоб плутовка не сбежала раньше времени при виде него.

Девушка села за пустой столик, обводя лица завсегдатаев кабачка тоскующим взглядом.

Как только она сделала заказ, рядом на соседний стул подсел Эммит. Шеннон округлила глаза и хотела вскочить, но парень поймал её руку.

Он успокоил её:

–Я не сержусь.

–Но ты же не получил ожидаемого.

–Я познакомился с тобой, разве этого мало?

–Да ты и не докажешь обмана, я буду всё отрицать.

–Я же не кретин, чтоб выставлять себя на посмешище: обманут деревенской девчонкой! И к тому же, я благодарен за то, что когда я уснул, ты забрала из брюк только ключ, не взяв крупной суммы денег. Хочешь, я заплачу и за этот обед?

–Не надо.

Шеннон дёрнула свою руку. Юноша с неохотой отпустил её ладонь.

–Я понял: за деньги тебя нельзя купить. А просто встретаться с тобой можно?

–Я не хочу встречаться с тобой.

–А что ты потеряешь? Я буду платить за наши прогулки.

–Но зачем тебе общение с девушкой из народа?

–Я любил тебя.

–Так я тебе и поверила! Ты же не сумасшедший.

–Я сошёл с ума по тебе.

–Тогда мой ответ: нет.

–Рисковать на улице лучше, да?

–Так спокойнее для моей репутации...и для моего сердца...

–Я буду преследовать тебя, и не дам дурачить простачков, пока ты не изменишь решения.

–Коварный шантажист! Я не верю, что зажгла в тебе любовь.

–Играючи зажгла. И не шути с огнём – чувствами не играют.

–А, может, ты хочешь отомстить мне за оскорбление и обман? Увезёшь к проливу Святого Георга и утопишь.

–Вижу у тебя дар угадывания мыслей,– шутил Эммит.

Девушка улыбнулась, и у парня потеплело на сердце.

Затем они с аппетитом ели сосиски, обсуждая новости из колоний и войну Наполеона с Россией.

Боу нанял экипаж и увёз Шеннон за город. Там они бродили по лесу, покрытого золотом увядания. Эммит читал стихи, после девушка напевала весёлые народные песенки. Она так разошлась, что, кружась, схватила юношу за руки и увлекла в круговерть танца. Молодые люди, хохоча, потеряли равновесие, и свалились на опавшую листву. Смех стих.

–Я тебя сильно придавил?– растерянно шепчет Эммит, а сам ненасытно смотрит ей в глаза.

–Я замёрзла, хочу домой,– шепчет она в ответ.

Он помогает ей подняться. Его тоже бьёт дрожь, но эта лихорадка не связана с холодом.

Джентльмен опять нанимает извозчика и довозит Шеннон до нужной улицы. Вручает деньги.

Спрашивает:

–А почему бы тебе не пойти продавцом ко мне в магазин? «Галантерея» на Морской улице. Я выдам тебе форменное платье для работы, и буду платить гораздо больше, чем платят за адский труд на фабрике.

–Я согласна.

Они обсудили условия контракта.

–Ты хитрый, Эммит,– смеясь, заявляет девушка.

–В чём?

–Ты станешь платить мне за встречи на законных основаниях.

Она выскочила из экипажа.

К ней подбежал рыжий мальчуган с упрёком:

–Где ты была так долго?! Я уже что только не думал!

–Успокойся. Дэннис, я нашла хорошую работу.

–Но ты и так работаешь на фабрике.

–Я буду продавать дорогой товар в магазине для богатых.

–Ого.

Днём Эммит Боу стажировал Шеннон, рассказывал о качестве кожи и модных тенденциях, показывал как вести за-

писи в торговой книге, объяснял нюансы работы, а вечером провожал её до дома. Выходные они тоже проводили вместе. То сидели в кофейни, то ходили смотреть на забеги собак, катались на лодке, гуляли по лесу...

Дома Эммит уклончиво отвечал мачехе, что пропадает в клубе для избранных джентльменов.

И однажды некие приятели заметили Эммита с девушкой из народа в одном маленьком ресторанчике.

–Склонности семейки Боу не меняются. Но Малевольти хоть очень красивая женщина, эта же не тянет и на смазливую мордашку! Совсем ничего особенного во внешности, – обсуждал один джентльмен.

Другой парировал:

–Зато она держится, как истинная леди.

–Надо сообщить Артуру, что его брат появляется на публике с некой таинственной простолоудинкой.

–Может, не будем разлучать влюблённых? Посмотри, с каким интересом они общаются.

–Они нарушают классовую иерархию. Принадлежность к верхам сословий надо заслужить.

Поздно вечером в комнату младшего брата вошёл Артур.

–Эмм, с кем это видят в последнее время?

–Провожая до дома новую продавщицу, у неё район неблагополучный, а со мной ей нечего бояться.

—О-очень благородно. Надеюсь, у тебя с ней несерьёзные отношения.

—Она – славная и честная девушка, тебе не стоит беспокоиться.

—А обедать в ресторане бедной девушке не очень накладно?

—Могу я угостить друга?

—Женщина не подпадает в разряд друзей.

—Дальше бесед мы не заходим. Даже лёгкий флирт Шеннон не приемлет.

—Шеннон? Так ты встречаешься с новой продавщицей?

—«Встречаешься» – это громко сказано, я дальше её порога и не ступал.

—Одно время я тоже ухлёстывал за хорошенькими продавщицами. Больно обжёгся. Помнишь белокурую Викторию? Так вот она заявила, что ждёт от меня ребёнка. Я уж было собрался жениться, да хорошо, её подружка, напарница по прилавку, Лара, стала ревновать меня к ней и рассказала, что та имеет ещё двух любовников. Нанял сыщика, проверил, факт подтвердился, и я с чистой совестью уволил обеих и с тех пор шашни на работе не развожу.

—Ужасно. Ты дурил головы обеим девушкам...

—Да они сами бросались мне на шею!

—Ты зря сейчас распылялся в предостережениях, Артур. Шеннон не позволит даже поцеловать себя, не то, что затащить в постель.

–Ха, постель! Я резвился то с Викторией, то с Ларой прямо в подсобке магазина!

–Я не желаю слушать похабные истории.

–Ты плохо знаешь молоденьких девушек. Они только и мечтают, как о большой любви и богатом женихе.

–Ты совсем не знаешь Шеннон, а ровняешь со всеми.

–Подумай хорошенько, а стоит ли выпускать огонь любви? Разрастаясь, он становится жадным, охватывает тело, душу. И ты не подчиняешься своей воле, становишься рабом желаний и эмоций.

–Так ты влюбился?– сделал вывод Эммит.

–Увы. Она замужем.

–Твоя участь жальче моей – ты полюбил призрак.

–Думаешь, я полностью выдумал её?

–Не сомневаюсь. Ты ведь совсем не знаешь настоящую Рут.

–Как ты догадался, что это Рут?

–Ты глаз с неё не сводишь на раутах.

Артур, пряча глаза, вышел из комнаты.

А в коридоре ему попалась Оттавия.

–Сынок, куда исчезла улыбка с твоего лица? Неужели ты влюбился?

–Я страдаю от любви, но никто не в силах мне помочь.

–Святая Мадонна! Какая трагедия! Хотелось бы услышать об этом поподробнее,– мачеха почти открыто смеялась, не веря в крепость чувств Артура,– Твоя зазноба из очень бо-

гатов и именитой семьи?

–Та, в которую я влюбился, уже замужем.

–Артур, так брось думать о ней.

–Не могу. Она вех краше на Земле.

И парень скорым шагом направился к своей комнате.

14 октября. В магазин на Морской улице, где работала Оттавия, зашла Августа Драммонд. Блондинка выглядела плачевно, лицо выражало крайнюю степень отрешённости и уныния.

Отта сразу увела подругу в подсобное помещение, оставив за прилавком неопытную продавщицу-ученицу Шеннон.

Итальянка налила гостье чаю, придвинула вазочку со сладостями.

Но баронесса к питью не притронулась, а упадническим голосом проговорила:

–Отт, я пришла проститься.

–Ты собралась в путешествие?

–Да, в путешествие в иной мир. Я устала от бестолковой жизни.

–Ты в своём уме?! Сейчас, когда умер нелюбимый муж, у тебя будет совсем другая жизнь.

–Ты ничего не знаешь. Я жила с извращенцем, с вампиром, который похищал детей,– шептала Драммонд.

–Да ты что!

–Он едва не выпустил кровь у родной дочери. Роланд



Спенсер увёз Билинду, она даже на похоронах не была, мы сказали, что после свадьбы она заболела, но кое-кто всё равно высказывает смелые домыслы, будто сердце Бернхарда не выдержало бессовестного похищения дочери.

—Ты меня не разыгрываешь? Бернхард в самом деле был вампиром?

—Его разоблачил Сэндлер. А свёкор запиллил меня упрёками, что он доверил мне единственного сына, и я виновата в помешательстве мужа, якобы из-за моего отстранения у Берни появилась потребность причинять боль слабым существам. Полный бред. У Бернхарда всегда были нездоровые замашки ко всему кровавому.

—Ужас, и это чудовище прикасалось ко мне... Как хорошо, что я его огрела вазой...

—О-о, ты просто молодец, так ему и надо.

—Может, мы съездим куда-нибудь отдохнуть?

—Нет, Отт, нет. Всё решено: я покидаю этот мир сегодня вечером. Я разбираюсь в лекарствах, ведь мой муж был доктором.

—Я тебя никуда не выпущу из магазина!

—Я начну кричать, кто-нибудь позовёт полисмена, и тебя посадят в тюрьму за похищение человека,— попыталась пошутить Августа.

—Дурочка,— заплакала Оттавия, обнимая подругу,— Не пугай меня.

—А знаешь, смерть так изменила черты лица Бернхарда, я

его приняла бы за другого человека...

–Вы уже давно были чужими.

–Оттавия, я приехал сообщить о своём решении уехать,– с этими словами вошёл в комнату Чезорино Малевольти.

Баронесса замерла от неожиданности. Всё же она обернулась на вошедшего. Настал черёд обомлеть итальянцу.

–Уехать?– эхом отозвалась Отта.

Она переводила взгляд с подруги на брата. Эти двое избегают друг друга, при этом сгорая от любви. Встать и уйти, давая возможность помириться влюблённым? Но тогда она предаст Зилу, будет сопутствовать разврату!

–Я не во время,– развернулся Чезорино.

–А Августа хочет покончить с жизнью...– сообщила сестра брату.

Мужчина метнулся к любимой женщине, прижал к груди. Заплакал.

Шептал:

–Ты не сделаешь себе ничего дурного.

–Это почему же?– с оттенком злобы, тоже срываясь на плач, переспросила Августа.

–Ты должна жить ради меня. Я не смогу жить без тебя. Я люблю тебя. Убив себя, ты убьёшь и меня.

Августа всхлипнула и спрятала лицо на груди любимого.

Оттавия потихоньку прошмыгнула мимо, возвращаясь в торговый зал.

Чезорино так долго не целовал любимую, и теперь, конеч-

но, не смог сдержаться, чтоб не осыпать голову, лоб, лицо бесчисленными поцелуями.

–Куда ты собрался ехать? Зачем?

–Не могу жить рядом с одной женщиной, думая о другой. О тебе. Получил приглашение от графа Лисбурна приехать первого февраля и приступить к реставрации провинциального дворца в Северном Уэльсе. Лисбурн хороший друг королевского регента – принца Уэльского.

–Невообразимо. Я лишусь возможности видеть тебя хоть мельком...

–Мне кажется: Зила осознаёт, что я отдалился от неё не из-за её болезни, а по причине влюблённости в другую женщину... Я боюсь разбить ей сердце, тем самым подорвать последнее здоровье.

Отта ругала себя за мягкотелость, но позволить Августе наложить на себя руки она тоже не могла.

Из задумчивости её вернул вопрос покупателя:

–Располагает ли сеньора лишним временем?

–Всё своё время я трачу только с пользой для дела,– отчеканила итальянка.

Перед ней стоял улыбчивый Орин Филдинг.

–А, появился возмутитель моего спокойствия,– едва слышно с иронией проговорила Малевольти.

–Я, пока нахожусь на суше, буду всегда возле Вас.

–Кто же это Вам позволит?

–Вы.

–Я?

–Безусловно. Вы уже согласны быть моею.

–С какой стати?

–Вы не выгнали меня из кареты, Вы не ударили меня за чрезмерное рвение к Вашим губам...

–Хотите оплеух?

–От Вас приму всё, что угодно.

–А ещё у нас есть другая модель,– громко сказала хозяйка магазина, усыпляя бдительность «кумушек»-сплетниц, а Орину потише посоветовала,– Шли бы Вы, сэр Филдинг, отсюда с попутным ветром.

–Оттавия, ты молода и прекрасна, но звёзды уже не светят тебе, ты их не видишь, прячась по ночам дома.

Молодой человек после сказанного покинул магазин, оставив сеньору Малевольти в задумчивости.

Наяда приехала в гости к подруге Беуле Росс. Ей не терпелось взглянуть на переделки в её доме.

Беула в нетерпении сама спустилась с лестницы, чтобы лично встретить гостью и проводить в гостиную.

–Ну, здравствуй, акула капитализма,– с юмором приветствовала миссис Сэндлер хозяйку дома.

Та подхватила:

–Вечная слава Джеймсу Уайту, что первым построил в 1.774 году паровой двигатель, и тем самым дал начало про-

мышленной революции, с его идеи по миру размножились магнаты. Кстати, двигатель Уайта делал всего один оборот, смехотворно по нынешним техническим, прогрессивным меркам.

В гостиной после ремонта царил ампир. Этот имитирующий античность стиль веял дороговизной и умелым вложением денег. Цвета, правда, Беула выбрала модные для современной Георгианской Англии: серо-коричневый для стен, белый для потолка, нежно-розовая лепнина и паркет из бука.

Подруга решилась на критику:

— Вот здесь на камине стоят изделия из алюминия. В древности этого металла не было. Его стали выплавлять совсем недавно в 1.808 году. Алюминий, конечно, баснословно дорогой, но эта безделица портит общее впечатление.

Миссис Росс проглотила укол и пригласила гостью пройти для чаепития в столовую.

Стиль столовой – французский Прованс. Белые стены с золотой лепниной. Хрустальная люстра. Паркетная доска жёлта. Белые шторы. Несколько небольших шкафчиков того же белого с золотыми детальками. Полки шкафчиков заставлены хрусталём и новомодной керамической посудой. Яркие розовые розы украшали собой пространство.

— Я не люблю светлые оттенки, но у тебя в толовой белый не кажется безликим, – восхитилась Наяда.

— А как тебе фаянс? Это работа Джозайи Уэджвуда.

— Высокое качество. «Яшмовая» композиция с рельефом

в античном духе...

–Зачем нужен этот надоедливый чай? Давай отметим окончание ремонта. Что предпочитаешь к десерту: мускат, токай, сладкое шампанское?

–Мускат.

Хозяйка дома позвонила в колокольчик.

Появившемуся дворецкому дала распоряжение принести нужное вино.

Миссис Сэндлер уселась за стол, который был к её приходу заставлен фруктами, конфетами и восточными сладостями. На белой скатерти нарядно смотрелись тканевые розовые салфетки с бахромой, на них стояли чайные приборы.

Дворецкий принёс мускатное вино, убрал чайный сервис на поднос и удалился.

Попивая мелкими глотками ароматное спиртное, дамы обсуждали какими цветами засадят клумбы на будущий год. Затем разговор коснулся семейной темы.

–Сорванец Фрэд вымотал меня. Учителя плачут. Слуг за-терроризировал. Персиваля не слушает, – жаловалась Беула.

–А я безрезультатно воюю с Норманом. А тот в ответ всё чаще не ночует дома. Даже то, что в дом вернулся Орин, его не останавливает. Говорит: задерживают дела, друзья.

–Вот такими доверчивыми, как ты, мужья и крутят, как хотят. Невесть где прошляется, придёт без зазрения совести, а скажет, что на работе задержался, а сам весь потом отсыпается. Какая у него служба по ночам? Он ведь не сыщик,

а адвокат! Ох, дурёха, в клешнях мужиков-то держать надо или совсем с ними не связываться.

—А что ж ты своего Вирджиниуса не держала в ежовых рукавицах?

—Прости. Я так счастлива с Перси, что совсем забыла о первом неудачном браке, да и с Берни у нас было чёрти что.

—Августа Драммонд дружит с выскочкой-итальянкой, а ты смогла бы общаться на равных с незнатной особой?

—Для меня важен вес человека в обществе.

—Со мной престижно контактировать, да?

—Да, я хотела выгоды от нашей дружбы, но я с годами прикипела к тебе сердцем! Ты для меня ближе и роднее сестры!

Беула встала из-за стола и обняла Наяду за плечи. Обе всплакнули. И чопорная миссис Сэндлер не сторонилась дружеских проявлений чувств, но сама не ответила тем же.

16 октября. В этот пасмурный день Оттавия замешала заболевшую продавщицу. День прошёл медленно, без особого наплыва покупателей.

На её чёрном платье с болотными разводами сияли жемчужины. Уши и шею украшали нити жемчуга. И даже в причёску Отта заколола шпильки с мерцающим жемчугом.

Посетители украдкой разглядывали наряд хозяйки магазина. У женщины с таким безупречным вкусом хотелось купить не менее стильную вещь. И Малевольти не скупилась на советы, подбирая дамам шляпки, а мужчинам шарфики.

К закрытию Оттавии уже не терпелось одеться и бежать домой к детям, но сторожа всё не было.

В магазин вошёл незнакомый мужчина. Она не стала навязывать ему своё мнение, пусть оглядится. Сама же села на стул, достала зеркальце и поправляла губную помаду.

Запоздалый покупатель продолжал топтаться у витрин. «Чей-то поздний гость, видимо. Выбирает подарок», – решила девушка.

Вдруг мужчина достал из-под полы плаща, отороченного мехом, пистолет.

–Дневную выручку на прилавок, быстро!– скомандовал грабитель.

Малевольти исполнила.

–Жемчуг снимай.

Она замешкалась с расстегиванием замочка на ожерелье.

–Аппетитная ты штука,– причмокнул вор, разглядывая её.

У Оттавии сердце «упало в пятки».

Тем временем преступник распахивал деньги по карманам. Взял жемчуг из рук продавщицы. Затем мужчина попятился к выходу. Но вместо того, чтобы уйти, он запер дверь. Девушка пришла в ужас: опять насилие! Из её глаз брызнули слёзы.

С обратной стороны в дверь кто-то постучал.

–Учёт!– рявкнул бандит.

От мощного удара дверь слетела с петель. Оттавия ожида-



ла увидеть на пороге сторожа или Артура, но там стоял Орин Филдинг.

–Орин, беги, это – грабитель!– предупредила барона криком хозяйка магазина.

Но отважный парень, не дав преступнику опомниться, налетел на него, сбил с ног, нанёс несколько сокрушительных ударов в лицо. Пистолет отлетел в сторону, Отта перелезла через прилавок и брезгливо пнула оружие подальше в угол.

Филдинг выгребал из карманов вора купюры и жемчуг.

–Это Ваши деньги и драгоценности?

–Да.

Она приблизилась к барону. Орин, улыбаясь во всю ширь своих губ, поднял голову. Протянул ценности Оттавии.

–Тебе всегда смешно!– возмутилась итальянка,– Бандит мог тебя пристрелить!

–Я попусту приревновал. Думал, ты тут с любовником решила уединиться,– вставая, пояснял парень.

–Да? А если бы я действительно заперлась бы с кавалером?

–Я бы побил претендента на твою любовь.

Девушка раздумывала, что ответить на это наглое посягательство на её личную жизнь, как вдруг вор очнулся, вскочил и убежал.

–Я почию дверь,– предложил Орин, глядя удирающему вслед.

–О, буду Вам признательна за это. Но где же сторож?

–Мне нужны инструменты.

Из подсобки Отта принесла молоток и гвозди. Мужчина принялся за работу.

–Странно, где же сторож?– недоумённо повторила Малевольти, прохаживаясь по магазину.

Она и предположить не могла, что давеча Филдинг подкупил ночного охранника, выплатив ему месячную зарплату за день. Орин хотел навязаться Оттавии, охранять её в пустом магазине.

–У человека может случиться всё, что угодно,– сочувственно предполагал хитрец,– Вот дверь и готова.

Он нарочно уронил молоток на ногу и так взвыл, что девушка подбежала к нему, замахала руками.

–Ах, что, перелом?

–Не знаю... Может, просто посидеть, пока не пройдёт?

–Пойдёмте в комнату для персонала.

–Не знаю... Не удобно.

–Но нас же никто не видит. Посидите, а я сбегаяю за врачом.

–Не надо врача. Так пройдёт.

–Чай будите? Только он холодный.

–А вино есть?

Сильно прихрамывая, Орин поплёлся за хозяйкой магазина. В спешке он забыл запереть дверь на замок.

Малевольти разлила спиртное по бокалам.

–Чем же Вас отблагодарить, мистер Филдинг... Может,

подарить дуэльный гарнитур?

–Один поцелуй в губы: и мы квиты.

–Вы просите невозможное.

–Но здесь же никого нет. Никто не узнает какой ценой Вы расплатились.

–Коварный интриган.

Орин не стал ждать, когда раздумья не перевесят Оттавию на сторону отказа, он развернулся на стуле и, взяв девушку за плечи, прильнул к соблазнительным женским губам. После продолжительного поцелуя барон неохотно выпрямился. От итальянки можно было ожидать бурю протеста, даже побои, Орин играючи спрятался за бутылку с вином. Но треволнения дня сделали из девушки с южной кровью затравленного зверька. Она всхлипнула и спрятала лицо ладонями, опустив голову к столу.

Мужчина запричитал:

–Прости меня. Я – идиот, я – хамло.

Он поглаживал её спину, и сам чуть не плакал от досады на себя.

–Ударь меня, паразита. Представь, что на моём месте противный таракан...и ка-ак дай!

Оттавия подняла на него заплаканные глаза. Ему сразу расхотелось шутить.

–Люблю тебя!– закричала в ней любовь, тщательно ранее прятанная за видимость благонравия.

Взахлёб, переполняемые обожанием, они терзали друг

друга в объятиях, ненасытно осыпали поцелуями все места, куда попадали губы. Жемчуг летел дождём со всего наряда девушки, будто волшебные капли слёз счастливого мироздания, которое роняло слёзы от лицемерия высоких чувств.

Артур, что приехал искать Оттавию, вошёл в магазин, с недоумением поднял пистолет с пола и направился в подсобку. Приоткрыл дверь и с ужасом опознал в страстной девушке мачеху в объятиях молодого Филдинга. Влюблённые были так поглощены друг другом, что не видели его. Боу повертел в руках пистолет, закрыл дверь в подсобку, положил оружие на прежнее место и вышел на улицу. Чтоб охранять покой влюблённой парочки и ценности магазина, он запер дверь снаружи. Поехал ночевать к другу.

А Орин и Оттавия, сорвав одежду, расположились на диване.

От прикосновений мужчины к интимным местам желание вспыхивало огнём, его волосы на груди ласкали её соски, вагина сокращалась и вибрировала мелкими толчками, пока ярчайший оргазм не взорвал тело восторгом. Гортанный крик изумления и блаженства вырвался из горла женщины.

Рано утром Артур открыл дверь магазина.

—Оттавия,— позвал он.

Из подсобки вышла итальянка. Её глаза загнанно блуждали, она боялась глянуть на пасынка.

—Что произошло?— узнавал Боу.

—На меня напал грабитель, а мистер Филдинг спас меня,—

еле слышно рассказала Малевольти.

–Как кстати мимо проходил господин барон! Дома скажи, что не дождалась сторожа и уснула. Я скажу, что не достучался. Мистер Филдинг, можете выходить, я Вас не трону!

–Он уже ушёл. Я выпустила его в окно.

–А я считал Вас идеалом целомудрия...

–Почему замужняя дама не имеет права влюбиться? Твой отец – старик, с которым у меня был интим всего раз, и то я пребывала в бессознательном состоянии!

–Это Вас не извиняет.

–Это мужской шовинизм!

–А если Вы принесёте чужих детей моему отцу?

–Но в последнее время я кормлю вашу семейку, как-нибудь прокормлю ещё парочку ребятишек!

Юноша обиженно отвернулся.

–О, Мадонна, зачем же мы ссоримся?– спохватилась Отта,– Я полностью виновата. Я сама соблазнила Филдинга.

–Не наговаривайте на себя, мама. Я замечал, что этот юнец вертится вокруг Вас.

–Мама? Я думала, ты больше так меня не назовёшь...

–Ты столько лет посвятила мне и Эммиту, что было бы чистым эгоизмом не закрыть глаза на единственный проступок. Ты ведь осознала ошибку?

–Почему я не должна отвечать на любовь? Ведь даже ты влюблён в замужнюю!

–Но у меня есть маленькая надежда, что Рут бросит му-

жа. А разве Орину нужна жена гораздо старше него? Или, может, Филдинг мечтает воспитывать твоих дочек, которых через два года можно самих выдавать замуж? О, я вижу, как ты поладишь с его сестрой Наядой, которая все эти годы называет тебя не иначе, как «итальянская выскочка». Орин играет с тобой, забавляется.

–Ты прав. Ничего хорошего эта связь принести не может,– понуро согласилась Оттавия.

–Я рад, что ты всё поняла. Это хорошо, если никто не пронюхал о вашем свидании... иначе сплетни повредят карьере и репутации семьи. Вероятно, придётся вызвать Филдинга на дуэль...

Малевольти побрела к выходу.

Артур прибрал в торговом зале и подсобке. Весь день был растерян, почти сконфужен. Покупателям становилось неуютно, и многие не задерживались.

И в довершение к неожиданностям в магазин вошла Рут Оллинхэм. Попросила перчатки, и долго вертела в руках один из образцов.

Юноша не удержался и запальчиво, оскорбительно спросил:

–Как ты можешь жить со стариком?

–А мне он не нужен,– не меняясь в лице, отвечала миссис Оллинхэм, она пристально уставилась в глаза красивого парня,– Я не люблю мужа. Так очень даже спокойно. Не надо переживать. Равнодушие – залог здоровых нервов. К тому

же мне нравятся его знаки внимания, подарки...

Боу был зол и спокойно выдержал её взгляд.

–Сколько мне надо накопить, чтобы претендовать на тебя?

–Забавный мальчик. Почему ты хочешь непременно обидеть меня?

–Так ты сбежишь со мной без изрядного капитала?

–С какой стати? Я похожа на дешёвку? И потом, я тебя едва знаю... Но, видно, ты не джентльмен, раз смеешь предлагать даме совершить неблаговидный, аморальный побег. Ради чего?

–Не играйте в наивность! Вы давно поняли, как сильно я Вас люблю.

–Если Вы бегаєте, как собачка, возле меня, это говорит только о Вашем желании угодить даме.

–Вы смеётесь над моим чувством?– вспыхнул парень,– Впрочем, так мне и надо! Глупый мечтатель.

–Я, пожалуй, куплю вот эту пару и эту,– не отвечая на прямой вопрос, произнесла Рут.

Артур молча, не глядя на ослепительную прекрасную даму, упаковал покупки.

–Всегда рады видеть Вас, леди Оллинхэм,– кривлялся он. Девушка хмыкнула и кинула деньги на прилавок. Юноша закусил губу до крови, ему показался этот жест особенно оскорбительным.

Когда Рут вышла из магазина, он согласился с выводами

брата:

–Прав был Эммит – я совсем не знаю эту задаваку, у неё зловредный характер.

18 октября у Оттавии была назначена встреча с Орином Филдингом в гостинице, что располагалась в удалённой части города. «Надо съездить. Скажу барону, чтоб больше меня не ждал, и не преследовал»,– решила она.

Подобострастно настроенная Малевольти твёрдо вошла в номер гостиницы. Кто-то сбоку напал на неё, она вскрикнула и стала отбиваться. Некто в маске лисы повалил девушку на ковёр. Ей удалось сорвать маску. И на неё смотрел хохочущий Орин!

–А если бы я стала звать на помощь?

–Погодите, сеньора, звать на помощь, может, я один справлюсь.

–Пижон! Я сейчас уйду.

–Я хотел развеселить тебя.

–Ты ещё до краёв наполнен ребячеством и дурью!

Орин настиг поцелуем любимые губы, что бранили его. Оттавия зажмурилась и уговаривала себя: ну ещё раз поцелует его и потом уйдёт. Она не заметила, как через пару минут сама призывно потянулась к его губам.

–Отти, любимая,– завораживающе шептал юноша,– Мои руки и глаза стали такими жадными...

Тело Отты превратилось в одно большое, непреодолимое



желание. От желания бурлила кровь, а мысли в голове поддел туман.

Барон отнёс её на кровать, и они долго наслаждались единением тел.

–Я не должна встречаться с тобой. И не буду,– проговорила итальянка, стоило Филдингу выпустить её из объятий.

–Теперь решила пошутить ты?– засмеялся Орин.

–Я серьёзно.

–Так ты уже нашла кого-то другого?!

Юноша с яростью уставился в огромные глаза Оттавии.

–Ты думаешь, я способна предать любовь? Ради новой красоты? Но меня прельщает только твой лик. Ради плотских удовольствий? Но это глупо и смешно звучит для меня. Влюблённой в тебя. Неужели я не смогу держать себя силой воли, когда ты будешь в плаванье? Моя сила воли бездействует лишь по отношению к твоей особе. Пожалей меня: я приклеюсь к тебе, а ты женишься на другой и разобьёшь мне сердце.

–Разве можно найти женщину прекрасней тебя? Никого другого я не хочу видеть рядом и в постели. А вздумаешь прятаться от меня – украду. Всё поняла?

–Понял.

–Понял?

–Ах, у меня иногда срываются непроизвольно глаголы в мужском роде. Это тянется с детства. Отец хотел для Чезоринно брата, имя придумал: Оттавио, а родилась я. И в детстве я

решила, что если буду говорить, как мальчик, то непременно им стану. Мне не нравился тот факт, что мир принадлежит мужчинам.

–Мир принадлежит красивым женщинам, дурёха.

Её пальцы проникли в ложбинку между его пальцами, и крепко их схватили-сжали, не отпуская. Мужчина понял, что Отта не хочет его отпускать.

–Я дико завидую твоему мужу, он пользовался всем этим великолепием 13 лет.

–Достопочтенный Освальд Боу имел возможность воспользоваться мною всего раз, и то только потому. Что ударом по шее отключил мне сознание.

–Ты думаешь: я поверю, что, будучи замужем и обладая неземной красотой, ты 13 лет была не востребована в постели? Мелькая перед глазами мужа все эти годы?

–Я и Боу не выносим друг друга.

–Он тебя кормил, одевал, а взамен ты забывала исполнить супружеский долг? Чушь.

–Скажи, ну как ты можешь ревновать меня к человеку, которого я ненавижу, с которым без ругани ни разу не говорила? Освальд Боу совсем чужой для меня.

–Я тебе не верю.

Оттавия соскочила с постели и стала быстро одеваться.

–Успокойся. Какая разница: была ты с мужем или нет, теперь ты моя.

Девушка не отвечала.

Орин слез с кровати, натянул панталоны, но он не успел удержать Отту, та выскочила в коридор, и там одела плащ.

19 октября. Подвыпивший Норман Сэндлер выходил из кабачка с другом-сослуживцем Хедлундом. Отмечали повышение сыскаря.

Адвокат паясничал:

–Нужно разрешить пить на работе, тогда все сотрудники будут весёлые и довольные. И на службу будут бежать, как на праздник.

–Счастливирик твой шурик – охмурил самую красивую женщину города.

–Да? И кого?

–Так ты ещё не в курсе? Владелец гостиницы «Морская звезда» всем сообщает, что Орин и Оттавия сняли у него один номер на двоих.

–Какая Оттавия?

–У нас в городе только одна Оттавия – Малевольти!

Норман выражал крайнюю степень удивления.

И Хедлунд заговорил снова:

–Ты так удивлён... Впрочем, я тоже считал, что Малевольти – святая. Ну, давай, завтра увидимся на работе.

Сэндлер брёл домой и думал: «Я боготворил Отт, а она оказалась обычной шлюшкой. Где уж мне отбить её у молоденького Орина! Итак, племянник встал на моём пути, он молод, красив, красноречив и остроумен. Я не смогу тягаться

ся с ним... моя битва за Оттавию, не начавшись, проиграна. Хватит иллюзий на её счёт, окружу лаской и заботой Наяду, она, бедняжка, мне верна».

И он вошёл в спальню жены со словами:

–Ты сегодня очень воинственно настроена? Я пришёл заключить мирный договор и подписать пакт о ненападении.

–А, что, проститутки всего города сегодня заняты, и ты, никого не найдя, решил порадовать меня?

–Наяда, дорогуша, выпей виски! Ты чёрствая, как сухарь, а спиртное смягчит твой грубый характер.

–Опуститься с небес благоденствия до твоего уровня? Спать и забыть о долге и чести?

–Ага, а я – само воплощение порока,– потворствовал ей Норман.

–Твоё присутствие отягощает атмосферу в доме!

–Вот, Наяда, вот. Ты привыкла видеть во мне раздражающий, дразнящий фактор, недоступный и далёкий.

–Ты наивно полагал, что, придя пьяным в зюзю, я тебя оближу, обласкаю и обогрею?

–По-видимому, когда ты начнёшь нуждаться в мужчине, я буду уже дряхлым стариком, не способным волочить ноги, не то, что совершать подвиги в постели.

–Вот иди и жди этого светлого часа.

Норман устало глянул на жену и пошёл в свою спальню.

Освальду Боу доброжелатель в бильярдной тоже расска-

зал о встрече его жены с Филдингом.

Старик побагровел, но преувеличенно рассудительно отвечал:

– Мне нет смысла закатывать скандал семейству Филдинг-Сэндлер. Моя жена слишком молода – избавлюсь от Орина, найдётся другой фаворит, и Оттавия превратится в шлюху. А с бароном ей не быть, да и денег выманивать он не станет – сам благороден и богат. А, если, она ему наскучит, то брошенная Оттавия разочаруется в мужчинах, и будет держаться от них подальше.

В ответ напарник по игре ухмыльнулся.

Однако дома Освальд закатил Оттавии истерику.

Ворвался в её комнату, хлопнул дверью и с пафосом провозгласил:

– Высокородный барон Филдинг и итальянская Синдерелла (Золушка)!

Жена сидела за столом с книгой в руках и не отвечала, делая вид, что в комнате никого нет.

– Ну какова стерва, – бушевал сквайр, – Я её берёг, я её жалел, чтоб она лишний раз не рожала, а она бегает к молоденькому пацану – вот какова её благодарность!

Люди говорят: «Семейное счастье зависит от нас», но как его строить, если нет любви?

В древние времена, в пещерном веке, женщины были счастливы, когда их брали замуж, ведь мужчина обязался кормить свою семью, теперь же все женщины твердят о

сверхчувствах, подавай им любовь! Заелись.

–Вы не заходили ко мне 13 лет, зачем же сегодня изменили привычкам?

–А, неприятно, слушать правду? Надо было не жениться на тебе, а сдать в публичный дом! Там неограниченная возможность иметь огромное количество мужчин, блистая своей красотой!

–Вы забываетесь, мистер Боу, это я пожалела садить Вас в тюрьму.

–Вероломная предательница! Я же сделал тебя своей женой! Я взял тебя из бедной семьи скульптора!..

–Где мне, кстати, отлично жилось!

Отга отбивалась спокойно, чем выводила Боу из себя всё больше. Но её вялость была не бесстыдством, а чувством вины. Да, она замужем, и не имела права на любовь чужого мужчины.

–Грязная потаскуха! Тебе плевать на судьбу дочерей! Кто возьмёт замуж дочек шалавы? Взяли её с помойки, а она нам тут выкрутасы показывает!

И озлобленный Освальд выскочил из комнаты жены.

В этот вечер Эммит, как обычно, провожал Шеннон до дома.

Их сердца уединились от бурлящего мира, и они наслаждались близостью друг друга. Возрастающий каскад из глубоких, наисильнейших чувств достиг апогея – самой острой

верхушки переживаний, приковав взгляд к любимому лицу, заставил задыхаться от счастья и блаженства находиться рядом с обожаемым человеком. Своим великолепием, чарующим видом этот каскад из чувств смущал прохожих, засыпая ротозеев брызгами пренебрежения к окружающей действительности. И глядящие на влюблённый фейерверк сверкающих чувств бросали в него крупные монеты зависти.

Вот девушка скрылась в подъезде, но молодой Боу продолжал стоять, он ждал, когда загорится свет в её окне.

Тёмные глазницы окон навевали на него беспокойство.

Начал накрапывать дождь.

Эммит гадал: «Что могло случиться? Да что угодно! Она могла оступиться и упасть, сломав ногу. Тётка могла заболеть... Тётка! Эта ведьма может подстроить какую-нибудь гадость!»

Он вбежал в подъезд. Вышиб дверь в её комнату. Там, в темноте, кто-то плакал. На ощупь прошёл к столу и зажёл свечу.

Связанный Дэннис заголосил:

–Шеннон увезли!

Эммит бросился развязывать мальчика.

Тот сбивчиво рассказывал:

–Тётка, гадина, кому-то продала мою сестру! Она злилась, что Шеннон ушла от неё и не приносит деньги! Она свирепела, когда видела вас вместе...

–Кому продала?

–Не знаю!

–Где живёт ваша тётка?

–В соседней квартире. У неё муж такая же сволочь. Поторопись!

Парень достал из кармана записную книжку, вырвал лист.

–Забери всё ценное и беги по этому адресу, покажешь извозчику, тот довезёт. Приедешь к Чезорино Малевольти и скажешь, что тебя прислал Эммит Боу. Я тут всё записал, чтоб ты не забыл чудную фамилию итальянца. И жди меня там, а то эта ведьма, которую вы зовёте тёткой, продаст и тебя.

Боу вышел в коридор и принялся ломать очередную дверь. Та отлетела через пару минут, а на него замахнулся топором пожилой, упитанный мужчина с красным лицом. Юноша успел отскочить в сторону. На пути ему подвернулся стул, он кинул им в бугая.

И пока тот отшвыривал крепкий стул, Эммит достал пистолет и выстрелил нападающему в руку, что держала топор. Раненый взвыл, хватаясь за простреленную руку. Не надеясь на собственные силы, хоть он и был крепышом, парень левой рукой схватил со стола кастрюлю и ударил ею душегуба в лицо, затем оглоушенного повалил на пол ударом ноги в живот.

Левым кулаком бил душепродавца, другой рукой наставлял пистолет.

Выпытывал:



–Где Шеннон?

–Да пошёл ты,– отплёвываясь кровью, рычал изверг.

Раздосадованный Эммит вцепился в волосы толстяку и с силой стал долбить о пол.

–Она в доме сэра Колина Майерса!

До них донеслись голоса с лестницы. Боу понял, что пока он выламывал дверь в комнату Шеннон, тётка побежала за полицией. Но пока он всё разъяснит в участке, девушку спрячут или даже убьют, и он её никогда не увидит.

Парень побежал на улицу через чёрный ход.

Дом Майерса находился на краю береговой линии, на небольшой скале, и напоминал скорее старинный донжон. Внизу одной из стен плескалось море.

Эммит, страхуясь, попросил извозчика остановиться внизу, хоть темно, но слуги могли заметить чужой экипаж.

Хорошо, что с тех пор. Как стал провожать Шеннон до дома, стал носить пистолет, так как ему не нравился криминальный район её местоживания, думал оружием отпугнуть хулиганов, а тут типы оказались похлеще.

Он крался от больших камней до тени редких здесь столов деревьев.

В доме на первом этаже в нескольких комнатах горел свет, ходили люди. «Комнаты для слуг,– понял парень,– Бедненко обставлены, простенькие шторы».

На верхнем этаже в угловом окне горел яркий свет от люстр. Видно остальные окна этой комнаты выходили на мо-

ре, так как на волнах играли огненные блики. Эммит нацелился лезть туда.

Стены замка были отделаны крупным камнем, что намокли от дождя, и Боу еле-еле держался на скользких валунах. Он чуть ли не вгрызался в каждый отвес, благо – вдоль второго этажа был небольшой карниз.

Вот и окно. Юноша осторожно заглянул, и едва сдержал крик. Его любимую, лежащую на диване, методично хлестал плетью Колин Майерс.

Эммит прицелился и выстрелил через окно. Фабрикант схватился за ногу.

Боу вышиб окно.

Страхивая с себя осколки стекол, он пообещал раненому Майерсу:

–Сейчас Вы станете покорителем небес, готовьтесь!

–Вы готовы учинить самосуд человеку из Высшего общества, тогда как жертва относится к категории плебеев! Она из круга обслуги! И вообще проститутка!

–Проституткам не связывают руки и ноги, и не засовывают кляп в рот! Да что с Вами разговаривать, старый развратник!

–Всем мужчинам в преклонных годах хочется свеженькой плоти...

–Зачем же бить женщин?

–Она сопротивлялась, кусалась...

Юноша прицелился. Майерс, пыхтя, с завидной сноров-

кой сам выскочил на балкон, что выходил на море и сиганул через перила в воду.

– Да свершится воля Божья, – прошептал Боу.

Он пару минут всматривался в бушующие волны, но голова мужчины на поверхности воды не показывалась.

Эммит бросился к возлюбленной. Его руки дрожали от волнения и сочувствия. Он не заметил, как слёзы хлынули из его глаз. Он боялся задеть кровоточащие раны, что алены из под обрывков рассечённой плетью одежды. Измождённая Шеннон уже не могла ни плакать, ни стонать. Обессиленная от нервных потрясений и перипетий, она со страданием смотрела на избавителя. Эммит освободил её от пут, а жажда жизни всё ещё не возвращалась к ней. Девушка лежала отрешённая и безучастная. Капли дождя всё ещё не высохли на волосах Шеннон, что говорило о её недавнем прибытии в дом фабриканта.

– Капли в твоих волосах, как бусы, – шептал юноша.

Он аккуратно коснулся сверкающих капелек пальцем. Затем рука переместилась на волосы, и сразу волна трепетной нежности овладела им.

– Моя маленькая, бедненькая девочка, я никому тебя не дам в обиду и никогда тебя не брошу.

Она сама прижалась к нему и горячо, сбивчиво зашептала:

– Это не выражение благодарности, это выражение любви... Ой, конечно, я благодарна тебе... но я так в тебя влюбилась, что ругала себя каждый день, и боялась мечтать о тебе.

—Я женюсь на тебе, и ты будешь всегда рядом со мной.

—Но, милый, разве твой отец позволит тебе брак с простолюдинкой?

—Я — самодостотаточный, у меня своё дело. Куплю свой дом. А на Высший Свет плевать.

Ночью Эммит постучал в дверь комнаты Артура.

Тот, сонно щурясь, спросил, отпирая:

—Что за спешка? Какое у тебя дело посреди ночи? Ты такой мокрый... Улицы Милфорд-Хейвена поглотил очередной Всемирный потоп?

—Я пришёл сообщить, чтоб меня больше не ждали в этом доме.

—О чём ты? Что случилось?

—Пока я поживу у Чезорино, думаю, мне можно забрать магазин на Морской улице.

—Почему ты решил отделиться от общего бизнеса?

—Я женюсь на новой продавщице Шеннон.

—Тебе что-нибудь с крыши на голову упало?

—Всё, я пошёл. Я обещал Шеннон, что не задержусь.

—Ничего себе! Ты бежишь галопом из родного дома, потому что твоя пассия без тебя скучает! Но вы же живёте всего пару часов! Эммит, опомнись, она же верёвки из тебя вьёт!

—Ты ничего не знаешь. Родная тётя продала её сегодня толстосуму, а я её спас. У неё нервная горячка, она зверски избита, я должен быть рядом.

И младший брат почти бегом припустил к двери.

–Как же я это всё объясню отцу...– озадачился Артур.

К открытию магазина на Морской Освальд Боу топтался у входа.

Эммит молча открыл заведение, повесил вывеску «учёт» и приготовился к словесной буре.

Отец начал нравоучение:

–Есть древняя поговорка: «На быстром коне жениться не езжай». Тебе всего лишь девятнадцать лет.

–Я уверен, что не разочаруюсь в своём выборе.

–Она тебе не ровня!

–Конечно, общество хочет, чтоб все денди женились по велению Высшего Света, как сводят породистых лошадей. Но мне отвратительны напыженные и напыщенные гусыни из моего круга, Шеннон же проста и чиста.

–Дети простолюдинки, какой-то подзаборной оборванки, будут наследниками моей фамилии!– перешёл на крик отец.

–Не смейте оскорблять мою будущую жену! Благосостояния и уважения общества я добился сам. И если Вам не по душе мои будущие дети, то я с радостью возьму фамилию моей матушки.

–Ладно, не обижайся. Впрочем, никто ж не знает об истинных родителях твоей суженой, так можно выдать её за дворянку. Якобы, обедневший род из Ирландии или Шотландии.

—У Шеннон есть зловердная тётка, она может разболтать о её происхождении.

—Намекнём, что посадим за решётку за клевету на честных людей. Метрику для твоей невесты купим.

—У неё есть брат.

—Купим свидетельство и ему. Обговорю об этом деле с Сэндлером, он ушлый и вёрткий: наведёт какие надо справки и сделает всё в лучшем виде.

—Спасибо, папа.

—А ты меня боялся, глупый... Сбежал к брату мачехи.

—Хочу купить дом неподалёку от этого магазина.

—А-а-а... ну, как знаешь.

Этим вечером Чезорино вышел от сестры Оттавии. Они долго говорили о Зиле, об Эммите, обсуждали последние события города. С ним пришёл Франческо, но мальчик так зачитался в комнате Эммита, что Отта уговорила брата оставить племянника ночевать в доме Боу.

Смеркалось. Итальянец закурил. Вдруг у окон дома он заметил тень мужчины. Чезорино бросил сигарету, юркнул за крыльцо, решил понаблюдать. Если это вор, то поплатится, и итальянец сжал рукоять кинжала.

Еле слышно отворилось окно, и смешливый голос Лэсли спрашивал:

—Господин барон, что Вы здесь торчите? Выполняете секретную миссию?

–Законом не запрещается бродить вокруг Вашего дома.

–Так Вы мой тайный поклонник? Но на балу Вы не обращали на меня никакого внимания...

–Мисс Боу, позовите, пожалуйста, миссис Малевольти. Буквально на минуточку.

–А зачем она Вам нужна?

–Это тайна.

–Как вы испорчены, мистер Филдинг.

–Да, я – недруг общественной морали.

–А если я позову отца и слуг?

–Давно хотел подарить Вам это.

–Милое колечко...Ладно, стойте здесь у окна библиотеки, сейчас я приведу мачеху.

До Чезорино доходил слухок о том, что Филдинг крутится вокруг его сестры, теперь он убедился сам. Этот высоко-родный щенок порочит семью его сестры! Итальянец заскрипел зубами от злости. Он зарезал бы его сразу, но ему интересно было узнать, как Оттавия отреагирует на появление Орина.

Вот в окне появился её силуэт.

–Безголовый, зачем ты так рискуешь!– голос сестры Чезорино выражал беспокойство за юнца.

Барон перемахнул через подоконник. Обнял любимую. Оттавия затрепетала, когда он поцеловал её в уголок губ.

Мужчина зашептал:

–Прости меня, я напрасно обидел тебя недоверием. Я

узнал у твоей служанки Сюзанны, что ты действительно избегаешь любых контактов с мужем. Чему тут собственно удивляться? Так живут многие аристократки.

—Значит, ты навел справки, узнавая у прислуги мои домашние дела... Ты не поверил мне сразу! Ты не доверяешь мне! Мои слова кажутся тебе неискренней игрой? Ловушкой для мальчика знойной итальянки, что ищет любовных утех?

—Не кипятись. Я был не прав. Живя в сдержанной и пуританской Англии с детства, ты, всё же, осталась страстной и подвижной итальянкой.

—Это плохо?

—Это замечательно! Ты просто чудо, как хороша.

—Уходи, на Лэсли нет надежды. Она меня ненавидит, может сообщить Освальду о твоём визите.

—Когда я увижу тебя снова?

—Не знаю. Освальд стал подозрительным. Я пришлю письмо.

—Вон на втором этаже, где римская синяя штора окна моей спальни. Поглядывай изредка туда.

Орин спрыгнул во двор. Отта закрыла створки окна и помахала ему. Парень по аллее пошёл к своему соседнему дому.

—Господин барон!— окликнул его Чезорино.

—Уважаемый скульптор Малевольти, добрый вечер.

—Ваш славный родственник Генри Филдинг писал о народе и вымышленных партиях тори и вигов: «...публика при-



нимает участие в ваших ссорах и отдаёт предпочтение той или другой шайке, в то время как обе нацеливаются на её кошельки». Вы же, сэр, пошли дальше, чем тори и виги, Вам ещё и честь простых людей подавай. Да как ты смеешь, щенок, позорить имя моей сестры и нашу фамилию!

—Наши отношения с Оттавией не глупый флирт, не интрижка, мы любим друг друга.

Воткнув кинжал в мягкую плоть, итальянец сказал:

—Доказывать свою честность будешь на небесах перед святыми и ангелами.

Орин, согнувшись, упал.

Чезорино вернулся в дом сестры.

Представ перед Оттой в её комнате, глухо сказал:

—Тебе больше не придётся отбиваться от ухаживаний Филдинга — я его зарезал.

—Нет, нет, нет!— запричитала Оттавия.

Она опустилась на пол и сквозь рыдания вопрошала:

—Почему мне нельзя любить? Я должна жить в доме с постылым стариком и не мечтать о счастье?

Брат поднял сестру.

Отта вырвалась из его рук, истерично вопя:

—Не смей прикасаться ко мне своими окровавленными руками!

—Наша семья была горда тем, что ты вошла в семью дворянина. А сейчас ты ломаешь то, что строила с мистером Боу годами.

–Я спасла Боу от тюрьмы и дала дочерям отца, что ещё надо требовать от меня? Любви к мужу? Но её никогда не было! Как ты мог убить того, кто стал мне дороже всех на земле? Разве я препятствовала твоим встречам с Августой?

–Ты – женщина! Ты – лицо семьи!

–И, что, мне надо забыть о себе и жить монашкой?

–Ради дочерей – да.

–Тётя Оттавия, – приоткрыв дверь, позвал Франческо.

–Что, мой бесценный? – отозвалась женщина, вытирая слёзы.

–Ваш Филдинг жив! – радостно сообщил мальчик, – Папа лишь ранил его.

–Где? Где Орин? – оживилась Отта.

Она подскочила к племяннику и обняла его.

–Откуда ты знаешь о происшествии? – с сомнением спрашивал Чезорино у сына.

–Когда тётя Оттавия оставила меня в комнате одного, я услышал, как Лэсли её куда-то звала, прошёл за тётей, и нечаянно услышал её разговор с неким господином, мне стало интересно, где живёт этот человек, и я вышмыгнул из дома. И всё видел...

–Ах ты, гадёныш! – вскричал отец мальчика.

–Орин дома, да? – допытывалась женщина у Франческо.

–Ага, – подтвердил сорванец.

Она поцеловала племянника в щёку и сунула крупную купюру.

А брату строго наказала:

–И впредь не смей даже слова дурного сказать про Орина Филдинга!

–Как скажешь, сестра... Я не пущу тебя одну. Пойдём, провожу. Думаешь, тебя впустят в дом баронов?

Орин успел прикрыть живот рукой, лезвие лишь оцарапало живот, когда Чезорино размахивался. Затем упал, делая вид, будто оружие настигло цель. Если бы итальянец сделал попытку подойти, Филдингу бы пришлось уронить его, схватив за ногу, но скульптор ушёл. Зажимая раненую руку, он побрёл домой.

Зашёл через чёрный ход, собираясь посвятить в свою тайну только верного слугу Руперта. Но, как назло, в коридоре ему попался Норман. Тот, видимо, шёл в подвал за очередной бутылкой виски.

–Сэр Филдинг, впредь снимайте одежду. Когда в следующий раз соберётесь искупаться в болоте,– ехидничал адвокат, думая, что шурин в подпитии извалялся в грязи.

–А Вам, сэр Сэндлер, надо перенести кабинет в винный погреб, чтоб лишний раз не бить ноги, бегая в день по несколько раз,– стараясь не выказать страдание от боли, язвил Орин.

–Постой, что это у тебя грязь странного цвета? Кровь!

–Ничего страшно, упал, а там штырь...

–Заворачивай на кухню, там есть кипячёная вода и чистые

полотенца.

Норман перехватил руку шурина жгутом, останавливая кровь. Затем промыл рану, наложил повязку.

– Нашёл с кем иметь дело! С итальянцами! Да они мстительны и коварны! За обиду, нанесённую любому члену семьи – убьют! Кто тебя пырнул? Чезорино? Энрике?

Парень молчал.

– Покрываешь убийц?!

– Не хотел говорить... Но на меня напали бандиты в массах.

– Врёшь!

– Могу поклясться на «Библии».

– Дурака никакими лекарствами не вылечишь.

В дверях кухни появилась Наяда.

– Что это с тобой?

Мужчины молча уставились на неё.

– Понятно... Прилетело от родственников Малевольти.

– Что, уже весь город знает о моём походе? Нет, меня порезали бандиты.

– Порезали?! Не смей больше приближаться к Оттавии ближе, чем на сто метров!

– Вас не касаются мои любовные дела.

– Ты всегда был твердолоб... и глуп, как Граветин!

– Не смей касаться памяти Граветин! Ты, грязная завистница, что подобралась к её мужу!

– На что ты намекаешь?

–Ты и твоя подруга Беула – одного поля ягоды.

–Не смей! Я не тащила Нормана в постель, когда Граветин с ним жила!

Наяда зарыдала. Орину стало жаль сестру, он раскаялся, положил здоровую руку ей на плечо.

–Прости. Прости. Я знаю, ты любила Нормана.

–Я любила его чистой любовью,– ревела Наяда, всхлипывая,– Да, я завидовала сестре, но никогда не желала ей смерти.

–Ты могла сдерживать себя, находясь в одном доме с любимым человеком, а я не могу. Но ты ведь – женщина, тебе положено быть чище.

Норман нашёл в баре бутылочку с ликёром и отпил изрядное количество спиртного, обновляя горячительное в стопке при каждом упоминании о первой жене. Стоило Наяде расплакаться, адвокат вместе с остатками спиртного улизнул с кухни.

Оттавия, подходя к дому Филдинга, отослала брата домой. И, когда его силуэт исчез за деревьями, завязала юбки повыше, взобралась на дерево, по толстой ветке подкралась к окну Орина. Постучала.

Когда барон поднял римскую штору, то едва не упал от удивления. Он зафиксировал механизм и скорей открыл окно, впуская итальянку.

Она оглядела парня.

Облегчённо вздохнула, развязала юбки и деликатно осведомилась:

– Не найдётся ли у вас занятия для опытной сиделки?

– Зачем ты рисковала собой? Дерево должно быть мокрым от недавних дождей! Хотела, чтобы мы на пару ходили перевязанными? Я с рукой, а ты со всеми частями тела?

– Если ты не рад, то я сейчас же уйду тем же способом.

– Нет, я рад, просто меня вверг в шок твой героизм.

– Я понимаю: поступок отчаянный для дамы... и хулиганский, но я должна была увидеть тебя, чтоб убедиться, что с тобой всё в порядке. И потом, в детстве я же хотела быть мальчишкой, поэтому лазанье по деревьям для меня – пустяк.

Малевольти огляделась. На одной стене висели янычарские клинки – ятаганы, которые, конечно, привёз Остин Филдинг из Африки, на другой – мечи и щиты.

– Смею Вам заметить, что Вы отвратительная сиделка. Разве так спасают тяжелобольных?

– Это давление на службу милосердия? – игриво переспросила Оттавия.

– Откровенное и очень сильное давление на полуспящую службу спасения, – с этими словами Орин поднёс ладонь Отты к своим губам, затем притянул любимую к себе, взволнованно глядя на её прекрасное лицо.

Струится нежность тёплых чувств, и виден этот лучезарный свет влюблённым.

Неожиданно отворилась дверь и появилась напыщенная фигура Наяды с кружкой молока. Её очаровательные голубые глаза расширились до предела от вида обнимающейся парочки, сосуд с молоком вылетел из её ослабевших пальцев.

— У меня всегда было невысокое мнение относительно этой особы из Италии, и оно подтвердилось, — заявила баронесса Сэндлер.

Но настырная итальянка не выпустила её брата из объятий, прячась за его спиной.

— Орин, я принёс тебе бренди для поддержания духа... — зашёл Норман в комнату шурина, увидел Малевольти и осёкся.

— Дерзкая выскочка, ты в доме аристократов, а ведёшь себя неподобающе своему низкому происхождению, — ледяным тоном Наяда ставила на место незваную гостью, что всполошила их дом, её возмущало нахальство Оттавии.

— Не смейте меня оскорблять! — вскинулась итальянка.

И Отта с достоинством направилась к выходу.

Норман глянул на раскрытое окно и с восхищением шутил:

— Сеньора, у Вас несомненный талант альпинистки.

Адвокат смотрел ей вслед, и с тоской понял, что любовь к Оттавии глубоко пустила корни в его сердце, и выкорчевать это чувство оттуда не так-то просто. Боль, приносимая безответной любовью, всё равно рождает любовь и зов сердца.

— Я провожу тебя до двери, — побежал за любимой Орин.

Наяда перешла на визг:

– Жаль, я не задушила тебя маленьким, проблем бы сейчас не было! Ты нарушил все приличия нашего общества!

Не обращая на возмущённые вопли сестры, брат шёл к двери. Норман плёлся сзади.

– Это некрасиво: игнорировать женщину! – не унималась Наяда.

Юноша оглянулся.

– Чудесно сегодня выглядишь, сестра, бессильная ярость окрасила твоё лицо в нежно... зелёный цвет.

Он поцеловал итальянке руку, открыл дверь перед ней и пошёл в свою комнату.

Сестра с зятем шествовали за ним.

– Хорошо, ты – мужчина, а все мужчины – Дон Жуаны, но я не пойму Малевольти, ей позволили называться дворянкой, а она пятнает честное имя Боу...

– Так уж и честное... – усомнился Орин.

Норман с удовольствием слушал перебранку брата с сестрой.

– Когда же вы, наконец, поубиваете друг друга? – слетел едко-риторический вопрос с его губ.

Жена зло глянула на него, а на брата обрушила новую брань:

– Надо было закрыть глаза предкам Филдингов на портретах – такого безобразия они ещё не видели!

– А, что, все бароны и баронессы на портретах теперь с



открытыми ртами?— ехидно переспросил Орин, открывая дверь своей спальни.

Когда брат скрылся за дверью, Наяда добралась и до мужа:

—Это всё благодаря твоей милосердной жалости мы теперь не может отделаться от этой Малевольти! Зачем надо было уговаривать Боу жениться на ней? Сидела бы сейчас в бедном квартале и не высывалась в Высший Свет!

—А я, по-твоему, провидец?! Должен был отчётливо увидеть угрозу в лице итальянки для сопливого тогда Орина? Тебя раздражает недостойное поведение брата, я понимаю, но зачем срывать злобу на мне? И потом, в его возрасте многие молодые люди просто предрасположены совершать всякого рода глупости. Да и я бы, кстати, не отказался от женщины, если она возьми да и запрыгни мне в окно.

—Ты всё сводишь к разврату!

—Такова природа мужчин.

Жена хмыкнула и направилась к выходу.

—А где же пожелания спокойной ночи?— притворно возмутился Норман,— И где тебя только воспитывали?

Наяда демонстративно прошла мимо, будто не замечая мужа.

В судовладельческую контору Росса зашёл Орин Филдинг. Его препроводили в кабинет начальника.

—Какими судьбами, мистер Филдинг?— озорно спросил владелец мореходной компании.

–Кровь викингов-завоевателей зовёт в путь, в новые земли.

–У меня куча компроматов на Вас, капитан Филдинг. И потому есть повод сомневаться в Вашей порядочности.

–Интересно, кто строчит на меня доносы? Наверняка. сквайр Освальд Боу.

–Да уж... О Вашей связи с его женой ходят легенды...

–Оттавия – прекрасная женщина.

–Просто мечта,– подхватил Росс, – Я бы тоже не устоял против её чар.

–Вот видите: у меня не было шансов спастись от колдовства феи, каждый хочет стать тем счастливым, которого она изберёт.

–Вы – настоящий мужчина, барон Филдинг. Я наводил справки о Вас, так...за между прочим...и из Лондона пришла характеристика лучше не бывает: смелый, упорный, находчивый.

–Прибавьте к этому отличное знание мореходного дела, моё интуитивное чутьё – корабль, ведомый мною, даже не поцарапался.

–Тьфу, тьфу, как бы не сглазить,– суеверно заплевался чиновник,– Я, конечно, возьму Вас, но с условием: возьмите на свой корабль юнгой моего пасынка Фрэда.

–Но...

–Я понимаю, что Вы не нянька, но только море и железная дисциплина сделает из этого оболтуса человека. И не стес-

няйтесь стегать его почаще – суровые взыскания послужат только на пользу.

–Что ж, юнга не помешает.

–Скоро в порт должен прийти новый корабль. Я заказал построить его из лучшей древесины. Приблизительно это произойдёт к Рождеству. Поплывёте в Финляндию?

–Хоть на край света.

–Отлично. Обсудим процент с продаж и Вашу долю.

Слуга доложил Алану Торнтону о том, что у входных дверей его дожидается некто Жаклин Иль-Ламуаньон.

–Препроводите посетительницу в гостиную,– распорядился джентльмен.

Он ещё раз оглядел свой безупречный вид в зеркало. Поправил одну прядь волос и спустился встречать гостью.

Рыженькая девица в скромной одежде вскочила со стула от радости, завидев Алана.

–Жаклин?! Почему ты не уехала с цирком?

–Мой напарник исчез.

–Пустяки! Могла бы выполнять другие трюки. Ты неплохой эквилибристик на шаре...

–Так ты и думать забыл обо мне?

–Вы что-то путаете, мадемуазель, Вам нужен Ален Моранте, а перед Вами сыщик Алан Торнтон.

–Ален!

–Я же сказал: перестань называть меня на французский

манер.

Совсем упавшим голосом, но всё ещё с надеждой Жаклин узнавала:

–Ты не сможешь мне обосноваться в вашем городе?

–Я не просил тебя остаться. У меня и без тебя куча проблем.

У девушки сдали нервы, и она всхлипнула.

–Как ты меня нашла?

Та сквозь слёзы:

–Это легко. Узнала в гостинице о тех джентльменах, кто недавно появился в Милфорд-Хейвене.

–У тебя есть деньги на первое время?

–Конечно. Я сняла приличную комнату. Алан, почему ты вычеркнул меня из своей жизни?

–Ты не будешь болтать о моём прошлом?

–Даю слово – нет.

–Я поговорю с женой деда, чтоб она пристроила тебя в магазин.

–Ты не спрашиваешь моего адреса,– опять плакала Жаклин.

–Я не хочу, чтобы нас видели вместе. Не хочу сплетен. Я теперь юридическое лицо, мне не нужна тень на мою репутацию. Встретимся в два часа в кафе «Идеал» послезавтра, обсудим дела на счёт работы.

Выходя из дома Алана, мадемуазель Иль-Ламуаньон прошептала:

–Ладно, подождём, когда Вы, мистер Торнтон, соскучитесь по женской ласке...и прибежите снова в мои объятия.

Алан заметил, что Жаклин оставила на столе визитку со своим адресом. Прочитал и ухмыльнулся.

Затем он поехал к Оттавии Малевольти и попросил устроить знакомую из цирка продавцом в магазин.

Отта, взглядываясь в глаза молодого человека, спрашивала:

–Эта француженка...она для тебя что-то значит?

–Нет. Просто жаль человека: осталась без работы в незнакомом городе.

–Правда? Иначе твой дед заклюёт меня упрёками. Он всё ещё зол на Эммита, не хотелось бы повторения той же истории...

–Слово джентльмена: Жаклин Иль-Ламуаньон для меня просто партнёр по номерам в цирке.

–Хорошо. Не сомневаюсь, что она девушка порядочная, раз ты за неё ручаешься.

Вечером в комнату мадемуазель Иль-Ламуаньон постучали.

На пороге стоял Алан Торнтон.

–Вот...пришёл посмотреть, как ты тут устроилась.

–Чаю?

–Можно.

Девушка едва сдерживала победную улыбку.

Оттавия посетила сестру.

В коридоре Берта расцеловала её, заострила взгляд на вышивках на платье:

– Чудесные розы! Хвалю твой эстетический вкус.

– Элеонора вернулась?

– Нет. Она всё ещё путешествует с баронессой Тиной Бонэм.

– Как поживает твой муж?

– Энрико никогда не бросит своей скверной привычки напиваться, – вздохнула Берта.

– И всё также буйно выясняет отношения?

– Конечно... Правда, после мы заключаем мир с бурным, примирительным интимом.

Отта улыбнулась.

В коридор прискакала на одной ноге, играя, младшая дочь Берты.

– Я приготовила греческий салат, пойдём, перекусим. Тебе нечего бояться за фигуру из-за обилия сыра, ты всегда изящна, как серна. Проходи в столовую, а я сбегаяю в мастерскую за отцом.

Девочка скакала у ног матери.

Берта сказала дочери:

– Иди играй на улицу, Джудитта! Ребяшня там тебя зажда-лась. Там и Франческо бегают...

Марко Малевольти почти вбежал в столовую, радостно

обнял младшую дочь, причитая:

–Моя малышка пришла!

Берта обиженно молвила:

–Для Вас, папа, Оттавия всё ещё маленькая.

–Не ревнуй, дурёха, младший ребёнок всегда маленький в глазах родителя.

–Садитесь за стол,– зазывала старшая дочь.

Отец заметил:

–Теперь вся семья Боу в сборе: приехали внуки Освальда.

–Как быстро распространяются слухи! Да, у нас в доме объявились Торнтоньы. Старший, Алан, уже купил себе дом. И он поступил на службу в полицию. Тим приглядывается к рыночной экономике, думает заняться торговлей.

После трапезы старик Малевольти, расцеловав обеих дочерей, вернулся к работе скульптора.

Берта показывала сестре готовые эскизы тканей и наброски идей на бумаге.

–Скажи, Отта, адвокат Сэндлер делал тебе знаки внимания?

–Да...но...как ты догадалась?

–Он любит тебя,– вздохнула старшая сестра.

–Откуда ты знаешь о его чувствах ко мне?

–Откуда знаю?– усмехнулась Берта,– Потомучто при нашей близости он всё время шептал: «Оттавия...Оттавия...Оттавия!» А мне хотелось убить его! Я посоветовала ему накинуть одеяло на голову напыщенной Няяде и попро-

бовать назвать её Оттавией. Норман засмеялся, а потом заплакал навзрыд, как будто на похоронах любимой мамочки.

–Как ты могла изменить Энрике?!

–Норман с упорством маньяка добивался моей благоклонности. У него же целый взвод сыщиков...они выпытали всё, что мне нравится. Сэндлер узнал мои слабости и надавил. Соблазнил украшениями и тряпками...Но я была не рада нашему роману, он испортил близость своими сравнениями с тобой...

–Безумец...

–Он влюблён, а это сродни болезни...Остерегайся его...

–Ха! Что он мне сможет сделать?

В конце ноября, когда рука перестала болеть и зарубцевалась, Орин сделал вылазку в один весёлый кабачок.

Не успел он усесться, как некто в мундире лейтенанта спросил его:

–Эй, малец, это правда, что ты охмурил красотку Оттавию?

–Подозреваю, что кто-то на меня зло и нахально клеветает, – с вызовом отозвался барон, но огонёк его озорных глаз выдавал «героя».

Филдинг отпил вина из бокала и сморщился.

–Что за жутким пойлом вас тут потчуют?

Тот противный лейтенант подсел к нему.

Зашептал заговорщески:



–Я слышал: у Оттавии есть сестра. Может, познакомишь?

–Насыпать бы перцу тебе в штаны,– мечтательно злопыхал Орин.

–Ты, что, хочешь и со старшей сестрой романчик закрутить?

–Я не взял с собой пистолет, поэтому, сэр, могу угрожать Вам только табуретом, но и он действенное оружие в умелых руках.

Лейтенант вернулся на прежнее место.

Барон повернулся к соседу справа и шутейно возмутился:

–Уход по-английски – это обыкновенное хамство, возведённое в ранг национальной традиции.

Весь этот месяц Оттавия пробыла под неусыпным вниманием мужа. Но разве барон Филдинг не умнее и изворотливее какого-то там старичка Боу? И вот уже через час почтальон стучит в дверь особняка упомянутого сквайра.

Хозяин дома проходил мимо двери и слышал, как почтовый служащий интересовался у слуги:

–Миссис Малевольти дома? Ей ценная бандероль. Нужна её роспись.

–Подождите пять минут, я её позову,– с этими словами дворецкий поспешил в комнату Оттавии.

Сквайр остался ждать у двери. «Девичья фамилия, как бич по сердцу для моего самолюбия,– скривился Освальд,– Как напоминание о её невысоком происхождении... Зачем

я согласился оставить ей эту ужасную итальянскую фамилию?»»

Когда жена получила пакет, он потребовал вскрыть бандероль при нём. В послании говорилось о том, что сеньоре Малевольти высылается премия за вклад в цветоводство, и ещё лежало приглашение на следующий семинар.

—Ты вступила в клуб любителей цветов?

—Как видишь.

—Езжай на симпозиум по цветоводству, а то господа садоводы заподозрят, что я оградил твою свободу, и поползут слухи...

—Конференция начнётся уже через час, я побегу переоденусь.

Она даже не сомневалась, что по указанному адресу её будет ждать Орин.

Оттавия надела неприметное платье и шляпку с густой вуалью.

И действительно ей открыл дверь Филдинг со словами:

—Я снял эту квартиру для наших встреч.

Ничего не говоря в ответ, женщина порывисто обняла его, впилась в губы. Быстро скидывая с себя одежду, любовники двинулись к кровати.

Орин двигал телом нарочито медленно, и женщину охватил такой экстаз, что казалось, будто тела нет, а есть некая необъятная субстанция, которая плывёт в пространстве и зовётся блаженством.

Затем влюблённые тесно прижались телами, будто вместо сердец у них магниты, и они непреодолимо тянут их друг к другу.

Юноша упрекал Малевольти:

–Ты обещала прислать письмо первой.

–Но твоя рука болела... И потом, я думала, что после того, как Чезорино напал на тебя, ты больше не захочешь меня видеть.

Он делился мыслями:

–Меня выводит из себя тот факт, что ты живёшь в доме Освальда Боу, и я вижу тебя урывками. Я готов отравить, задушить этого ехиднёнького старикашку.

–Боу, несомненно, пышет к тебе теми же чувствами,– за-верила Отта.

–Я понимаю теперь зачем люди женятся – чтоб не стра-дать вдали друг от друга, всё знать о любимом человеке и быть ему полезным.

–А я всё ещё боюсь, что ты разлюбишь меня...

–Разлучить нас сможет только море. Я ведь капитан, и морская даль уже зовёт меня.

–Ты планируешь плаванье?

–Да.

–Боже, ведь море может поглотить тебя.

–Ну и что. Тогда всё чистое небо станет моим домом. Простор и забвение! Исчезнут тяготы и заботы. Мне не нужна станет пища. Я буду счастлив от того, что ты будешь иногда

смотреть в безмерное пространство на меня. Самые пушистые и мягчайшие подушки и перины из облаков будут моей постелью, и я стану забавлять детей, лепя из них причудливые фигурки зверей, птиц и людей. Может статься, от безграничной свободы и от счастья небытия, я забуду тебя, и ты живи, радуясь каждому дню, потому что от слёз высыхают глаза.

–Паяц! Всё смеёшься! Как можно забыть тебя?

–Вычеркнуть из памяти, не звать и не любить,– шутил дальше Орин.

–Дурачок.

Он налёг на неё и страстно зашептал:

–Давай, я украду тебя. Посажу на свой корабль и прикажу отчаливать в Америку. И заживём, наслаждаясь каждой минутой.

–Мечтаешь, как мальчишка. А как я оставлю своих детей?

–У нас будет куча других детей, своих.

–Но эти дети, что носят фамилию Боу, уже мои. Их ты не собираешься забирать?

–У тебя талант на пустом месте раздувать скандал! Почему каждый раз ругаемся?!

–Мои дети не пустое место! И я не оставлю их на попечение Освальда-изверга, он их замучает упрёками и оскорблениями!

–Но на этот-то раз ты не сбежишь от меня, я надёжно придавил тебя своим телом.

В следующую секунду барон вскрикнул от боли – Оттавия слегка укусила его за плечо. Она вырвалась и схватила одежду.

–Полоумная!– вскричал парень, затем спокойно попросил,– Не уходи, я люблю тебя.

Итальянка замерла. Оглянулась. Орин тянул к ней руку.

–Мои дети не пустое место,– упрямо повторила Малевольти, и, натянув платье прямо на голое тело, выскочила в коридор.

–Опять то же самое!– возмутился он и ударил кулаком в стену.

За ужином барон Филдинг, как только вспомнил обидное расставание, не сдержал эмоций, и на его глаза навернулись слёзы.

–Дядя Орин плачет?– испуганно залепетала Фрэзи,– Мама, он плохо себя вёл, и ты его обещала наказать?

–Дядя Орин ведёт себя не просто плохо, а отвратительно!– сообщила ей мать.

Наяда и Норман во все глаза уставились на молодого капитана.

–Ты и Оттавия порвали отношения?– с надеждой узнавал адвокат.

–Рано радуетесь: я обязательно с ней помирюсь,– пообещал юноша.

Сестра возмутилась:

–Почему ты не хочешь достойно жить, как другие уважаемые граждане Милфорд-Хейвена?

–Потому что от счастья меня отдаляют глупые догмы и нелепые законы, по которым получается, что Оттавия – взбалмошная дамочка, не жалеющая ни дочерей, ни мужа!

–Но это правда,– искренне удивилась Наяда.

–Да она только и делает, что жалеет их, боясь оставить.

–Ты хотел увезти эту безродную итальянку? Похитить? Ты действительно не представляешь, как ранил бы сердца дочерей Оттавии, как обидел бы сквайра Боу.

–Ах, Орин, зачем обижать этого скромнягу и милого дядечку Освальда Боу, он всего лишь подонок и деспот,– надсмехаясь, передразнивал Филдинг сестру, подражая её наставительным интонациям.

Парень ударил ладонью по столу так, что вся посуда жалобно зазвенела. Наяда вздрогнула и выпучила глаза на брата. У неё не было слов при виде столь бурных эмоций.

Фрэзи испуганно уронила вилку.

Молодой человек в запале продолжал:

–Вот если бы вернуть те времена, когда оскорблённые мужья вызывали на дуэль соперника! Я с удовольствием проткнул бы Боу, как зловредную букашку! Но нынче драться с применением оружия модно только в России.

–Ага, убил бы Освальда Боу, и осиротил его детей,– взяла себя в руки сестра.

–Обычно женщины надоедают быстро...– начал было по-

учения Норман.

Но Орин перебил его:

–Только не те, которых любишь.

Сэндлер задумчиво проронил:

–Мальчишка прав. Любимую женщину не легко вытравить из воспоминаний и из сердца.

–О чём ты говоришь?– смеялась над ним жена,– Разве ты способен кого-то любить?

–А ты?– вторил ей муж, лукавил,– Я-то имел в виду Граветин.

Их дочь заплакала.

Норман опять упрекал Наяду:

–Своими сценами напугала ребёнка! Пусть Орин живёт, как хочет.

–Ага, пусть снова приводит свою шлюху для развлечений прямо в наш добропорядочный дом!

–Я скоро в плаванье уйду,– успокоил её брат.

–Слава Великому Господу!– воздела руки к небесам баронесса Сэндлер.

Вечером Наяда вошла в спальню к мужу.

–Ты ошиблась дверью?

Женщина, не обращая внимания на ироничный тон, деловито предложила:

–Единственный способ борьбы с любовью – клевета. Нужно очернить Оттавию Малевольти в глазах Орина. Наш ма-

льш слишком горд, он не простит измену.

–И кто же возьмёт на себя почётную миссию клеветника?

–Ты.

–Хм... Я соглашусь, если ты останешься на ночь.

–Чего ради? Я буду чувствовать себя отвратительно рядом с тобой.

–Что ты теряешь? Всё равно бесплодна...

–Ты не можешь без оскорблений!

Жена выскочила из его спальни.

–Как всегда нашла предлог, чтоб отвертеться от супружеского долга.

10 декабря. Счастливая невеста Шеннон, обряжена в белое платье, украшенное объёмным французским кружевом, в которое изящно вставлены камешки их хрусталя и лазурита. С ней под руку излучающий свет счастья Эммит.

Дэннис похож на маленького гранда.

Оттавия Малевольти в двойном платье полонез. Сзади верхнее платье присборено в две волны, спереди закрывает только бока. Её дочери в платьях наподобие. Все явно умилялись этими девочками и сравнивали с принцессами.

Лэсли в честь свадьбы брата выбрала дорогую ткань для своего унылого платья – бежевый атлас. Артур мрачно осмотрел её наряд, и приколот яркий цветок, который превознёс праздничный вид нехитроственному одеянию.

Когда брачная процессия вышла из церкви, накидывая



шубы, мантию и пальто, и с весёлым гвалтом рассаживалась в кареты, Чезорино шепнул сестре Оттавии:

–Зила сбежала из дома.

–Что-о-о?

–Оставила записку, вот, – брат протянул ей листок.

«Не могу так больше, боюсь вас заразить, вернусь, когда болезнь оставит меня», – бегло прочитала Отта.

–Думаешь, она прознала обо мне с Августой?

–Зила молчаливая и скрытная, ни с кем своих мыслей не делила... Теперь надо всё в вашем доме покрасить – зараза не выносит резких запахов.

–Франческо, наконец, будет жить дома...

–Как он воспринял бегство матери?

–Вон, видишь, какой печальный. По ночам плачет.

Оттавия подозвала племянника к себе. Обняла.

Шептала ему на ухо:

–Мой бесценный, ты можешь жить в освободившейся комнате Эммита сколько захочешь.

–Отта, имей совесть, не отнимай у меня единственного сына.

–Но ты же скоро будешь реставрировать дворец графу Лисбурну...

На молодожёнов обыватели взирали со слезами умиления. Обвенчавшиеся нежно держались за руки, часто искали взгляда друг друга. Всем было ясно, что эту пару объединяет любовь, и их брачный союз будет крепок.

На следующий день Освальд Боу выложил пачку банкнот на стол Норману Сэндлеру в его рабочем кабинете.

Благодарил:

–Спасибо, господин барон, сработано на славу. Даже какая-то старушка, жившая недалеко с упомянутыми дворянами, признала в Шеннон их дочь, и с причитаниями: «Как девочка похожа на усопшую мать» пустила слезу. У меня к Вам есть ещё одно дело.

–Буду рад помочь,– поглаживая купюры, довольно промурлыкал адвокат.

–Мистер Сэндлер, как Вам известно, ваш шурин испортил репутацию моей семьи...

–Вы хотите вызвать мальчишку на дуэль?– подняв брови, с интересом спросил Норман.

–Нет, я хочу, чтоб Филдинг женился на моей дочери Лэсли.

–А Вы расчётливый, самонадеянный рационалист, папаша Боу,– ухмыльнулся служитель закона,– Хотите захватить богатого жениха для своей крошки?

–Которой теперь трудно выйти замуж из-за Вашего поведении Орина,– подхватил Освальд.

–Орин, конечно, болван, но не на столько, чтоб жениться на девушке ниже своего сословия, без приличного приданного, ведь от бизнеса мачехи и братьев ей ничего не причитается, я, как юрист, в курсе всех Ваших семейных дел. И

наш Орин очень привлекательный молодой господин, многие девицы ради его улыбки готовы простить ему любые шалости и глупые выходки.

–Но ведь Вы – главный в семье, так прикажите шурина успокоиться, присмиреть и заняться молодой женой Лэсли.

–С какой стати он будет меня слушать? Я и сам люблю кутить. И с какой стати я должен стараться ради Вас? Мой ответ – нет. И никакие Ваши деньги не уладят это дело.

–Я скажу Оттавии, что отвезу её в соседний город для открытия нового магазина, а сам увезу её к вам в Кембрийское поместье. Ночью в карете она ничего не заподозрит.

Это предложение оглушило Нормана. Он не может согласиться на обман – это незаконно, подло, грубо и низко... Но томная, прекрасная Оттавия манила к себе.

И губы сами сказали:

–А я и не знал, что Вы – стратег и философ, прямо таки мудрое решение.

Сквайр Боу с лёгкой усмешкой заметил, что адвокат не может скрыть за маску безразличия радость.

–Итак, я покупаю в соседнем городе этаж в каком-нибудь доме и оборудую там магазин. А Вы настроите Орина на свадьбу с Лэсли.

–И пока Вы занимаетесь новым магазином, я куплю сестре Илларию билет на корабль или отправлю в санаторий, чтоб она развлеклась и отдохнула.

–Думаю: Оттавия не станет отбивать мужа у падчерицы,

иначе её жизнь в моём доме превратиться в кошмар.

–Вам виднее, Вы должны лучше знать свою жену.

–Если честно, я был с ней, как с женщиной, всего один раз.

–Как так может быть? Вы же тот ещё перчик! И в публичных домах я Вас часто видел...

–Такой уж скверный характер у моей жёнушки.

–Прям, как у моей...

–Вот и Ваша Няяда бережёт себя для большой, чистой любви, если уж не нашла кого-нибудь.

–Ну, только не моя Няяда, она не столь горяча, как Ваша итальянка.

–Ох, смотрите, сэр Сэндлер, как бы Вам не оказаться на моём месте.

–Ерунда! У Няяды в крови благочестие и порядочность.

–Итак, по рукам!

–Договорились.

Норман постучал в комнату к Орину. Вошёл, услышав предложение войти.

По-свойски развалился в мягком кресле, напустил на себя важный вид и деланно проговорил:

–Перед тем, как уйти в море, ты должен кое-что сделать...

–Написать завещание?– с ухмылкой перебил юноша.

–Ну, это само собой... Ты должен жениться на Лэсли Боу.

–Что за глупые шутки?

–Я не шучу.

–Я не вижу существенных причин жениться на почти безродной девке!

–Я, как справедливый человек с благородным сердцем, дал согласие на этот брак, чтоб вернуть семейству Боу отобранную ТОБОЮ честь. Ты любишь Оттавию, а тебе не жаль её подрастающих дочерей? Или ты ждал их взросления, чтоб жениться на «Оттавии» «помоложе»? Чем бы разбил окончательно сердце их матери. Мой совет: женись на Лэсли и забудь о шляпнице.

–Норман, я женюсь на ком угодно, только не на Лэсли! Она же выросла на глазах у Оттавии!

–Не хочешь жениться на дочке Боу? Не женись. Но тогда и я с твоей сестрой жить не буду.

–Но я не люблю Лэсли Боу!– возмущённо протестовал Орин.

–В наших кругах не принято говорить о браках по любви,– осадил его Норман.

–Я убью Освальда Боу! Ишь, удумал, старый чёрт, выдать за меня дочку!

–Очень мудрое решение! И сядешь в Ньюгейт (тюрьму) или отправишься на поселение в Австралию,– иронично поддакнул родственник.

Пылкие чувства юноши угасли, коснувшись о смирение. Орин обхватил голову руками и молчал.

–Молчание – знак согласия. И не забудь наврать Лэсли о

том, что любишь именно её.

–Ты обещаешь более не огорчать сестру?

–Конечно! Отметим твою свадьбу грандиозно, с размахом!

–Нет. Самое скромное торжество.

–Как скажешь...Пойду порадую твою сестру,– потирая руки, заторопился Норман.

Узнав новости, Наяда выпучила глаза, и категорично заявила:

–Это бред! Я против этого неравного брака! Сумасбродство...

–Тогда я обвиню тебя в убийстве сестры Граветин.

–Но это подлая ложь!

–Но мне, как честному человеку, и местному судейскому лицу поверят. Тем более решат, что я молчал все эти годы, потому что жалел старика Остина, который был уважаемым судьёй, а после жалел маленькую дочь.

–Какой ты подлец...

–А Освальд Боу, наоборот, плакал и называл меня благодетелем. Надо же как-то исправлять ошибки твоего брата.

Наяда отступила.

Она уже слабо возражала:

–Ты хоть представляешь, какой гадюшник будет дома, когда мы будем приглашать родителей невесты? Все гости будут пялиться, как на театральное действие, на встречу маче-

хи и той, которая увела её любовника.

–Оттавия благоразумна, и на обществе не выкажет ничем своего призрения.

–Сильно сомневаюсь на счёт её благоразумности. Не ты ли был свидетелем того, как эта итальянка влезла к Орину в окно?

–Можно после свадьбы не звать родителей Лэсли. Я думаю, Освальд Боу всё поймёт.

Освальд Боу специально выбрал время, когда Лэсли пришла с утренней прогулки, а Оттавия собиралась идти с инспекцией в один из магазинов вместе с Артуром.

Глава семьи заявил:

–Я так счастлив, что не могу терпеть с сообщением до ужина.

Домашние с любопытством уставились на папашу.

–Барон Орин Филдинг сделал предложение нашей Лэсли.

Оттавия, схватив подсвечник, ударила им со всей силы по шляпке падчерицы, которую девушка небрежно бросила на табурет. Лэсли взвизгнула. Старший сын увёл мать на кухню.

–Миссис Дирк, где у нас успокоительное?– спросил парень у пожилой служанки.

–Миссис Дирк, налейте бренди!– скомандовала Отта,– Артур езжай по делам, всё в порядке.

–Точно?– переспросил сын.

–Да. Я уже взяла себя в руки.

Артур ушёл.

–Наливайте себе тоже,– распорядилась хозяйка дома.

–Но разве...

–Наливайте.

Женщины выпили залпом три стопки.

–Вы такая хорошая женщина, миссис Дирк, я Вас так ценю...

–Я Вас безмерно уважаю, миссис Малевольти.

Они обнялись.

Вдруг Оттавия хохотнула.

–Если бы Вы видели, какую уродливую форму приняла шляпка Лэсли!

–О, я слышала, как её обладательница противно завизжала.

И обе прыснули со смеху.

–Папа, а Орин Филдинг любит меня? Что он тебе говорил, когда сватался?– допытывалась Лэсли.

–Ну-у-у...говорил, что ты милостивая, воспитанная девушка,– перечислял её достоинства папаша, заметив, что это не впечатляет его дочь, которой хочется романтики, откровенно начал врать,– Барон говорил, что полюбил тебя, как только увидел, и хочет видеть тебя подле себя всегда.

Глаза девушки разгорелись.

–Папа. Почему же он мне сам ничего не говорил?

–Ну-у-у...наврное, стеснялся...он ведь так ещё мо-



лод... Он просил сказать о своей любви Оттавию. Разве она тебе ничего не передавала?

–Нет.

–Вот стерва!

–Теперь понятно, почему она сбесилась. Не хочет, чтоб я вышла замуж за богатого жениха с отличной родословной. Она всегда ненавидела меня.

Отец дал денег дочери и отправил её с экономкой покупать свадебные наряды.

Подвыпившая жена вошла в его кабинет.

–Филдинг сам просил руки Лэсли?

–Я договорился о свадьбе с Норманом Сэндлером, но барон Филдинг не возражал.

–Пройдоха!

–Успокойся, ты, ретивая итальянка! Этот брак нужен всем нам для блага семьи. Теперь не будет никаких сплетен. Ты выступишь в роли сводницы для двух «влюблённых» Орина и Лэсли, которая, якобы, доставляла любовные письма молодых людей.

Оттавия навзрыд заплакала. Она пошла к двери.

–Будешь не в меру пить спиртное – отравлю!– крикнул ей вслед муж.

–Да пошёл ты...

Чезорино и Августа обнимали друг друга в гостинице.

–Как долго я ждал этого момента,– шептал счастливый

мужчина.

Женщина крепко приникла к нему, и так они простояли в прострации, наслаждаясь мигом свидания, незнамо сколько.

На обручение 15 декабря Сэндлеры пригласили Лэсли с отцом в свой дом.

Наблюдая за мисс Боу, Наяда и Орин нашли, что жесты девушки преувеличенно жеманны. «Кривляка,— подумал про себя Филдинг,— Носит нарочито простенькие фасоны, но при этом ведёт себя, как полусонная принцесса самых голубых кровей».

Орин напрямую спросил, надеясь, что Лэсли расплатится и отвергнет его:

—Мисс Боу, Вы меня любите?

—Наверное... Ой, конечно!— горячо поправила она.

Юноша усмехнулся этому «наверное».

Освальд Боу мило разулыбался: мол, ребёнок ещё.

Лэсли, когда их провожала Наяда до выхода, специально замедлила шаг, и полушёпотом спросила у будущей родственницы:

—Позволительно ли жене требовать ласки от мужа?

—Ни в коем случае!

Очередной номер «Газетт» сообщил о помолвке Орина Филдинга и Лэсли Боу.

23 декабря. День свадьбы барона Филдинга с дочерью

сквайра Боу.

Вошедший в спальню Орина камердинер Руперт Буркс с порога выдал:

–Не могу представить Вас, сэр, в более неприглядном и нелепом виде.

–Извини, дружище, я измял костюм. Но, в последнее время, диван притягивает меня, будто магнитом.

–Снимайте одежду, я отнесу её Джоанне, она погладит.

–Можете не торопиться оба.

–Опаздывать на венчание – плохая примета.

–Вот и хорошо.

Когда Буркс с костюмом поравнялся с дверью, барон окликнул слугу:

–Руперт, ты мой камердинер...и лучший друг...останешься дома или хочешь испытать судьбу в плаванье?

–Я поеду с Вами, сэр. Давно мечтал посмотреть на мир.

Оттавия в красном приталенном платье вошла в дом Филдингов через парадный вход. Её плечи прикрывал малиновый карминовый палантин, вышитый золотом и с внутренней стороны утеплённый мехом лисы. Волосы женщины украшали золотые ленты и алая роза.

–Обряженная в такой ярко-красный цвет, ты выглядишь цыганкой,– ворчал её муж.

Жена хмыкнула.

–Ты точно не устроишь скандал?– настороженно пере-

спросил Освальд в сотый раз.

–Трудно сказать. Представляешь моё «радостное» расположение духа, если мне хочется придушить виновников торжества?

–Надо было сказать, что ты заболела.

–И вызвать новые подозрения толпы? Я буду улыбаться назло всем...и назло себе.

Наяда издали разглядывала обворожительную итальянку и думала: «Я не удостою этой особе ни малейшего внимания».

Чета Боу приблизилась к ней. Сквайр рассыпался в любезностях. Оттавия улыбалась так приветливо, будто никогда ранее не вызывала скандалов. И тут Наяда поняла, что не может быть на столько неучливой, чтоб не ответить на приветствие. Она не мужчина и вызвать на дуэль обидчицу-итальянку не может. И миссис Сэндлер осыпала чету Боу ответной фальшивой лестью.

Затем заговорили на хозяйственные темы.

Норман поддерживал разговор, нахваливая собственные старания.

Всё же Оттавия избегала смотреть в лучезарные глаза Наяды, будто всё время кого-то искала в толпе.

–Где же Орин?– начала проявлять беспокойство миссис Сэндлер.

–Да, надо уже ехать в церковь,– подхватил отец невесты,– Артур и Эммит уже давно увезли туда Лэсли.

Но вот толпа расступилась, пропуская жениха.

Проходя мимо Сэндлера, Филдинг полушёпотом сказал:

–Растяни улыбку до ушей, Норман, я исполнил твою волю.

«Скорее он сказал это для стоящей рядом Оттавии»,– по-

нял адвокат.

Малевольти усилием воли повернула голову к жениху и медленно кивнула. Орина окатила волна жара и стыда.

Гости направились к выходу, предстояла поездка к церкви.

Стоя у алтаря, Филдинг бегло глянул на руки невесты, и вяло поинтересовался:

–А где кольцо, которое я подарил тебе в библиотеке?

–Сдала в ломбард и купила на вырученные деньги новые платья,– прошептала в ответ Лэсли.

Священник, читающий наставленья, недобро покосился на брачующихся.

После обоюдного «да», Орин быстро чмокнул невесту, и повёл её на улицу.

Довольный Освальд Боу расцеловал дочь в обе щеки. Мачеха растянула губы в подобие улыбки.

–На сердечные поздравления вид Оттавии не тянет,– заметил Норман жене.

Взгляд новоиспечённой баронессы Филдинг сверлил мачеху. Малевольти питала те же чувства: «Ненавижу Лэсли. Но, кажется, я сама взрастила этого монстра. Своим безраз-

личием и презрением я воспитала себе врага».

За столом Наяда сделала мужу замечание:

–Сэр, Вы совсем не обращаете на меня внимания, могли бы вести Светскую беседу или развеселить забавным рассказом.

–А, по-моему, всем заметно, как я наслаждаюсь общением с Вами, душа моя,– выкручивался Норман.

–Вот как? И как я могла не заметить знаков внимания? Вы вели со мной диалог жестами на глухонемом языке?

–Это всё Ваша невнимательность, леди, я же старательно Вам подмигивал!

Лэсли прыснула со смеху, закрыв рот салфеткой.

Наяда укоризненно глянула на неё.

Орин не поднимал глаз от своей тарелки, ему казалось, будто Оттавия осуждающе с ненавистью смотрит на него.

После торжеств молодожёны остались наедине в спальне жениха. Орин с тоской смотрит в окно, ожидая появления в нём Оттавии, но чуда не происходит, его любимая женщина не хочет за него бороться.

Сзади Лэсли робко просит:

–Расскажи, как ты любишь меня.

–Всё это было кем-нибудь когда-нибудь сказано.

–Ну и что? Я хочу услышать это от тебя твоими словами.

–Я устал от обилия народа и хочу отдохнуть, потому сей-

час не расположен к романтическим изыскам.

Он подошёл к ней, помог освободиться от платья. Через тонкую ткань сорочки просвечивались её панталоны и совсем крошечные груди. Девушка зажалась, смутилась. «Жеманная недотрога», – подумал новоиспечённый муж. Лэсли юркнула под одеяло. Орин скинул свою одежду, оставаясь в нижнем белье. Молодую жену трясло от предвкушения неизведанного, она не могла побороть девичий страх.

–Замёрзла?– не понял её юноша.

–Да, это от тебя веет зимним холодом.

–Надо было выходить замуж не за северянина-англичанина, а за африканца, он бы согрел тебя горячей, запеченной на солнце кожей.

Мужчина отвернулся и уснул.

Оттавия пребывала в заторможенном состоянии. Стояла у окна своей спальни и смотрела на тёмное окно спальни Орина. Слез не было, но горечь утраты жгла сердце.

Кто-то вошёл. Она оглянулась.

–Пришёл поиздеваться?– спросила женщина у мужа.

–Напротив, Отта, я понимаю тебя: больно терять дорогого человека.

–Ты и вдруг сочувствуешь?

–Только работа или отдых вдали от дома отвлечёт от унылых мыслей.

–Ты прав, Освальд, мне надо развеяться,– согласилась От-

тавия, неожиданно назвав мужа по имени.

–Я прикупил магазин в соседнем городе, взглянешь завтра?

–Конечно. Хотя, постой, скоро же Рождество.

–Дела и в праздники – дела. А сейчас выпей успокоительное и ложись спать.

–Пойду, лягу с девочками.

На следующий день вечером сквайр Освальд Боу объявил жене:

–Собирайся, поедем. К утру как раз будем на месте.

–Почему едем ночью?– удивилась жена.

–Нам же надо успеть к открытию магазина.

Разглядев на сёдлах чужого извозчика, Оттавия опять удивлялась:

–А где наш кучер?

–Запил. Ты, что, до сих пор боишься меня?

Итальянка хмыкнула и пригрозила:

–Только попробуй что-нибудь учудить.

Под стук колёс и монотонное укачивание она задремала, потому, сколько ехала карета определить не могла.

Её разбудил голос мужа:

–Приехали.

Боу услужливо открыл дверцу перед женой, и в карету заглянула лохматая, огромная бело-серая староанглийская овчарка. Женщина вскрикнула. Её подхватили сильные муж-



ские руки. Но на землю ставить не спешили. Вместо этого её перекинули через плечо и понесли к коттеджу. Вокруг сновали другие овчарки и колли. «Это не город, а чья-то вилла», – мелькнуло в голове Оттавии.

–В чём дело? Что происходит?– не понимала итальянка.

Никто ей не отвечал. Она подумала, что муж собирается её убить, и нанял убийцу.

–Помогите!– закричала Отта.

–Не бойтесь, я не собираюсь Вас убивать,– успокаивал её голос Нормана Сэндлера.

–Сэр Сэндлер? Где мы?

–В моём поместье в горах.

–Но почему я здесь?

–Это наша сделка с Вашим мужем, но...

Она перебила его:

–Негодяи! Я пожалуюсь в суд!

Сзади кричал Боу жене:

–Никто тебе не поверит! Я буду всем говорить, что был здесь по приглашению вместе с тобой! А ты взъелась на адвоката за то, что он благопритствовал браку Орина и Лэсли! Кучер тоже будет молчать, ведь он обязан адвокату освобождением от ссылки.

В помещении Норман поставил Оттавию на ноги. Он испытывал радостное возбуждение от предвкушения сладких поцелуев красавицы. Но получил звонкую пощёчину. Без парика он тоже был очень хорош, обрамление белых волос де-

лало лицо светящимся, а чёрные глаза горели на нём неистово и ярко.

Женщина попятилась.

–На помощь!– опять крикнула она в надежде, что кто-нибудь из слуг вызовет полицию.

–В имении мы одни. Сестру отправил в путешествие, слуг отпустил в праздничный отпуск.

Мужчина приближался. Она снова с ненавистью залепила ему пощёчину.

Норман покачал головой и упрекал:

–Вот она благодарность за мои благие деяния. Это ведь я настоял на том, чтобы сквайр Боу женился на Вас.

–Лучше б я одна воспитывала двойняшек, чем оказалась в одном доме со стариком Боу!

–Но тогда б ты никогда не встретила Орина.

–Теперь я понимаю, кто постарался побыстрее женить Орина на Лэсли.

–Ошибаетесь. Инициатор – Ваш муж. А я не знал, как сблизиться с тобой, и вот пошёл на это похищение...

Она опять била его по лицу, пощёчина за пощёчиной, но он только вожделенно, страстно смотрел на неё с таким обожанием поедая глазами, что Оттавия ощутила себя беззащитной перед огромной силой мужского желания, исходившего от него. Он поймал руки Отты, и вцепился губами в её рот с таким парализующим напором, что у неё пошла кругом голова. Норман расслабился, выпустил руки жертвы

и обхватил её спину. И она вновь пустила в ход руки, больно ущипнув насильника. Адвокат ударил её по лицу, Оттавия заплакала, закрыв лицо руками.

Мужчина со слезами осыпал эту щёку поцелуями, шепча:  
–Прости, прости.

Но, не дав ей опомниться, он сорвал с неё пальто и разорвал платье. Бельё через пару минут тоже полетело на пол.

–Боже, это потрясающее зрелище старик Боу видит каждый день!– пришёл в восторг от рельефных форм Отты Норман.

Эти налитые прелести не шли ни в какие сравнения с худощавой фигурой его жены.

–Я не сплю с Боу все эти двенадцать лет!– возмущённо возразила Малевольти.

–Напрасно. Чем больше мужчин, тем больше опыта... А я не верил Боу, что жена его игнорирует... Может, этот старикашка только хорохорится, а сам уже не способен оценить женщину по достоинству?

–Норман, не надо заходить так далеко,– взмолилась Оттавия,– Дайте мне одежду Вашей сестры и отвезите домой.

–Поздно. Я не остановлюсь на пол пути...и к тому же...я всегда любил Вас, Оттавия.

Он схватил её на руки и унёс в спальню.

Женщина со страхом напряглась на кровати, ожидая побоев и надругательств. Норману хотелось дотронуться до каждой части тела Оттавии. Он не мог насладиться запа-

хом её тела. Ему казалось, будто он плавится, как воск, возле неё, и при этом погружается в неопишваемое блаженство. Мужчина изморительно долго целовал её ноги, живот, руки, шею... Она подчинилась наплыву страстей. Ей вдруг захотелось прижаться к горячему телу Нормана, хотелось, чтоб он продолжал целовать её также неистово. И женщина прильнула к источнику ласк резко, порывисто. Глаза мужчины вспыхнули радостью и торжеством. Они сцепились губами в поцелуе, освободившись от обид, стеснений и последних угрызений совести. Они так сильно хотели утолить жажду любви, что слегка покусали друг другу губы. И с криком блаженства отпраздновали факт соития тел.

Оттавия ждала, когда Норман уснёт, чтоб убежать, но на него её образ действовал слишком возбуждающе. Утомлённая любовью Отта засыпала у него на плече, а когда просыпалась, мужчина тоже открывал глаза.

В очередной раз её сморил сон. Норман вглядывался в спящую. Волосы разметались по подушке, сонное лицо напряжено, её руки шарят по одеялу, взмывают вверх, словно ищут кого-то. Он гладит её по щеке, она успокаивается и засыпает крепче, доверительно прижавшись к нему.

Ему кажется, что она спит бесконечно долго.

Женщина открыла глаза, окончательно проснувшись. Она лежала в объятиях Нормана.

Мужчина оправдывается, глядя ей в глаза:

—Я понимаю, что напал на тебя, как половой агрессор... но

иначе я не мог... Я так давно мечтал о тебе. Желал, боготворил...

—Ты всегда насилуешь божество?

Норман тихо засмеялся.

Затем вожделенно шептал:

—Отт, моя Отт. Правду говорят: женщина, как мята, чем больше мнёшь, тем ароматнее.

Призывно-глуховатый голос мужчины обещал море наслаждений, сердце щемило от предвкушений. Она забыла об Орине. На Земле были только она и Норман, утонувшие в кипучей страсти. Оттавии вновь хотелось раствориться в потоке волшебных ощущений, когда не знаешь какой нынче час, и сколько прошло времени с момента близости.

Они не знали, сколько прошло суток, им не хотелось вставать с кровати и выпускать друг друга из объятий.

В дверь кто-то позвонил.

—Боу прислал кучера за тобой...

Эти слова вернули Оттавию в действительность. Норман ничего не сделает, чтобы быть рядом с ней, тогда как Орин хотя бы делал попытки увезти её в Америку.

Пока Норман, накинув халат, выходил, она оделась в одежду Иллари.

Войдя, Сэндлер с болью в глазах воззрился на неё.

—Я люблю тебя, Оттавия. Безумно люблю. Я взял тебя насильно, как подлец, не хуже Освальда Боу...Прости меня. Давай встречаться.

–Я не люблю Вас, мистер Сэндлер.

Не обращая внимания на её категоричность, мужчина объяснялся:

–Я любил тебя всегда. Любовь проснулась с первого взгляда, когда я увидел тебя обиженную на весь белый свет, заплаканную девочку. А когда ты шла к алтарю с этим стариком, я чуть губу себе не откусил от сожаления. Я совершил глупость, я должен был добиваться тебя по-другому, но этот Орин...

–Преступление Вы называете глупостью?– задохнулась от возмущения Отта.

–Прошу тебя, Отт, соглашайся встречаться со мной.

–Норман, почему ты медлил с любовными объяснениями столько лет?

–Прости меня! Эти женитьбы, карьера...Я всё откладывал...

–Ты никогда не добивался меня честно, открыто, а ждал момента, как змея за камнем.

–Нет, Оттавия, нет.

–Ты хотел благочестивую жену, карьеру и в придачу покладистую секс-рабыню Оттавию! Вот что ты хотел. Это не любовь. Это расчёт.

–По-твоему, на любовь способны только глупые мальчишки и выжившие из ума старики?

–Способен ли ты, Норман, любить без оглядки, забыв обо всём?

–Да!– с жаром закричал мужчина,– Мне уже не важна карьера, не нужна жена Наяда, я хочу только тебя.

–Мы будем жить здесь?

–Так быстро дела не делаются.

–Отговорки. Да и зачем мне Норман, если я люблю Орина?

И Отта пошла к двери.

Сэндлер поймал её за руку, взглянул в глаза. Там была усталость и ни капли сожаления оттого, что сейчас она покинет его.

–Твоё тело было моим, оно даже отвечало мне взаимностью...но душа твоя осталась принадлежать Орину! Но, может, ты всё же забудешь этого пацана? Может, стоит повторить те мгновенья, когда мы таяли от счастья?

–Зачем? Я отвлеклась от мыслей об Орине на несколько дней, но вот опять думаю только о нём.

–Он сейчас с Лэсли.

–Никакая Лэсли не удержит МОЕГО Орина возле себя.

–Как я не усердствовал – результат довольно скромный.

–Наверное, ты поспешил: я ещё не забыла Орина. Мы в ссоре с ним, но я знаю: мы будем вместе наперекор всему.

–Ты говоришь это, чтобы позлить меня!

–Нет!– и она прошла к выходу.

–Оттавия! Я буду ждать тебя, только позови!

А когда карета подъезжала к Милфорд-Хейвену, Оттавия попросила остановить у ближайшей церкви.

Упав на колени перед распятием, Отта плакала и каялась:

–Боже прости меня! Я уже не в праве называться твоим подобием... Как я могла отвечать на ласки Нормана? Боже милостивый, наставь меня, грешную, на путь правильный, истинный, божий...

Орин Филдинг ушёл в плаванье. Росс для испытания послал его в Финляндию за пенькой и брёвнами. Он уплыл 30 декабря. Чезорино Малевольти отбыл в резиденцию графа Лисбурна того же числа. Августа проводила его. Итальянец долго целовал уста любимой женщины, оба плакали и говорили слова любви.

А без пяти двенадцать ночи слуга в доме Драммондов упал в обморок при виде покойного хозяина Бернхарда с окровавленным лицом.

Ухмыляясь, привидение перешагнуло через слабонервного мужчину и открыло дверь в комнату Августы.

Та сидела за столом и перебирала гербарии. Многие цветы и растения были привезены свёкром Айвором из дальних стран и были диковинны для здешних обывателей.

Женщина в крайнем испуге выронила гербарий с ярким цветком.

Она сожалела:

–Надо было воткнуть тебе в сердце осиновый кол и забить кирпич в рот, чтоб ты никого больше не тревожил. Как же я могла забыть...



–Ты – глупая баба, Августа, это же была моя лаборатория! Разве я позволил бы вам отравить себя? Эта кровь на лице – маска для легковых. А то снадобье, что я выпил, вызывает лишь глубокий сон, сродни летаргическому, с замедлением работы сердца и дыхательных процессов.

Изверг приближался к незащитной женщине, протягивая руки к её горлу, как вдруг в комнату вошёл Залман.

Подросток в смятении замер, не веря глазам.

–Папа?

Бернхард, многозначительно растягивая слова, вопрошал сына:

–Хочешь быть могучим и бессмертным?

–Не верь ему! Он всего лишь человек, возомнивший себя вампиром!

–Но он же...– Залман осёкся, увидев, как из-под полы плаща отец достал пистолет и направил дуло на мать.

Злодей Бернхард сообщил:

–Хотел по-тихому расправиться с женой, теперь же придётся стрелять по двум мишеням... Потом придёт черёд Билинды...

Пока отец говорил, Драммонд-младший достал из кармана серебряный портсигар и запустил им в голову говорившему.

Бернхард охнул и выронил пистолет от неожиданности. Сын бросился на изувера. Они повалились на пол, барахтаясь.

Августа схватила со стола тяжёлую шкатулку, рассыпая содержимое с брошками и бусами, размахнулась. Удар пришёлся по плечу мужа.

—Что у вас за грохот?— в дверях появился Айвор.

Разглядев в борющихся внука и сына, бравый старик схватил раскалённую кочергу и направился к ним.

Бернхард отшвырнул от себя пятнадцатилетнего Залмана и стал отползать к окну.

—Папа, папа, ты же не причинишь мне вреда,— залепетал бывший эскулап.

—Выродок и убийца должен быть меченым, чтоб ты боялся показаться днём честным людям на глаза.

Драммонд-старший прижёт щёку сыну. Дом наполнил вопль. Бернхард вскочил. Старик охаживал его кочергой по плечам. Пальто на кровопийце загорелось, он бросился к окну и высадил окно, упав со второго этажа. Пылающим факелом Бернхард бежал от дома.

—Августа?— удивился Норман, подняв голову от конторских бумаг.

Он привстал от неожиданности из своего креста.

—Здесь нас никто не услышит?

—Нет. Присаживайся, пожалуйста. Проблемы?

—Я побоялась доверить бумаге нашу тайну.

—Что случилось?

—Бернхард нас обманул! В бутылке было снотворное! А

после он подкинул чужой труп.

–И где ты его видела? Он угрожал тебе?

–Он заявился в мою спальню! Теперь, надеюсь, он на небесах. Но для мертвеца он слишком быстро удирал. Мне надо было предупредить тебя об опасности, он собрался мстить всем, кто его разоблачил. Мне так страшно и тяжело...

–Выпьешь?

–Немножко.

Адвокат разлил лимонный ликёр по бокалам.

–А, может, Бернхард на самом деле вампир? И убить его может только осиновый кол?– устало спрашивала миссис Драммонд.

–Глупости. Почему англичане склонны верить в привидения, в ведьм и вампиров? Я поговорю с полицейскими, навру, что вас пытались ограбить, пусть несут караульную службу у вашего дома.

–Спасибо, Норман, ты – настоящий друг.

Чезорино Малевольти предстал перед графом Лисбурном. Граф оказался таким, каким представлял его итальянец: пресытившийся излишним вниманием вельможей, надменным и уставшим. Лисбурну на вид не было ещё и тридцати.

Хозяин особняка забросал скульптора вопросами. Остался довольным краткими, но точными ответами.

Затем граф повёл Малевольти по дому, показывая, где какие отделки и переделки он хотел бы видеть. Особняк, конечно, уже не соответствовал тенденциям современной моды, и реставратор соглашался, что многое надо поменять.

Между ценными поручениями, Лисбурн без умолку рассказывал о себе:

—Я решил пожить пока в провинции. Устал от суеты Лондона. Здесь не надо бежать к знаменитому портному Уэстону. Здесь соседям плевать, что тебе совсем нет времени прочесть Расина, Корнеля, Бомарше, Мольера и Мильтона. Здесь не надо вставлять в разговор фразы модных философов Руссо, Вольтера и Даламбера. Кстати, здесь жизнь кипит ни чуть не медленнее. Весь Уэльс зияет дырами угольных шахт, но иначе нельзя — цивилизация зачахнет без топлива: люди замёрзнут, фабрики и заводы остановятся, и дикие звери придут в города. Конечно, я буду время от времени ездить в Лондон. Наш принц Уэльский теперь регент при короле, а он мой друг. Да и провинциальные театры разве сравнятся со столичными? Вот, кстати, сначала займётесь преобразованием домашнего театра. Сцена допотопна, отделки золотом совсем мало, ну, сами увидите.

Чезорино кивал словоохотливому графу, иногда бормотал: «Как прикажете, милорд».

Граф остановился у двери в западное крыло здания и заявил:

—А туда вход запрещён.

–Неужели там ничего не надо реставрировать?

–Надо. Но там нежилое помещение.

–С Вашими деньгами – это не проблема.

–Вы не поняли, эту дверь вообще нельзя открывать.

–Как будто там запретная территория другого государства с секретным военным объектом,– позволил себе съиронизировать итальянец.

–Вот теперь Вы всё правильно поняли.

–Зря Вы создаёте тайны, люди могут подумать, что Вы прячете там контрабандный товар.

–Пусть думают что хотят, лишь бы не разбегались в разные стороны от дворца.

–Договаривайте. Я умею хранить тайны.

–Я не на столько глуп, чтобы разглашать тайну новому человеку. Отобедайте на кухне и приступайте к работе, мистер Малевольти.

–Как прикажете, милорд,– отозвался наёмный работник.

После перекуса Чезорино заставил слуг замерять сцену и нужные детали декора.

Ему протянул руку для знакомства какой-то юный рыжий субъект с хитрой физиономией изысканно франтовато одетый.

–Кэдвин Баркер, сквайр.

–Чезорино Малевольти. Вы родственник графа?

–Я – актёр в его театре. Лисбурн пожаловал мне титул и дал немного земли,– хвастал молодой человек,– Теперь я

сквайр.

–Шутам и прихлебателям, что веселят персон из высшего общества, всегда перепадают изрядные «крохи» со стола господ и королей,– злобно осветил это дело один из пожилых слуг.

–Папа, Вам бы радоваться за меня, а не злословить,– обиделся Баркер.

–Поменять свою фамилию на чужую, тьфу,– не унимался седовласый мужчина.

Актёр отмахнулся от отца:

–Живописец Доменико Теотокопули по кличке «Грек» из Толедо, где жил в иудейском квартале, также поменял имя на Эль Греко и прославился.

–То псевдоним, дурень.

–Если бы Вы, папа, поменьше трепали языком, то все бы думали, что я ношу титул по праву рождения.

–Сэр Баркер, можно с Вами поговорить наедине?– играя на честолюбии юнца, спросил итальянец.

–Чтобы нам никто не докучал, можно пройти в мою гри-мёрную.

Оказавшись в изолированном от лишних ушей помещении, Малевольти узнавал у актёра:

–Как давно Вы работаете у графа?

–С детства,– ухмыльнулся парень.

–Тогда Вы должны знать почему половина здания пустует.

–Вообще-то Лисбурн сознательные годы провёл в Лондо-

не, блажь жить на периферии на него нашла недавно.

–Намекаете, что и Вам ничего не известно?

–Но почему же... Я – лицо, приближённое к графу...

–Да говорите быстрее, я же всё равно проведаю о тайне!

–Лучше самому всё увидеть.

–Увидеть?

–Ну да. Я подожду Вас поздно вечером здесь, в гримёрной, и проведу по заброшенной части дома. Часиков в 12 ночи Вас устроит?

–Договорились.

В назначенный час Чезорино и Кэдвин отворили рамы в нежилой части дворца и перелезли через окно.

Леденящий озноб охватил итальянца и его спутника. Актёр зажёл небольшую масляную лампу. По тёмным стенам дома запрыгали тени. Половицы паркета, казалось, скрипели со всех сторон. Их резкий звук неприятно резал уши. Шторы колыхались, хотя не было и намёка на ветер. И тут до Малевольти дошло, что эта сторона жилища необитаема из-за привидений. И точно: от одной из стен отделилась тень дамы и прошла впереди обомлевших, уйдя в противоположную стену.

Искатели приключений отчётливо услышали стон, а затем крик:

–Где моё кольцо?

От этого крика люстра стала раскачиваться так, что на го-

ловы мужчин посыпались куски хрусталя.

Служители искусства переглянулись и пустились спасаться бегством.

Стоило художнику ступить из окна на землю, как его привёл в чувство голос нанимателя:

–Мистер Малевольти, Вы не успели появиться в моём доме, а уже суёте нос не в свои дела.

–Простите, милорд.

–Мистер Баркер, Вам должно быть стыдно. Разве джентльмен должен раскрыть чужие тайны?

–Я осознаю свою вину, милорд.

–Как же вас наказать?

–Мы и так наказаны страхом, милорд,– мямлил Кэдвин.

–Помолчите, мистер Баркер. Мистер Малевольти, может, попробуете изгнать местное привидение? Есть соображения по этому поводу?

–У меня не было мистического опыта... В этом лучше разбираются священники...

–Мистический опыт... Да, магия подарила нам науку: алхимики открыли кучу полезных веществ... У меня есть мнение: талантливые люди даровиты во всём, попробуйте что-нибудь придумать по ликвидации привидения,– не сдавался граф.

–Почему призраков так притягивает Англия?– вырвался вопрос у итальянца.

–У нас частый гость – туман, а привидения тоже имеют



нечёткую структуру с дымкой. Вот они, видимо, и бродят вольготно в тумане, общаясь с такими же несчастными изгоями из рая,— предполагал Лисбурн.

—Неуспокоенный дух дамы требовал кольцо,— вспомнил Чезорино.

—Вы серьёзно думаете, что надо отдать драгоценность?— усмехнулся граф.

—Надо попробовать.

—Ну и как дух наденет украшение на призрачный палец?

—Дайте мне то, что требует эта дама, а я попробую с ней договориться,— загорелся идеей Малевольти.

На следующую ночь Чезорино вошёл в злополучную комнату. Он насторожился: незримый дух был рядом и дышал холодным дуновением. Мужчина резко оглянулся. Призрачная дама злобно засмеялась и стала приближаться. Итальянец вынул из под полы плаща вазу, а затем достал из кармана обручальное кольцо с гравировкой и бросил драгоценность в сосуд. Глаза духа загорелись огнём. И призрак ринулся струёй в вазу, которую Чезорино сразу закрыл крышкой и запаял церковной свечой.

На улице он передал вазу Лисбурну со словами:

—Ваша Светлость, можете закопать сей сосуд куда подальше.

Восторженный граф взял из рук Малевольти вазу, приложил к ней ухо. Тишина. Ни стопа, ни шороха.

–Выброшу вазу в море,– сообщил Лисбурн.

И вдруг дух глухим голосом стал пугать владельца этого дома:

–Если ты выбросишь меня в море, то твою жену Лауру будет ждать та же участь: бродить по дворцу в поисках кольца до скончания времён.

–Но у меня нет жены Лауры,– пожал плечами граф.

Чезорино пошёл осматривать нежилую часть дома. Делал пометки и зарисовки для реставрационных работ.

Неожиданно в одной из комнат он наткнулся на пятно крови на паркете.

–Ещё одно привидение?– вслух спросил Чезорино.

Сзади кто-то набросился, сомкнув руки на его шее. Итальянец резко наклонился, и нападающий перелетел через его спину. На полу перед ним оказался Бернхард Драммонд с обожжённым лицом. При виде заклятого врага бывший доктор злобно оскалился.

–Свежая кровь поможет мне одолеть тебя, итальяшка!– прорычал Драммонд,– Я не добрался до твоего мальчишки, но ты-то никуда не денешься!

–Ублюдок, ты хотел причинить зло моему сыну!– распался Малевольти.

И тут люстра, что осыпала прошлой ночью реставратора и актёра осколками, рухнула на голову Драммонда.

Итальянец позвал слуг и графа, рассказал, что знал этого убитого.

Они нашли, где прятался беглый барон и ещё свежую кровь в кувшине под кроватью. Ещё там обнаружили сундук из чёрного дерева. Слуги и граф боялись его открыть, все посмотрели на Чезорино. Тот вздохнул, и, поколдовав с замком, открыл его с помощью ножа.

—О, здесь полно денег и драгоценностей,— ахнул итальянец,— Этот злодей украл их у своей семьи!

Домовладелец же уверил:

—А я думаю: драгоценности теперь Ваши, мистер Малевольти, ведь любой мужик таит записки от семьи. Я думаю, что его жена ничего не знала об этих грязных деньгах.

—Этот человек был, вероятно, вампиром,— поведал Чезорино,— Его не так давно похоронили, и вот я наткнулся на него здесь...

Лисбурн послал за священником и за знающими стариками, что ведали, как хоронить вампира.

Граф оценил заслуги Малевольти, отныне реставратор обедал вместе с ним.

Как-то за разговором во время ужина Лисбурн предложил:

—Я кроме денег хочу сделать для Вас подарок. Титул.

—Не думаю, что король подпишет такой документ какому-то итальянцу.

—Король не видит, не слышит, впадает в помешательство. От его имени можно творить такие дела... Конечно, «он» подпишет указ о присвоении Вам дворянства, были бы день-

ги.

Орин Филдинг, стоя на мостике, рассказывал юнге Фрэду Спенсеру о течениях:

— У морских течений бывает температура вод выше или ниже температуры окружающих вод. Тёплые течения направлены из низких широт в высокие, например Гольфстрим. А холодные течения — из высоких широт в низкие, например Лабрадор. Течения с температурой окружающих вод называется нейтральным.

На горизонте показались корабли. С каждым часом они подплывали всё ближе, и никаких флагов на них англичане не рассмотрели. Кто-то бдительный звонил в судовой колокол — рынду. Издали кораблики совсем не были похожи на опасные военные фрегаты, скорее напоминали детские, милые игрушки.

Филдинг вбежал в свою каюту, сверился с морской картой. Сбоку была помечена длинная коса, а сесть на отмель и застрять надолго не хотелось, и капитан решил придерживаться того же курса. Для себя он отметил, что лучше плавать не ближе к берегу, а по караванному пути, и удирать есть куда, и вероятности больше, что на виду других кораблей никто из пиратов не осмелится атаковать.

Боясь сесть на мель, Орин не гнал корабль по ветру, и их вскоре догнал неприятель.

С чужого корабля на шлюпке приплыли парламентёры. На

ломаном английском спросили где командующий состав.

–Лучше вам сдаться без боя. Зачем нужно кровопролитие?– обведя глазами команду, подначивали пираты.

Филдинг назвал своё звание и представился перед врагами.

–Мы не будем вести переговоры с мальчишкой,– поддразнивал юного капитана пират с длинными рыжими волосами.

–Тогда я вас не выпущу,– с усмешкой пригрозил Орин.

Парламентёры выхватили шпаги.

Атакуемый английский капитан крикнул пушкарям, что вглядывались в происходящее с чужих кораблей:

–Заметьте: не я первый напал на парламентёров!

Он отскочил от края борта, и шпага первого соперника вонзилась в доски фальшборта. Орин схватил нападающего за плечи и швырнул в море. У второго он схватил шпагу поперёк и с силой дёрнул, противник оказался лицом к лицу к нему. Филдинг врезал обидчику головой в переносицу. Пока тот хлюпал кровью, зажимая нос свободной рукой, шустрый английский паренёк отправил и его за борт. Третий парламентёр, тот, что рыжий, пятился к трапу, видимо хотел избежать позора. Но бравый капитан заарканил его канатом, связал и свесил с борта вниз головой. Пленник ругался и болтал ногами, пытаясь перевернуться.

Как ни странно, но пираты хохотали со своих кораблей, подсмеиваясь над своими недотёпами, их увлекла расправа над непрошенными гостями.

–Парень свой человек, оставим ему жизнь,– решили они.

А храбрый Орин орал нападающим:

–Так будет со всеми, кто ступит на борт моего корабля!

–Сучий потрох, сам сдохнешь или помочь?!– крикнул какой-то здоровяк-пират.

Бугаю тактично дали понять, что за капитана можно получить неплохой выкуп.

Пираты бросились на абордаж.

Филдинг крикнул:

–Стойте! Не надо убивать моих людей! Высадите нас где-нибудь на пустынном берегу.

Его команду под весёлые возгласы связали и увели в трюм.

Прошло немало времени в угрюмом молчании, когда пленники заметили фигурку Фрэда, мальчишка шнырял за ящиками с провизией.

Он прошмыгнул к ящику, возле которого сидел Филдинг.

–У, проклятые крысы, шебуршат, точно стадо бизонов,– ругнулся кто-то из стражи.

–Капитан, это я, Фрэд,– шептал мальчонка,– Я прятался между ящиками во время захвата.

–Малыш, освободи нас скорее!

Юнга проворно орудовал маленьким кинжалом, перерезая верёвки.

Боцман подкатился к решётчатой двери, перекинул через прутья удавку и расправился с одним из охранников.

Бравые английские матросы вышибли дверь и кинулись на пьяных пиратов. Стоял густой туман, и с других кораблей не могли разглядеть, как ритмично летят в воду тела захватчиков.

Филдинг скомандовал отчаливать.

В этом плавании поменялся характер Орина: из добродушного юнца получился волевой командир.

Пьяно покачиваясь, Сэндлер подходил к своей спальне. Всю ночь он прокутил в ресторане, и сейчас, утром, валился с ног от усталости.

Из своей комнаты выглянула жена.

Язвила:

– Неужели многоуважаемый адвокат соизволил явиться домой?

– Мало уважаемый... Да, уже мало уважаемый... – невнятно бурчал Норман.

– И кто ж довёл до такой отпетой жизни сердечного нашего чиношу? Неужели жена-изверг? Может, она прикидывается человеком, а на самом деле – вампир?

– Папа, ты опять не расскажешь мне сказку? – высунула свою головку дочь из-за оборок платья матери.

Адвокат умильно улыбнулся и потянулся к ребёнку, желая обнять.

– Не встречай, когда разговаривают взрослые! – одёрнула девочку мать, – И разве ты не видишь, что твой отец утратил

облик нормального папаши!

–Ты настроиваешь Фрэзи против меня!– возмутился Норман.

–Скоро от тебя будут убегать не только жена и дочь, но и будут разбегаться в разные стороны псы и прохожие, потому что вместо одеколона от тебя несёт вином.

Норман хмыкнул и скрылся за дверями своей комнаты.

Он прислонился к двери и удивлялся своим мыслям вслух:

–Я знаю, что Отт любит другого, но вновь мечтаю о ней. Болезненно ревную, но не хочу забыть.

Всхлипнув, мужчина сорвал с шеи серебряный крест с цепочки и, глядя на распятие, просил:

–Боже, я молюсь тебе о том, чтобы Орин не вернулся из плавания. Это кощунственно, я знаю, но как ещё устранить с моей дороги соперника? Не будет Орина, и, может, Оттавия обратит внимание на меня...

А в это время Отта глядела на кромку горизонта моря и шептала:

–О, Орин...если бы мои слова могли превратиться в птиц, долететь до тебя и рассказать о моей любви...

5 марта Орин Филдинг вернулся из плавания со своей командой.

В кругу семьи он угощал домашних финским ликёром из морошки, что называется лакка и ягодой гонобобель, что в



народе зовётся голубикой.

Капитана не занимала пустая болтовня родни за столом, он был поглощён едой и своими думами.

Лэсли спрашивала у Нормана:

–Какие нынче уголовные наказания ждут преступников?

Адвокат пояснял:

–Пенитенциарные методы современной Англии сводятся к выселению в колонии, либо к повешенью. Малое количество тюрем заполнено в основном банкротами и должниками. Люди, что ожидают приговора, независимо от тяжести преступления, находятся в одном месте.

–Ужасно!– возмутилась Наяда,– Порядочные дворяне коротают время в обществе убийц и воров!

–Ну, не такие уж они и порядочные, раз оказались под вниманием у правосудия,– усмехнулся Норман.

–Почему за энную плату нельзя улучшить тюремное заключение дворян?– не унималась Наяда.

–Какой тогда смысл в наказании?– пожал плечами её муж.

–Привилегии господ должны распространяться на все сферы жизни,– настаивала женщина.

Норман поучал невестку:

–Лэсли, если Вы будите всё свободное время проводить с моей женой, то станете такой же скучной, занудливой и меланхоличной особой, как она.

–Скучной?– с досадой переспросила Наяда.

Лэсли украдкой, в сторону хихикнула.

–Подонок,– сквозь зубы процедила жена адвоката.

–О, дорогая, не надо так льстить! Я, конечно, постепенно привыкаю к твоей завышенной оценке, но это так губительно для самоанализа и самооценки.

–Кто смущает нашего скромнягу и труженика Нормана?– встрепенулся от задумчивости Орин.

–Благодарю тебя, мальчик, один ты ценишь мои старания,– кривлялся Сэндлер,– Я и не думал, что ты можешь снизойти до таких сердечных, дружеских похвал.

Наяда вскипела, жалуясь брату:

–Норман всегда смеётся надо мной! Это оскорбительно!

–Для судейской коллегии репетируйте свои речи с кем-нибудь другим, Норман,– посоветовал родственнику Филдинг.

–Я для Наяды, как напоминание о том, что повсюду кипит бурная жизнь. Я, как удар по её меланхолии, потому что только я вывожу её из равновесия однообразной, размеренной жизни. Наяда, скажу тебе откровенно: ты слишком скучная, чтоб тобой увлечься.

–Неисправимый балагур и пройдоха.

–Вот видишь, Орин, она сама меня всё время ругает. Наяда, а ты хоть раз дала мне шанс исправиться?

После завтрака капитан сослался на дела и уехал из дома.

Лэсли еле сдерживалась, чтоб не расплакаться. Муж, который отсутствовал несколько месяцев, вместо поцелуев и слов любви вовсе её не замечает!

Она побрела в библиотеку и наткнулась в коридоре на Нормана.

Мужчина искренне жалел её:

–Бедняжка Лэсли, у тебя такое грустное лицо... Тебе скучно? Я знаю верное средство, что в миг разгонит печаль. У меня есть бутылочка с отличным шерри. У него просто волшебный, восхитительный вкус. Наяда с Фрэзи уехали на прогулку, нам никто не помешает.

–Ну-у-у, если только один глоточек... – замялась девушка.

–Конечно! Ведь нет ничего дурного в том, что родственник хочет угостить и развлечь свою маленькую сестрёнку.

В своём кабинете Сэндлер, наполнял бокалы, без усталости рассказывая смешные истории, заставляя Лэсли сдержанно смеяться. Девушка догадывалась, что адвокат заигрывает с ней, но воспринимала это, как игру.

Филдинг зашёл в магазин, где за прилавком стояла Оттавия и новая продавец Жаклин.

–Орин, сегодня ты забыл надеть улыбку на лицо, – заметила некая старушка-покупатель.

Юноша грустно ей кивнул.

Он склонился над прилавком, шепча Отте:

–Нужно проговорить.

–О чём? – надменно передёрнула плечами итальянка.

–Прошу тебя.

–Зачем ты пришёл?

–Прошу тебя: выслушай меня.

–Вы желаете вернуть товар, мистер Филдинг?– громко произнесла Малевольти для любознательных посетителей,– Пройдёмте в подсобное помещение, там новая партия товара ещё не распечатана, посмотрите...

Барон, торопясь, будто опасаясь, что его прогонят, ринулся в подсобку.

Он хотел расцеловать дорогую Отти, но она была непреступна, даже слишком бледна. И он тоже чувствовал непомерную вину перед ней, потому боялся приблизиться к ней.

–Зачем ты пришёл...– укоряла устало и вымученно Оттавия,– Нам нужно навсегда расстаться, Орин. Ты женился на моей падчерице.

Юноша пробовал шутить:

–Моё сердце буквально исполосовано ранами, которые нанесла мне ты своим пренебрежением.

–Перестань кривляться, Орин!

–Хорошо, я отброшу пафосный юмор и предстану перед тобой с открытой душой без защиты сарказмов, и ты сможешь убить меня своим ненавидящим взглядом.

Он замолчал и отвернулся.

Отта обошла вокруг, чтоб заглянуть в его глаза. Она хотела увидеть какое у них выражение, когда Филдинг не смеётся. Орин плакал: глаза покраснели и источали слёзы.

–О, Орин!– воскликнула женщина и бросилась в объятия любимого человека.

Теперь плакала она. Со слезами обида прошла.

Филдинг улыбался и шептал ей:

–Всё теперь будет хорошо, мы ведь опять вместе.

«Как сказать Орину, что я жду ребёнка от мужа его сестры? Не буду говорить, вдруг будет выкидыш...»– с ужасом думала Оттавия.

Она смотрела на него и смотрела.

–Как долго я тебя не видела...

Наяда откуда-то прознала о похождениях брата.

Она вошла в его кабинет на следующий день и жёстко бросила ему в лицо:

–Ты – позор семьи.

–Просто позорище,– кривлялся плут.

–Наше честное имя склоняют теперь все, кому не лень!

–А мужья тех кумушек, что любят чесать языками, значит, благочестивые святоши?

–Бывать в домах терпимости не вменяется каноном приличий. Туда идут те, чьи жёны не хотят рожать каждый год, как крестьянки-крольчихи. А вот крутить романы с замужними дворянками в нашем обществе порицается.

–Значит, у тебя всего один ребёнок от Нормана потому, что ты избегаешь своего любимого мужа? Или он уже не любимый?

Звонкая пощёчина на минуту усмирила Орина. Он тёр щёку, но злость вновь возрастала в нём.

Брат продолжал обвинять сестру:

—Ага, правда нам не по душе... Так зачем лезть в мою душу? Зачем? Думаешь, мне легко? Думаешь: я только и делаю, что наслаждаюсь жизнью? Думаешь, у меня нет совести, и мне не жаль жену? Думаешь, мне приятно встречаться с Освальдом Боу? Или видеть упрёк в глазах всех Малевольти? Думаешь, мне не тяжело отрывать Отг от груди и посылать домой к старику-мужу?

За обедом Лэсли и Норман непринуждённо болтали о всякой ерунде. Много шутили и смеялись.

После трапезы Наяда замешкалась, положила руку на плечо мужу, задержав его.

Оставшись наедине, жена выложила:

—У меня вызывает подозрение Ваша особая благосклонность к Лэсли.

—Не думал, что ты склонна к пошлостям, Наяда.

Орин уступил просьбам жены, и привёз её в порт показать свой корабль.

Он деланно отдавал распоряжения. Ругал неповоротливых матросов.

Лэсли сердито заявила мужу:

—Я смотрю, Вам доставляет бездну удовольствий командовать и измываться над людьми.

—И океан наслаждений смотреть, как это заводит и злит Вас,— в тон ей отвечал Орин.

– Не пытайтесь спорить с дебилом – опуститесь до его уровня, где он задавит Вас своим опытом.

– Ноющая жена хуже ноющего зуба.

– От всего сердца желаю тебе сгинуть в пучине океана!

– Я оценил твои сердечные пожелания, дорогая.

Лэсли сошла на берег, подозвала свободного извозчика и укатила.

Капитан смотрел ей вслед и думал: «Что я делаю? Зачем отстраняю от себя жену? Но я же не дикарь и не падишах, чтобы любить одну, а ласки дарить всем».

Лэсли вся в слезах шла по дому. Ей навстречу попался Норман.

– Кто тебя обидел, дитя?

– Орин!

И девушка живописно пересказала все непочтительные выражения, которые слетали с губ капитана. Адвокат округлил глаза от изумления, слушая её.

– ...И при этом Орин смотрел на меня с такой злостью, будто я просила его прилюдно снять штаны! Когда мы познакомились, Орин казался таким душечкой, а на самом деле он злой и коварный! Хочу, чтоб царь морей Посейдон воткнул Орину острогу в зад!

Норман расхохотался.

Лэсли гневно продолжала:

– Я уверена: вчера он был у своей любовницы. Узнать бы

к кому он убегает.

–Как? Ты не знаешь?

–А это известно Вам?

–Это известно всему городу. Только невинные девушки, что безвылазно сидят дома не знают это, потому ты и не в курсе... Орин влюблён в твою мачеху. Они встречаются даже в магазине, – посвятил в тайны её мужа Норман.

–Оттавия – разлучница? – впала в ступор девушка.

–Твой отец выдал тебя за Орину в надежде прекратить это бесстыдство...

–Отец, как всегда, думал только о себе! Зачем мне муж, который не любит меня?

–Деточка, в Высшем обществе не совершают браков по любви. У нас действует чистый расчёт.

Лэсли вошла в кабинет мужа. Он разбирал деловые бумаги.

Орин недовольно сморщился и сделал замечание:

–Когда ты научишься стучаться?

–Когда прекратишь вероломно лгать. Ты и Оттавия.

–Оттавия тут при чём?

–Тогда подтверди, что я несправедливо упрекаю тебя, – требовала жена.

–Да, я – подлый изменник, – глядя в окно, обличал себя

Орин, – Но разве теперь тебе стало легче? Тебе не хочется меня убить?



–Нет. Потомучто я тоже тебя никогда не любила. Ты мне безразличен. Интересно, буду ли я любить твоего ребёнка, который родится осенью?

Освальд Боу, когда ему пожаловалась дочь на мачеху, кричал Оттавии:

–Никогда ты не получишь развод! Изводишь мою малютку-дочь! Мою драгоценную Лэсли!

Филдинг в очередной раз отбыл в плаванье. Росс послал его с грузом карабинов и сабель на остров Барбадос к губернатору лорду Комбермеру. Обратного капитан должен был доставить груз сахара и патоки. Экспедиция обещала быть длительной, вероятнее всего растянется на пол года.

Лэсли жаловалась Норману за ужином:

–Муж у меня на удивление завидный: то месяцами ко мне не подходит, то по пол года в море. Теперь он уплыл в Америку, точно пол года там пробудет.

За столом они сидели одни, Наяда находилась подле заболевшей краснухой дочерью.

–Лэсли, ты такая привлекательная, а Орин тебя не ценит... – притворно сокрушался Сэндлер.

Девушка всплакнула. Плечо Нормана оказалось рядом. Он сразу воспользовался ситуацией и утешительно поглаживал её по руке.

–В семейной жизни чувства становятся обыденными, а

душе хочется вновь испытать бурную страсть, обожание.

– Не было у меня ни страсти, ни обожания...

– Бедная девочка, как можно пропустить в своей жизни самое важное?

Мужчина отважился и поцеловал её затылок.

Она встрепенулась.

Обиженно спросила:

– У тебя совесть есть?

– Есть, но сейчас она не встанет – не выпалась сегодня.

– Ох, заслуживаешь ты хорошей трёпки...

– Вот всегда замечал: у женщин портится характер без мужчин, а у мужчин рядом с женщиной.

Лэсли догадалась, что если мужчина хочет видеть её в постели, то это ещё не любовь. Но разве Норман кого-нибудь любит? Уж Наяду он точно не любит.

Норман сладко потягивался в постели, когда Лэсли крадучись вошла в его спальню и закрыла дверь на засов. Она молча скинула платье и легла под бок к Сэндлеру. Тот без лишних вопросов прильнул к её дрожащим от страха губам. Он покрыл её поцелуями, и девушка забыла о стыде и совести.

После соития Лэсли задумчиво говорила:

– Всё к этому и шло, потому, как всё в жизни я делала не то и не так. Я поверила Филдингу, не разобравшись не в его чувствах, не в своих... Я пойду к себе.

–Зачем спешить?

–А вдруг войдёт Наяда?

–Но она же возле больной дочери.

Айвору Драммонду пришла депеша, где сообщалось о том, что принц Уэльский и граф Лисбурн желают посетить его дом. Барон ответил, что будет счастлив, принять столь знатных особ.

Приём именитых гостей проходил в наилучших традициях аристократии. Чопорные гости ничем не выдавали чувств, степенно кивали в знак одобрения радушием барона Драммонда и его снохи с внуком.

Хозяин пригласил пройти всех отведать угощения.

За столом после первого смена блюд, граф перешёл к делу, ради которого они и приехали:

–Мой друг и поверенный сквайр Чарльз Мальком просит руки вдовы барона Бернхарда Драммонда.

–И мы желаем этого брака,– тоном, не терпящим возражений, оповестил принц.

–Как же похож сэр Мальком на скульптора, работающего у нас...

–Случайное совпадение, уверяю Вас. Я знаю Чарльза с детства,– заверил граф Лисбурн.

–Что ж...я возражений не имею, слово за Августой,– рассеянно проговорил Айвор Драммонд.

Жених воззрился на возлюбленную. Узнала ли она его с

бакенбардами и сединой?

Женщина уронила салфетку. Итальянец нагнулся её под-  
нять. На ней вилкой было нацарапано: «Чезорино?»

–Да,– прошептал он.

–Да!– обрадовано воскликнула баронесса.

И улыбки осветили все лица присутствующих.

Марко Малевольти кричал:

–Мой сын предал свою фамилию ради бабьей юбки!

Оттавия вступилась за брата:

–Папа, но теперь Чезорино будет намного проще в этом  
обществе.

–Мне и Августе придётся уехать из Милфорд-Хейвена,  
боюсь разоблачения. Будем жить в Лондоне. Граф Лисбурн  
поможет мне войти в общество.

Энрике поддержал родственника:

–Молодец, попал в нужное русло!

–Я не дам свершиться свадьбе,– раздался женский голос  
от двери.

Все обернулись и ахнули. На пороге стояла Зила. Её лицо  
уже не было бледным и измождённым, наоборот, оно сияло  
румянцем и загаром.

–Этот человек теперь не Чезорино Малевольти,– заявила  
Отта.

–У меня есть доказательства обратного,– упрямылась Зи-  
ла.

–Где ты была?– вопрошал Марко Малевольти.

–Во Франции работала официанткой. Там чудесный климат, он пошёл мне на пользу.

–Ты бросила семью, а теперь ищешь потерянную ценность...– махнул рукой старик.

–Хотите физически устранить меня с пути?– переспросила Зила.

–Не говори ерунды!– возмутилась Оттавия.

–Сколько денег ты хочешь?– устало узнавал Чезорино у жены.

–Я хочу вернуть семью...тебя.

–Это невозможно,– стоял на своём Чезорино,– Неужели ты думаешь, что на суде будут слушать тебя, а не принца, который является моим другом? А Уэльский будет говорить, что я – Чарльз Мальком. И тебя осудят и сошлют в колонию. Забирай квартиру и найди другого мужа.

–А Франческо?– спросила Зила, губы её тряслись.

–Ты хочешь, чтобы ребёнок рос в нищете? Пусть уж лучше будет сэром Френсисом Малькомом.

–Хорошо,– глухо сказала Зила и побрела прочь из дома Фиоре.

Энджел Филдинг появился на свет в начале сентября.

23 сентября 1.813 года Оттавия родила сына Дэниэла. У Эммита и Шеннон днём позже родилась дочь Алиса. Оба младенца по фамилии Боу были белокуры.

Глядя на пополнение, Освальд сказал:

–Надо взять с адвоката компенсацию.

Оттавия не отвечала, и так очевидно, чей это ребёнок. Она любовно поправляла чепчик на головке малыша. Муж задумчиво наблюдал за её действиями.

–Может, сдадим его в приют?– предложил он.

–Ни за что!

–Ты уже любишь этого ребёнка больше, чем дочерей?

–Странно, да? Я думала, что буду ненавидеть младенца...но он такой лапочка! И ни в чём не виноват. Он стал ближе и роднее всех на Земле.

Чувство материнства нахлынуло обожанием. Женщина то гладила малютку, то прижимала к себе.

Весь город обсуждал вес и срок беременности Малевольти, и все решили – это ребёнок Освальда Боу. Даже самые злобные клеветники не могли подумать, что кроме барона Филдинга у этой красавицы мог быть кто-то ещё.

30 сентября Сэндлеры пили чай с молоком в 5 вечера, заедая сладостями.

Норман засмотрелся на дочь, как она забавно перемазалась кремом. Наяда по этому поводу, конечно, ворчала. «У меня есть ещё один сын, которого я не имею права взять на руки и назвать дорогим»,– с сожалением подумал мужчина. Освальд Боу уже получил из его рук приличный капитал на имя Дэниэла.

Наяда в раздумье спросила в пространство:

–Интересно, от кого Оттавия Малевольти родила сына?

Адвокат поперхнулся чаем.

–Тебе-то зачем это знать? Не терпится посплетничать с Беулой? Которая, кстати, неизвестно откуда притащила ребёнка, что (вот совпадение!), почему-то похож на Бернхарда Драммонда!

–А, по-моему, эта Малевольти та ещё шлюшка. Ребёнок-то полноценный, не семимесячный, а значит, Орин не принимал участия в его зачатии.

–Может, старина Освальд постарался изо всех сил.

–Мне кажется: сквайр Боу стар для таких подвигов.

–Много ты знаешь о мужчинах! Что ещё говорят твои осведомители? Мальчик похож на мать? Чёрненький?

–Блондин. Может, потом потемнеет... Говорят, Оттавия уже курирует свои магазины, таская новорождённого повсюду за собой. Дикарка. Что, нельзя нанять кормилицу?

Женщина театрально закатила глазки.

И вот на следующий день Норман узнал в одном из магазинов, куда приедет хозяйка, и стал ждать её.

Оттавия появилась из подсобки. Сэндлер вышел из-за спины почтенного джентльмена и уставился на Малевольти, ничего не говоря.

–Что желаете купить?– нетерпеливо напомнила посетителю о цели его визита хозяйка магазина.

–Пару перчаток...

Второй посетитель вышел.

–...и продолжительный поцелуй, пожалуйста,– закончил фразу барон Сэндлер.

Отта оглянулась на Жаклин, та делала вид: всё в порядке, мне на всё плевать.

–Зайди в подсобку, попьём чаю,– пригласила хозяйка гостя.

Норман радостно прошествовал за Оттавией.

–Тебе чай с молоком?

–Отт, к чёрту чай, я так соскучился...

Младенец запищал на диване.

Мужчина склонился над ним.

–Вот ты какой, мой Дэниэл... Боу говорил тебе о моих перечислениях на его имя?

–Да.

–Он такой красивый... Можно я возьму его?

–Нет.

–Я умею держать маленьких детей.

–Ты не докажешь, что это твой сын.

–Я не собираюсь отнимать его у тебя... Почему ты так плохо думаешь обо мне?

Женщина отвернулась.

–Можно я обниму тебя, Отт?

–Ты научился спрашивать разрешение?

Норман подошёл ближе.



—Стой, где стоишь, барон Сэндлер. Я позвала тебя сюда показать сына и сказать, чтоб ты перестал преследовать меня. Забудь меня, Норман.

—Разве нам было плохо вместе?

—Но чувственные удовольствия не заменить на любовь. Ты же знаешь: я люблю Орина.

—Орин запальчив по молодости, он тебе не простит измену. Мне же плевать спишь ли ты с мужем, или с кем-то ещё, лишь только изредка будь со мной, и жизнь моя озарится светом твоей красоты. С первого взгляда ты прожгла мне сердце любовью...

—Влюбился, говоришь, с первого взгляда? Тогда почему не сказал слов признаний в доме моего отца? Вместо этого: «Мисс Малевольти, расскажите в подробностях, как Вас насиловал мистер Боу»!

—Я знаю: я прозевал своё счастье. Надо было сватать тебя сразу, выросли бы твои девочки у нас в горном поместье, и я был бы самым счастливым человеком.

—Хочешь, я скажу тебе: почему ты раньше не признался мне в любви? Ты боялся быть отвергнутым, боялся остаться без идеала любви. Ведь проще пойти к безотказным шлюшкам.

—Меня сдерживали престижное положение в обществе и твой низкий социальный статус.

—Значит: вес в обществе тебе дороже меня. Это не любовь. Норман приглушённо напоминал:

–Отт, вспомни, как хорошо нам было вместе.

–Бесподобно. Но при расставании моя душа не рвалась к тебе. В подсознании наш интим приобрёл статус интрижки, не более.

–Знай: я всегда буду ждать тебя,– с этими словами мужчина ушёл.

–Напрасные надежды, Норман,– вздохнула Оттавия,– Незримо каждую минуту со мной присутствует давнее очарование, память настойчиво возвращает образ Орина в явь, туманно рисуя далёкий облик перед глазами.

Как всегда адвокат Сэндлер решил залить горе спиртным, и явился домой навеселе.

Наяда встретила его со словами:

–Чудовище, лишённое всякой морали!

–Лучшие люди города подтвердят Вам, милочка, моё безупречное резюме.

–Лучшие люди города уже и руки тебе не подадут!

–Ещё как подадут! Ты плохо знаешь общество, каждый чиноша в чём-либо замаран, замешан и нуждается в отличном адвокате.

–Почему такие умные и грамотные люди, как ты, спиваются?

–Почему человек пьёт спиртное? Потому что он – творческая личность. Ему скучно. Ему надо занять себя какой-либо деятельностью. Животные поели, побегали по лесу и счаст-

ливы. Людям надо обязательно чем-либо занять руки или мозг.

—Мне надоело делать вид любящей жены. Ты привлекателен, обворожителен... смотрела бы и смотрела... да вот только воротит. И черты лица всё те же, как и много лет назад, но почему-то ты стал противен и омерзителен. Меня гнетёт, если ты рядом со мной. Я содрогаюсь от твоего холодного прикосновения, меня коробит от твоего пустого взгляда; я внутренне гадливо сжимаюсь, когда ты проходишь мимо меня...

Норман прошёл к себе молча мимо неё.

Нежные лепестки астр трепетали на ветру, а важные гладиолусы кивали своими пышными, роскошными коронами, когда Орин подходил к дому.

Руперт еле тащил поклажу с вещами и необыкновенными фруктами.

Вышедшей навстречу жене капитан вручил лисье манто со словами:

—Это тебе, чтобы ты на меня не ворчала.

Лицо Лэсли озарила довольная улыбка, она поглаживала мех, что накинул ей муж на плечи.

—Кто у меня родился?

—Сын Энджел.

Орин улыбнулся и спросил:

—Где остальные домашние?

—Наяда в саду.

Затем барон Филдинг прошёл в детскую взглянуть на наследника.

Малыш был похож на жену. Орин сморщился: «Маленький Освальд Боу».

Кто-то затронул капитана за плечо.

Думая, что это Норман, капитан выругался:

–Ужа тебе в задницу!

–Ты стал мужланом,– скривила своё красивое личико сестра.

–Карамба! Ты крадёшься неслышно, как пантера.

–Спасибо за комплемент, братец. С кем ещё я ассоциируюсь в твоём воображении?

–С полудохлой акулой.

–Весьма лестно...

–Извини, родная, но я годами общаюсь с матроснёй, что выросла в подворотне. Другого языка они не понимают. Я стал грубым, несдержанным морским волком. Злых больше уважают.

Наяда задумчиво кивала. «Полудохлая акула» – это меткое определение всё ещё звучало в её ушах. «Он прав: я не живу полнокровно, а полудохло существую, в то же время агрессивно настроена против всех, готовая цапнуть любого, кто подойдёт ближе»,– думала она.

Орин потянул женщин в столовую пробовать ананас. Обе хвалили изысканный вкус фрукта, съели по несколько кусков. Затем Наяда и Лэсли скорчили удивлённые гримасы – у

них заболели языки. Капитан от души хохотал.

–Где Норман?– спросил он.

Сестра безразлично доложила:

–Ты найдёшь его в бордели или в кабаке.

–Был бы жив папа, он бы так отвратительно себя не вёл,–  
вздыхнул молодой человек.

–Да, возможно он продолжал бы врать и лицемерить, и бегал бы к весёлым куртизанкам втихаря,– пожала плечами  
Наяда.

Филдинг сменил тему разговора, засыпав слушательниц рассказами о дальних странах и островах.

Когда же Норман появился на пороге дома, его ждал суровый шурин.

–Ты что творишь?– с вызовом вопрошал капитан у мужа сестры.

–Разве тебе не видно, как ярко я живу? Пью виски, трачу деньги, имею кучу женщин! А ты предлагаешь мне стать скупердяем, трезвенником и евнухом?

–Мне кажется: Вы игнорируете мою сестру.

–Молчи, сопляк, у нас дивные, чистые отношения.

–Вы говорите со мной невежливо и неучтиво.

–Не лезь в наши семейные дела: с госпожой баронессой  
Сэндлер я разберусь сам.

–Я тоже член семьи.

–Пижон и зануда.

У Орина округлились глаза от возмущения: Норман от

выпитого вина совсем распустился!

–Значит, в Ваших глазах, я – пижон и зануда?

–Это самая скромная оценка, сэр. На самом деле Вы гораздо хуже. Просто моя природная скромность не даёт мне широко раскрыть Вашу поганую сущность.

–А наш душечка-Норман, надо полагать, скромный ангел, который мучается от людской злобы, находясь среди нас!

–Примерно так и обстоят дела.

–Ты же обещал не огорчать сестру!

–Моя сестра – Иллария, и её я никогда не обижаю.

–Гад!

И Филдинг ударил зятя кулаком в подбородок. Норман отлетел к стене и потирал ушибленное место.

На лестнице взвизгнула Наяда, что подслушивала их разговор:

–Что ты делаешь, Орин?! Ему же больно!

–Жена, скажи, что ненавидишь меня – и я уйду,– обещал Сэндлер.

–Скажи, сестра, все знают, что каждое твоё слово – истина! Можно ли дальше терпеть этого прохвоста!

Но женщину взял испуг: муж уйдёт навсегда? Что же будут злословить в Свете про неё?

Наяда закрыла глаза и сказала:

–Я ненавижу... вино в тебе! Этот бес меняет твою личность, заставляет куролесить.

То, что муж избегает её, Лэсли даже не удивило: сказав-

шись на дикую усталость Орин ушёл спать в свою спальню.

А утром за завтраком капитана не оказалось за столом.

На немые вопросы домашних Лэсли наигранно отвечала:

–Сказал, что дела в конторе Росса... Как обидно чувствовать себя душой, которую водят за нос, наставляя рога прямо на глазах бессовестно и самодовольно. Так опустить моё достоинство человека в глазах общества! И самому унизиться до животного... какой он подлый и мерзкий – мой муж.

Вся эта тирада говорилась для Наяды. Та прятала глаза и не знала чем возразить. Норман подмигнул любовнице: молодец, так их!

А вслух ехидно заметил:

–Учил меня жить, а сам бежит не в бордель, как остальные аристократы, а к замужней даме! Правду говорят: в чужом глазу соринку видят, а в своём бревна не замечают!

–Похоже, эта итальянка заколдовала парня,– заохала старая служанка Джоанна.

Лэсли, изображая истерику, убежала в слезах.

–Ревнует – значит, любит,– рассеянно проговорила Наяда.

Муж, искусно орудуя вилкой, тут же опроверг это заявление:

–А я думаю: ревность – не любовь. Представь: древние племенное общество. Женская особь зависит от мужчины-охотника. И вдруг её благодетель приводит завоёванную

или похищенную женщину из чужого племени, и все привилегии и лакомые кусочки отдаются новенькой пассии. Разве первая жена не будет пытаться избавиться от соперницы?

–Ты видишь ревность однобоко. Больно делить любимого человека с кем-либо. Ужасно даже думать, что тот, кого любишь, целует и шепчет слова любви другой.

Норман встал из-за стола, и, не глядя в глаза жены, покинул столовую.

Та заплакала.

Джоанна заохала, запричитала:

–Оё-ё, да что это сегодня такое? Миссис Сэндлер, возьмите себя в руки!

В магазине Оттавии некая барышня долго перебирает шляпки.

Сетует:

–У Вас такое обилие фасонов...это просто преступление какое-то...

Итальянка топчется возле неё, помогая примерять шляпные изделия.

Входит Орин. И при виде его хозяйка магазина Малевольти падает в обморок. Филдинг едва успевает её поймать.

–Ах,– срывается с губ продавщицы Жаклин и покупательниц.

–Видите ли, я так прекрасен, что при моём появлении, женщины падают в обморок от счастья,– говорит с улыбкой



Орин.

– Не следовало миссис Малевольти так быстро приступать к работе после родов, – качает головой привереда-покупательница.

– Что? – переспросил барон не своим голосом.

Он унёс Оттавию в подсобку. Она пришла в себя, и мужчина усадил её на диван рядом с младенцем. Он присел на корточки рядом и заглядывал ей в глаза.

– Как прошло путешествие? Вы нашли золото? – шептала Отта, пытаясь шутить.

– Да. Прямо перед собой я нашёл самородок по имени Оттавия. Отти, это мой ребёнок?

Она могла бы соврать, что Дэниэл родился семимесячным, и отец ребёнка он, Орин, но как можно солгать любимому человеку? Но язык отказывался говорить. Из её глаз ручьями потекли слёзы.

– От твоих слёз раскиснут все дороги в Милфорд-Хейвене! Что случилось? Боу гонит тебя из дому?

– Это не твой ребёнок, – наконец выговорила женщина.

В его душе боролись противоречивые чувства. Ему хотелось ударить изменницу, и в то же время хотелось прижать её к себе, пожалеть.

Сквозь рыдания Отта рассказывала:

– Освальд Боу продал меня на одну ночь, как товар!

Уныние навалилось на его плечи, заставило низко опустить голову. Мысли в плен взяло сомнение – губитель яс-

ных грёз.

Сумбурной чередой вырывались немыслимые обвинения:

–Ты – похотливая шлюха, Оттавия! Я не верю твоим оправданиям! Твой муж боится тебя потерять, а ты заявляешь, будто он сам привёл тебя к другому мужчине!

–Поверь мне!

–Кто отец ребёнка?

–Не скажу, – замотала головой женщина.

–Что?

–Но ведь и ты спал с Лэсли!

–К твоему сведенью, лишь один раз, ради приличия!

Он вскочил на ноги и выскочил из магазина. Холодный ветер бил в лицо, но юношу бросало в жар: как смириться с мыслью, что та, которую любишь и боготворишь, принадлежала другому?

Лэсли примеряла украшения перед зеркалом, когда на пороге появился в крайнем возбуждении муж.

–А, вот ты где, – с этими словами Орин, как шторм на маленький кораблик, набросился на неё, покрывая бесчисленными поцелуями, спешными, короткими, лишёнными чувств.

Девушка пришла в замешательство. А муж торопливо сгрёб её в охапку и бросил на кровать. После родов прошло не так много времени, и интим принёс ей только боль.

Затем Орин уснул, отвернувшись. А Лэсли смотрела в по-

толок невидящими глазами, её обволокла какая-то опустошённость. Ей не хотелось прижаться к тёплому телу мужа. От него веяло неискренностью. Интим наспех, без ласк, без признаний любви веял принятым решением исполнить долг или...ссорой с Оттавией.

Муж зашевелился. Открыл глаза и улыбнулся ей. Она не ответила на его улыбку.

—Я решительно взялся за исправление характера, и теперь всеми силами борюсь с порочащими джентльмена недостатками.

За обеденным столом домочадцы заметили явную перемену в поведении Орина. Он услужливо подавал жене фрукты, заискивающе улыбался.

Норман решил поддеть иронией шурина:

—О, как ты похудел за эти дни, что провёл дома! Как Милфорд-Хейвен плохо действует на тебя. Пора опять в море.

—А ты, я посмотрю, ешь всухую,— намекнул Филдинг на трезвость зятя.

—Отныне я самый скромный, достойный и тишайший джентльмен в Милфорд-Хейвене,— заверил Норман.

Наяда просто светилась от счастья и мира в семье.

Вечером Орин постучал в кабинет Сэндлера.

—Пришёл поговорить,— пробурчал шурина.

—Ну, а сейчас-то нравоучения по какому поводу? Учти:

если ты наймёшь сыщика шпионить за мной, то я откопаю компроматы на тебя с Оттавией.

—Я расстался с Оттавией.

—Расстался с Оттавией?— переспросил Норман, на его лице отобразилась радость вандала, что крушит произведения искусств, радость глупого мальчишки, что ломает куклу сестры, чтоб послушать её отчаянный рёв.

—Норман, по службе ты в курсе всех дел в городе... в последних сплетнях какие версии похождения Оттавии Малевольти с новым любовником? От кого она прижила ребёночка?

—Это ты такого мнения о любимой женщине?— прищурил свои насмешливые глаза адвокат.

—Я всё-таки пол года был в плаванье...

—А если за пол года она сменила 10 любовников? Я их всех должен перечислить?

Юноша испуганно уставился на родственника. Тот расхохотался.

—Да пошутил, пошутил. Про Оттавию никто ничего не сплетничает.

—Как же так? Прислуга уверяет, что мужа Отта на расстояние выстрела к себе не подпускает...

—Женщинам тоже свойственны мужские качества: лживость, похоть. Если повезёт, то младший сын Оттавии будет похож на своего отца, вот тогда город и узнает тайного любовника коварной Малевольти.

Орин покинул кабинет.

Норман достал из ящика стола кольцо, что укатилось от Оттавии к нему в день её замужества. Он вертел священный металл в руках. Образ любимой женщины возникал всякий раз, когда он брал в руки эту драгоценную вещицу. «Что бы ты не говорила, Оттавия, как бы не отнекивалась от моей любви, а сами небеса обручили нас в святой обители. И подарили тебе сына от меня», – с лукавой улыбкой думал он.

Через неделю Орин Филдинг сообщил за обедом родным, что вновь уходит в плаванье.

– Наш Орин просто герой, – не то похвалил, не то иронизировал Норман.

Лэсли зло высказала своё мнение:

– А мне кажется: в моряки идут ограниченные личности. Как можно любить океан? Когда на протяжении многих месяцев за бортом одна вода?

– Зато как после интересно осматривать другие страны, видеть иные цивилизации, слышать диковинную речь, пробовать нечто новое с иным, непривычным вкусом пищу, – пытался объяснить жене Орин прелести путешествий.

– Вот только мне не понятно: почему я должна столько времени обходиться без мужа? – капризничала Лэсли.

– Ради Бога, не устраивай сцен, – взмолился капитан, – Ты же знала, что идёшь замуж за моряка.

– А, что, нельзя заняться рыболовством вблизи Мил-

форд-Хейвена? Всё Ирландское море кишит сельдью, треской и анчоусами! Нет, тебе обязательно подавай дальние края! Тогда возьми меня и Энджела с собой,— не унималась жена Филдинга.

—Тебе совсем не жаль малыша?— изумилась Наяда.

—Дети тяжело переносят морские путешествия, притом, что океан кишит пиратами и штормами,— вразумлял жену Орин.

Лэсли с обиженным видом промолчала до конца трапезы. Норману было понятно её поведение: Лэсли сделала последнюю попытку усыпить совесть, быть вместе с мужем. И он ни сколько не обиделся на любовницу. Уедет Лэсли с Орином — и слава Богу; он найдёт другую «игрушку».

Вечером Орин обнаружил жену у себя в спальне.

—Пришла мириться.

—Лэсли, сегодня у меня нет настроения на проказы,— отвернулся к окну барон.

—Это оскорбительно, Орин, ты же опять исчезаешь на пол года!

—Быстро встала и пошла!— прикрикнул муж.

—Не ори на меня! Привык командовать матроснёй! И сам превратился в быдло!

—Вербальное насилие с твоей стороны меня доконало!— огрызнулся капитан.

Громко хмыкая, Лэсли накинула халат и вышла из спальни.

Орин стал развязывать галстук, как из коридора донёсся возмущённый крик Нормана:

–Буркс, я лишу Вас жалованья!

Филдинг выскочил на лестничную площадку. Невозмутимый Руперт Буркс выслушивал претензии Сэндлера.

–Буркс, Вас никогда не дозовёшься! Что Вы делали всё это время?

–Норман, отстань от Руперта! Он – мой личный камердинер, и не обязан выполнять твои поручения.

–Чёрт знает что происходит!– ругнулся адвокат и спустился с лестницы.

–Не стоило из-за меня ссориться с родственником,– сказал слуга.

–Руперт, ты мне гораздо роднее какого-то там Нормана. Я вырос у тебя на руках. И ты, как лучший друг, сопровождаешь меня в плаваниях.

На корабле сожаление о покинутой красоте и любви Оттавии не покидало капитана Филдинга.

Однажды утром, уже к концу плавания, он вышел из своей каюты и взревел на лоцмана:

–Морского ежа тебе в глотку!

Корабль оказался гораздо севернее, и со всех сторон плыли айсберги.

Но, казалось, не только океан усыпан дрейфующими льдинами, но и небо, по которому, не торопясь, едва заметно,

плыли пышные, словно взбитый мусс, облака.

Не успел капитан открыть рот, чтоб отдать приказ, как раздался треск ломающихся досок по правому борту.

–В трюм, латать пробоину!– заорал Филдинг.

Кто-то с перепугу сиганул за борт.

Капитан сам помогал заделать дыру в трюме. Воды внутрь попало не очень много, льдина сомкнула края отверстия, но для их груза любое количество воды было губительно: сухие листья чая не терпят влагу, и были испорчены. Моряки аккуратно отломали края от ледяной глыбы и быстро приколачивали доски.

Глядя, как за борт выбрасывают мокрые пачки чая, Руперт вздохнул:

–Море, как полчище варваров, отняло у нас все богатства.

–Море – всегда риск,– угрюмо отозвался Орин,– Продадим то, что осталось.

Их судно благополучно преодолело остаток водного пути до провинции Квебек на востоке Канады, и по реке Святого Лаврентия дошло до города Квебек. Было начало февраля 1.814 года.

Сбывая перекупщикам остаток товара, Филдинг спросил у одного предпринимателя:

–А не нужен ли Вам самоцвет, которого зеленее нет?

–Хотите продать свой перстень с изумрудом?– обрадовался предприниматель.



–Да, за тысячу фунтов.

–За такую эксклюзивную драгоценность я за ценой не постою.

В разговор вмешался Буркс:

–Сэр, не продавайте перстень. Это же Ваш талисман.

–Я заплачу достойные деньги. Тысячу двести фунтов, – настаивал купец, – Изумруд способствует хорошему улову, а у меня есть рыболовные шхуны. И к тому же этот камень восстанавливает зрение, если на него долго смотреть, а моя мать уже плохо видит.

Орин вслух рассуждал:

–С одной стороны – это подарок мамы, но с другой – напоминание о той, о ком хотел бы забыть, у неё такой же перстень с рубином.

–Срочно нужны деньги? – окликнул Филдинга бородатый верзила, что прислушивался к торгу, – У меня есть халтурка. Пошли, обсудим.

–Этот человек слывёт сомнительным дельцом, – шепнул перекупщик.

Но Филдинга потянуло к незнакомцу.

Бородач назвал сумму сделки, и у молодого капитана загорелись глаза. Он не знал, что груз надо доставить на территорию враждующего государства. С сентября прошлого года некоторые земли и озёра Канады перешли к США. Орин постоянно был в плаванье и газет не читал. Знал, что Англия

воюет против экспансионистской политики США в пользу Канады, но каких успехов достигла армия, понятия не имел.

–Вы очень торопитесь?– уточнял капитан.

–Очень.

–Но для многих мужчин воздержание – болезненный процесс. Для отдыха команды нужна пара деньков.

–Но... как бы Вы не передумали после, капитан.

–Я – джентльмен и слов на ветер не бросаю.

–Хорошо, я Вам верю.

Вечером, входя в бордель с Рупертом, Орин сказал другу:

–Наваждение прошло. Я могу уже видеть красоту других женщин.

–Значит, твоя любовь прошла?

–Увы – ещё нет.

На следующий день капитан Филдинг скупал у индейцев пушнину.

–Руперт, ты останешься на складе охранять шкуры, когда я уйду в наметившуюся небольшую экспедицию.

–Я это уже понял. Только гляньте, какую прекрасную шкурку испортила моль.

–Да, жаль. Чёрт создал моль, когда Бог создал пушных зверей.

К ним подошла следующая группа туземцев. Среди ирокезов была девушка, вместо платья на ней была одежда индейского мужчины. Её соплеменники относились к ней ува-

жительно и покровительственно. «Какая-нибудь сумасбродная дочь вождя»,— решил Орин.

Ещё удивляли коротко обранные волосы индианки.

Заметив изучающий взгляд белого, один из ирокезов пояснил:

—Враг из другого племени схватил её сзади за волосы, желая снять скальп, а храбрая девушка отрезала волосы острым лезвием, а затем кинула тот нож в противника.

—Я думал: снимают скальп только с воинов.

—Она последняя из своей семьи, шаман разрешил ей носить одежду мужчины, добывать еду охотой и защищать себя.

—Как тебя зовут?— спросил Орин у индианки.

—Я забыла.

—Как можно забыть своё имя?— рассмеялся парень.

—Роза,— подсказал стоящий по соседству её краснокожий собрат.

—Да, белые называют меня — Роза.

—Скажи своё настоящее имя,— настаивал англичанин.

Индианка упорно молчала.

—Может, ты — лазутчица, шпион из стана врагов?— не унимался настойчивый капитан.

—Розу мы знаем с детства,— заступились за девушку свои.

—Она своя, хорошая девочка. Отстань от неё,— подали голос белые купцы.

Орин махнул рукой:

—Действительно, какая разница Роза ты или девушка с именем Упрямое Животное? Уверен, твоё имя звучит не лучше, раз ты скрываешь его.

Девушка ответила на оскорбление пощёчиной. Белые схватились за пистолеты, индейцы за ножи и карабины. Но Филдинг поднял вверх руку, успокаивая своих людей. Он даже улыбнулся, хоть и ненавидел индианку.

Обратил всё в шутку:

—О, а она с шипами, как роза.

Филдинг и его экипаж, выполняя заказ, сильно были удивлены, когда по их кораблю открыли залп орудий с берега. Но была ночь, они изменили курс и уплыли вглубь озера Эри. Товар в ящиках они доставили в срок, получили деньги и вернулись в город Квебек также ночью, опасаясь недоразумений.

Однако один борт немного пострадал от ядра и требовался косметический ремонт. Квебек славился деревообработкой и судостроительством, просто предстояло несколько дней подождать с отплытием.

Орин узнал, какие в городе достопримечательности: университет Лавалья, монастырь урсулинок, базилика семнадцатого века, жилые дома шестнадцатого века... Можно походить, посмотреть на архитектуру... Он так и сделал.

Гуляя по городу, капитан заметил, что ему навстречу по набережной идёт Роза. Сделал вид, что не узнал её.

Но девушка остановилась и заговорила:

—Я виновата перед Вами, моя невоздержанность едва не привела к поножовщине. Приходите в гости, и Вы увидите, что ирокезы гостеприимный народ.

И она рассказала, где они остановились. Звала прийти вечером, так как камлание шаман проводит только ночью.

Англичанин разглядывал Розу: грубоватые черты лица с выдающимися скулами, узковатые, слегка раскосые глаза. Когда она делала удивлённый взгляд и распахивала веки шире, то белки глаз обозначались вверху, тогда, как у белых белая кайма появляется внизу глаз.

Он поблагодарил за приглашение.

—Приходите завтра по утру, мы отвезём Вас в наше поселение.

Придя в гостиницу, где он и Буркс снимали номер, капитан выпалил:

—У меня есть заманчивое предложение: пойти в лес к индейцам.

—Захотел побыть мишенью? Или в последней поездке не надоело стрелять по движущимся в кустах врагам?

—Ты не понял. Я предлагаю не охоту на людей. Я предлагаю пойти в гости к дружественному племени. Меня пригласили.

—Когда ты успел подружиться с индейцами?

—Меня пригласила Роза.

—Ха-ха-ха! Видимо, затем, чтобы убить.

–Возьмём побольше наших ребят. Индейцам не нужны военные конфликты.

–Зачем тебе это?

–Хочу увидеть камлание шамана. Бернхард Драммонд рассказывал, что это увлекательное зрелище. Хотя он и был на другом континенте, но все колдуны одним миром мазаны... Ты останешься здесь, мало ли что...

Орин со своими людьми подъехал на взятых внаём лошадях к месту, где во временных хижинах расположились ирокезы. Они сворачивали лагерь.

Роза спросила у Филдинга:

–А вы взяли подарки для шамана?

–Нет... Может, подарить шаману бубен?

–Ты что! Шаман только сам делает бубен. С дерева, с которого был выпилен обод, собирается всё, до последней щепки, и относится к священному болоту. Оленя, чья шкура пошла на сам бубен, тоже относят туда же, собирая в лесу даже шерсть с деревьев, где он чесал бока. Шаман ловит душу оленя в Нижнем мире с помощью семи волков и их матери, а когда поймают, то просят душу оленя принести мёртвой воды из тёмного Нижнего, загробного мира, где текут две реки. Этой водой он брызгает на оленя и дерево. Все разрозненные части тела оленя, будь они даже разрублены на тысячу частей, срastaются. Затем души приносят живую воду из светлого Верхнего мира, мира духов.

Облитые этой водой дерево и олень вновь оживают. Тогда бубен одно целое с ними.

–Как увлекательно... В Нижнем мире души людей и животных живут вместе?

–Нет, страна мёртвых только часть Нижнего мира, он огромен и заселён многообразными сущностями из других миров.

–Из других миров?– эхом отозвался Орин.

–Шаманы называют другие миры Вселенной, они туда летают. Они говорят: «Многие звёзды – это корни деревьев, которые дают жизнь другим живым сущностям».

У капитана закружилась голова от сравнений: «Необразованные, малоразвитые племена рассуждают о жизни на других звёздах... Неужели, звёзды такие же светила, как Солнце? Вполне возможно... Если смотреть на Солнце с такого же дальнего расстояния, оно будет казаться звездой...»

–Я подарю шаману карабин,– вышел из задумчивости парень.

Они сели на поваленное дерево, пока индейцы сворачивали шкуры с походных типи.

Роза продолжила «образование» англичанина:

–Правая сторона бубна – солнечный, светлый, небесный мир. Левая – тёмный, нижний мир, который находится на севере. Семь рядов светлого мира с шестнадцатью ярусами со ступенями...

–Со ступенями,– повторил Орин, вспоминая слова Берн-

харда о шаманах Новой Зеландии, у которых тоже была лестница в небо.

–Шаманы бывают злые, им подвластны духи Нижнего мира. Их сущность – медведь. И бывают добрые, лечащие людей. Их души – помощники из Верхнего мира.

Краснокожие и белые отправились в путь.

Индийские хижины – типи занимали большую поляну. Дети и женщины, сновавшие между строениями, остановились, вглядываясь в незнакомые лица белых.

Роза указала рукой, в каком типе ждут шамана.

Она рассказывала:

–Сейчас идут приготовления: начисто подметают пол, варят вкусный ужин, нужно накормить и напоить шамана, оказать почести. Врачеватель должен вернуть здоровье мальчику, что мечется в бреду.

Филдинг со своими людьми и старейшины племени вошли в типи. Роза и несколько женщин тоже были допущены.

Орин сел рядом с девушкой, дабы она и дальше поясняла происходящее.

Вошёл шаман, мужчина средних лет. Его костюм отличался от одежд соплеменников, на шкуры были нашиты некие знаки и колокольчики, а голову украшала небольшая железная корона.

Капитан удивлённо шепнул одному из своей команды:

–Мой приятель, с которым я вместе учился в Итоне, при-



вёз из Кореи корону знатного князя...и на ней та же символика, что на короне индейского шамана! Я хорошо тогда рассмотрел ту вещицу, коей он хвастал...

–Мистика,– шепнул в ответ приятель и тихонечко перекрестился.

А Орин уже интересовался у Розы:

–Кто из женщин жена шамана?

–Шаманы странные люди...То они одеваются, как женщины, носят косы и пришивают круги к одежде на место груди...выходят замуж...А некоторые. Как этот, женятся на духе-покровителе.

Служитель духов тем временем здоровался со своими собратьями особыми поклонами. Вождь положил под ноги колдуну шкуру волка-альбиноса.

Мужчины сидели с правой стороны от шамана, женщины – с левой. Роза сидела с мужчинами.

Люди разговаривали сдержанно и полушёпотом.

Внесли больного мальчика, завёрнутого в шкуры. Ребёнок метался в жаре.

Шаман, что-то бормоча себе под нос, медленно расплетал свои косички. Глаза его неподвижно уставились на костёр, в котором затухал огонь. Вдруг шамана содрогает странная икота, повторяющаяся несколько раз. Резко правая рука взлетает в сторону и выхватывает бубен из рук у одного из сидящих. Все вздрогнули. Колдун кланяется на все четыре стороны, одновременно брызгая водой изо рта. Кто-то бро-

сает в огонь горсть белых волос волка, отчего огонь окончательно тухнет. Остаются лишь красные угли. Шаман поворачивается лицом на юг и начинает негромко бить в барабан, что подвешен к его шее. Орин и не представлял, что барабанная дробь бывает столь нежной и мягкой, едва уловимой. Колокольчики на одежде шамана вторят чудесной мелодии, даря свой перезвон.

Шаман запел, ударяя в бубен. Сначала голос его был слаб и тих, но вот в бубен он ударяет чаще, и ноты голоса становятся выше. Волшебным образом казалось, будто голос его перемещается то влево, то вправо, словно бегая по углам, выискивая духов, то вдруг казалось – голос стелется по земле или взмывает ввысь.

Но вот колдун закрыл глаза, остановил бубен и запел во весь голос. Все заморожено слушали красивые раскаты прекрасного голоса. Женщины плакали от восторга. Старики довольно кивали.

– Все необходимые духи слетелись сюда, – шепнула индианка, на её глазах тоже повисли две слезинки.

Голос певца, казалось, стал удаляться. За шкурами типи внезапно поднялся сильный ветер, опавшая листва неестественно сильно зашуршала. Раздались крики птиц, кои в тёмное время суток не летают: подали голос утки и журавли. Совсем близко завыл волк. Затем жутко заухала сова. Кто-то из женщин навзрыд заплакал.

Орину показалось, будто над ним кто-то пролетел очень

огромный, он даже почувствовал ветерок от взмахов крыльев.

– Это шаман отправился на поиски похищенной души в Нижний мир, – поясняла Роза.

– Кем похищена душа?

– Злыми духами. Он сейчас описывает их, как уродов.

Шаман закрылся бубном и выслушивал, что ему говорят души предков и духи-покровители. Из груди врачевателя вырвались странные, сдавленные звуки, затем он издал крик женским голосом, засопел, засмеялся раскатисто, завыл, словно волк.

– А теперь шаман говорит с духами на понятном только ему языке, – толковала индианка.

Шаман продолжил пляску сначала медленно, затем всё быстрее, и скоро его движения стали совсем неистовыми. Глаза его вылезли из орбит, язык изо рта, тело затрясла лихорадочная дрожь. Туловище, ноги, руки ходили ходуном. Странно тряслись губы.

– В него вошёл дух, – шёпотом остановила Орина Роза, который вскочил и хотел помочь шаману, вывести из дурманящего состояния.

Колдун взревел, как лютый зверь, упал на живот и от души орал на разные голоса.

Больной ребёнок очнулся и заплакал. Его унесли из типи.

Все индейцы вскочили и устроили всеобщую пляску с гиканьем и песнями. Кто-то надел шкуру медведя, кто-то изоб-

ражал птиц.

–Колотушка, жезл, бубен, железная корона или повязка на лбу – обязательные атрибуты шаманы?– переспросил Орин у переводчицы.

–С этими вещами шаман не расстается,– кивнула Роза.

–Жезл, держава и корона...– пробормотал Орин,– Неужели наши короли переняли регалии власти от друидов-шаманов?

Капитан вспомнил рассказы Драммонда об Австралии, о племени Аранда. «Чёрт, как похожи описания шаманских обрядов. В Африке, я уверен, происходит то же самое. Неужели все эти примитивные цивилизации некогда общались? Абсурд. У них не было кораблей. Значит, их предки все вышли с одного континента...Но как они добрались до других материков? Может, континенты раньше были одним целым, а землетрясение разъединило их?»– думал на тему переселения он.

Филдинг подарил шаману карабин, как и обещал.

Обрадованный подарком индеец предложил парню:

–Хочешь, я скажу твоё будущее?

–Я не верю, что твои духи общаются с духами белых,– недоверчиво произнёс Орин.

–Я уже пробовал гадать белым, у меня получалось. Кое-кому я даже исправил судьбу, отогнав от них беду.

–Тоже мне управитель мира.

–Общение с духами предков наделяет меня могуществом

и предвиденьем. Хочешь доказательств? У меня тут во фляге есть сок одной травки... выпей-ка...

—Нет уж, наркотики мне твои не нужны. Так не можешь одолеть меня?

—Вижу в твоём сердце большую любовь...

—Это можно сказать про любого молодого человека!

—Но женишься ты на туземке.

—Ври, да не завирайся. У меня есть жена. Белая женщина.

—Не вижу белых женщин возле тебя, только женщины с тёмными волосами и тёмным цветом кожи.

Вождь племени преподнёс Филдингу чан с мерзко пахнущей жидкостью.

—Выпей, иначе наш народ обидится,— подсказывала сзади Роза.

Орин смиренно сделал глоток, проглотив отвратительный напиток. И после этого ему сделалось удивительно легко и радостно. Он обнял шамана и рассмеялся. Колдун вторил ему торжествующим, громким смехом, хохотал, запрокинув голову.

Что было дальше, и как уснул, Орин не помнил. При пробуждении в голове пронеслось: «Коварный шаман подлил мне в питьё наркотическое вещество». Веки не желали открываться, он с трудом приоткрыл глаза. Видимо наркотик ещё действовал, потому что рядом он увидел желтоватое тело туземки. Орин продрал глаза. Да, действительно, силуэт девушки не галлюцинация, он отчётливо увидел, что лежит

на шкурах рядом с голой Розой!

Девушка улыбнулась ему, а затем грустно рассказала:

–Ты был в бреду и говорил о лодке, плывущей к берегу-мечте...

–Я был не один...в той лодке. Со своей любимой,– вспоминал видения Орин, он упустил, что ему привиделось, что он занимался в лодке любовью с Оттавией,– Но её унесло море, и принял большой корабль, а мою лодку разбило о скалы...

–Да-да, ты звал свою любимую: «Отта, приди ко мне! Вернись!» А потом кинулся на меня со словами: «А, вот ты где»...

–Надеюсь, я не сильно Вас испугал?.. И не причинил никаких травм? Синяков там...ссадин...– испуганно забормотал капитан, укрывая нагое тело девушки шкурой, он всё ещё надеялся, что между ними ничего не произошло интимного

–Прошлой ночью я стала твоей женой...– робко произнесла индианка.

–Почему ты не ударила меня, защищая честь?! Вы, цветные, что только не сделаете, чтобы заполучить себе богатого, белого мужчину!– обвинял её англичанин,– Теперь будешь бегать за мной, преследуя?! Зачем ты легла со мной в постель?!

–Да, я – глупая скво, возомнившая, что человек, способный на такую огромную любовь сможет так же сильно полюбить меня...

–Между нами нет, и не может быть ничего общего,– «отрезал» Филдинг.

Он нащупал одежду и стал быстро одеваться. Роза последовала его примеру. Слёзы потоком текли из её чёрных глаз. Он не смотрел в её сторону, так был зол на неё.

Выскочил из её жилища. Девушка вышла за ним.

Поблизости стоял шаман.

Он спросил у соплеменницы:

–Белый обидел тебя?

Девушка молчала, но её заплаканное лицо говорило о многом.

Колдун ударил Филдинга кулаком в глаз. Орин согнулся. Затем опомнился и налетел на противника с ответными тумаками. Его противник был крепкий, сильный индеец, и они изрядно посылали друг другу тумаки.

Схватившись за плечи капитана, шаман бросил ему в лицо:

–Можешь забрать свои подарки, они мне больше не нужны! От такого низкого человека, что обижает слабых и беззащитных!

Пока Орин обдумывал, что ответить, индеец уронил его наземь, выхватил нож, замахнулся.

–Нет!– остановила схватку Роза,– Я сама позволила пришлому вольничать в своём типе.

Шаман нехотя слез с белого парня. И ушёл.

Филдинг бросился собирать своих людей, которых на

ночь приютили добрые индейцы.

Войдя в номер гостиницы, Орин попросил Руперта:

–Дружище, в следующий раз, если я взгляну благодушно в сторону привлекательной аборигенке, свяжи меня по рукам и ногам, и запри где-нибудь в подвале.

–Весьма конструктивное предложение,– кивнул друг,– А что случилось?

–Переспал с Розой и подрался с шаманом.

–Хорошо отдохнул и повеселился,– засмеялся Буркс.

–Меня чуть не убили...Хорошо, отделался парой синяков...

–Тебя, как маленького, нельзя оставлять без присмотра!

Парень сел на стул и ударил себя по коленкам.

–Как я мог связаться с аборигенкой?! Зачем? Зачем? А, это всё наркотическое опьянение! Мне виделось, будто я обнимаю Малевольти...

Орин подошёл к окну и уставился на кромку горизонта. Всё это невероятное количество воды отделяет его от Англии...и от Оттавии.

–Отта, ты будешь моей!– крикнул юноша в морской простор и пригрозил далёкой Малевольти обоими кулаками.

2 июня 1.814 года. Баронессе Тине Бонэм сообщили, что вдали показался корабль Орина Филдинга, и тётушка заторопилась на пристань, чтобы с остальными родственниками встретить племянника. Её, как обычно, сопровождала



компаньонка Элеонора Фиоре, которой нынче исполнилось шестнадцать. Характер девушки действительно стал уравновешенным, её темперамент выдавал лишь живой, озорной блеск глаз. Красота Элеоноры расцветала, но именитых кавалеров удерживало её незнатное происхождение.

Сойдя на берег, Орин отметил, что в Европе поменялась мода с приходом новой династии. Эпоха реставрации принесла широкие, развивающиеся платья из плотной материи с прямыми рукавами. Кружева до самых кончиков пальцев выглядели изящно, но вот такое количество бантиков пугало. У барышень волосы ниспадали до плеч затейливыми кудряшками.

Шестьдесят двухлетняя Бонэм расцеловала Орина в обе щеки, прослезилась. Капитан в ответ проделал то же.

Элеонора удивилась себе: почему она робеет в присутствии этого капитана, что, по слухам, встречается с её тёткой Оттой.

Других родственников весть о прибытии Орина ещё не застала.

Филдинга ждали дела с Россом, и он учтиво повёл тётушку до кареты, расспрашивая о семье.

А девушка поравнялась с одним из матросов, и любопытно спросила:

–Ваш капитан...какой он?

–Настоящий морской волк! Такого изобретательного пройдоху ещё надо поискать!

Элеонора восприняла эту грубую лесть за похвалу, за высшую оценку деятельности Филдинга. Хоть нельзя назвать Орина абсолютным красавцем, но он так обаятелен... И она создала себе кумира. Её девичьи мечты сосредоточились на нём, он стал объектом поклонения и обожания, ведь сердце юной девушки не может пустовать, вот она и поселила в него Орина.

Сажая даму в карету, капитан сделал комплимент:

–А Вы всё молодеете, тётушка.

–Шутник, хулиган,– замахала на него веером баронесса, улыбаясь.

Юноша покаянно сложил ручки на груди и жалобным, извиняющимся тоном «заблеял»:

–Если б я мог знать, что правда так оскорбит Ваши уши, я бы рта не раскрыл.

–Все мои знакомые прожужжали уши, допытываясь о сроке твоего возвращения, Орин.

Подошедшая Элеонора с интересом слушала беседу.

–Почему всегда столько внимания к моей скромной персоне?

–Тебя считают славным малым, и с интересом следят за твоей судьбой.

–В городе полно людей куда более интересных, почему именно меня избрали в любимчики?

–Из-за твоего неунывающего характера и прекрасного чувства юмора.

–Значит, если б в городе прошёл конкурс на самого популярного человека, первый приз достался бы не мэру и не мамаше из салона «Прелестницы», а, безусловно, мне. Есть чем гордиться.

Затем Филдинг поцеловал руку тётё и помог подняться в карету Элеоноре.

Карета отъехала.

Орин с благоговением оглядывал кусты цветущего вереска.

К нему подошёл Персиваль Росс.

Судовладелец рьяно потряс руку парню и заявил:

–Мистер Филдинг. Вы – лучший капитан из всех, с кем я имел дело.

–Боюсь, мою сестру Вы этой похвалой не прошибёте, вряд ли когда-либо она будет гордиться мной. Я и Норман – постоянные объекты для нападок, мы всегда плохие.

Росс назвал сумму сделки.

–Персиваль, Вам на ринге отшибли память? Мы договаривались совсем о других процентах. Точно говорят: владелец золотых гор всегда жаден.

–Боцман сказал, что корабль получил пробоину.

–Сам боцман и виноват в этом происшествии.

–Нельзя возлагать ответственность на лицо младше по чину.

–Но не мог же я сутками дежурить у штурвала.

Но долго спорить Филдинг не любил, он уступил, в прин-

ципе он и так дополнительно не плохо наварился на шкурах и доставки груза по озеру.

Сестра дома докладывала:

–Норман стал домоседом!

–Исправился!– порадовался за неё Орин.

Он только переступил порог дома, а море уже тянуло к себе. И ещё в душе он боролся с собой: его влекло посетить магазин Малевольти.

Когда семья собралась за столом, Наяда объявила, что одна из тётушек Филдингов пригласила её с семьёй в гости в Лондон. Норман отнекивался от поездки, заверяя, что завален работой. «Ехидная физиономия вездесущей сестры порядком надоела, хоть отдохнём немного от её нравоучений», – обрадовался брат.

–Мама, я хочу в Лондон!– заголосила Фрэзи, – И по пути заедем к Джозефу, да? Я так давно его не видела...

–Не может быть и речи о твоём путешествии. А твой брат сам скоро приедет погостить.

–Но почему мне нельзя?– капризничала семилетняя девочка.

–Путь не близкий, а в лесах полно бандитов.

–А почему ты думаешь, что тебя бандиты боятся?– наивно узнавала дочь.

Взрослые засмеялись.

Наяда с надеждой спросила у брата:

–Орин, ты составишь мне компанию?

–Лэсли и так ворчит, что я мало уделяю ей времени...

–Если желаешь – поезжай,– не возражала жена.

–Нет, нет, не хочу оставлять Лэсли одну, она и так занята маленьким Энджелом.

Хоть Орина и тянуло к Оттавии, но обида ещё не прошла, он сдерживал себя в стенах дома вновь.

Зиюня. Тим Торнтон, этот белёсый гигант, смотрел на окружающих снисходительно, как на неразумных детей. Он сидел с чашечкой кофе в кресле, и чашка казалась совсем миниатюрной.

Красавец Алан облокотился на кресло рядышком. Рассказывал об интересных расследованиях близняшкам, которые мудрили с ворохом цветов, подбирая бутоны в букет. Те в свои четырнадцать лет считали себя взрослыми девицами на выданье, потому старались много не смеяться, придавая лицу строгое выражение. Их мать, сидя на диване рядом с Артуром, с беспокойством наблюдала за их ужимками.

–Оттавия, Вы старательно скопировали себя. Чудесно, что теперь вместо одной – три красавицы,– льстил итальянке Тим.

–Принесёт ли им счастья красота?– вздохнула женщина.

Джесс предложила собравшимся придумать стих из слов, что придут в голову спонтанно.

Молодёжь наперебой предлагала слова:

–Трава!

– Таракан!

–Листва.

–Тоска.

Девушка их записала и дала всем времени не более пол часа.

Оттавия наклонилась к Артуру и зашептала ему на ухо:

–Алан и Тим стали часто бывать у нас...Общаются с тобой?

–Они столько времени были вдали от нас, теперь навёрстывают упущенное. И я сблизился с Тимом. Он неплохой экономист и прекрасный товарищ.

–Чем же вы занимаетесь на досуге?

–Конный спорт, гири...

–Похвально...Но я ни разу не слышала в каком офисе работает Тим.

–Он – ценный специалист, его нанимают по часам многие фирмы...

Молодёжь излагала смешные стишки, что родились экспромтом. Девушки забыли о неприсущей им сдержанности, и весело хохотали над нелепыми сравнениями и неуместными внедрениями в слог слова «таракан».

Затем сели пить чай.

Оттавия неодобрительно посматривала, как дочери уплетают сладости, и заметила, как бы, между прочим:

–Для современных мужчин важную роль стала играть тол-

щина невесты. Любой избыток веса рассматривается, как нарушение норм и стандартов.

– Не понимаю мужчин! Разве им не важны душа и интеллект? – возмутилась Умбриэль.

Алан, хитро улыбаясь, сообщил:

– Поверьте, милочка: совершенно не важны. Только смазливое личико и худосочная фигура.

Джесс уныло протянула:

– Значит, нынче быть слегка упитанной – совершать преступление против красоты.

Мать поучала:

– Не всегда нужно делать то, что тебе хочется. Научись приспособливаться к жизни в любых условиях. И держи язык за зубами. «Что на уме, то и на языке» – это лозунг легкомысленных, ветреных повес, за слова отвечают не только короли, но и нищие, и порою за слова отвечают, как за действия. И главное: не доверяй никому, кроме себя, тайны свои и чужие, даже лучший друг может оказаться предателем или доносчиком.

– Мама, но мы – девушки, нам предстоит прятаться за могучей спиной мужа, потому, надеюсь, трудности жизни обойдут нас стороной, – возражала Умбриэль.

Через несколько дней Торнтоны опять посетили дом деда. Они нашли сестёр-близняшек в библиотеке с Артуром.

– Почему ревёшь? – поинтересовался у заплаканной Джес-

сики Алан.

–Пустяки. Читаю книгу с грустным концом.

–Как Вы, женщины, любите нафантазировать драму на пустом месте.

–А ты что читаешь?– спросил у другой сестры Тим.

–Поэму «Храм природы» Эразма Дарвина.

–О-о, молодец.

–Мы пришли пригласить вас в зоопарк,– сообщил Алан,– Охотник и зверолов Фицджеральд Форсайт привёз в наш городок экзотических животных из Африки для показа перед публикой. Мы уже купили билеты для вас на это представление.

И в условленный день молодёжь вошла на огороженную территорию зоопарка.

Артур с преувеличенно скучным видом шёл чуть впереди, лениво разглядывая павлинов.

Девушек привлекли забавные обезьяны.

–Джесс, ты хоть знаешь, чем отличается гиппопотам от бегемота?– с улыбкой спросил Алан.

–У бегемота хвостик чуть-чуть длинней,– в тон задире иронизировала девушка.

–А вот и вольера с бегемотом,– указал Тим в сторону.

Их компания приблизилась к огромному африканскому животному.

Джессика с ужасом взирала на мучения бегемота. Посудину, в которой он сидел, ничем, кроме корыта назвать было



нельзя, он в ней помещался впритык. Его объёмное тело было погружено в воду лишь частично, спина торчала на воздухе и ссохлась на солнцепёке. Животное так горестно вздыхало, что у девушки побежали слёзы из глаз.

Какой-то разодетый в охотничий костюм подросток недовольно прокричал:

–Почему бегемот не разевает пасть?

И хлестнул спину животного кнутом. Бегемот вновь издал глубокий, скорбный вздох. Джесс вздрогнула, будто ударили её.

А бессердечные дамы возопили:

–Правильно, мальчик! Бей это чудовище! Мы заплатили деньги, чтоб на него посмотреть, а он не хочет раскрывать свою пасть! Возмутительно!

У Джессики от такой жестокости побежали слёзы из глаз.

Кто-то бросил в клетку со львом гальку, животное возмущённо, очень громко издало ужасный рык. От неожиданности Умбриэль села на пыльный тротуар и заплакала.

–Уйдёте отсюда,– хныча, просила сконфуженная девушка.

Тим помог ей подняться.

–Какие вы нытики,– удивился Алан.

Артур взял обеих сестёр под руки и вывел из зоопарка.

Этим вечером Тим Торнтон окрашивал с подельниками лошадь в светлый тон яркой краской. Голову лошади оста-

вили чёрной. Повозку увешали фонарями. Получилась призрачная, святающаяся повозка с безголовой лошастью. Контрабандисты довольно хихикали.

—Контрабандное бренди под надёжной защитой призраков,— оглядывая работу, хвастал Тим.

Он самолично сел за козлы и встряхнул поводьями.

12 июля.

Наяда вдоволь находилась по центральной улице Пикадилли с тётушкой, побывала с ней на приёмах и балах. Засыпала подарками родственников, получила кучу вещей сама, и слёзно простилась с роднёй. Но уезжать из столицы миссис Сэндлер не собиралась. Она сняла номер в гостинице на краю города и собралась вечером посетить сомнительный трактир. Ещё со времён Карла Великого и Артура с Лонцелотом вельможи переодевались в простолюдий и пилигримов, чтобы попасть в атмосферу народа. Для кого это приключение, развлечение, а порой и военная или революционная необходимость. Наяду будоражила мысль: примут ли её за свою или узнают сразу же «голубую» кровь?

И вот вечером, с замиранием сердца она вошла в трактир в одежде, что носят по выходным служанки. Косметику она на лицо не стала наносить, чтобы не сочли за проститутку. Заранее наменяла побольше фартигов, чтобы не вызвать подозрение более крупными монетами.

Мебель, если её так можно назвать, была невероятно за-

грязнена, перекошена, и вообще не напоминала творение рук человеческих, будто в обширную берлогу какой-то медведь натолкал брёвен и пней. За этими столами сидел грязный и оборванный сброд.

Побаиваясь этого отребья, Наяда села поближе к столу трактирщика.

Хозяин заведения умильно смотрел на толстушку за соседним столиком. Восхищён срыть не смог, и шепелявым, смешным голосом излил ей свой комплимент:

–У, какая сочная ягодка.

Наконец, трактирщик обратил внимание и на новую посетительницу.

Наяда спросила:

–А салатик у Вас есть?

По округлившимся глазам мужчины, она поняла, что сморозила глупость. Улыбнулась и поправилась:

–Шутка. Принесите вина из бочек венгров.

–Сколько?

–Кружечку токайского и пару кусочков сыра.

«Вкушать еду надо без своей обычной помпы, делая вид, будто сию на торжестве у министра культуры»,– решила вести себя более раскованно аристократка.

К ней подсел здоровяк, заказавший уйму закуски. Он без энтузиазма стал поглощать яства.

–Нет аппетита,– с безразличным видом пояснял толстяк.

–Что же будет, когда аппетит всё же придёт? Подумать

страшно,— не выдержала и съязвила Наяда.

—А ты весёлая,— одобрил сосед по столу.

«Почему этот толстый господин так запросто со мной разговаривает? И смотрит так нахально...»,— подумала женщина, и чуть не прыснула со смеху: её всё же принимают за шлюшку! Ну, конечно, она же пришла одна в столь поздний час!

Когда сальная рука здоровяка очутилась у неё на колене, Наяда поперхнулась, и вино выплеснулось на платье.

Она вскочила, и спросила у девиц за соседним столом:

—Дамы, у вас нет носового платка?

—Нам нечего тебе предложить, кроме, как, дать тебе пинка под зад,— злобно, явно с завистью, процедила одна из шлюх.

Баронесса ошеломлённо попятилась, что вызвало нескромно громкий смех у всех посетителей трактира.

Вошедший обаятельный молодой человек, казалось, ошибся заведением, так он весь светился лоском. Его чёрные локоны аккуратно уложены в изящную причёску и намазаны фиксатуаром, эта помада для волос придавала особую гладкость волосам. Отглаженную одежду украшали белоснежный галстук с булавкой из серебра с рубином и такие же запонки.

Новый посетитель лениво обвёл присутствующих взглядом, пока не увидел Наяду. Его брови удивлённо поползли вверх. Ему показалось лицо блондинки неправдоподобным для сего местечка, слишком чистым и ангельским. Бо-

лее женственного облика барон Биффорд Олди ещё не встречал. Её красота со строгими, спокойными чертами лица, исполненное достоинством, выигрывала у крикливой, броской красоты шлюх. Биффорд удивился себе: почему он сразу решил, что эта особа не из числа дешёвых проституток? Особое мужское чутьё?

Наяда, испуганная всеобщим вниманием села на место.

Олди сел за её стол. Здоровяк недобро на него глянул.

Франт делал заказ:

–Бутылочку самого лучшего вина и что-нибудь мясное.

Трактирщик засутился возле богатого клиента.

–Милочка, подайте мне соль,— попросил молодой человек, как ему казалось весьма галантно по отношению к этой оборванке.

Девушка пододвинула солонку на ноготок.

Биффорд ухмыльнулся и от души поблагодарил:

–Спасибо, Вы очень любезны.

–Я здесь не официантка, это Вы должны быть внимательны к даме. Могли бы из вежливости предложить ей что-нибудь.

–С какой стати я должен оказывать услуги неизвестно каким нищенкам?

Это ужасно возмутило Наяду, но тут же она взяла себя в руки и продолжала играть роль развязной девицы.

–Если я сейчас не поем, то потеряю контроль над собой,— пугала она.

–Ой, это, наверное, интересное зрелище!– издевался Олди.

–Красотка, давай я закажу тебе поесть,– встрял в разговор здоровяк.

–Нет, пусть он хоть раз побудет джентльменом не на словах, а на деле.

Биффорд зло сверкнул глазами на хулиганку.

–Твоя взяла. Трактирщик, принеси даме за моим столиком пару мясных блюд!

У Олди было ощущение фальши, что-то с этой красавицей не то. Служанки, даже если долго живут у господ, так не разговаривают...но, может, исключения бывают везде? Есть же до ужаса глупые аристократки.

–А Вы не считаете чернь за людей?– с вызовом докучала Няяда джентльмену.

–Конечно же – нет! Вот Вы, например, забавная зверушка!

От оскорбления она подскочила на месте.

–Да я...да Вы...– слетали с её губ неопределённые слова.

–Да, кстати, как Вас зовут?– как бы опомнился молодой человек, подливая в её кружку своё вино.

Она себя опять успокоила, говоря себе: «Я же актриса на сегодня», и представилась чужим именем:

–Джейн.

Рассматривая её холёные руки, он узнавал:

–Няечка?

–Ну да, да. А Вы кто?

–Я – любитель разгадывать загадки.

–Загадки?

–Да, ведь каждая женщина – загадка.

–А, бабник, значит, – презрительно скривила губы Наяда.

«Почему она создаёт впечатление порядочной женщины? – опять удивлялся Биффорд, – Ну да, шлюха не стала бы кривить нос от ловеласа».

Вслух же он сказал:

–А кто говорит о тонкости чувств? Чернь способна оценить высокие отношения?

–Зажравшийся аристократ! – выпалила девушка.

«Почему мне так хочется оскорбить его? Это ведь не мой муж Норман... А, может, все мужчины гады и бабники?» – поражалась себе баронесса.

–Вот она благодарность простого народа за кусок хлеба! Кстати, что-то Вы едите без особого аппетита.

–Поглощена разговором с Вами! – огрызнулась Наяда.

Впервые в жизни она взяла кусок мяса в руку и стала отчаянно рвать его зубами. Соус стекал по её подбородку, она вытирала его обшлагом рубашки, и у Олди исчезли последние сомнения – перед ним обычная девица из рабочей среды.

Сделав большой глоток вина для храбрости, она встала из-за стола.

–Спасибо и прощайте, – заявила она.

–Уже уходите? – вскинул вверх брови Олди, – А Вы оказы-

вается: холодная обольстительница, лишённая чувственности. Я думал, что отблагодарите меня теплом своего тела...

—А где высокие чувства альтруизма, попытка накормить голодающего?

—Так ты не одна из тех...— джентльмен кивнул на девиц лёгкого поведения,— Ты не боишься, что я мог бы избить тебя?

Устремив взгляд полный лживой нежности, Наяда молвила:

—Я надеюсь, мне впредь удастся избежать такой отчаянной неприятности, как встреча с Вами.

Слегка пошатываясь, она вышла из трактира. «Какое всё-таки пьяное это вино! Может, зря я ругаю Нормана? Если от нескольких глотков так кружится голова, как же устаёт муж, которому приходится иной раз пить с нужными людьми»,— думала баронесса.

Она немного отошла вглубь улицы.

Невдалеке стояли отвратные типы. Аристократка, разглядывая их, подумала: «Такие странные, несуразные выпуклости на лице вон того амбала, его кличут не иначе, как Лошадиная Морда».

Этот субъект спросил товарища:

—Дружище, тебе доводилось видеть танцующие звёзды?

Все сопровождающие стали пялиться на небо и в голос уверять:

—О, да, сегодня удивительный день. Я тоже вижу такую



небесную феерию в первый раз.

«Да они пьяны!»— сообразила дворянка.

А бродяги стали приближаться к ней. И она с ужасом осознала, что за нищую гражданку никто не вступится. Она растерялась, остолбенела.

Верзила смеялся каким-то утробным звуком, как бы выдавливая смех из себя: «Хо-хо-хо». Другой пьяный хохотал, будто старался подражать кудахтанью курицы. Намеренья этих типов показались Наяде подозрительными. Звать на помощь? Но кто осмелится сразиться с пьяным сбродом?

—Пожалуйста, не троньте меня,— жалобным голосом, чуть не плача, умоляла красавица.

—Ты их не разжалобишь. Их сердца закалились и огрубели в пьяных драках и сабельных боях на пиратских суднах.

—Пришёл посмеяться?!— вскинулась на Олди женщина.

—Нет. Пришёл спасти тебя.

И джентльмен врезал близстоящему так, что тот чуть не прилип к стене.

Затем аристократ достал из-за пояса пару пистолетов. Бандиты дали дёру. Дворянин водрузил оружие на место.

Наяда обрадовано тараторила:

—Теперь эти сомнительные джентльмены долго не захотят видеть Вас.

Олди взял за грудки распластоного по земле громилу, встряхнул его и потребовал, кривляясь:

—Природа постаралась наградить меня добрым, влюбчи-

вым сердцем, потому я сразу не убью тебя, а дам возможность раскаяться.

—О, добрый мистер, я приношу искренние извинения Вашей даме,— заливался соловьём верзила.

Джентльмен отбросил его в сторону. Как мусор, Тот упал, вскочил и побежал на заплетающихся ногах.

Биффорд свистнул, и к ним подъехала карета. Кучер услужливо открыл дверцу перед господином.

—Куда Вас отвезти?— спросил джентльмен у спасённой дамы.

—К гостинице «Большой кит».

—Работаете там?

—Не Ваше дело.

—Благодарности, я вижу, от Вас не видать. Тогда оставайтесь здесь.

—Нет, прошу Вас: возьмите меня с собой,— взмолилась Наяда.

—Полезайте в карету.

Женщина с радостью протянула мужчине руку. Тот с изумлением помог ей подняться по ступенькам. «Что я всё время удивляюсь? Если она разъезжала с хозяйкой и хозяином, то должна была привыкнуть к галантному обращению»,— успокоил он себя.

Карета тронулась.

Наяда спросила:

—А что Вы искали в той дыре под названием трактир «Тай-

на»?

–Приключений. И я их нашёл. Это – Вы. Хотя обычно я сталкиваюсь с ворами или разбойниками. Отрабатываю на них удары, которые пригодятся в боксе.

–Жестоко искушать, а затем нокаутировать жертв.

–Разбираетесь в боксе?

–Брат занимался...

–О, как похвально для слуг... А вот мы уже и подъезжаем. У меня будет к Вам маленькая просьба: поцелуйте меня в знак Вашей благодарности за спасение.

Женщина опешила.

–Столь незначительная просьба поставила тебя в тупик, Джейн?

И он попытался её обнять. Она с визгом ожесточённо отпихивала его.

С возмущением вопила:

–Не смейте прикасаться ко мне!

–Вот только не надо подмешивать в свой образ притворного благодетеля!

–Что-о?

–Если Вы такая недотрога, тогда какого чёрта сидели в столь разгульном заведении с дурной славой? В свои двадцать пять ты до сих пор без семьи, почему?

И он предпринял новую атаку на её добродетельность. Его руки с силой сжали её плечи, его горячие губы впились в её трепещущие от негодования уста. Она билась и вырывалась,

но мужчина не отпускал её, пока полностью не сбил дыхание от затяжного поцелуя.

—Вы — подлец, мистер Вседозволенность,— тоже задыхаясь, процедила в лицо нахала Наяда.

Карета остановилась, Олди сгрёб девушку в охапку и вынес. Перед ними было здание, но не гостиницы.

—Я предлагаю стать тебе своей служанкой. Я буду больше платить.

Она поняла, что криком ничего не добьётся, а только разозлит насильника. «Ладно, пусть делает что хочет, всё равно он лучше, чем та пьяная орава головорезов»,— смирилась с судьбой женщина. Ей льстило и то, что мужчина дал ей всего двадцать пять, тогда, как ей исполнилось тридцать один.

Биффорд отнёс добычу в свою спальню. Аккуратно положил на постель, и сам лёг сверху. Он гладил прекрасное лицо, едва касаясь, зачарованно рассматривая каждую чёрточку её божественного лица. Никогда ещё он не похищал женщин, но нисколько не раскаивался.

Он осыпал лицо похищенной осторожными поцелуями, а затем присел и освободил её от панталон. Бельё на ней было дорогое, и он решил, что у плутовки есть богатый любовник.

Наяда бесстрастно уставилась в стену. Но через мгновенье её глаза расширились от изумления и небывалого восторга. Незнакомец целовал её между ног!

—Так заниматься сексом нельзя,— выдохнула ошеломлённо Наяда.

На что Биффорд рассмеялся.

–Почему же что дозволено французам – не позволительно англичанам?– усмехался он.

И он продолжил сладостную пытку. Женщина выгибалась и стонала.

Её благонравие молило:

–Прекратите.

Но тело желало продолжения.

Доведя её почти до оргазма, он остановился и издевательски спросил:

–Что, остановиться?

–Нет, продолжай!– горячо взмолилась Наяда.

Мужчина скинул с себя одежду и проник в тело женщины как подобает мужу. Впервые она радовалась интиму, впервые нестерпимо хотела обнять того, кто подарил ей блаженство. Когда новое ощущение вожделения сменилось сладостным взрывом, Наяда поняла, что изменилась её сущность женщины.

Она пребывала в истоме, а незнакомец раздевал её при- тихшую и безропотную.

–Джейн...– страстно прошептал он.

Она улыбнулась и спросила:

–А как зовут моего господина?

–Биффорд Олди.

Женщина принимала ласки чужого мужчины и таяла от прилива нежности. Биффорд всю ночь дарил себе и ей сча-

стве плотской любви.

Под утро, перебирая рукой локоны её волос, он уснул с улыбкой на губах.

Наяда была уверена, что слугам дали распоряжение не выпускать её. Но спальня находилась на первом этаже, и женщина, одевшись, осторожно открыла окно и выбралась из дома.

По дороге домой баронесса уныло думала: «Почему сердце моё в смятении? Почему перед глазами вновь всплывает образ Биффорда? Поиграла в простолоудинку... Служанка Джейн, ха! Интересно, конечно, было пощекотать себе нервы и развеяться от семьи, от измен Нормана...но, если все мои похождения всплывут? И этот Олди, наверняка, всех женщин также зацеловывает и ласкает, как и меня...» И от этих мыслей ей стало больно. Почему она не хочет ни с кем делить этого Олди? Но она его больше никогда не увидит, и Наяда заплакала.

Дома муж встретил миссис Сэндлер настороженным взглядом. Наяда старалась на него не смотреть.

–Ты соскучилась, дорогая, может, займёмся любовью?– предлагал играючи Норман.

–Опять шутишь,– отмахнулась от него жена.

Почему она не спешит поделиться новым опытом с Норманом? Может, теперь и с мужем она сможет получать то же удовольствие, что давал ей Биффорд? Но нет, после ласк Ол-

ди она не хочет, чтобы Норман дотрагивался до неё. Почему? Ведь Сэндлер имеет на неё право, а мистер Олди никаких.

–Прислали ли тётушки какие-либо письма мне или Ори-ну?– узнавал муж.

–Нет.

–Странно. А какого числа ты отбыла?

–Не помню.

–Так и запишем: скрывает ряд невыясненных обстоя-тельств,– язвил Норман задумчиво и выводил жену «на чи-стую воду»,– Почему я должен верить тебе, если ты меня все-гда обвиняешь в прелюбодеяниях? После поездки в Лондон ты сама не своя... Ты изменила мне, Наяда, это очевидно.

–Нет, Норман, нет,– отрицательно затрясла головой жен-щина.

Мужчина придал голосу дружелюбный оттенок:

–Отпираться глупо, я же юрист. Ты прячешь глаза, тос-куешь по любовнику, впадаешь в какую-то отстранённость. Бедняжка, зачем же так изводиться?

Наяда опрометчиво приняла иронию мужа за сострада-ние.

Она всхлипнула, села на стул, и, закрывши лицо руками, призналась:

–Я изменила тебе, Норман.

–Я нисколько не сомневался в твоей наигранной добродетели в таком весёлом местечке, как Лондон! При первом же искушении твоё хвалёное благонравие дало огромную тре-

щину!

–Всё вышло случайно... Я сопротивлялась!

–И кто же подверг мою благочестивую Няяду таким соблазнам? Неужели старая карга, тётка Филдинг, напала из-за угла?

«Он прав, я сама пошла искать приключений ночью в трактир...»– осознала женщина.

–Но теперь же я – твой идеал женщины! Общедоступная, любвеобильная женщина без комплексов!

–Так ты получала удовольствия...– прошипел злобно муж.

Его лицо покрылось красными пятнами. Жена благодарно отскочила в сторону.

–Ты будешь гореть в аду!– прокричал в ярости Норман.

–Может, и буду! Но какое счастье, что там тебя уже не будет: твоя проспиртованная основа сгорит гораздо быстрее!  
Норман отвернулся и ушёл не оглядываясь.

20 июля 1.814 года. После беседы с адвокатом Сэндлером один джентльмен поделился мнением с судейским лицом:

–О, этот человек очень умён, но его внешний вид поначалу меня насторожил, мне показалось, что у него лицо пьющего человека...или это мне только показалось?

–Да, Сэндлер вёрткий тип и чертовски умён. Но в последнее время много пьёт, совершенно не придерживается этикета, не следит за эстетикой лица...



–Просто звереет потихоньку,– усмехнулся почтенный джентльмен.

Вошедшему в кабинет Хедлунду Норман, который глядел в окно, нервно сообщил:

–Сейчас из-за угла появится Оттавия Малевольти...

–Откуда знаешь?

–Сердце сладко ёкнуло.

И действительно: через мгновение из-за угла вышла эффектная итальянка Малевольти.

–К чёрту эти бумажки!– отпихнул папку в сторону адвоката.

Он бросился к выходу из здания. Сбил с ног парня-почтальона и даже не извинился.

Любимую женщину Норман нагнал за поворотом. Налетел на неё, как разбойник, схватил за плечи, прижал к прохладной каменной стене, покрыл лицо поцелуями.

Оттавия нападения не ожидала, растерялась.

Но когда Сэндлер добрался до губ любимой, она со слезами запротестовала:

–Я же не уличная потаскуха, чтобы целовать меня на глазах у прохожих!

–Плевать мне на всех,– задыхаясь от страсти, шептал мужчина.

К счастью ротозеев-прохожих было пару человек – бродяга да старый, подслеповатый джентльмен, что еле передвигался, уперев взгляд в тротуар.

–Я же говорила тебе, что моя душа зовёт только Орина!– отталкивала Нормана Отта.

–Орин ненавидит тебя!– зло выкрикнул Сэндлер, и скорым шагом вернулся в судейскую контору.

21 июля. Артур, конечно, посещал публичные дома, ведь 24 года – сочная дата, но из его головы не шла обида, нанесённая Рут Оллинхэм, её пленительная красота всё ещё не отпускала, будоражила юношеские мечты.

И вдруг сегодня он получил записку от этой высокомерной дамы: «Годы идут, и мне стало скучно. Приезжай. Служу я отпустила на выходные. Банкир уехал в Лондон. Открою сама».

–Я не собачка на побегушках! Пусть ищет другого мальчика для утех,– возмутился юноша.

Он подошёл к зеркалу и принялся укладывать бакенбарды, что с недавних пор красиво обрамляли его лицо. Затем бросил расчёску, и чуть ли не бегом припустил к двери.: пусть Рут не любит его, но всё же будет обнимать и целовать его!

Артура Боу охватила волна нетерпения, как только он переступил порог дома Оллинхэма. Сняв шляпу, он потянулся было к Рут за поцелуем, но плутовка играла с ним – смеясь, отбежала. Это нисколько не забавляло парня, а только злило. Он преследовал её из комнаты в комнату.

Обидевшись, сел на стул, закинув ногу на ногу, и насыпился. Рут подкралась неслышно. Пощекотала его лицо шёлковым платком, затем запрокинула Артуру голову, наклонилась и поцеловала в губы. Смеясь, опять отскочила.

Юноша помчался за ней с новым азартом. Настиг в спальне и повалил на розовую постель с балдахинном из нежного газа. Он целовал её, она продолжала смеяться. Тогда Артур стал играть языком с её ухом, шеей, расстегнул сзади платье и жадными руками стал ласкать грудь. Дыхание девушки сделалось прерывистым.

Утром уставшая Рут в пеньюаре провожала любовника до двери. Он надел шляпу, как вдруг в дверь вошёл банкир Оллингхэм.

Старик оглядел застывших молодых людей и разразился бранью:

—Где семейка Боу – там сплошные скандалы! Теперь я понимаю, почему никто в Лондоне не кидался на такое сокровище по имени Рут Брантуэйт. Один я, дурак, приехал и посватался!

—Просто удивительно, сэр, до какой степени в истерике Вы преувеличиваете факты и естественное положение вещей,— нагло оправдывалась жена банкира,— Мистер Боу зашёл узнать под какие проценты можно поместить свой капитал в банк.

—Да тебе, Рут, надо было играть в театре на пару с Эдмун-

дом Кином в пьесах Шекспира. Милочка, если Вы думаете, что я буду сквозь пальцы смотреть на Ваши шашни, и беспрепятственно отпустить на сомнительные вечеринки, то Вы ошибаетесь. Человека с большим мешком денег разведёт с женой даже не король, а любой чиновник. Собирайте свои вещи, и подите прочь из моего дома!

—Но мне должно причитаться намного больше, чем просто мои вещи,— возражала Рут.

—Благовоспитанным жёнам достаётся капитал мужа только после их кончины, здесь же имеет место пошлый разврат, измена. И Вы должны прекрасно понимать, что не получите ни пенни. Кстати, Вы и пришли в этот дом без приданного, без денег и уйдёте.

—Но куда же я пойду?!

—Рут, я, как честный джентльмен, женюсь на Вас,— заверил «бедняжку» Артур.

Но слёзы из глаз девушки побежали ещё сильнее.

Появление Артура с невестой вызвала в доме Боу ступор. Как всегда больше всех досталось Оттавии, Освальд горланил:

—Ты воспитала моих сыновей необузданными и несдержанными! Сначала Эммит привёл в дом невесть кого, теперь Артур отбил у уважаемого человека жену! Они опозорили мою фамилию!

—Они не сделали ничего плохого,— возражала жена,— Они

всего лишь не пошли наперекор сердцу, игнорируя мнением общества, мальчики женились на тех, кого выбрали сами. И разве это не вы сами опозорили фамилию, изнасиловав беззащитную, итальянскую девочку-подростка?

Старик неодобрительно оглядывал красавицу Рут.

Он продолжал ворчать на сына:

–Ничего нельзя придумать хуже брака по любви! Когда ослеплён ярким, обманным светом пресловутой химеры-любви. Но надо признать: нет силы сильнее, чем желание завладеть любимым объектом. Думаешь, завладел святыней, и всё пойдёт в жизни, как по маслу? В быту много подводных камней. Вот я любил вашу мать, но после рождения Виндэлии бежал от её упрёков на Цейлон. Когда вернулся, жена стала молчаливой и безропотной, но это была уже не любовь, и даже не почтение, а просто терпимость.

Оттавия растерянно проронила:

–Счастья вам, дети.

Молодые кивнули ей и прошли в комнаты жениха.

В спальне Рут села у зеркала и принялась снимать серьги.

Она поинтересовалась:

–Артур, почему твой отец упомянул о браке Эммита, как о чём-то запредельном?

–Это тайна...

–Как? Даже от меня?

–Шеннон не дворянка.

–Я видела её как-то в магазине... Как твой брат мог полю-

бить такую невзрачную особу?

–Твоя красота, без сомненья, похожа на пышную розу, но некоторым чудакам милее полевые цветы: ромашки, колокольчики и незабудки.

–Возможно... Значит Эммит встретил незабудку и не смог её забыть, – хмыкнула девушка, – Но она не дворянка, а значит – я никогда не заговорю с Шеннон, а значит – и с твоим братом.

–Это жестоко. Ты тоже не гладко вошла в нашу семью.

–Ну, хорошо, ради тебя я для приличия буду иногда разжимать рот, чтоб поздороваться с ней.

30 августа.

Наяда с усмешкой спросила у мужа, зайдя в его кабинет:

–Какой же подарок приготовит мне муж на день рождения? Ответ очевиден: конечно, напьётся.

–Ты ещё смеешь показывать зубы?

–Несомненно. Мы с тобой теперь на равных.

–Что-то я ни разу не видел тебя карпеющей над речью для оправдания подсудимого.

–У меня куча других дел. Воспитание твоей дочери, наблюдение за порядком в доме.

–Что ты от меня ждёшь? Что я дам слова не напиться? А я не дам. Буду вести себя, как обычно – отвратительно.

–Будет полно литераторов, актёров и музыкантов, а ты вместо того, чтобы декламировать стихи опять напьёшься?

Тебя ничего не интересует? Да на тебя нарисуют шарж или настрочат памфлет.

–Подумаешь эпиграмма! Да я развлекаю публику почище твоих лицедеев! На меня только все и смотрят.

Баронесса махнула на него рукой: «С ним всё понятно, специально хочет испортить мне праздник».

Брат, как глава дома, находился рядом, когда Наяда встретила и привечала гостей. Кислые мины Орина раздражали её.

Она сделала ему замечание:

–Мог бы ты быть чуть-чуть полюбезнее?

–Честно сказать, все эти поклоны и церемонии навевают на меня тоску,– признался парень.

–Но этим отличается наше именитое общество.

–Знаешь, у дикарей тоже есть особые приветствия для вождей. Я всегда сравниваю Высший Свет и Совет вождей.

Женщина засмеялась.

–Цивилизация и первобытное общество далеки друг от друга,– категорично заявила она.

–Чем же? Их вина в том, что они не изобрели порох?

–Ты считаешь, что индейцев можно ставить вровень с нами? Этих невымытых, неграмотных особей неизвестного вида животного? Да наши крестьяне куда чище.

–Мне стыдно за тебя. У индейцев своя философия. Они очень горды и смелы. Достоинства в них больше, чем у прин-

цев крови.

–Ты обвиняешь меня в невежестве? Я для полного совершенствования должна ещё выучить индейскую философию? Тогда привези мне хоть одну книгу из Америки по их философии,– ехидничала Наяда.

Вошедшему Биффорду Олди спесивое выражение лица надменной блондинки показалось странно знакомым. «Боже! Сомнения нет – это Джейн! Я нашёл её! Правы были в гостинице, когда сказали, что приметы искомой служанки совпадают с наружностью постоялицы миссис Сэндлер»,– обрадовался он.

–Кто та великолепная дама?– спросил Олди у поверенного банка Оллинхэма.

–Это хозяйка дома. Баронесса Наяда Сэндлер,– подымаясь по ступеням с придыханием, сообщил банкир

–Наяда? Какое странное имя...но, несомненно, очень ей подходит. Загадочная женщина.

–Наяда – загадка? Да она обычная светская львица!

«Так дама играла со мной в игру, где развлекалась в образе служанки!»– возмутился Олди.

–А леди Сэндлер может проявить особую благосклонность?

–Она даст Вам поцеловать свою руку, больше надеется не на что. Наяда – образец нечеловеческого хладнокровия.

–А я думаю – это маска для гостей,– усомнился прибывший из Лондона гость,– А дома эта женщина само очарова-



ние.

–Ха! Сразу видно, что Вы приезжий. Миссис Сэндлер слывёт занудой, мегерой и домашней тиранкой. Прислуга её ненавидит, а муж приходит домой лишь только затем, чтобы выспаться.

Оллинхэм приподнял цилиндр и, улыбаясь, представлял гостя:

–Имею удовольствие представить Вам нашего лондонского начальника лорда Биффорда Олди.

Наяда пыталась справиться с обуявшими её эмоциями: ей хотелось убежать, спрятаться...потому, что безудержно тянуло кинуться в объятия Биффорда. Она присела в реверанс, пряча глаза.

–Вам душно, леди? Ваше лицо залила краска,– разыгрывал Олди озабоченность,– Принести холодного лимонаду?

–Нет, нет, спасибо,– залепетала баронесса.

Орин тоже воззрился на сестру, не понимая, как за минуту та из тигрицы превратилась в кроткую овечку.

–Не окажете ли честь сопроводить Вас в сад?– не унимался Олди.

–Я – хозяйка торжества и именинница, мне нельзя покидать дом,– мялась баронесса.

Она присела в реверанс в знак благодарности, и шепнула ему:

–Оставьте меня.

Лорд нагнуллся и поцеловал её руку, прошептав:

–Ни за что.

–Хорошо, будьте так добры, сопроводите меня на балкон,– сдалась Наяда.

–С удовольствием, леди Сэндлер.

–Вы позволяете себе распоряжаться мною,– неодобрительно заметила ему дама полушёпотом.

–А я-то ломал голову, соображая, как служанке Джейн удаётся быть возвышенной и выдержанной. А это был плохой спектакль! Благородство крови не скрыть за дешёвой одеждой, Наяда.

–Вы меня с кем-то спутали,– холодно вставила баронесса опровержение в горячую тираду Биффорда.

Они вошли на балкон, увитый плющом.

Мужчина мечтательно продолжал:

–Да, я знал девушку, похожую на Вас, но она была не сухая и сдержанная леди, а прямодушная служанка Джейн.

–Убирайтесь, убирайтесь с моих глаз,– взмолилась Наяда, отворачиваясь.

–Сама учтивость,– театрально изумлялся Биффорд,– А мне-то все уши прожужжал, что дом миссис Сэндлер – самый нравственный рассадник аристократов крови, здесь, дескать, царит этикет и благоразумие в высшей степени.

–Вам нагло ввали. Всю идиллическую картину портят мой алкоголик-муж и несносный братец.

–Вы умоляете свои заслуги. Я, конечно, наслышан о похождениях Вашего братца, но его сестра превзошла его в

распутстве.

–Бессовестный изверг! Вы намерены шантажировать меня, требуя денег?– с гневом вопрошала женщина, повернувшись к лорду.

Аристократ рассмеялся.

–Денег! Этого товара у меня завались! Ах, Наяда, неужели ты не разгадала меня? Я – деспот и шантажист... который любит тебя.

–Шут.

–Поверь мне, любимая. Я был на грани помешательства, когда проснулся, а тебя не было рядом. Я узнавал о всех служанках по имени Джейн...Как же ты далеко убежала...Хорошо, что в гостинице «Большой кит» меня навели на правильный след...

–Я не верю Вам, лорд Олди. Наша встреча – случайность. Вы прибыли в свой филиал банка с ревизией, а сейчас, чтобы отомстить мне за игру, изображаете чувства, коих нет.

–Не надо приписывать другим свои грехи! Это ты разыгрывала спектакль, развлекаясь!

–А ты, думая, что я простая, бедная девушка поспешил завладеть мною!

Биффорд привлёк к себе эту разъярённую мегеру, и впился в соблазнительные губы. И у Наяды не хватило силы воли оттолкнуть его. Наоборот, она прильнула к нему и растаяла, упиваясь негой. Губы Олди не лгали, в его поцелуе чувствовалась жажда влюблённого.

Наяда зашептала ему в лицо оправдания:

–Поверь мне, Биффорд, я не грязная потаскушка, я всего лишь один раз переодевалась в служанку. Первый раз в жизни я хотела испытать, что значит быть необременённой властью, но люди всегда от чего-нибудь зависят...

–Я хочу вновь насладиться тобой...увидеть твою страсть...

–Нет!– отшатнулась женщина.

–Да.

–Нет!

–Да.

–Умоляю: не прибегай к шантажу...и к ласке, иначе...иначе...

–Убьёшь меня?– со смехом переспросил Биффорд.

–Не прибегай к насилию через шантаж, иначе я возненавижу тебя, – выпалила баронесса.

–А разве Вы питаете ко мне какую-либо привязанность?

–Да. Я успела...я успела полюбить Вас,– выдохнула Наяда.

–О, нет!

–К сожалению – да.

–Я хотел сказать: о, нет, я даже не смел мечтать. Я останусь в Вашем городе.

–Нет!

–Да.

–Нет!

—Да.

—Но тогда каждое твоё появление будет соблазнять меня и искушать... Мне будет больно видеть тебя, и не иметь возможность обнять...

—Где ты была раньше?— с болью в голосе и укором к судьбе воскликнул мужчина,— Я узнавал: ты в девичестве подолгу гостила в Лондоне, а я ни разу не встретил тебя на балах! Больше десяти лет ты уже замужем за другим...

—Долгие годы без счастья,— вторила Наяда.

—И ты думаешь, что теперь я смогу жить, и не стремиться вновь увидеть тебя?

—Я дам свой портрет...

—Он не заменит оригинал. Я не мальчишка-романтик, чтобы довольствоваться немногим, выдумывая любовь, тешить себя пустой надеждой.

У обоих из глаз брызнули слёзы.

На балкон вышел Тайлер Оллихэм.

—О, миссис Сэндлер, чем так расстроен лорд Олди? Не часто увидишь слёзы на глазах у столь мужественного мужчины.

—Я рассказала ему о гибели своей дорогой сестры Граветин,— всхлипнув, сказала хозяйка дома.

—Это ужасно, ужасно,— подтвердил Биффорд, отворачиваясь.

Баронесса Сэндлер выскользнула с балкона, оставляя гостей.

Оллихэм задумчиво подтвердил:

–Да, даже старые раны больно тревожить.

Ноги несли Олди вслед за любимой женщиной. Вот она вырывает бокал со спиртным у джентльмена в белом парике.

–Хватит пить, ты меня позоришь,– укоряла баронесса мужа.

–Жёны подрезают мужчинам крылья, а потом укоряют, что они не ангелы.

–Своей иронией ты превозносишь себя до небес. Но чем ты превосходишь остальных? Сам ведь далёк от идеала.

–Наяда, иди к поэтам, те уже читают оды в твою честь,– гнал её Норман.

Жена от него отстала. Быстрым шагом направилась к группе людей, что слушали стихи.

Незнакомый молодой человек высокопарно спросил у Нормана:

–Вас нисколько не волнует общественное мнение?

Адвокат воззрился на гостя. Лощёный брюнет так и светился презентабельностью. «Неплохая бы получилась парочка из него и Наяды»,– ухмыльнулся Сэндлер.

Вслух же он сказал:

–Вы всё не так поняли: у нас городской конкурс на самого пьяного хозяина, и на самую стервозную хозяйку. Собственно с кем имею честь говорить?

–Я пришёл с мистером Оллихэмом, я представитель банка из Лондона. Моё имя Биффорд Олди.

Норман выпятил нижнюю губу, кивая в знак удивления.

–Высокая шишка,– похвалил хозяин молодого человека.

Олди указал в сторону официанта с разносом, у коего стояли разнообразные алкогольные напитки:

–Виски?

–Ага, бутылки две-три,– кривлялся барон, забирая с разноса стопку.

–Алкоголь воспринимается Вами, как экстремальный вид спорта?

–Вот именно.

–В такой борьбе огненная жидкость обычно побеждает человека.

–Да я давно уже на краю пропасти.

–Не понимаю, что привело Вас к краю обрыва. Прекрасная жена, дети, высокий доход, положение в обществе: всё есть.

–Между этими аспектами нет гармонии. Жену не люблю. На работе кривлю душой в угоду толстосумов. В Высшем обществе разочаровался...

–Так поменяйте что-либо в жизни!

–Дельный совет. Хотя я вдруг понял, в чём ошибался... Я выдумал себе идеал. Не мог довольствоваться тем, что имел, тяготеея к другой женщине. Не мог быть счастливым, хотя всё имел для этого. Может, так бывает со всеми? Наши мятежные души всегда в поиске, всё время ищут что-то более стоящее и прекрасное.

Лорд Олди пробыл в доме капитана Филдинга и его сестры, пока гости не начали покидать гостеприимных хозяев.

Когда Олди направился к выходу, Наяда спустилась за ним, но он не заметил, что кто-то спешит за ним.

Он зло попросил кучера:

–Любезный, а отвези-ка меня в бордель.

Баронесса села в свою карету и поехала следом. «Неужели мой возлюбленный войдёт к дешёвым проституткам после того, как только что объяснился мне в любви?»– не верилось ей.

Биффорду показались отвратительны старания фригидной проститутки.

Он, поспешно одеваясь, будто что-то гнало его отсюда, говорил ей:

–Зачем пыжиться и изображать то, о чём понятия не имеешь? Опытному мужчине сразу видно твоё поганое притворство, обманывай лучше наивных студентов.

Олди вышел из публичного дома. Хотя тёмная мгла ночи нависла над городом, он различил сидящую возле кареты прямо на земле плачущую женщину. Мужчине стало жаль бедняжку. Он подошёл и поднял её за плечи. Лицо женщина укрывала в тончайшую шаль и безутешно рыдала ещё громче.

Лорд уговаривал её:

–Здесь не место для благородных дам. Ваш муж всё равно вернётся домой, к Вам.



–К чёрту мужа, там были Вы, Биффорд,– подняла на него зарёванное лицо Наяда.

–О, Боже! Любовь моя, что Вы здесь делаете?– опешил мужчина.

Женщина в ответ только всхлипывала. Биффорд усадил её в свою карету, прислонил к себе. Она рыдала в истерике, он гладил её по плечу, приобняв, другой рукой гладил по мокрому лицу.

–Я же мужчина, Ни-Ни, а ты так далека и недостижима...

–Я здесь,– опротестовала Наяда,– Отвези меня не домой, а к себе.

Ни-Ни её ещё никогда не называли. И это ласковое прозвище звучало так мило.

–О, Бифф, я ещё никогда так безумно не любила! Я вообще до этого ничего не знала о любви!

Он впился губами в этот обожаемый рот. Она всхлипывала, и он переключился на её шею.

Карета остановилась у гостиницы. Олди закутал лицо женщины в шаль, она ему улыбалась сквозь щёлку материи.

Биффорд постарался обучить любимую в номере гостиницы многообразию поз.

И после многоразового соития, он счастливо шептал ей:

–Так часто я ещё никогда не занимался сексом... Всю ночь подряд, раз за разом я сливаюсь с тобой в единое целое. Я хочу быть всегда рядом с тобой. Просыпаться вместе и обещать, восхищаться тобою ежеминутно...

–Я потеряла своё хвалёное благоразумие,– хихикала Няяда,– И очень этому рада. Пусть Сэндлер разводится со мной.

–А я с испугом ждал, что сегодня ты вспомнишь в постели о своих хороших манерах и будешь искренне фригидной, как большинство аристократок.

–Прискорбно тебя разочаровывать.

–Похоже, ты не торопишься домой...

–Выгоняешь?– удивлённо подняв брови, спросила Ни-Ни.

–Я боюсь, что безупречная репутация леди Сэндлер даст трещину... Ты уверена в кучере?

–Когда я с тобой, то мне всё остальное безразлично.

–С мужем ты тоже такая страстная?

–Совсем нет. Мы никогда не занимались с ним ничем подобным. Пару поцелуев в щёчку, быстрый секс и всё.

–Он тебя совсем не любит.

–Это я теперь понимаю.

Норман появился перед Орином с вопросом:

–Последние гости разошлись, а я не могу отыскать Няяду. Случайно не знаешь: где она? Уже ночь... Не случилось бы чего...

–Да, она говорила, что собиралась заехать к Беуле,– врал капитан,– Ты не волнуйся, я сейчас поеду и встречу её.

«И чего это Сэндлер всё ещё на ногах? Не мог поильнее напиться!»– подумал Филдинг. Брат сердцем чувствовал, что сестра кем-то увлеклась, и не в силах оторваться от

любимого человека.

Куда ехать он понятия не имел. Его карета простояла за поворотом, а затем Орин приказал ехать домой. «Скажу: карета сломалась. Надо только Бурксу сказать, чтоб дождался Наяду и предупредил на счёт Беулы»,— решил капитан.

Юноша постучался в спальню Нормана и услышал встревоженный женский шёпот.

—Ах, подлец! Затащил в постель служанку!— заорал родственник и вышиб дверь.

Женщина прятала голову под одеялом.

—Убирайтесь из чужой постели, или я вышвырну Вас в окно!— в ярости угрожал Филдинг неведомой даме.

Раздалось женское хныканье.

—Жаль, что я в детстве не пришиб тебя, Норман, цветочным горшком!

И Орин одним рывком сбросил одеяло со шлюшки.

—Лэсли...— впал в ступор праведно возмущённый муж, разглядывая жену в одном корсете.

—Да! Да! Я на это пошла, потомучто никогда в наших отношениях не было любви!

—И ты нашла грязную любовь в объятиях Нормана?

—Да!

—Это лишь притворство со стороны Нормана. Ведь так, распутник? Ты вообще кого-нибудь любил в своей жизни?

—Любил и люблю. Но она меня презирает...Её имя — Оттавия.

–Оттавия?– эхом отозвался капитан.

Лэсли обиженно обвиняла Сэндлера:

–Но ты говорил, что Оттавию любит Орин!

–И он тоже. Только боится себе признаться в этом. Да, Орин?

–Я разлюбил её,– неуверенно проговорил Филдинг.

–Неужели? Повтори по слогам,– не верил Норман.

–Я люблю Оттавию,– сказали губы сами за парня.

–Не верь ему, детка, это он говорит тебе назло,– успокаивал адвокат подружку.

–Мне ввали все! «Орин любит тебя»! Я мечтала о спокойной, счастливой супружеской жизни, но тихой и умиротворённой она была, когда муж был в море!

Она опять накрылась одеялом с головой.

–Оттавия старше тебя на семь лет, она больше подходит мне,– делил не Лэсли, а итальянку Сэндлер.

–Она не любит тебя.

–Вот ты специально кольнул меня, малыш. Да, Отт не любит меня, я даже искал забвения от преследования её красоты в объятиях твоей Лэсли.

–Не лги. Ты просто мелочно хотел насолить тому, кого любит Оттавия.

–Нет, поверь мне. Твоя Лэсли сама тянулась ко мне, ища тепла и ласки.

–А как же Наяда? Тебе её совсем не жаль?

–Я виноват перед всеми. После того, как в моё сердце во-

шла Оттавия, я вроде, как сбрендил. Я даже соблазнил её сестру Берту, но та лишь жалкое подобие Отт, лишь тень её обаяния и привлекательности. Я устал кидаться от одной женщины к другой, зная, что никто не заменит Оттавию.

– Не желаю слушать твои оправдания.

– Тогда послушай приговор.

– Приговор ясен: в нашем доме будет два развода. Ты, как вёрткий судейский, надеюсь, преуспеешь в этом.

– Не так-то всё просто: в нашей стране развод не получают даже принцы и лорды. Я испортил жизнь твоей сестре, я совратил жену родственника... на основании этих фактов я выношу апостериори, фу, опять из меня лезут эти юридические словечки, я приму яд. Только не забудь сейчас же послать за моей сестрой Илларией.

Норман потянулся к тумбочке и достал зелёную бутылку. И не успел Орин ничего предпринять, как барон Сэндлер изрядно отпил отраву.

Лэсли вылезла из под одеяла и наблюдала за происходящим.

Казалось, Норман уснул. Филдинг тряс его, слушал дыхание и сердце, но всё молчало.

– Такой умный парень, и так поторопился, – с сожалением, и даже со слезами жалости, проговорил капитан.

В следующую секунду он издал сдавленный крик: Лэсли тоже пила из злополучной ёмкости.

– Я задержалась у Беулы. А что с дверью? – с этими слова-

ми вошла Наяда, подученная Бурксом.

Она увидела жуткую картину и стала задыхаться. Орин заставил проглотить её глоток виски с тумбочки Нормана. От спиртного сестра выпучила глаза и опять тяжело задыхалась. У брата пошёл в ход для её успокоения стакан с водой. Затем отхлебнул из графина воды и брызнул ей в лицо.

–Пойдём отсюда,– увлёл Наяду Орин.

Та безвольно побрела.

–Буркс!– позвал капитан камердинера.

Верный слуга примчался.

–Унеси Лэсли в её спальню,– попросил хозяин его, как друга,– мне мерзко прикасаться к изменнице.

–Это ты их?– спросила сестра, когда взяла себя в руки.

–Нет. Они сами приняли такое решение. Я ничего не успел сделать, чтобы остановить их...Я чувствую себя соучастником преступления...

Сестра Нормана вошла без стука в кабинет Орина.

Насупив своё некрасивое лицо в язвах, она доложила:

–Я забрала тело брата и бедной девочки, они уже по пути к фамильному склепу.

–Но...

–Это моё право!– вспыхнула мисс Сэндлер,– В вашей семье из одарённого адвоката он превратился в обычного пьянчужку! А Лэсли скрашивала его жизнь лучше мегеры-жены.

–Мы сообщим прессе, что Норман Сэндлер и миссис Лэс-

ли Филдинг скончались от скоротечной дифтерии.

–Благодарю. Скандалы никому не нужны.

Норман под стук колёс тормозил Лэсли, растирая ей щёки виски. Иллария подносила к её носу нюхательной соли. Сестра нагнала их карету, недаром считалась в округе самой лихой наездницей. Ранее брат предупредил её о таком исходе дела, чтобы та быстрее его забрала и не пугалась его пробуждения.

Лэсли глубоко вздохнула и пришла в себя.

–Мы всего лишь спали,– с улыбкой успокаивал озирающуюся девушку Сэндлер.

–Норман, мы уедем из Англии вдвоём?– с надеждой вопрошала Лэсли.

–Разве я когда-нибудь говорил тебе слова любви?

–Как же я буду жить одна?

–Раньше надо было думать.

Девушка зарыдала.

–Ладно, ладно, Лэсли, я дам тебе документы на другое имя и деньги. Поезжай в Америку, там много перспектив.

–Может, вернуться к Орину?

–Издеваешься или смеёшься? Нас похоронили. Да и зачем тебе Орин? Он будет всю жизнь упрекать тебя за связь со мной, а сам будет бегать к Оттавии. Радуйся. Что избавилась от оков ненавистного брака.

Наяда застала брата за складыванием сюртука в саквояж.

–Опять убегаешь в море?– устало вздохнула она.

–Только там я счастлив по-настоящему.

–Как же я буду жить в опустевшем доме?

–Позаботься об Энджеле.

–Само собой. Хоть дети будут отвлекать от мрачных мыслей.

Филдинг в сопровождении Буркса отплыли от берегов Англии в начале сентября 1.814 года

Наяда лежала в объятиях Биффорда и слушала, как за окном надоедливо моросит дождь.

Она делилась набежавшими ощущениями:

–Когда дождь бьёт по стеклу окон, и журчит вода, то навевает отчуждение от реального мира, уносит куда-то память далеко в детство, тоской наполняя воспоминания о минувших, незабываемых минутах радости.

Мужчина шептал в ответ:

–Где-то в глубине меня улыбается душа новому дню и воспекает гимн жизни, потому что у меня есть ты. Тебе понравится в Лондоне.

–Я не хочу жить в твоём доме. Я привыкла руководить здесь. Не могу же я оставить дом, когда брат в плаванье... Ты тоже привыкнешь к Милфорд-Хейвену.

–Ты любишь всю свою родню? Или просто тебе нравится верховодить, командовать?



—Я выросла здесь...И всех очень люблю. Как можно не любить Энджела или тётушек?

—А Джозефа?

—Ты коварный, Биффорд Олди...Я — настоящая мачеха, каюсь...Я лишила мальчика домашнего уюта и тепла. Я не могла его видеть...

—Ах, ты мой тиран,— он прижал её к сердцу.

В комнату вошла Фрэзи.

—Мама, как ты долго сегодня спишь...Ой, кто это?

—Я — твой новый папа.

—Но мне нужен мой папочка! Этот мне не нравится! Может, мой папа ещё вернётся?

На глаза ребёнка навернулись слёзы.

Олди быстро натянул рубашку и кальсоны, встал с кровати.

Протянул к девочке руки и обещал:

—Я куплю тебе пони, я свожу вас с мамой в лес на пикник.

И я очень вас люблю.

Фрэзи недоверчиво протянула одну руку. Хохочущий Биффорд сцапал её, закружил по комнате. Ребёнок доверительно тоже стал смеяться. Няяда улыбалась.

Филдинг с командой прибыли к берегам Канады к концу ноября. Пункт назначения был всё тот же Квебек. Судну и на этот раз здорово досталось, шторм основательно потрепал его. Капитан решил отремонтировать корабль в здешнем

порту.

–Я – человек чести,– сказал он,– И пока не почию Россу судно, не уеду.

Прошло пару недель. Как-то Орин и Руперт выпивали в кабачке.

Верный слуга сообщил:

–Я встретил знакомых индейцев... и они сказали, что Роза родила двух белых девочек.

–Какая ерунда! Какое мне дело до какой-то индианки!?

–Она родила детей через девять месяцев после того, как Вы ночевали в её типи.

–О Боже!

Орин схватился за голову.

–Бог наказывает меня за безрассудство. Где живёт Роза? Всё в том же посёлке?

–Нет. Из посёлка её выгнали.

–А, злобный шаман постарался. Он, видать, сам был влюблён в Розу. Так где же она?

–Последний раз её видели где-то в лесу, охотилась.

Барон представить не мог, как молодая мать может бросать детей одних среди диких животных, чтобы добыть для себя еду.

–Мои дети, как звери, живут в лесу...Надо их найти.

Корабль простоял на верфи несколько месяцев, но и за это время Филдинг не отыскал индианку. Он отправил экипаж домой под командованием наёмного капитана, а сам остался

искать детей.

Оттавия не отдавала себе отчёта: почему ей неприятен Алан? Он красив, учтив, улыбчив. Но ей всегда казалось фальшивым всё, что он делает, как бы тайно надсмехается над всеми. Братья Торнтоны в очередной раз пребывали у них в гостях. Артур крутился возле своей Рут. Алан веселил карикатурами близняшек. Только Тим занимал беседой почтенную хозяйку дома.

Она жаловалась Торнтону-младшему:

–У меня какое-то чувство потери. Артур совсем перестал уделять мне внимание. Может, Рут расположила его против семьи?

–Просто Ваш малыш вырос. У него своя жизнь. Много своих, личных проблем,– успокаивал её Тим.

–Нет, наверное, я – плохая мать. С невестками сыновей ужасные отношения. С дочерьми вообще никаких контактов... Девчонки секретничают между собой, а со мной лишь тусклое: «Добрый день, мама».

–Ну, у Вас есть ещё Дэниэл, он-то зависим от Вас.

Отта вздохнула.

Рут поглядывала в их сторону и с обидой думала: «Алан рассыпается в комплиментах предо мной, а вот Тим ходит с таким видом, будто меня не существует. Как можно не восхищаться мною?»

Молодёжь тянула фанты. Джессику отвернули к окну и

показывали вещи всех присутствующих в комнате.

Джесс объявляла:

–Этому фанту надо покружиться десять раз.

–А этот?

–Этот пусть спляшет ирландскую джигу.

–А эти два?

–Один будет играть на рояле, а другой споёт.

–Этому что делать?

–Пусть съест пол коробки конфет!

–А этот?

–Пусть помяукает.

Оттавия с ужасом увидела, что это её фанту предлагается мяукать, несносный Тим стащил её платок и незаметно передал брату!

–И ещё один!

–Ещё один? Пусть расскажет о том, кого он любит.

–С кого начнём?– весело спрашивала Умбриэль.

–Мяукать!– требовала толпа.

Итальянка покраснела и отмахивалась от молодёжи, но те хохотали и требовали выкупить фант. Она сдалась, отвернулась и мяукнула. Под общее веселье получила назад свой платок. Её лицо тоже осветила улыбка.

Артуру полагалось съесть конфеты.

–Это издевательство над организмом,– возмущалась его жена,– Надо отменить этот фант.

–Никто ещё не заболел от конфет,– напирала Джесс.

И Артур под крики: «Давай, давай!» и под аплодисменты на скорость съел конфеты.

Умбри заставили кружиться, а Тим в это время отплясывал лихую джигу. Девушка сделала несколько поворотом и... упала в руки к танцору. В её глазах горели искорки любви, которые запали Тиму в память и жгли душу.

–Голова закружилась,– слабо выдохнула она.

Юноша подхватил её и отнёс на диван.

Мать склонилась над ней.

–Всё в порядке,– Умбриэль села, улыбаясь, глаза Тимоти следили за ней.

Рут села за рояль, Джесс затянула лирическую балладу. Глаза поющей мисс Боу встретились с глазами Алана. Тот вожделенно «поедал» её взглядом. Девушка смущённо опустила взгляд.

Пришла очередь Алана рассказать о любви.

–Мне нравятся большие, тёмные глаза одной юной девушки, её чёрные, пышные волосы источают аромат апельсина...

Отта поняла на кого направлена эта лавина лести, она прервала юношу:

–Это слишком интимно, пусть Алан говорит это той, для кого предназначены эти слова.

Алан глянул на Джессику, та согласно кивнула, открывая своё сердце для любви и мук ожидания.

Тогда он осмелел и выпалил в лицо Оттавии:

–Я прошу руку Вашей дочери.

–А я хотел бы видеть Умбриэль своей женой,– вторил Тим.

Девушки замерли.

Мать запротестовала:

–Не может быть и речи о свадьбе моих дочек так скоропалительно!

–Мы подождём сколько нужно.

Торнтоны попрощались и ушли.

Отгавия спросила у Умбриэль:

–Тебе нравится Тим?

–Да.

–Что ты нашла в этом гиганте?

–Когда он рядом, меня переполняет душевная радость.

–Это просто детская влюблённость в родственника,– уверяла мать.

–Я считаю, что замужества Джессики и Умбриэль на Торнтонах – большое благо,– встал на сторону сестёр Артур,– У семьи подпорченная репутация, а Торнтоны – сквайры. Я скажу новость отцу.

Освальд воспринял сватовство внуков недоброжелательно.

Разразился бранью:

–Цитадель разврата, а не дом! Мать снюхалась с молоко-сосом, старший сын соблазнил жену банкира, младший влюбился в уличную девку, а маленькие дочки строят глазки ве-

ликовозрастным племянникам!

Малевольти застучала в своём магазине продавщицу Жаклин целующуюся с Аланом.

Итальянка громко хмыкнула и громогласно переспросила у родственника:

–Партнёр по цирку, говоришь? А как же твоя невеста?

–У тебя есть невеста?– вскинулась француженка.

–Неужели ты и в правду думала, что я женюсь на тебе?– отходя от девушки, удивлялся парень,– Мне нужна партия под стать себе. Джесс красива и имеет титул дворянки. Она, как магнит, тянет к себе.

–Я из-за тебя сбежала из дома!– укоряла Торнтон Жаклин.

–Что ждало тебя дома? Со мной ты увидела мир!

–Дома я могла бы выйти замуж!

–Без приданого и с такой невзрачной внешностью ты бы просидела в старых девах до старости!

Напарница по цирку ударила Алана по щеке.

–Я увольняюсь,– объявила Жаклин хозяйке.

–С Вашего позволения, Оттавия, я приеду сегодня навестить Джессику,– спрашивал Торнтон.

Француженка со слезами выбежала из магазина.

–Я буду настраивать дочь против тебя, негодник,– зло обещала Малевольти.

–Мои чары будут сильнее,– самоуверенно, надсмехаясь,

заявил красавец.

Он помчался в дом Боу немедленно.

Рут сидела с Джессикой на правах шаперонки. Она попросила молоденькую девушку прочесть им философские трактаты Пифагора. И Алан делал вид, что он проникновенно вдумывается в смысл фраз. Сама же Рут задремала, прислонив голову к спинке кресла.

Джесс зашептала жениху:

–Поцелуйте меня, пока Рут спит.

Тот зашептал в ответ:

–Ты невоздержанная, чудовищно невоспитанная девица! Как ты можешь требовать от меня поцелуев до свадьбы?

–К чему столько церемоний, если мы любим друг друга?

–Я – сторонник приличий, тётя.

Девушка вспыхнула и гневно шептала:

–Ненавижу, когда ты называешь меня тётей! Если и в браке ты позволишь своему языку выговаривать подобное – я от тебя сбегу!

–Ого, темперамент! Но разве я не прав?

–Всё. Наши отношения отныне не выходят за рамки семейных. Я – подобострастная тётя, Вы – непутёвый племянник-зануда.

Он схватил её за плечи и быстро чмокнул в губы.

–Циркач,– ругнула его Джессика и убежала.

От звука хлопнувшей двери Рут проснулась.

–Почему Джесс прервала чтение?– как ни в чём ни бывало



поинтересовалась дама.

—У ней голос осип, побежала попить водички,— врал Алан.

—Ах, как жаль, остановилась читать на самом интересном месте... Я вспомнил о важном деле... Разрешите откланяться?

—До свиданья, мистер Торнтон.

Рут поднялась в комнату мужа.

Настроение было скверное, и она принялась жаловаться:

—Деньги, которые ты приносишь, быстро заканчиваются,  
Арт.

—Что тебе не хватает, Рут? Платьев, шляпок, помад или духов? Ты ведь можешь примерять это всё в магазинах совершенно бесплатно.

—А если я хочу полный сундук драгоценностей?

—Тим Торнтон намекал, что занимается контрабандой... Просил только не говорить Алану, ведь тот работает в полиции. Тим предлагал взять меня в долю, если я соглашусь на риск...

—И ты медлишь? Доходы твоих магазинов гораздо ниже, чем у твоей мачехи, как можно полагаться на удачу с такой конкуренцией?

—Рут, откуда такая тяга к деньгам?

—Тебе хорошо надсмехаться, ведь ты не сидел за столом, на котором из еды присутствовал лишь чёрствый кусок хлеба. А я окунулась в отвратительную ситуацию, когда выходишь из дома в штопаных чулках и даже штопаном нижнем

белье! Когда на улице мамыши других девочек говорят своим чадам: «Не приглашай Рут Брантуэйт больше к нам в гости, даже прислуга смеётся над её убогой одеждой».

–Рут, но мы не бедствуем.

–Да, но мне хочется самого лучшего. Разве моя красота недостойна такого же шикарного обрамления в виде драгоценностей? О, я знаю, что тебе подарю для везения.

Она принесла из своей комнаты медальончик.

–Кто здесь изображён?– вглядывался Артур в гравировку.

–Богиня удачи Тюхе.

–А ты знаешь, что она также была и богиней случайности?

–Глупости. Ну что с тобой может случиться?

Тим Торнтон и Артур Боу в масках для конспирации принимали контрабандный груз пиратского судна в захолустной бухте. Сами вместе с матросами таскали ящики со спиртным на берег, где ждали подводы с перекрашенными лошадьми. Тим уже пожалел, что разболтал Артуру о своих делишках, но тот так просил взять его с собой, чтобы угодить жадной жене.

Вдруг раздалась команда:

–Руки поднять и сойти на берег! Вас окружила полиция.

Французы первыми открыли стрельбу. Тим и Артур поспешили укрыться на их судне.

Боу бежал сзади, и неожиданно ухватился за сюртук племянника, стал оседать. Тим подхватил его.

По трапу за ними поднимался убийца, перезаряжавший пистолет. Это лицо его брата Алана Торнтона. На мгновение Тим представил счастливое лицо Джессики, но кровь Артура на руках требовала отмщения, и брат был на стороне противника, и контрабандист, крича от безвыходности, выстрелил в красивое тело Алана. Затем с ожесточением, огалтело, палил по другим стражам закона. Матросы помогли втащить Артура на корабль, который тут же отплыл от берега.

Ранним утром в спальню Рут ворвался мрачный Тим Торнтон.

Он бросил горсть золотых монет в лицо девушки и прокричал:

–Госпожа Боу, Вы желали искупаться в золоте, так получите долгожданный дождь!

–Что Вы себе позволяете?!– багровея, взревела прекрасная блондинка,– Где Артур?

–Там на улице...в гробу.

Не веря ушам, девушка, кое-как натянув халат, бросилась вниз.

Растолкала слуг, сорвала крышку с саркофага и пронзительно закричала. За ней шла Оттавия. Итальянке показалось, что небо расколосось надвое.

–Это невозможно,– прошептала Отта.

Перед её взором рассыпались дома, а деревья растеряли покров, будто от мощного урагана. Горе наполнило каждую

клеточку её тела, ей захотелось завывать, но не было сил даже стоять: Оттавия упала на руки Тима.

Человек в мундире полицейского, прочистив голос, спросил:

–Здесь проживают родственники Алана Торнтона?

–Да,– подтвердили слуги.

–Мне поручили сообщить о его героической гибели в перестрелке с контрабандистами.

Отта отчётливо видела лицо Тима, оно стало бледным, но для него это была не новость! «Неужели Тимоти замешан в грязных делах пиратов, как некогда его отец?»– пришла догадка к Малевольти.

Джессика легонько потрясла мать за рукав.

–Кто это целует Алана?

Девушка указала глазами на склонённую над гробом Жаклин. Оттавия потупила глаза.

–Кто это, мама? Где-то я её уже видела...

–Это бывшая продавщица Жаклин.

–Ты что-то не договариваешь, мама.

–Разве тебе не видно?

–И ты молчала!

–Он рекомендовал её, как свою напарницу по трюкам в цирке... Я поверила ему на слово...

Малевольти отошла от дочери к снохе.

–Я ненавижу тебя, Рут, но тебя любил мой сын, и я остав-

ляю за тобой его наследство. Только одна просьба: съезжай из нашего дома.

–Да, конечно,– проронила та.

–Сэр, к Вам посетительница.

Тим Торнтон спустился в гостиную и воззрился на гостью с недоумением.

–Рут? Что тебе нужно от меня?

–В моей жизни нет покоя. Я не любила Артура, но виновата в его гибели, это не даёт мне спокойно жить. Я не знаю, как искупить свою вину...

–Но при чём здесь я?

–Я хочу стать контрабандисткой.

–Ты в своём уме?

–Может, смертельная опасность поможет забыть о совести?

–Ни разу не слышал о женщинах-контрабандистках.

–Я ничего не боюсь.

–Что ж... Это занятие собьёт с тебя спесь и скуку, госпожа Боу.

Рут с опаской озиралась. Кучер Тима привёз её в глухое место, где между скал таилась бухточка. «Что я делаю среди толпы простолюдинов, которые, к тому же, не дружны с законом. А вдруг Тим захочет отомстить мне за Артура и Алана?»– встревожено думала она.

–Переоденься в карете,– Тим кинул ей какое-то тряпье.

Девушка брезгливо сморщилась, но спорить не стала. Она надела обноски какой-то прачки.

–Сядешь на козлы. Умеешь управлять лошадьми?

–Не умею.

–Балда. Ладно, я сяду с тобой,– не следил за речью джентльмен.

–А эту рваную шаль тоже нужно надевать?

–Конечно! Мы же будем изображать выходцев из загробного мира! Нарисуй грязью круги под глазами для убедительности.

–У меня в ридикюле есть тёмные румяна...

–Иди, мажь лицо!– скомандовал Торнтон, и пошёл помогать пиратам разгружать груз.

Она долго любовалась его крупной, мускулистой фигурой, потом направилась к карете.

Рут оценила находчивость и остроумие Тима, когда увидела, как он раскрасил лошадей.

Ночь быстро захватывала территорию неба.

Девушка села на козлы. Торнтон подал ей пистолет.

–Я не умею им пользоваться.

–Держи, говорят,– сердился парень,– Стрелять нет премудрости. Целься да нажимай курок.

Она нехотя взяла из рук Тима оружие, положила себе на колени.

–Выронишь, получишь по балде,– предупредил контра-

бандист.

Рут испуганно вцепилась в рукоятку пистолета.

–Да не направляй ствол мне в лицо!– взревел Торнтон.

Дворянка быстренько развернула дуло в другую сторону.

Несколько вооружённых ребят сели в карету.

Тим присвистнул и ударил воздух плетью. Лошадки пустились рысью. Они въехали в лес на заброшенную дорогу. Карета подпрыгивала на кочках, бутылки звенели.

Какой-то одинокий путник с воплем спрятался в кустах от кареты с безголовыми лошадьми.

Затем им повстречалась повозка крестьян. Люди в ней легли на дно, крестились и плакали.

Это смешило Рут, но Тим показал ей кулак, и та спрятала лицо под уголок шали.

Неожиданно путь перегородили люди в мундирах.

–Кто такие?– окликнули контрабандистов.

Рут выстрелила в воздух. Полицейские отскочили с дороги. Кучер погнал лошадей во всю прыть.

За ними понеслись всадники, стреляя. Из кареты высунулись подельники Торнтон и ответили своим залпом. Вдова Боу еле держалась на козлах.

Через некоторое время преследователи отстали. Тим направил карету в глубь леса.

–Я сбился с дороги, заночуем здесь, завтра разведаем район, и следующей ночью, если Бог даст, доедим до места,– сказал он своим людям.

–Спроси у своей бабы: зачем она затеяла пальбу, эти полицейские свои и ждали подачки,– недовольно пробубнил один из банды.

Тим сдёрнул Рут с козел и яростно завопил ей в лицо:

–Ты, что, специально лезла на рожон, рискуя не только собой, но и всем предприятием и нами?!

Он ударила леди по щеке. Та поражённо уставилась на Торнтон. Было совсем не больно, видимо джентльмен просто играл сцену для своей бандитской братии.

–Если хочешь умереть – пусти себе пулю в лоб!– давал совет другой дружок-контрабандист с бельмом на глазу.

–Простите меня,– взмолилась девушка, осознав своё предательское поведение,– Я – бестолковая дрянь! Но я хотела, как лучше! Я думала, что всех спасаю...

–Хоть одна баба осознаёт, что бестолочь,– похвалил её самый пожилой.

–Прикончи её, Тим,– советовал одноглазый.

–Пусть живёт,– отмахнулся Торнтон.

–Ты не пожалел родного брата, а это всего-навсего – слюнявка-баба,– не понимал такого доброго отношения одноглазый.

–Заткнись!– заорал джентльмен и съездил по физиономии контрабандиста так, что тот захлопал кровью.

Рут обмерла: «Тим убил Алана!»

Торнтон дремал в стороне от кареты, когда почувствовал



тяжесть на своём теле. Он перевернул нападающего и оказался сверху. Но это был не противник, а Рут!

–Что ты здесь делаешь, Рут? Ты же должна была спать на козлах. К тебе кто-то приставал?

–Ты совсем меня не хочешь?

–Убирайся!

–Разве бывают леди красивее меня?

–Нет, особенно с таким макияжем, как сегодня,– улыбнулся Тим, соскользнул с неё, и присел в сторонке.

Она краем юбки вытирала злополучные румяна с глаз и щёк.

Торнтон продолжал её отчитывать:

–Если дойдёт до интима, ты докажешь себе, что я сломлен, что я тоже попал в ряды твоих обожателей, но сама-то ты потеряешь гораздо больше – честь.

–Мне нет дела до себя...

–Ты – разболтанная шлюха, Рут. Хочешь устроить оргию на глазах разбойников?

И тут она заметила, что на них с интересом поглядывают другие члены банды.

Она, ойкнув, убежала к карете.

Через неделю Рут в полдень стояла у дверей дома Тима Торнтона и звонила.

Назвала открывшему дверь дворецкому своё имя.

–Не велено Вас пускать,– ответил слуга и закрыл дверь

перед носом красавицы.

Вечером Торнтону объявил дворецкий:

–Господин, Вас ждёт в гостиной незнакомый джентльмен.

Тот заинтригованный спустился вниз, повесив за пояс на всякий случай пару пистолетов.

–Рут? Что ты тут делаешь, Рут?

Наряженная в мужскую одежду и с накладными рыжими усиками она была забавной.

–Этот вопрос стал для тебя уже традиционным?

–Я больше не возьму тебя в дело.

–А если я буду тебя шантажировать?

–Пойдёшь в полицию? Но ты и сама принимала участие в перевозке контрабанды.

–Меня сошлют в колонию – пустяки, а вот тебя – повесят.

–Ну, так иди – заявляй.

–И ты не попытаться меня остановить?

–Как? Убить тебя?

–Я бы согласилась забыть всё за интим с тобой.

–Какая ты настырная, Рут!

Он подходил ближе и ближе, а девушка уже стала сомневаться в своём предприятии: «Зачем я играю с огнём? Это же безжалостный убийца и бандит».

Тим зловеще навис над тонюсенькой Рут своим массивным телом.

–Что за капризы, Рут? Сначала тебе подавай Артура, те-

перь меня...

—С Артуром я закрутила роман со скуки... Ты же не выходишь из моей головы ни ночью, ни днём...

Её руки гладили уже его грудь. Движения были страстные и вожделенные, она потянулась к нему всем телом, но он одним движением сбросил эти жадные пальчики с сюртука.

Девушка села на диван и заплакала.

—Я пойду и утоплюсь... Я виновата в смерти Артура... и я, как дура, влюбилась в тебя, близкого родственника мужа...

Руки Тима опустились на её плечи.

—Не надо меня жалеть!— сбросила его пальцы с плеч Рут резким движением.

Она вскочила и бегом направилась к двери.

Мужчина несколькими прыжками опередил её, и прикрыл собой дверь.

—Всё-таки решил сам убить меня, чтоб уж наверняка?— переспросила она без злобы и сожаления.

Закрыла глаза и стала ждать, когда крепкие пальцы Тима сожмут её горло. Но вместо этого ощутила горячий поцелуй.

—Ты нужна мне, Рут. Я не хочу, чтоб ты ушла.

Лёжа в перебуровленной постели, Рут говорила Тимоти:

—Я не хочу, чтоб ты рисковал собой.

—И это говорит Рут, которой всегда было мало денег...

—Давай уедем в Америку, займёмся легальным бизнесом...

—Давай. Здесь всё напоминает об Алане. Мне никогда не

искупить вину... Я отослал все его деньги Жаклин.

Тим Торнтон понуро, опустив глаза, извинялся перед невестой:

–Я должен позаботиться о вдове Артура.

–Все Торнтоны – подлые лжецы! Лицемеры! Сначала Алан обманывал Джессику, теперь тырываешь помолвку. Ты полюбил Рут!

–Прости меня, Умбри! Я думал, что люблю тебя, но это была лишь привязанность, ослепление твоей красотой... А без Рут я не представляю дальнейшей жизни...

И юноша второпях удалился из дома деда навсегда.

Сентябрь 1.815 года. На балу у Россов Залман пригласил на танец Умбриэль.

Кружась в танце, парень жаловался:

–Недавно не стало деда и мне стало так одиноко в стенах дома... Остался совсем один. От тишины звенит в ушах.

–Заведите собак, они шумные.

–Точно! И чужих не пустят.

–Вы кого-то боитесь?

–Привидений,– усмехнулся Залман.

Девушка же приняла это заявление за правду и с ужасом призналась:

–Я бы съехала из такого дома, я такая трусиха... А расскажите о битве при Ватерлоо.

—Армия Веллингтона превосходила армию Наполеона по численности в два раза. Плюс ещё армии союзной Пруссии. 18 июня этого года Веллингтон расставил нас на четырёхкилометровом хребте горы Сен-Джон. При первой атаке французы сразу потеряли пять тысяч человек. Конница Наполеона налетала солдат, выстроенных в двенадцать каре, где стояли и пушки, и несла жуткие потери. Наполеон был разбит, и 22 июня вторично отрёкся от престола. Армия Веллингтона потеряла 20 тысяч человек, французы 40 тысяч. Да, там я встретил Джозефа Сэндлера. Храбрый малый.

—А почему Вы оставили военную карьеру?

—Дед завещал мне солидный капитал.

—А Джозеф Сэндлер не говорил, почему он не приезжает на побывку в дом Филдингов?

—У него же есть своё поместье где-то в горах, Сэндлер говорил, что собирается отбыть в Африку, наводить порядок в колониях. Барон Сэндлер Вам нравится?

—Что Вы! Я никогда его не видела, только слышала о нём.

—Он стал настоящим красавцем.

—Но он ещё совсем юный, как же его взяли в действующую армию?

—Сэндлер подал прошение. Вы и себя считаете ещё ребёнком?

Девушка смутилась.

—Мама в мои годы меня уже родила, девочки взрослеют быстрее,— ответила она.

–Я рад, что Тим Торнтон забрал своё предложение о браке обратно. Я всегда следил за Вами. Джессика темпераментна и грубовата, Вы же – подлинное сокровище и совершенство.

–Вы вскружили мне голову, барон Драммонд.

–Я не договорил. Я хочу ближе узнать Вас, чтобы понять, что не ошибся в выборе невесты.

–Разве можно говорить девушке такие слова? Для этого есть её родители.

–Но я хотел бы услышать: нравлюсь ли я Вам?

–Скажу откровенно: я тоже мало Вас знаю. Вы – блистательный молодой человек, но, как можно судить по внешности?

–Вы доверяли Тиму Торнтону?

–Да.

–И теперь всем не доверяете?

–Музыка кончилась. Отведите меня к матери.

–Итак, Вы стали подозрительной и недоверчивой. Я постараюсь рассеять Ваши опасения.

Они подошли к Оттавии.

–Сеньора Малевольти, соизволите ли Вы принять меня завтра у себя?– спросил у неё Драммонд.

–Будем рады видеть Вас у себя,– растерянно пролепетала итальянка.

Залман откланялся и отошёл в сторону.

–С какой стати барон решил явиться к нам с визитом?

–Он хочет дружить со мной.

–Нет, только не с ним!

–Но почему? Тебе никто не нравится! Залман-то чем не угодил? Он же сын твоей лучшей подруги, которая, кстати, вышла замуж за твоего брата!

–Тише! Отец Залмана вёл двойную жизнь.

–Ты о Беуле Росс? Я слышала эти сплетни.

–Не только из-за неё.

–Но при чём тут Залман?

–Дурная наследственность.

–Ерунда! Разве Эммит и Артур стали, как отец растлителями?

–А вдруг Драммонд тоже расторгнет помолвку?

–Пугаешь? Но он ещё ничего и не обещал.

К началу нового года барон Залман Драммонд женился на Умбриэль Боу.

Декабрь 1.815 года. Когда Канаду покрыл снег, Орин Филдинг по следам лыж отыскивал поселения индейцев и выспрашивал о Розе. Ему говорили, что не стоит их уже и искать: в лесу одна женщина с двумя младенцами давно должна сгинуть. Но вот как-то один из вождей ирокезов рассказал, что видел следы лыж в глухом районе. Кто-то ещё вспомнил, что в тех краях есть домик, который срубили золотоискатели, но забросили прииск.

Когда Филдинг с провожатым индейцем к вечеру добрался до искомого места, при виде дымящейся трубы избушки,

у него скатилась хрустальная слеза по щеке, превратившаяся по ходу движения в сосульку.

Мужчины сняли лыжи и открыли дверь.

Роза наставила на них карабин, но, завидев Орина, опустила оружие.

У печки играли две светловолосые годовалые девочки. Малышки возили ручонками по золе и смеялись. Эти две перемаранные девчухи были его дочерьми. Одна из них поглядывала на чужаков ясными глазами Няяды.

Орин сгрёб двух замарашек, прижимая к себе. Грязнули заревели.

–Роза, твою мать, почему мои дочери все в грязи, как медвежата? Что, все реки в округе пересохли?

–Дети всегда пачкаются,– пожала плечами индианка.

–Если ты будешь плохо смотреть за девочками, я поменяю тебя на гувернантку!– пригрозил Филдинг.

–Тогда я тебя зарежу, а девчонок заберу опять в лес,– огрызнулась Роза.

–Отмывай детей, я забираю вас в город. Вот платье для тебя.

–Тебя засмеют белые,– пристально глядя в глаза англичанина, предупреждала индианка.

–Я сумею за себя постоять. Ни я один в здешних местах польстился на местную красотку.

–А ты подумал: смогу ли я жить среди белых?

–Будешь жить также, как и среди своих. У английских



аристократов, так же, как и у индейцев, приветствуется гордость и полная безразличность на лице.

–Раздевайтесь, я накормлю вас,– пригласила Роза.

Тут Орин заметил, что в углу суетится девочка-подросток, кромсая рыбу на части.

–Приютила сиротку по имени Листок. Она смотрит за девочками, когда я добываю пищу,– пояснила хозяйка дома наличие подростка.

7июня 1.818 года. Орин Филдинг работал наёмным капитаном в судоходстве Квебека, чтобы заработать состояние поприличней и выплатить Россу компенсацию за поломку и простой судна.

Он купил билеты в Англию для всей семьи, и ему предстоял сложный разговор с Розой. Увезти детей тайно он не мог. Интим за эти годы у них, конечно, был, и каждый раз барон боялся, что вскорости Роза родит ещё двойню.

И вот гуляя с девочками и женой в лесочке у города, глава семьи опустил на корточках, зачерпнул пригоршню земли, помял её, и с тоской изрёк:

–Вроде та же земля, то же Солнце, но это не дом.

–Я поняла тебя. Ты хочешь вернуться на Родину.

–С вами. Поедим?

–Если муж – замечательный человек, жена последует за ним хоть на край света, примет все его догмы и будет стараться не подвести благоверного.

«Почему сердцу нельзя приказать полюбить?»— с жалостью к жене подумал Орин.

—Твои родственники, наверняка, будут сердиться твоему выбору жены...

—Тебе незачем волноваться и бояться, Роза, моя сестра — обходительный и приятный человек.

А сам поёжился, вспоминая спесивое выражение лица Наяды. Всё же он заранее предупредил сестру письменно, когда приедет и с кем приедет.

Беседку оплетали ползучие растения. Вьюнки с нежными цветами тянулись к солнцу, которое радостно изливало свет на Землю.

Вокруг тропинки к беседке толпились разросшиеся кусты шиповника и роз.

Вдали теснился густой бор. Его прохлада и тень манили в столь знойный день.

Наяда с удивлением обнаружила читающую гувернантку одну без Энджела.

—Где мальчик?— вопрошала леди.

Служанка уронила книгу и испуганно хлопала глазами.

—Где мальчик?!— строже повторила вопрос госпожа.

—Я покажу,— наконец проговорила гувернантка, и пошла по тропинке.

Миссис Олди засемила сзади.

Энджел сидел на мраморном постаменте на корточках,

обняв статую в виде сидящей женщины с ребёнком на коленях. Глаза мальчика были закрыты. Он о чём-то думал или мечтал.

–Вот видите, леди, ничего страшного. Он часто сюда убегает и сидит так часами.

Не обращая на неё внимания. Наяда подошла к племяннику, дотронулась до плеча.

–Энджел, что ты здесь делаешь?

–Я представляю, что это не каменная глыба, а моя мама... Мне её очень не хватает... Она правда никогда не придёт?

–О. Энджел!

И Наяда обняла малыша. «Правильно, что все слуги ненавидят меня,– ругала она себя,– Не замечать печальных глаз покинутого ребёнка! Я – моральный урод. Не женщина, а ледяная глыба. От счастья, что дарит мне Биффорд, ничего не вижу вокруг».

–Вы уволены,– оглянулась леди на гувернантку, зло глядя на девицу полными слёз глазами.

Та хмыкнула и зашагала к дому за своими вещами.

«Как жестоки люди,– плакала женщина, сжимая Энджела в объятьях,– Мальчик часами изо дня в день сидел здесь, слуги ходили мимо, и никто не уведомил меня о странностях в поведении ребёнка. Малыш ждал ласки от каменного изваяния, интуитивно понимая, что окружающим людям не до него».

В толпе встречающих на причале затерялась Оттавия Малевольти. Наяда рассказала о приезде Орина тёте Тине Бонэм, та Элеоноре, а от неё узнала и Отта.

Жёны матросов плакали от счастья, выкрикивали имена мужей.

Вот люди сходят с трапа, попадая в объятия родных. Радостные возгласы, смех, причитания...

Сердце Отт ёкнуло, а внутри всё похолодело, будто на мгновенье кровь в жилах замёрзла: барон Орин Филдинг спускался, поддерживая за локоть смуглокожую женщину в строгом европейском платье. Кто-то из команды нёс двух четырёхлетних близняшек, которых, как только спустили на сушу, вручили Филдингу.

Оторопевшая Наяда приблизилась к брату. Сухо ему кивнула и пригласила в карету. Она в тайне надеялась, что темнокожая жена, о которой написал брат в письме, на деле окажется розыгрышем.

Где-то в толпе кто-то отчаянно рыдал. У Орина почему-то сжалось сердце. Предчувствия его не обманули: рыдала действительно Оттавия. И если бы в эту минуту Орин разглядел в толпе её черты лица, то бросился бы к ней.

—А я считала розу красивым цветком,— хмыкнула Наяда.

Тут она разглядела ясные глаза одной из племянниц, Фионы. Обняла девочку, прижала к себе.

Но в карете не удержалась и полушёпотом заявила брату:

–Ты бы мог содержать эту Розу с детьми, а не тащить сюда через океан на посмешище над родом Филдингов.

Наяду покорёжило от мысли, что брат перемешал свою высокородную кровь с кровью какой-то аборигенки.

Орин, ухмыляясь, просвещал Наяду:

–Роза – это моя самая невинная шалость. Если бы ты, сестра, видела что творят благородные, белые джентльмены в жарких объятиях тропиков, когда пошло дикарей ударяет в их цивилизованные мозги!.. Даже, когда только ступаешь на незнакомую землю, от буйной красоты природы впадаешь в лихорадочный раж. Хочется осмотреть всё, узнать, что за племена здесь живут, как течёт их жизнь... И чем больше общаешься с аборигенами, тем больше проникает в кровь горячность их темперамента.

–Понятно...дикость заразна.

Брат с иронией укорял сестру:

–Приём был восхитителен. Тепло и радушие так и струилось из тебя.

–Я смотрю: чем яснее у тебя улыбка, тем мрачнее прошлое.

–Ни я один по глупости вляпался в брак. Многие мужчины расплачиваются за опрометчивость секса.

В доме Наяда показала комнаты для дочерей Орина и его жены. Затем проследовала за братом в его кабинет.

Оставшись наедине, сестра непонимающе упрекала брата:

–Как ты мог опуститься до уровня аборигенов...

– Мне стыдно за тебя, за твои убогие, отсталые суждения. Роза такой же человек, как и мы. Вот и девочки похожи на нашу породу...

– Меня интересует: как ты мог спутаться с необразованной замарашкой?!

– Воля случая. Я был не в себе от наркотика шамана... и принял Розу за Оттавию. Они ведь обе брюнетки...

Наяда зажала рот платком.

– Как хорошо, что родители не дожили до этого позора... – причитала она.

– А лучше было бы бросить индианку одну с двумя белыми детьми? Она стала шлюхой не только в глазах белых, но, прежде всего – у своих, её выгнали из селения... Я вовремя нашёл их в начале зимы: голодных и никому не нужных. Кстати, первая жена Наполеона была креолка с острова Мартиники, Жозефина Мария Роза де Богарне, потомок испанских колонистов.

– Но и Бонапарт был не ахти каким аристократом, из самых низов дворянства.

– Сейчас век противоречий. Век галантности и расточительства в аристократических кругах, и скупердяйства и разумности у буржуа. Чем Роза хуже мещанки Жанны Пуассон, что превратилась в некоронованную владычицу маркизу де Помпадур? Или чем лучше Розы украинский пастух Алёшка Розум, который стал органическим супругом русской императрицы Елизаветы Петровны?

–Чем хуже? Цветом кожи.

–Ерунда. Скоро народу вообще будет наплевать на ком женится аристократ. У класса буржуа растут такие капиталы, что на пьедестал истории взойдут они, тогда как мы со своей родословной будем интересны только библиофилам. Жив ли старик Боу?

–Освальд Боу из тех крепышей, коих можно таскать за волосы по всему Милфорд-Хейвену дня три, и при этом бить по голове булыжником, а у них даже синяков не будет!

–И все его домашние целы?

–Нет.

–Оттавия?– с испугом переспросил Орин.

Сестра заметила, что руки брата от волнения затряслись.

–С ней всё в порядке. Погиб её пасынок, якобы на дуэли, хотя никто не помнит, чтобы он кого-то вызывал на поединок. И погиб в перестрелке с контрабандистами жених её дочери Джессики Алан Торнтон. Да, Умбриэль Боу родила дочь от Залмана Драммонда, говорят, что девочка похожа на бабушку Августу.

В комнату постучали.

–Входите,– пригласил Орин.

На пороге появился смутно знакомый джентльмен.

–Это мой муж – лорд Биффорд Олди, совладелец нашего банка,– гордо представила вошедшего сестра.

–Очень приятно. Вы тоже хотите бросить в меня камень? Занимайте очередь.

–Зачем же я буду читать морали взрослому, бравому мужчине?– пожал плечами лорд,– Вы сделали свой выбор сами, вот теперь сами и расхлёбывайте.

Из-за спины нового мужа Наяды неуверенно вышел Энджел.

–Это твой папа, малыш, иди к нему,– приободрял его Биффорд.

Мальчик мялся. Стоял и Орин, его неприятно оттолкнули те же черты лица, что и у Лэсли.

Наяда взяла Энджела за руку и аккуратно подвела к Орину. Ребёнок не прижался к отцу, а лишь протянул руку, как взрослый.

Филдинг пожал сыну руку, и спросил у сестры:

–Джозеф в Лондоне?

–Служит в Африке.

–А где Фрэзи?

–В данный момент занимается с очень строгой учительницей французского,– сообщила Наяда.

–Дядя Орин!– раздался звонкий, девичий голосок.

К капитану бежал тонюсенький подросток. И её лицо больно резануло сердце. В родном доме, как призраки трагедии, его оккупировали «Лэсли» и «Норман».

Смеясь, девчужка повисла на шее дяди.

–Фрэзи! Гордые барышни так себя не ведут!– одёргивала мать дочку.

–Запрети ещё всем улыбаться,– посоветовал Орин сестре.



—Что плохого, что дитя радуется жизни?— подхватил Биффорд.

Орин расцеловал племянницу в обе щеки, что привело Наяду в ещё больший конфуз.

В комнату вошла Роза с дочерьми.

Фрэзи радостно склонилась над малышками.

—О, они похожи на кукол!— радостно воскликнула девочка-подросток.

За обедом Орин следил за Энджелом. Мальчик пожелал всем приятного аппетита, после чего с улыбкой ждал одобрительного кивка Наяды. Стоило тётке протянуть за чем-либо руку, как услужливый племянник пододвигал или протягивал нужную вещь.

—Ты заменила ребёнку мать,— задумчиво проговорил капитан.

«И отца»,— хотела добавить та, но сдержалась от язвительной пикировки.

—Да, он заменил мне сына, которого не дал мне Бог,— вслух подтвердила Наяда.

—Бываешь же иногда доброй, если сильно захочешь,— похвалил брат.

Роза и девочки ели культурно, не вызывая негодования чопорной аристократки, видно Орин приучил их к этикету. Затем Роза и дети вышли из-за стола, оставив остальных пить кленовый ликёр.

Наяда вновь укоряла брата:

–Хорошо, что мы живём не в Лондоне, иначе твоё имя склоняли бы кому не лень, как некогда обсуждали интрижку Байрона с леди Каролиной Лэм.

Биффорд поддакивал жене:

–Лорд Байрон слывёт очень скользким типом: обольщал высокосветских дам, заподозрен в содомии, и даже были свидетели, уверявшие, что он пребывал в инцесте с единокровной сестрой.

–По-моему, все грехи он смыл кровью, воюя за освобождение Греции,– вставил своё мнение Орин.

–А, по-моему, Байрон искал и там выгоду. Иначе, что делать англичанину там, где нет правительственных войск?– пожал плечами Олди.

–А мне жаль Каролину Лэм,– вздохнул Орин.

–Нашел, кого жалеть!– возмутилась Наяда,– Эта распущенная особа в качестве сувенира присылала волосы со своего лобка!

Брат продолжил:

–Мне кажется: лорд Мельбурн, премьер-министр, сделал вид, что простил взбалмошную жену, леди Каролину Лэм, на самом же деле просто отравил её. Иначе, отчего она умерла в расцвете лет в дальних владениях?

Вечером Наяда склонилась над лежащим в кровати Энджелом, укоряла:

–Малыш, дети всегда тоскуют по родителям и хотят их увидеть, но ты не стремишься к общению с отцом...

–Папа не рад меня видеть, и я его совсем не знаю...Он, как чужой.

–Может, ты ревнуешь к сёстрам?

–Нет, мама.

Женщина заплакала.

–Ты же знаешь, что я не твоя мама.

–Вы запрещаете мне называть Вас так?– теперь слёзы выступили из глаз мальчика.

–Вовсе нет, ты мой самый дорогой человек на земле,– обняла малыша с этими словами Няяда.

Через несколько дней сестра вошла в кабинет к брату и с порога упрекала:

–Перестань избегать Энджела! Ребёнок не виноват в том, что его мать...

Брат перебил её:

–Да, он не виноват в том, что я никогда не любил его мать.

–И Розу ты никогда не любил, однако с девочками играешь...

–Девчонок жалко.

–У Фионы глазки, как у меня...– мечтательно проворковала Няяда.

–Да, у вас с Фи-Фи замечательные глаза-сапфиры.

–Из твоих девочек получатся настоящие аристократки:

они такие изысканные! Тэрэми очень гордая...

—А когда я беру на руки Энджела, мне кажется, что прикасаюсь к Лэсли... он так похож на мать...

—Чувство вины перед Лэсли?

—Нет, к Лэсли лишь чувство презрения. Хотя она не заслужила моего порицания, я и сам её игнорировал.

—Тебе нечего себя корить, тебя же вынудил жениться Норман-подонок! Он, видно, хотел иметь любовницу рядом с собой.

—Лэсли была нормальной девушкой, просто против неё сложились обстоятельства.

—Ты обещаешь, что будешь больше времени проводить с сыном?

—Не могу.

—Мужчины всегда хотят иметь сыновей, но только не ты! Ты меня удивляешь!— кипятилась сестра,— Почему бы тебе не показать малышу свой корабль? Ведь Росс уже, конечно, дал тебе новое судно?

—А. может, отправим Энджела в военное училище, как Джозефа?

—С тобой невозможно разговаривать!

—А ты не хочешь отрывать от своей юбки моего сына?!

—Он больше мой, чем твой!

—Не надо делать из парня слюнтяя и любимчика!

—Я уеду с Биффордом и Энджелом в Лондон, но не отдам тебе ребёнка!

–Вот как? Увезёшь наследника Филдинг-холла? Не смеши меня. Тогда уж укради Энджела и беги в другую страну, чтоб тебя не посадили за похищение дворянина.

–Ты хочешь назло мне отнять Энджела,– заплакала Наяда.

–Прости, ну прости, я вовсе не деспот, я хотел немного помучить тебя за Розу, с которой ты совсем не общаешься.

Роза подняла голову на вошедшего в детскую комнату Энджела. Маленький мальчик робко стоял в дверях. Девочки подбежали к нему и потянули за руки к игрушкам.

Дети заигрались так, что не заметили, как вошёл отец. Филдинг-старший долго наблюдал за вознёй ребятишек. Роза не встала со своего места навстречу мужу, не мешала ему любоваться детьми.

Орин подошёл и склонился над сыном:

–Хочешь быть капитаном?

Их глаза встретились. И сразу же отец отвёл взгляд в сторону. Энджел тоже уставился на игрушки.

–Я не умею плавать,– пробурчал мальчик.

–Я научу,– пообещал отец,– Завтра поедим к морю.

–Как скажете, сэр.

Сзади подошла Роза и положила руку на плечо мужа. Как они приехали в Англию, он ещё ни разу не посетил её спальню. «Бедняга Роза, хочет ласки и любви, как любая другая женщина... Почему же я такой жадный, боюсь подарить ей пару поцелуев? Разве Оттавия узнает об этом?»– с сожалением

нием думал Орин.

После завтрака Орин увёз сына к морю.

Наяда наткнулась на Розу в саду. Та срывает цветы.

Золовка, как всегда едко, вздыхала:

–Совсем недавно открыли Новый Свет, а вот наши мужчины уже завезли заморских женщин, никак не привыкну к твоему странному, экзотическому виду.

–Удивительно тупые вы, белые, мы исстари знали о существовании Евразии. На древних картах наших предков, которые обычно любят помещать шаманы на бубны, нарисован наш материк Америка в виде восьмипалого чудища с усами и рогами, а рядом восьминогий и безрогий лось – Евразия. Между ними большая рыба – Сахалин с косяком мелких рыбёшек – Курильскими островами. По преданиям все наши народы пришли из большого лося. Алеуты, якуты всегда общаются со своими родственниками, пересекая пролив на оленьих и собачьих упряжках туда и обратно. Ещё в преданьях говорится, что люди с белой кожей ещё в древности приплывали на огромных каноэ, оставались, и их потомки были выше и сильнее соседних племён.

–Роза, почему ты всё время сидишь в своей комнате? Поехали, купим новые шляпки,– заворковала Наяда, когда получила словесный отпор.

–Я не хочу позорить Вас. Все будут пялиться на меня, как на заморского крокодила.

–Англичане очень учтивые люди, Роза, никто даже не повернёт головы в твою сторону,– уговаривала затворницу золотка,– Перестань упрямитесь, иначе все сочтут, будто мы тебя заперли и издеваемся над тобой.

–А... что надо надеть? У белых так много одежд...

–Я пришлю горничную, она поможет тебе подобрать нужный наряд,– с самодовольной улыбкой сообщила Няяда.

Кучер открыл дверцу кареты Олди перед магазином Малевольти.

–Выше голову, Роза, ты должна с гордостью смотреть на людей, ведь твой муж – уважаемый человек.

Индианка подняла подбородок повыше.

Оттавия помогала дочери Джессики, щебеча:

–Вот этой шляпке не хватает ленточки. А эти цветочки...– она осеклась, вперив взгляд на вошедших,– А эти цветочки слишком яркие, их надо заменить.

На губах Няяды играл ироничная улыбка.

–Эта девушка тоже индианка?– забыв о выдержке аристократов, радостно узнавала Роза.

–Нет, эта девушка из европейской страны,– отрицала баронесса, её глаза смеялись,– Просто у них в стране много солнечных дней.

–Но в Англии мало солнечных дней...– лепетала жена Орина,– Почему её кожа осталась загорелой?

–Хватит говорить обо мне, будто меня здесь нет! Это

неучтиво,— взорвалась Отта, ставя грубиянок на место.

—Может, купим шляпки в другом магазине?— устыдилась Роза, испугавшись крика.

—Мама, ты распугала всех покупателей,— с досадой заметила Джесс.

—Мама?— эхом отозвалась индианка, разглядывая красавицу, и наивно излагая мысли,— Я думала передо мной молодая девушка...

—Мы будем делать покупки здесь,— заявила Наяда,— Роза, ты и в самом деле не умеешь себя вести в обществе.

—Не я одна,— огрызнулась та.

—Какие модели тебе нравятся?— перебирая новинки, спросила леди у темнокожей родственницы.

—Мне всё равно. Я ничего не понимаю в этих вещах,— пожалала плечами Роза, оставаясь равнодушной к роскошным аксессуарам.

—Заверните нам вот эту, эту...ну, ещё вон ту...и отдайте коробки слуге, который стоит под дверью.

Когда дамы вышли, Джессика заметила:

—Не сладко приходится этой Розе, Наяда сгрызёт бедняжку.

—Да, общество игнорирует влиятельных людей, женившихся на простолюдинках, а уж этот Филдинг привёз аборигенку, чем вверх Высший Свет в ступор и шок,— поддакивала Оттавия дочери, как будто речь шла не о дорогом ей человеке, а о ком-то постороннем.



«Как это ещё Джесс никто не сообщил о моём бывшем любовнике?»— подумала она.

В магазин вошли три барышни, видевшие миссис Олди с новой родственницей.

Дамы в запой обсуждали эту парочку:

—Ты заметила, как Наяда воротит нос от этой обряженной в шелка оборванки?

—Бедняжка...она так презирает простолюдинов, а теперь ей приходится терпеть чернь прямо у себя за столом. Мне жаль её нервы,— вторила вторая подруга.

Другая сплетница зашептала:

—А, может, эту кару миссис Олди заслужила? Нельзя пренебрегать теми, кто волею судеб живёт в нищете. Вот Бог её и сталкивает то с Оттавией, то с Розой.

Когда барышни вышли с покупками, Джессика заметила матери:

—У нас в городе появилась ещё одна Оттавия.

—Эти леди имели в виду меня,— угрюмо опровергла её доводы мать.

Девушка раскрыла во всю ширь свои огромные глаза.

Орин отплыл с сыном в лодке от берега. Отец держал Энджела на поверхности воды, тот барахтался.

—Всё, папа, отпускай, я понял, как надо плыть!— крикнул малыш.

Взрослый убрал руки. Голова мальчика исчезла с по-

верхности волн. «Утонул! Наяда убьёт меня»,— была первая мысль у мужчины.

Прыгая в воду, он причитал:

—Бедный мой мальчик...

В мутной жидкой прибрежной воды он разглядел тонущего. Схватил ребёнка и вынырнул. Малыш кашлял и отплёвывался.

Орин положил его в лодку. Залез сам. Сгрёб ребёнка в объятия.

—Дорогой мой, бесценный,— шептал отец, и слёзы градом лились из его глаз.

—Папа, прости, я не научился плавать, я плохой капитан,— испуганно лепетал мальчик.

—Ерунда. Энджел,— подбодрял он сына,— Ты научишься плавать не хуже меня. Ведь ты — Филдинг! А все Филдинги отчаянные вояки.

Вечером в кабинет Орина заглянул сын.

—Папа,— позвал детский голосок.

—Энджел? Что случилось?— взволновался капитан.

Ласковый ребёнок без слов прильнул к отцу. Мужчина осторожно обнял его. Зарылся лицом в волосах ребёнка. Глаза вновь заволокли слёзы. Как мог он избегать несчастное дитя? Как мог отворачиваться от собственного сына? Нет, любовь к Энджелу всегда жила в его сердце, просто он тщательно прятал её от всех, даже от сына и от себя.

—Я пришёл пожелать Вам спокойной ночи,— прошептал

ребёнок и убежал.

Маленькие Фиона и Тэрэми заявили отцу, что тоже хотят новые шляпки. Он отвёз их к магазину и отправил за покупками вместе с гувернанткой, сам же остался в карете. Мужчина хотел увидеть Оттавию, но в то же время сдерживал себя. Так сидел и терзался сомнениями.

Малевольти сразу узнала дочек Филдинга. Наблюдала за маленькими леди. Серьёзная Тэрэми задумчиво изучала шляпку в своих ручонках. Отт захотелось прижать и поцеловать малютку в эти серые глаза, что так похожи на глаза Орина.

Фиона взяла нарядную шляпку, Тэрэми скосила на неё глазки, в коих сквозила зависть. Оттавия улыбнулась – какие они милые, эти крошечные дамочки. Она вынесла для Тэрэми такую же шляпку, как ту, что примеряла Фи-Фи, только с другими цветочками. Она надела обновку на голову Тэрэми и приобняла её.

– Девочки, вы определились с покупками? – с этим вопросом Орин вошёл в магазин.

Голос его дрогнул, когда он увидел Отт, обхаживающую его малышей. Слезы умиления выступили из глаз. У Оттавии не было ревности к его детям, она их полюбила. «Неужели гувернантка называла детей «мисс Филдинг»? Как Отти догадалась, что это мои крошки?» – подумал он. Но как больно видеть Оттавию так близко и не иметь возможности затро-

нуть. Он надеялся, что она подурнела и постарела, и вызовет отвращение, но в свои тридцать три года эта женщина походила на двадцати пяти летнюю девуцу.

–Папа! Тётя нам дарит эти шляпки!– скакали возле него дочери.

Не сводя глаз с хозяйки магазина, Орин подошёл к ней, и поцеловал руку. Не сдержался и прижал её ладонь к своей щеке. Из глаз Отты, обгоняя друг друга, выскочили две слезинки. Она выдернула свою руку и скрылась за дверью, которая вела в подсобное помещение.

Дома Фиона хвастала:

–Мама, нам подарила шляпки красивая дама!

–Вы были в магазине Оттавии Малевольти?– переспросила Наяда, глядя на брата.

–Да,– отворачиваясь, подтвердил Орин.

Роза почувствовала, как холод побежал по её спине. Красавица-продавщица имела какое-то отношение к прошлому её мужа. И тут она вспомнила. Как во время бреда в их первую ночь, Орин звал женщину по имени Оттавия.

–Папа поцеловал руку этой даме,– вторила Тэрэми.

Типичная самодовольная гримаса Наяды при этих словах преобразилась в недоумённую, растерянную физиономию.

Шляпки полетели в камин, что уже топили в конце лета.

–Мама! Ты злая!– вскричала Тэрэми и убежала из комнаты.

Наяда бросилась вслед за племянницей.

Фиона безудержно рыдала. Орин взял малышку на руки и вышел из комнаты. Отдав девочку на руки гувернантки, он вышел из дома.

Побрёл по аллее, бурча:

–Я уничтожил самое дорогое, что у меня было – любовь. Нет! Мне нужно Отти! Ещё день без неё, без её глаз я не выдержу!

И он почти бегом бросился к наёмному экипажу.

–Бесстыжий, отвратительный подонок!– закричала Оттавия на вошедшего Орина.

–Да, это я,– спокойно согласился он,– И я вновь хочу обнимать тебя.

–Мечтай дальше!

Мужчина молча сменил вывеску на дверях, теперь там красовалось «закрыто».

–Убирайся, Филдинг, к своей индианке!– не унималась итальянка, истерично вопя.

Орин приближался. Она запаниковала. Пятилась к окну. «Зачем я отпустила Джесс пораньше домой?»– думала она.

–Разобью стекло и позову полицейских!– угрожала женщина.

Она сняла с себя туфлю, размахнулась в сторону окна, и вскрикнула от прикосновений мужчины: он упал на колени и нежно гладил её ноги. Ещё минута, и вот он уже целует пальцы на её ноге. Она, словно статуя Галатеи, замерев, от-

вечала безмолвием. Рука с туфлём опустилась, обувь со стуком упала на пол.

Филдинг плакал и молил о снисхождении:

–Прости меня. Люблю только тебя.

Оттавия молчала. Её огромные глаза наполнены туманом сомнения.

Орин продолжал, всё ещё стоя на коленях:

–Этот твой облик, такой долгожданный и призываемый сотнями ночами...

Эти слова затронули душу женщины.

Но со слезами она протестовала:

–Ты лжёшь. Я не верю тебе.

–Без тебя я не жил, а изнывал.

И от этих слов слой льда слетел с сердца Оттавии, её руки потянулись к его голове, запутались в волосах.

А мужчина дальше оголял душу:

–Каждый день я засыпал с твоим обликом в глазах, просыпался с мечтою вновь обрести тебя. Ты же должна понимать, что индейская жена – всего лишь нелепая ошибка, горячность молодой крови... Люблю тебя, моя неподражаемая, незаменимая...

Чем больше он говорил, тем больше успокаивалась женщина. Лишь её глаза, прекрасные, переливчатые опалы ошеломлённо широко раскрылись, да её недавний плач выдавали две сверкающие жемчужины-слезинки, которые не хотели расставаться с чёрными, длинными ресницами, и ещё всхли-

пывал маленький, припухший, покрасневший носик.

Филдинг снял вторую туфлю с уже покорной Оттавии. Поднялся и заключил любимую в объятия. Подхватил на руки и отнёс в подсобку.

Оргазмы следовали один за другим, тело женщины сотрясалось с такой силой, будто она билась в истерике. Она кричала громко, во весь голос. Мужчина, чьё тело было на пике удовольствия, расслабился и хрипло стонал.

Они договорились провести ночь в гостинице. Орин поехал немедленно, Оттавия дождалась сторожа и помчалась к любимому.

Теперь они сели на ковёр у камина друг против друга, и любовались ликом возлюбленного, как лучшим творением Господа.

Руки сами потянулись к милому лицу. Каждый с нежностью гладил щёки, губы, нос любимого.

– Судьба не разлучит нас, да, Орин? Назло обстоятельствам мы будем вместе.

– Да, любимая. Богиня судьбы Мойра слепая, она идёт туда, куда ноги ведут – бездумно, вслепую. И мы порою неожиданно оказываемся во власти случая, обстоятельств.

– Зачастую Мойра решает за нас, но, говорят, она была справедливой богиней. Остаётся надеется, что Мойра исполнит то, к чему так стремятся наши сердца.

Дома у дверей спальни Орина ждала Роза.

Набросилась с упрёками:

–Ради тебя я перевоплотилась в подобие белой женщины!  
Ради тебя пересекла океан и живу теперь вдали от Америки. А что сделал ты, ради меня? Ни ради наших девочек, а именно ради меня?

–Ты же знаешь, что наша связь – нелепая оплошность, ошибка, что моё сердце принадлежало другой.

–Тогда увези меня обратно в Америку!

–Ты сошла с ума со своей ревностью! Что с меня убудет?

–Убудет с меня. С моего достоинства! Зачем мне муж, если его с кем-то делить?

И Роза убежала в свою комнату.

Руперт Буркс с вздохом говорил служанке Джоанне, что суетилась на кухне:

–Я, честно говоря. Думал, что горячая индейская женщина пригвоздит Орина к своей кровати.

–Видимо, Оттавия преподносит молодому барону какой-то запредельный секс,– предположил новый кучер, кучерявый мужчина средних лет.

–Вам бы только гадости говорить,– перебила их кухарка,– А мне жаль нашего бедняжку Орина. Его отчаянье, когда он глядит на эту Розу, просто потрясает.

Привычно проглотив оскорбления мужа, Отта в очередной раз улизнула из дома.



Освальд ворчал:

– Не даром в пословице говорится: «До тридцати мужчина женится сам. После тридцати – люди женят. А после сорока женит бес». Я готов собственноручно придушить барона Айвора Драммонда за то, что он приволок эту отвратительную семейку Малевольти. И родила-то Отта точных копий себя... таких же непутёвых, как сама. Хорошо, хоть Умбри неплохо устроилась с браком, этим хоть Драммонды искупили свою вину... Хотя при чём тут старина Айвор? Это Орин Филдинг – гадкий совратитель. Вот мне и надо нанять какого-нибудь джентльмена с неприятными чертами лица и с псевдонимом вместо имени, чтобы он, добрая душа, навсегда избавил меня от назойливого Филдинга, надо же ещё и Джессику достойно замуж пристроить.

Как только Оттавия появилась на пороге гостиничного номера в очередной раз, Орин нетерпеливо скомандовал:

– Марш в кровать!

– Да, сэр! Слушаюсь! – чеканя по-солдатски, кривлялась Отта.

Он сел на корточки и приподнял зад женщины. Она осознавала, что в таком положении ей легко будет производить движения бёдрами. Ей всегда нравился медленный, с истомой секс, но сегодня она решила поэкспериментировать. И она, будто танцуя турецкий танец живота, потрясла бёдрами, затем быстро задвигала задом. После сократила влагилице

несколько раз. Неописуемый залп удовольствий заставил замереть от яркости плотских ощущений. В ускоренном темпе тоже оказались свои плюсы.

Не взирая на их изощрённые любовные игры и страстные отношения, Оттавия понимала, что Филдинг не бросит Розу, он сохранит брак ради детей.

И прежде чем уйти, Отта попыталась улыбнуться на прощанье. Но улыбка лишь слегка коснулась её изящных губ, не осветив печальных глаз.

Филдинг вышел из гостиницы спустя пол часа. Направился к своей карете.

–Куда подевался этот новый кучер?– вслух недоумевал барон.

Как вдруг из его кареты стали выпрыгивать люди с опухшими, покореженными физиономиями.

–Джентльмены, вы меня с кем-то спутали, я – самый миролюбивый человек на планете,– искренне удивился Орин.

–Разве ты не капитан Филдинг?– поинтересовался один из компании,– Вижу, что он. Привет тебе от Освальда Боу.

Капитан выхватил шпагу. Его противники выставили перед собой палки, кнуты и ножи.

Прежде чем Филдинг разогнал толпу этих неудачников-рецидивистов, ему здорово досталось несколько раз палкой по ногам и спине, а также нож вскользь пролетая, шаркнул по рёбрам.

Орин, чтоб не тревожить близких, зашёл в свой дом через чёрный вход, что предназначен для слуг. Дверь ему открыл Руперт.

—Кто Вас так, сэр?

—Эти не очень почтенные джентльмены не пожелали знакомиться со мной, они сохранили инкогнито, зато они познакомились с моей шпагой,— пробовал шутить барон, собирая волю в кулак, чтоб превозмочь боль.

—А где кучер?

—Подозреваю, что бедный малый где-нибудь в канаве. У меня не было времени его искать.

Обтирая ножевую рану шотландским виски, слуга ворчал:

—Что за нелепицу преподносит Вам судьба, мистер Филдинг, в Англии Вас увечат гораздо чаще, чем в любом другом уголке света!

—Вот такой казус...

—И как всегда виновата в Ваших ранах женщина... Так?

Орин лишь вздохнул в ответ.

—Старый, хитрый прохвост Боу не собирается закрывать глаза на шашни своей жены, так, старина Орин?

—Более чем вероятно.

—Оттавия, без сомненья, дама сногшибательная, но стоит ли она того, чтоб терять из-за неё голову в буквальном смысле? Не пора ли Вам, барон, отбросить мальчишескую влюблённость и повзрослеть?

—Я не могу от неё отказаться.

–А стоит ли она того, чтобы из-за неё терять семью? Роза – индейская женщина, неизвестно что она может выкинуть.

–Куда она денется с берегов Англии?– махнул рукой барон.

–Поеду, поищу кучера по кустам. Может, он раненый.

Освальд Боу слёг в постель от сообщения, что Филдинг опять вывернулся от расправы.

Оттавия пришла с ним проститься.

Старик слабым голосом говорил ей:

–А представь: не было б нашей злополучной встречи... Вышла б ты замуж за парня из рабочих, нарожала б кучу детей... и никогда бы не встретила Орина Филдинга.

–Ты прав... ни Нормана, ни Орина...

Когда Филдингу сообщили о кончине Освальда Боу, он неподобающе случаю стал весел и улыбчив.

Роза вошла в комнату к Няяде, та смущённо отложила книгу.

–Глупо меня игнорировать, я уже давно превратилась в англичанку. Одеваюсь, как англичанка, говорю по-английски, и живу, как англичанка.

–Ты права, Роза, под нашим влиянием ты превратилась в англичанку.

–Что это за красивые цветы на подоконнике?

Индианка подошла к букету вплотную, разглядывая чу-

десное творение природы.

Золовка тоже подошла к окну.

– Это розы, – трепетно прикасаясь к лепесткам, произнесла с улыбкой сестра мужа.

Роза чуть не заплакала. Быстро отвернулась. Наяда почувствовала, что жена брата одинока.

– Мой брат игнорирует тебя?

– Я не думала, что белые женщины такие догадливые. Я слышала, им вообще нет дела до интима...

– Я была несчастна в первом браке с Норманом Сэндлером... А Биффорд сделал из меня настоящую женщину...

– Вам повезло... А мне, что же, всю жизнь терпеть причуды Орины?

– Что ж поделаешь... Такая наша женская доля – терпеть. Бывает, что в семье детей уже трое, а сердце мужа ещё на воле.

Вечером Наяда обнимала мужа, сидящего на диванчике, и шептала ему:

– Бифф, последнее время мне кажется, что ты отдаляешься от меня...

– Мой любовный пыл, если и остыл, то совсем на чуть-чуть, – с улыбкой уверял банкир, – И если я провожу на работе больше времени, то это означает, что граждане Милфорд-Хейвена стали жить лучше, богаче, и с радостью несут свои сбережения под проценты в наш банк.

– У тебя точно нет любовницы?

–Ни-Ни, да о чём ты говоришь?! Какие глупости! Не думал, что ты так плохо обо мне думаешь. Хотя я понимаю: твоя совместная жизнь с этим развратным Норманом сделала тебя недоверчивой...

–Если б от ревности чесотка появилась, то вся округа бы чесалась...

–Последнее время ты часто используешь в речи поговорки, – заметил, смеясь, Биффорд.

Что-то в тоне мужа насторожило Няяду. Ей показалось, он пытается усыпить её подозрения.

Хедлунд по-дружески успокаивал бывшую жену сослуживца Сэндлера:

–Зачем такой красивой леди забивать голову сомнениями? Не лучше ль дальше жить спокойно?

–Мистер Хедлунд, я же плачу немалые деньги, а Вы в память об отце не желаете мне помочь! Тогда я пойду в частное агентство!

–Мои люди завтра же приступят к слежке, миссис Олди, – заверил юрист.

Олди вышел от любовницы и столкнулся нос к носу с женой.

Та высказала своё мнение о нём:

–Ты превзошёл все мои смелые предположения. Дома ты старательно прикидывался безнадёжно влюблённым в жену,

а на деле оказался обыкновенным лжецом. Ты ещё хуже Нормана, тот хоть не скрывал свои похождения.

—Я виноват. Я нашёл женщину, согласную родить от меня. Ей я обязался заботиться о ней и ребёнке...

—Изобретательно: теперь я и негодею тебя назвать не могу, ведь жена не обеспечила тебя потомством.

Наяда развернулась и пошла прочь. Муж догнал её, взял под руку.

—Пусти меня, у тебя ребёнок от замарашки-Золушки, вот и ступай к ней.

—Неужели ты не видишь, что единственную, кого я люблю — это ты?

—А та семья?

—Ребёнок ещё не родился, но уже мне дорог...

—И ты приведёшь его к нам?

—Нет, ведь тебе будет больно видеть его.

—Пусть уж живёт у нас, я назовусь его матерью, это будет лучше, чем ты будешь бегать к той женщине и неизвестно что с ней вытворять.

Из особняка Филдингов свет лился на берёзы, на ветвях которых осталось по одному листочку. И эти задержавшиеся листочки светились золотом от падающего из окон огня хрустальных люстр. И мокрые деревья казались выполненными из драгоценных камней, будто какой-то тролль в знак признательности принёс их из своего волшебного леса.

Роза бродила в саду, как вдруг кто-то её ошибочно окликнул:

–Оттавия.

–Оттавия, Оттавия, снова и снова эта негодяйка Оттавия! Я не она! Я – Роза!– вскипела индейская женщина, оглядываясь на мужчину, что стоял за оградой парка.

–Ах, извините! Издали Вы очень похожи... Я давно не был в этих краях... Пойдите, не уходите, расскажите, пожалуйста, о жителях этого дома.

–А, может, Вы – вор?

–Посмотрите на меня, я же джентльмен.

–Я – жена Орина Филдинга... а скорее – его рабыня из Америки. У нас две дочери...

–Орин не женился на Оттавии?– перебил её незнакомец,– Женился на Вас?

–Как видите.

–А как поживает миссис Няяда и её дочь?

–Вышла замуж за владельца банка из Лондона. Теперь она миссис Олди.

–Ого! Я так и думал, что тот тип влюблён в неё!

–А как Ваше имя, мистер?

–Норман Сэндлер,– представился блондин и ухмыльнулся.

–Но пойдите... первого мужа Няяды звали так же...– пришла в замешательство Роза.

Джентльмен повернулся спиной и пошёл по улице дальше.



Индианка поспешила в комнату к Няяде. Золовка мазала лицо кремом.

–Роза, почему без стука?

–Там в парке ко мне подошёл мужчина и назвался Норманом Сэндлером!

–Бред! Кто-то пошутил...– обмерла Няяда,– Как он выглядел?

–Очень красивый господин лет сорока, белые волосы...

–О, Боже! Я не хочу терять Биффорда,– женщина заплакала.

Роза бросилась её обнимать, утешать.

–Но тот джентльмен не стал заходить в дом. Может, он не хочет возвращаться,– пыталась успокоить её индианка.

«Если Олди узнает о возвращении первого мужа, он точно уйдёт к той беременной»,– пугала себя Няяда.

–Розочка, только не говори о Нормане ни Орину, ни Биффорду, прошу тебя!

–Хорошо, хорошо, не плачь.

Роза сидела в кафе напротив магазина Малевольти. Ждала, что та забежит сюда на обед. Она ковыряла салат уже добрые пол часа, совсем, как истинная англичанка.

–Здравствуйте,– кто-то с ней поздоровался.

Женщина вздрогнула и подняла голову.

–Здравствуйте, Норман. Ждёте Оттавию?

–Нет, зашёл поесть,– садясь, ответил Сэндлер.

Заказал официанту ростбиф и чай с молоком.

–А я вот жду. Хочу поговорить с ней, пусть отступится от моего мужа.

–Бесполезное занятие.

–По-видимому... Вот даже Вы вернулись из загробного мира, чтобы вновь повидать её...

–Я вернулся, чтоб убедиться, что чары Оттавии уже бес- сильны против меня.

–Что-то верится с трудом. Почему же Вы тогда звали её, когда спутали меня с ней?

–Призрак ушедшей любви.

Норману принесли заказ. Он с аппетитом принялся есть мясо.

–Оттавия очень красива, мне с ней не справится,– вздох- нула Роза.

–Отчего же? Как мог я сравнивать Вас и её? Вы лучше.

–Мне непонятна Ваша лесть.

–Вы не изменяете мужу, как это делает она. У Вас лицо честной женщины.

–Что это мне даёт? Разве можно заменить любовь на ува- жение? Кстати, муж Оттавии ушёл в мир духов, у Вас есть возможность попробовать завоевать её, попросить её руки. Я, пожалуй, пойду к своей карете.

–Я провожу Вас,– встал из-за стола Норман.

«Ах, эти услужливые джентльмены!– зло подумала про се-

бя индейская девушка,— Если бы он знал, как замирает моё сердце от его красоты...»

Норман открыл дверцу кареты и подал руку, чтоб помочь даме взобраться на ступеньку. Когда она привсталала на ступеньку, её причёска в маленькой шляпке оказалась перед его лицом, мужчина прикоснулся губами к её волосам.

—Что Вы делаете, мистер Сэндлер?— взволнованно спросила жена Филдинга.

—Извините, не устоял: Ваши волосы пахнут сосновой хвоей. Такой дивный аромат леса, свободы.

—Свободы?— переспросила Роза и заплакала.

—Ну что Вы... Извините, коли обидел...

Всхлипывая, индианка жаловалась:

—Здесь я, словно запертый зверь в клетке. Лучше идти по следу волка в лесу, чем зависеть от мужа!

Она села на сиденье в карете, но дверь всё ещё держала открытой.

—Вам просто попался плохой муж.

—Говорят, и Вы были ужасным мужем...— сквозь слёзы говорила Роза.

—Я сам не знал, что хотел от жизни.

—А теперь знаете?

—Теперь я не буду перечить зову сердца. Если полюблю, то добыюсь женщины любой ценой.

—Даже насилием?

—Нет, только любовью.

–Хотела бы я оказаться той женщиной.

Её слёзы высохли. Она смотрела на белокурого мужчину зачарованно. Потом опомнилась, захлопнула дверцу, приказала кучеру ехать.

Норман заметил, как в свой магазин вошла Оттавия. Он перешёл дорогу и вошёл в помещение вслед за ней.

Когда хозяйка магазина вышла за прилавок курировать новенькую продавщицу, она ошарашено обмерла.

–Норман! Ты жив!

–Я пришёл вернуть тебе вот это,– и Сэндлер протянул давно потерянное кольцо,– Оно мне больше не нужно. Я понял, что лишний у твоей юбки. Моё место быть опорой совсем другой женщине.

–Я рада за тебя, Норман.

–Прости меня, Оттавия.

–Но если б не ты, у меня не было бы Дэна,– прошептала ему в лицо итальянка, поцеловала в щёку и пожелала от души,– Будь счастлив, Норман.

Сэндлер вышел из магазина Оттавии, шёл пол улице и думал: «Новая жена Орина сначала вызвала чувство жалости, затем я любовался экзотической особенностью её лица. Но из последних её слов я понял, что Роза увлеклась мною. Хоть она и в семье, но одинока и несчастна».

Чем больше он думал о Розе, тем больше она ему нравилась. И Норман усмехнулся: «Почему я подбираю женщин за шурином? Насмешка судьбы».

Наяда вошла в детскую, где Роза сидела с дочерьми.

–Кучер сказал мне, что ты у кареты долго разговаривала с каким-то джентльменом...

–Это был Сэндлер.

–Тише, вдруг кто-нибудь услышит... И зачем только этот кретин вернулся в город!

–Миссис Олди, расскажите мне о нём.

–Он – подлец, каких мало. И алкоголик. Меня ни в грош ни ставил. Дочь не любил.

–Просто выродок какой-то,– недоверчиво улыбнулась Роза.

Наяда перешла на шёпот:

–Он имитировал смерть, когда мой брат застукал его со своей женой Лэсли.

–А эта Лэсли?

–Значит, тоже жива. Мерзавка забыла о сыне.

–Разве было бы лучше, если б она выкрала Энджела?

–Ты права... А о чём ты говорила с Норманом?

–Об Отгавии,– вздохнула Роза.

–Об Отгавии? А Норману-то зачем эта итальянка?

–Он любил её всю жизнь,– специально делала больно Наяде индианка.

–Вот сволочь,– сорвались с губ аристократки бранные слова.

Она выскочила из комнаты и спустилась на кухню.

–Джоанна, налей мне шерри!– потребовала госпожа.

–Миссис Олди, что с Вами?– округлила глаза старая женщина.

Аристократка сама открыла бар и трясущимися руками налила полный фужер вишнёвого ликёра. Почти залпом выпила. Села на стул и заплакала.

Старушка жалеючи стала гладить её плечи.

Наяда доверила ей тайну:

–Представляете, Джоанна, Сэндлер жив. Он может разрушить всю мою жизнь. Если вернётся...

–Бог с Вами, госпожа, да кто Вам сказал эту чушь?

–Его видели.

–Мало ли похожих джентльменов...

–Я чувствую: это он бродит вокруг Филдинг-холла.

Жена Орина вечером гуляла в саду вдоль ограды в надежде вновь встретить Нормана.

–Здравствуйте, Роза.

–Норман!– обрадовалась она, затем умерила свой пыл и спросила,– А где Лэсли? Вы живёте с ней в фиктивном браке?

–Лэсли где-то в Америке.

–И Вам не жаль её?

–Только теперь я понял, какой я был эгоист и негодяй. Лэсли металась без любви, а я ею воспользовался ради своей похоти. Она чувствовала, что я тоже её не люблю, потому

безропотно приняла зелье, благо, что вместо яда в бутылке было снотворное.

—Я тоже для Вас орудие мести?

—Я люблю Вас. Поверьте. Непроступность Оттавии меня больше не задевает и не терзает.

—Вы меня любите?— ахнула Роза.

Она побежала к дому.

—Роза, а Вы меня любите?— неслось ей вслед.

Девушка остановилась.

Развернулась и крикнула:

—Да!

Она вбежала в дом, а там её ждала Няяда.

—С кем это ты там опять разговаривала?— грозно спросила золовка.

—Какой-то джентльмен спрашивал, как пройти на Морскую улицу.

—Вас, милочка, отныне не выпустят из дома. Или будите гулять под наблюдением слуг,— заверила её Няяда.

Семейство Олди и Филдинг приехали на воскресную мессу к местной церкви.

Роза сунула убогому, трясущемуся дедку деньги. С неожиданной быстротой для старикашки-инвалида он соскочил с места и подбежал к благотельнице.

—Добрая миссис Филдинг, Вы дали слишком много,— проговорил «калека», беря девушку за руку.

Она тревожно взгляделась в грязное лицо и разглядела черты лица Сэндлера.

–Я не миссис Филдинг, нас никто не обручал,– тихо сказала Роза в лицо Норману.

–Я обручён с Наядой, но и это не влияет на мою любовь,– шептал ей в ответ влюблённый,– Если моё чувство взаимно, то вечером выходи из дома. Я увезу тебя в Америку.

–Роза, что ты там замешкалась?– окликнула её Наяда.

Если бы она только откинула своё омерзение и призрение к беднякам, то разглядела бы под рваниной законного мужа, но она, как всегда брезгливо и высокомерно задрала нос, быстрее отворачиваясь от толпы босяков.

Индианка догнала родню.

Ночью Роза в пальто кралась по лестнице вниз.

–Куда ты на ночь глядя бежишь из дома?– окликнул её Орин, что вышел из своего кабинета в одежде капитана.

–Я не Роза, моё имя по-индейски – Негнущейся Камыш. Я ухожу к другому мужчине.

–Ты бросаешь семью? У белых не принято, чтобы женщина уходила из семьи. Особенно из семьи джентльмена.

–А у индейцев, если женщина бросает мужа – это признак неполноценного мужчины.

–За столько лет не сменили замок,– раздалось сзади бормотание Сэндлера.

Филдинг изумлённо уставился на воскресшего.



–Так ты жив, прохвост!– воскликнул капитан совсем без злобы,– Где же тебя носило?

–Не имеет значения, где я был. Я пришёл за Розой,– проговорил Норман.

–Как? Вам мистер Сэндлер, нужна вторая моя жена? Не стесняйтесь – забирайте... Ну ты и наглец!

Орин крепко схватил жену за руку.

Норман возмутился:

–Зачем она тебе? Ты проводишь время в объятиях вдовы Боу. Или ты предпочитаешь, чтобы я вернулся в лоно законной семьи и аннулировал брак Няяды с мистером Олди? Как тебе перспективка оказаться снова со мной под одной крышей? А, что, неплохо – с одной стороны Няяда, с другой стороны – Роза.

–Заткнись, мразь! Ты опять шантажируешь меня счастьем сестры!

–Что стало с нашим воспитанным мальчиком? Раньше ты при любых обстоятельствах был любезен и флегматичен, как лорд на обеде у принца.

Норман требовательно протянул руку к руке Розы. Филдинг медленно разжал пальцы, и индианка прижалась к любимому.

–А как же дети, Роза?– неуверенно взывал к её материнским чувствам уже бывший муж.

Та молчала, Сэндлер повёл её к выходу.

–Если я убью тебя, Норман, никто даже не узнает, ведь

ты числишься в мертвецах!— опомнился капитан и выхватил шпагу.

Роза загродила собой любимого.

—К чему притворяться ревнивым мужем?— без боязни сетовал бывший родственник,— Ведь единственно, кого ты любишь — это Оттавия.

—Ты прав... Всё мой чёртов эгоизм. Иди, Роза, ты свободна, и прости меня за обманутые надежды, за поруганную честь, за издевательства и притеснения...

Девушка кивнула и повлекла Нормана на улицу.

—А где Лэсли?— спросил Орин у уходящего Сэндлера.

—Где-то в Америке.

После объявления о «скоропостижной смерти» Розы в городе заговорили о скорой свадьбе Орина Филдинга и Оттавии Малевольти, теперь-то на их пути нет препятствий.

В доме Филдинга случилось примечательное событие — приехал в гости Джозеф Сэндлер.

Лощёный блеск Джозефа вводил в робкое созерцание одного.

Тётушка Тина с компаньонкой Элеонорой прибыла облобызать внучатого племянника. Старушка осталась очень довольной видом Джозефа: представительный не по годам, серьёзный и очень красивый.

Семья собралась за праздничным столом.

—Как тебе Африка?— робко спросила мачеха у Зэфа.

–Край тоски. Безмерное море песка и раскалённого воздуха.

Орин заговорил о своих впечатлениях о давнем путешествии:

–Казалось бы, чем развлечь себя на острове? Вот онжи, одно из пигмейских племён, с Андаманских островов не скучают: охотятся, рыбачат, собирают мёд и фрукты, моллюсков и яйца черепах.

–Заниматься каждый день поиском пропитания – развлечения?– усомнился Джозеф.

–Они ещё раскрашивают свои тела глиной,– вспоминал Орин.

–Глина, наверное, защищает от насекомых,– выдвинул предположение Биффорд.

–А что-нибудь необычное, Вы, дядя Орин, пробовали?– подала голос Фрэзи.

–Аборигены готовят древесных личинок «винчетти», валя их в горячей золе. Таким образом, они по вкусу становятся похожими на омлет. Но лучше всего эти личинки употреблять живыми. Они настолько питательны, что десять личинок обеспечивают взрослому человеку сытый день.

Фрэзи отодвинула тарелку с макаронами.

Наяда возмутилась:

–Конечно, еду более съедобною ты вспомнить не мог.

–Я извиняюсь,– пробурчал провинившийся.

–В Африке я тоже вместе со всеми частенько пил гни-

люю воду,— поделился воспоминаниями Джозеф, чтоб полить мачеху.

Разговор так и продолжался на тему путешествий. Элеонора проявляла жгучий интерес к рассказам Орина об Америке. И после обеда Филдинг принёс географические карты, чтобы показывать места, где бывал.

Наяда повела Джозефа показывать обновления в доме, а капитан с тётей Тиной и её компаньонкой устроились на диване в гостиной. На пороге Зэф задержался и пристально взгляделся в лицо Элеоноры.

Орин захлёб повествовал о своих приключениях. Старушка кивала племяннику, да и задремала.

—Когда плывёшь на корабле ночью, то кажется, что паришь меж звёзд,— восторженно делился впечатлениями капитан.

—Я хотела бы парить меж звёзд с Вами,— прошептала девушка.

Впервые Филдинг увидел её не как родственницу Малевольти и компаньонку тёти, а как привлекательную особу.

—Закроем глаза и представим, что мы летим меж звёзд,— пошёл навстречу мечтам Орин.

Но вместо этого они не сводили глаз друг с друга. Но обоим показалось, что их окружило звёздное небо.

—Сейчас я нарву тебе, Элеонора, огромный букет из звёзд... Какие ты больше любишь: белые, голубые, розовые?

—Я люблю все...

–Держи.

И Филдинг протянул цветы-«невидимки». Их руки встретились.

–Давайте рассыпем их обратно, чтобы другие люди тоже могли собрать звёзды...

Тётя Бонэм проснулась и не спускала глаз с беседующей парочки.

Наконец, она заявила племяннику:

–Вы бы определились, мистер Филдинг, кого бы Вы хотели видеть подле себя: Отгавию или Элеонору. Что-то засиделись мы у вас... Пойдём, стрекоза.

В карете аристократка дала разгон компаньонке:

–Неблагодарная дрянь! Я отдала тебе столько тепла и любви, а ты змеёй вползаешь в мою семью!

–Как Вы меня любите, если не хотите видеть счастливой?

–Я вообще больше не желаю видеть тебя подле себя.

Джозеф присел на кухне возле престарелой Джоанны. Та налила ему чаю.

–Как долго болел мой отец?– выпытывал у прислуги подробности бывшего юноша.

–Да вообще не болел. Тоже мне придумали, что соврать – дифтерия!– ворчала старушка,– Хоть бы кашлянул кто...

–А эта Лэсли, значит, тоже не болела?

–Хоть и была тщедушной барышней, но на здоровье в нашем доме не жаловалась.

—У Лэсли и моего отца была интрижка?

—Не знаю... Ваш папаша пользовался большой популярностью у женщин. Вообще-то переглядывались они как-то по особому.

—Орин часто отсутствовал, а папа не мог видеть скучающих дам,— ухмыльнулся Зэф.

—Я видела, как Буркс выносил какую-то странную зелёную склянку. Завидев меня, он спрятал бутылёк под полу ливреи! В такие ёмкости спиртные напитки не наливают,— заговорщически зашептала Джоанна.

—Большая была эта банка?

—Вот такая.

—Может, флакон от духов?

—Тогда почему такая секретность?

Берта пришла навестить сестру. Оттавия усадила её пить чай.

Отта всё ещё носила траур по мужу, но лицо её лучилось радостью.

Сестра сделала глоток жидкости и заявила:

—Элеонора рвётся каждый день гулять на пристань.

—Ей нравятся море и корабли?— широко улыбаясь, спрашивала Оттавия.

—Скорее капитаны.

—Вот как?— засмеялась Отта,— Любит военных в мундирах!

—Она рвётся каждый день на пристань, чтоб увидеть Ори-на Филдинга.

—Глупышка, Элеонора, Орин всецело мой,— пожалела племянницу тётя,— Но почему она влюбилась именно в моего Орина? Ну, ничего, мы поженимся, и девочка успокоится.

А в это время Орин Филдинг показывал Элеоноре свой корабль. Девушка специально оступилась, капитан её поймал. Она прижалась к нему.

—Ты бы вышла за меня замуж?

—Да! Конечно!

—Тогда — выходи.

—Обними меня сейчас, здесь, на глазах у всех: я не могу поверить, что ты на самом деле мой.

—На нас все будут смотреть и осуждать.

—Я не пойму: почему равнодушие и ханжеское призрение стали нормой в поведении людей? Почему поощряется сдержанность и хладнокровие?

И Филдинг обнял молоденькую девушку. Правда, быстро раскрыл объятия и предложил сойти на берег. Лицо Элеоноры светилось от счастья.

—Все прохожие будут оборачиваться, чтобы проводить взглядом такую красивую невесту,— мечтательно говорил Орин.

—Вам, мистер Филдинг, чертовски повезло с новой женой,— жеманясь, ворковала-внушала Элеонора,— Я только боюсь твою зазнайку-сестру.

–Ерунда. После индианки итальянка – это достойная партия.

Этим же вечером Орин в гостинице осторожно спросил у вошедшей Оттавии:

–Как сильно ты меня любишь?

Она слегка ущипнула его со словами:

–А ты не знаешь?

–Я знаю, что ты будешь моею, стоит мне только тебя позвать... Ведь так?

В ответ женщина поцеловала любимого мужчину.

–Значит, ты прибежишь ко мне, даже, если я женюсь на Элеоноре...

–Что? Что ты сказал?

–Я женюсь на Элеоноре Фиоре.

Оттавия со всей силы ударила Орина по щеке.

–Но ты ведь делила меня с Лэсли и Розой!

Ещё одна пощёчина звонко хлопнула капитана по щеке.

Он разозлился и закричал:

–Как ты думаешь, кого предпочтёт мужчина в жёны: чистую, юную девушку или матрону с оравой ребятишек? Куча детей – это весомый довод, чтобы включить благоразумие и дальновидность!

Отта презрительно глянула на Орина. Нет, она не опустится до ревности, она не станет изводить его колкими насмешками и упрёками. Она перестанет его замечать.



А Элеонора сообщила домашним о чести оказанной бароном Филдингом. Дед Марко удивлённо выпучил глаза. Энрике обрадовано всплеснул руками.

Берта заявила дочери:

–Ты совершаешь большую ошибку. Орин любит твою тётку Отту. Зачем тебе муж, который будет бегать из твоей постели в чужую кровать?

–Все мужчины непостоянны. Тётка стареет и скоро надоест барону. Филдинг остепенится, и будет сидеть дома...возле меня!

–Оттавия всегда помогала нам...

–Что из того? Значит, должна со смирением уступить дорогу племяннице.

–Ты неблагодарная, Элеонора.

–Какими ненужными глупостями, мешающими жить. Забита Ваша голова, мама.

–Как же я буду отныне смотреть в глаза родной сестре?

–Что не делается – всё к лучшему,– успокаивал Берту отец,– Значит, пора Филдингу и Оттавии расстаться.

Затем Марко Малевольти явился в дом младшей дочери.

Он просил её:

–Отта, обещай мне, что никогда не встанешь на пути у Элеоноры.

–Обещаю, папа. Лэсли я могла вредить, на индианку я могла закрыть глаза, но Элеонора – моя племянница, и её

счастье свято для меня. Я проиграла – Орин достался дружкой.

Орин упрашивал сестру:

–Прошу тебя о сострадании к молодой миссис Филдинг, у малышки хорошие манеры, заверяю тебя, ведь её обучала несравненная тётушка Бонэм.

–Сострадание мне пригодится для тебя: Оттавия раздерёт моего брата-недоумка на куски.

–Ерунда. Я с лёгкостью завоюю Отти вновь.

–Позволю себе сомневаться.

–С каких это пор ты перешла на сторону Малевольти, и стала ей симпатизировать? Женская солидарность?

–Да. Ты предал женщину, которая тебя горячо любила.

Под музыкальный аккомпанемент молодожёны Филдинги вошли в дом.

–Где же Джозеф?– обижался на племянника Орин,– Почему не явился на бракосочетание? А говорил, что приведёт дюжину друзей...

–Тётя Отта тоже не соизволила прийти,– в тон ему «удивлялась» Элеонора.

Руперт торжественно объявил:

–Мистер Джозеф Сэндлер и миссис Сэндлер.

–Зэф женился? Когда?– недоумевал Орин.

Он потерял дар речи, когда увидел КОГО под руку ввёл в

его дом племянник. Оттавия горделиво и величественно несла свою очаровательную головку с пышной причёской. Она благосклонно кивнула маленьким Фионе и Тэрэми.

–Золушкам из народа подавай только принцев,– сказал кто-то в толпе.

Элеонору появление тётки испугало.

Джессика, что вела за руку Дэниэла, поравнялась с матерью и прошептала ей:

–Мама, а ты рассчитала свои силы? Сможешь ли ты спокойно сидеть за одним столом с Орином, со змеёй-Наядой? Смотреть в лживые глаза предательницы Элеоноры?

У Орина появилась надежда, что жена Джозефа – это Джесс, а не Отта. Джессика восхищённо поглядывала на Сэндлера. Но Зэф поцеловал Оттавию в щёку, и она ему мило улыбнулась.

Наяда процедила:

–Малевольти всё же попала в семью Филдинга.

Её муж не сводя глаз с Джессики, произнёс:

–У жены Зэфа есть копия помоложе. Почему он не остановил свой выбор на молоденькой?

Вошли Залман и Умбриэль Драммонды.

Жена с ухмылкой кивнула Биффу на новых гостей:

–А у тебя нет ощущения, что здесь целая армия из Оттавий? Рядом с матерью – Джессика. Под руку с Драммондом – Умбриэль, и жена Джозефа – сама великолепная Отта.

–А ты боишься конкуренции этих красавиц?– упрекнул

её муж,— В этом доме теперь так много прелестниц...

—Пойду, поздравлю пасынка.

И Няяда первой подошла к Сэндлеру, у коего на лице застыла серьёзная мина.

—Остепенился, Джозеф? Поздравляю. А Оттавия всё же вопреки всему влилась в нашу семью, и теперь у нас полно чудесной, итальянской родни.

—А чем плохи итальянцы?— встал горой за новых родственников Зэф,— Они объявят любому вендетту, кто только криво глянет в сторону Филдингов или Сэндлеров.

—Бедный мальчик, ты же оружие отмщения в руках Оттавии...

—Дорогая мачеха, Вы не рады видеть в этом доме мою законную жену?— злорадно переспросил пасынок.

Изображая улыбку, Орин тоже подошёл к племяннику, оставив Элеонору с Бертой и Энрике.

Филдинг отвёл Джозефа немного в сторону.

Вместо поздравлений капитан раздражённо спрашивал:

—Объясни, как можно жениться на женщине, у которой дочери — твои ровесницы?

—Что зазорного жениться на красивой женщине?

—А я повторю: Оттавия по возрасту годится тебе в матери.

—Эта женщина не стареет, она прекрасна. Разве ты не видишь?

—Вижу!

—А, дядюшка, ты хотел стать двоежёнцем, а я помешал

твоим планам?

– Не смей так со мной разговаривать, сопляк, – стараясь не перейти на крик, шипел Орин.

Джозеф хмыкнул и хотел уйти.

Филдинг поймал его за руку и беспомощно умолял:

– Зэф, Отт – моя женщина. Ты с детства знал об этом.

– Нет, отныне она – моя. Ты игнорировал её, когда она, наконец, стала свободной. И я отомстил за отца, он погиб по твоей вине, Орин, слуги по углам шепчутся о каком-то зелье, которым ты опоил Лэсли и моего отца.

– Норман погиб по своей вине.

– Почему я должен тебе верить? Может, ты своими руками придушил обоих? Да и Наяда как-то подозрительно быстро вышла замуж за Олди...

– Кстати, твой отец тоже обожал Оттавию. Вдруг, эта женщина – причина самоубийства твоего отца?

– Не поверю. Отец боялся злых языков. Кем бы он был без карьеры?

– Твой отец жив.

– Я тебе не верю!

– Он появился не так давно и отбил у меня Розу. Ты же знаешь его привычку уводить моих женщин. Вот и ты перехватил эстафету отца... может, ты уже имеешь виды на Элеонору?

Джозеф цинично сравнил жену дяди со своей женой:

– Элеонора – симпатичная, милая, но ей далеко до точёной

красоты Оттавии. Элеонора рядом с тёткой, как простушка, девчонка из толпы, скорее прислуга, чем представительница благородных кровей.

–Но у Оттавии тоже кровь простолюдинов.

–Неужели? Нет уж, наверняка, её прабабка путалась с римским трибуном, патрицием или даже императором.

Подала голос подошедшая Отта:

–Ну вот, Филдинг, для тебя я стара, а для Джозефа молода и прекрасна.

–Но ты любишь меня, Отт,– горестно проронил Орин.

–Я, должно быть, стала старомодной, нынче я хочу больше уважения, чем любви.

–Зэф – холодный и сдержанный педант,– ругал племянника капитан.

–Вот и чудесно, потомучто горячий и страстный его дядя – совсем ненадёжный семьянин.

Орин обвёл глазами Умбри, Дэниэла и Джесс, и решил со злости поиздеваться над Отт:

–О, ты знаешь в каком я восторге от твоей семьи, Оттавия. Давай, веди сюда всех, мы так хорошо ладим с твоим братом, буквально понимаем друг друга с полуслова.

–Конечно, Джессика и Дэниэл останутся со мной, и нам, таким дружным, не будет тесно, ведь правда, Орин? Вот и моя племянница, уже привезённая тобой не будет иметь ничего против, она ведь, бедняжка, непременно уже соскучилась без дружной итальянской родни.

Орин осознал: если он сейчас выгонит Зэфа с законной женой, то Оттавию больше никогда не увидит.

И Филдинг заверил:

—А, что, будет весело! Оставайтесь! Будем ездить на охоту, плавать на шхуне, играть в разные игры!

—Господин барон, мы очень признательны Вам за такую милость и безграничное терпение,— с долей иронии поблагодарила Отта.

Она развернулась и пошла к сыну.

Прелестный белокурый мальчик вызывал умиление своими ангельскими чертами лица. Малыш был сдержанным и спокойным ребёнком, хоть ему и было скучно в толпе разнорабочих взрослых, он терпеливо стоял.

Умбриэль полушёпотом сказала матери:

—Мама, я думаю: не стоит тащить с собой Дэна в это осеннее гнездо, пусть живёт у меня.

—Мне необходимо видеть Дэниэла каждый день. Видеть, как он с каждым днём растёт и узнаёт о жизни что-то новое.

У Орина изрядно испортилось настроение. Оттавия омрачила его свадьбу с Элеонорой. Он и подумать не мог, что его возлюбленная Отти будет принадлежать не ему, а кому-то ещё! Он корил себя за то, что купился на наивность и молодость Элеоноры.

К вечеру его ревность разыгралась ещё больше. Даже когда он остался с невестой наедине в спальне, его мысли были полностью поглощены Оттавией. Он представлял, как Джо-

зеф целует его Отг...

Элеонора обнажила свою недоразвитую грудь. Орин молчаливо кивнул и стал раздеваться.

Девушка надела ночную сорочку и легла, трепеща, в кровать. Новоиспечённый муж тоже лёг и отвернулся к стене.

Оттавию взяло раскаянье, она лепетала в спальне молоденькому мужу:

– Может, объявить нашу свадьбу фарсом? Я состарюсь, а это ослабит или затушит Ваши желания и порывы, и я стану Вам в тягость. И Вы не захотите более дарить самое дорогое – свою молодую жизнь.

– На сегодня: Вы – моё единственное желание. И, думаю, что желанной Вы будете всегда.

– Не говорите так, не соблазняйте.

– А Вы думали, что я просто на Вас женюсь и не потребую интима?

– Честно сказать – да. Я думала. Вы просто мстите родне.

– Но сегодня я увидел Вас и воодушевился жениться ещё больше.

– Не надо совершать необдуманных поступков... Если между нами ничего не будет, то бездетную пару разведут быстрее...

– Вы не сможете запретить мне любить Вас.

И молодой человек стал приближаться к законной жене. «А что собственно я упираюсь? Сама же дала согласие на



брак, тем более что Орин сейчас развлекается с моей племянницей», – подумала Отта и закрыла глаза. В следующую секунду почувствовала поцелуй.

Утром Оттавия вышла из спальни мужа, собираясь зайти в комнату, что выделили Джесс, чтобы узнать, как там устроилась дочь. Джозеф ещё сладко спал, и Отта шла на цыпочках.

Стену коридора подпирала фигура Орина. Тот испытующе вперился в глаза бывшей любовницы.

Наигранно, с напускной доброжелательностью Отта проговорила-проворковала:

– Доброе утро, барон Филдинг.

Орин едва не оскалился со злости, но, конечно, сдержался, и натянуто пробормотал:

– Доброе утро, миссис Сэндлер.

Женщина пошла по коридору, но капитан загородил ей дорогу.

Он, теряя контроль над собою, упрекал её:

– С твоей стороны – чистая провокация появляться в моём доме.

– Мы с мужем не нищие, мы можем уехать в его резиденцию в горах, или купить дом в другом городе, хоть в самом Лондоне.

– Повторюсь ещё раз: не надо уезжать.

– Но почему?

–Я устал от скитаний по чужим странам. Хочу сохранить целостность семьи.

–И всех моих родственников желаете собрать под сводами Филдинг-хауса? О, Вы, барон, теперь со знанием дела можете судить обо всех прелестях женщин из клана Малевольти,– язвила Оттавия.

Она пыталась оттолкнуть Орина с дороги, но тот схватил её за плечи и воззвал к душе Отты:

–Ты не любишь Джозефа!

–Ну и что?! Ты тоже не любишь Элеонору, но ведь женился на ней. Чем я хуже тебя?

–Разве сухой во всех проявлениях Джозеф может дать тебе чувственный восторг? Что-то я не слышал под дверью тех криков, кои издавала ты со мной!

–Да ты жалкий извращенец! Пусти меня, пошлый идиот!

–Разве у вас с Джозефом есть взаимопонимание?

–Не лезь в нашу семейную жизнь!– прикрикнула Оттавия, но затем сменила тактику, слащаво описывая достоинства мужа,– Джозеф – замечательный человек, внимательный и нежный муж, тогда как ты сочетаешь в себе все ужасные черты опустившегося, развращённого джентльмена: ложь, при творство и равнодушие!

–Моя страсть кажется теперь тебе скудной по сравнению с океаном любви Зэфа-«весельчака»?

Оттавия задрала голову и хмыкнула.

–Но можно ведь и мне внимание уделять,– взмолился

Орин.

–Ты понимаешь, о чём ты просишь?– пришла в ярость итальянка,– Обманывать мужа!

–Но ведь ты изменяла Освальду!

–Кретин!

–Прошу, вернись ко мне.

И тут Отта заметила приближающуюся к ним Элеонору. Обида заполонила Оттавию, ревность подавила обожание. Омерзением и холодом отвечала она на происки примирения.

–Ты сам отнял меня у себя.

Капитан уже и сам увидел новобрачную. Оттавия убежала.

Элеонора высказывала мужу со слезами на глазах:

–Какая потрясающая сила воли! Только увидел Отту, сразу растаял! Какое крепкое честное слово! Ты обещал быть моим мужем, Орин Филдинг, а сам влюблённых глаз с Оттавии не сводишь!

–Я с самого начала подразумевал Отту в своих любовницах, вот только она не захотела больше принадлежать мне... А ведь клялась в вечной любви!

–Какая Вы сволочь, капитан Филдинг...

–Да ты с самого начала знала о моём романе с твоей тётёй! И пошла на брак со мной, купившись на деньги и титул!

Девушка всхлипнула и убежала в свою комнату.

За завтраком Элеонора уткнула нос в свою тарелку. Насмешливость ушла из глаз Орина, теперь там царила грусть.

Оттавия, поглядывая на племянницу, злорадно представила, как выволакивает ту за волосы из спальни Орина, спускает с лестницы и вытаскивает на улицу под хохот толпы. Она вздохнула, потому что это несбыточная мечта, но ей начало нравиться доводить эту семейку.

Джессика грустно взирала на кушанья и нехотя отправляла вилку в рот.

Ровным, без оттенков эмоций голосом, Наяда спросила у Оттавии:

–А кому достался дом Освальда Боу?

–Я попросила Эммита вернуться в родной дом.

Многочисленные дети теперь ели в детской, где им поставили столы.

–А что слышно о Рут Боу?– не унималась миссис Олди, выпытывая семейные секреты Малевольти.

–Она теперь Рут Торнтон и уехала с мужем в Америку.

–Так это правда... Говорят же, что женщина лёгкого поведения никогда не упустит своего счастья,– протянула Наяда.– Говорят, что Оллинхэм её с позором выгнал, застав с Артуром... Это правда?

–Человека легко можно обвинить, но зачастую это бывают всего лишь наветы,– встала на защиту дальней родственницы Отта,– Помните о происшествии в Холланд Хаусе в мае 1.816 года? Лорд Букингем поссорился с сэром Томасом

Харди. Лорд Букингем опустился до мерзкой кляузы, он написал сэру Харди анонимные письма, в коих уличал его жёну, как распущенную особу. Но всем известен подчёрк лорда и его разоблачили.

Олди со знанием дела дополнял:

—И как было непристойно то, что лорд Букингем принялся отрицать очевидное, заявляя, что истинный джентльмен не способен на гнусную ложь. Общество, естественно, поддержало богатого, влиятельного и именитого лорда Букингема, хотя всем известно, что он грязно волочился за леди Харди.

Затем Оттавия с дочерью Джесс играла во дворе с дочерьми Филдинга и Фрэзи в игры с мячом. Скрипя зубами, Орин наблюдал из окна своего кабинета, как все они кружились, бегали и счастливо смеялись.

Дэниэл жил теперь в одной комнате с Энджелом. Наяда зашла навестить любимого племянника. Мальчишки играли на полу, выстраивая солдатиков рядами. Женщина нагнулась над белокурым малюткой Дэном, погладила его по голове.

—Какие мягкие, шелковистые волосы!— воскликнула она.— Совсем, как у Фрэзи!

Наяда осеклась и почему-то внимательно взгляделась в Дэниэла.

Когда Оттавия вошла в дом с улицы, гувернантка сообщила ей, что в библиотеке её ждёт Наяда Олди.

И с порога библиотеки итальянку оглушили вопросом:

—Освальд Боу ведь не является отцом Дэниэла?

Отта задумалась: стоит ли обнажать правду? Но правда больно ударит ту, которая всегда ненавидела её.

И итальянка призналась:

—Освальд Боу договорился с Норманом Сэндлером о свадьбе Орина и Лэсли, я послужила вознаграждением сговорчивому адвокату. Я ничего не знала, меня заманили в ловушку.

—А, вот она поездка Илларики в Европу... Вы были в горах...

—Да.

—Значит, у Фрэзи и Джозефа есть ещё один брат... Как всё запуталось в нашей семье...

—Что вы тут секретничаете?— спросил вошедший Джозеф.

—Я выяснила, что Дэниэл не просто похож на Фрэзи, он её брат,— заявила ему мачеха.

—У Вас горячка?— передёрнул плечами Сэндлер,— Схожесть детей — простое совпадение.

—Как всё-таки слепы мужчины!— запричитала Наяда,— Эта шлюха Оттавия побывала со всеми мужчинами нашей семьи!

Джозеф замахнулся на мачеху. Лицо миссис Олди не выражало ни тени испуга, в её глазах он прочитал: всё, что она сказала — правда. Зэф опустил руку и забормотал слова извинений. Наяда хмыкнула и вышла прочь.

Юноша обрушился с упрёками на жену:

–Почему ты не сказала мне, что Дэниэл мне не просто пасынок, а вдобавок мой брат!

–Прости, Зэф.

–Наш город нужно переименовать из Милфорд-Хейвена в Содом-и-Гоморру! Билинда Драммонд вышла замуж за кузена, хотя её отец путался с его матерью. Тим Торнтон сошёлся с Рут, хотя та была замужем за его дядей. Мой дядя Орин перебрал два поколения Малевольти. И ты не лучше остальных!

–Дорогой, чего ты злишься? У тебя теперь веский довод любить Дэна не как пасынка, а как родного брата.

А Няда уже делилась новостью с братом:

–Хочешь знать кто отец Дэниэла?

–Очередные сплетни...

–Мне сейчас призналась сама Оттавия.

–Ну-ка, ну-ка...

–Отец Дэниэла – Норман Сэндлер!

–Ну, конечно же! Как я сам не догадался! Он же постоянно твердил, что любит её, а она его презирает! Вот за что она его презирала...А я не поверил ей, что это муж сам привёз её! Конечно, Освальд Боу оплатил за старания со свадьбой Лэсли натурой жены.

Сестра задумчиво смотрела на брата и думала: «Орин никогда не давал мне понять, что он – хозяин дома, терпеливо выслушивая моё нытьё».

Вслух она сказала:

–Ты в третий раз взял чистую, непорочную девушку...и испортил ей жизнь. У меня нет сил смотреть на это безобразия... Мы с Биффом решили уехать в Лондон...навсегда.

–А, может, тебе стыдно встречаться с пасынком?

–И это тоже веский аргумент! Да и я уже не тщеславна, я не хочу блеска Высшего общества, я хочу тишины и уединения со своим мужем.

–Хоть ты счастлива,– вздохнул Орин.

Наяда пошла к выходу.

Брат окликнул её:

–Не бросай меня среди врагов. Временами я был несносен и жесток, но я всегда любил тебя, сестра.

Женщина заплакала, вернулась и обняла младшего брата.

–А не пошёл бы ты погулять, Зэф?– спросил Орин у племянника, появившись в гостиной.

–И не подумаю, я охраняю жену от посягательств грабителей.

Оттавия сидела на диване и рассматривала эскизы шляпок. На вошедшего хозяина дома она даже вскользь не взглянула.

Амбиционная корректность Джозефа выводила Филдинга из себя.

–Перестань прикидываться ледяной глыбой!– потребовал дядя от племянника.



– Мне так проще смотреть на обстоятельства.

– Мне бы поговорить с Оттавией наедине.

– Странное желание, ведь она – моя жена.

– Считай это моей прихотью... ну, Зэф, всего несколько минут с глазу на глаз с Оттой.

– Только пару минут, – пошёл навстречу пожеланиям дяди Джозеф, – И знай: я рядом.

Когда Сэндлер вышел, Орин покаянно заговорил:

– Прости меня, я некогда обвинил тебя ложно в прелюбодеянии. А ты стала жертвой насилия.

– Ты только в этом каешься? – подняла голову Оттавия.

– Как ты могла поменять фамилию на Сэндлер!? Ты же всегда ненавидела эту фамилию, связанную с человеком, который удалил тебя от меня!

– Ты сам всегда бежал от меня, Орин... Разве я не права? Ты давно мог надеть мне на палец обручальное кольцо, но всё медлил, вывод один – ты не любил меня.

– Да я всегда сгорал от любви к тебе!

– А как же другие женщины? Их ты разве не любил?

– Нет! С Розой меня сблизила похоть. С Элеонорой – глупость, фанфаронство, стремление к молодым прелестям... ну, в общем... наверное, опять похоть...

– Нам не о чём говорить, – встала с места Отта.

– Оттавия, я – болван! Оттавия! Оттавия! Я – кретин! Я – паскудный бабник, я – ничтожество... Не мучай меня, ответь на мою любовь!

–Ты – эгоист, Орин. И не способен на настоящую любовь. Скорее всего, в наших отношениях, тебя манил секс. Сначала тебе мешали мои дети...

–Это ты не решалась бросить детей Боу!

–Потом ты спутался с индианкой...– не обращая на него внимания, продолжала женщина,– А теперь вот польстился на красоту молоденькой...

Не успела Оттавия выйти, как в гостиную вошла Элеонора.

Жена потерянно спрашивала:

–Почему ты не хочешь близости со мной?

–Тебе надо было выбрать мужа помоложе, и резвиться с ним!– грубо прикрикнул на неё Филдинг.

–Ты очень верно любишь свой призрак!

–А ты и вовсе меня не любила! Я – твоя детская мечта.

Она убежала из комнаты. Девичьи ожидания счастья не оправдались, обаятельный Орин так и не полюбил её.

Джозеф нашёл Оттавию у Джессики.

–Всё, моё терпение кончается, мы уезжаем в своё имение в горы,– заявил он.

–Но я люблю жить в городе...И как же мои магазины?

–Продай бизнес пасынку или конкурентам, мне плевать, я не хочу больше жить у Филдинга!

–Но почему?

–Ещё спрашиваешь? Да он на весь дом орал: «Оттавия

вернись ко мне!» Слуги на меня косятся, да и мачеха смотрит, как на заклятого врага!

–Сколько ты дашь нам на сборы?

–Не больше недели.

На следующий день за завтраком Элеонора задумчиво всматривалась в мужа. Он ничего вчера не сделал, чтоб успокоить её. И она угрюмо думала: «Я не могу доверять Орину. Поэтому, скорее всего, не смогу жить с ним дальше. Мне больно терять его, но нестерпимо обидно за обман, наглость и подлость. Я не верю, что он станет другим, потому что не вижу раскаянья в нём. Я отомщу за себя, я лишу его детей».

И Элеонора предложила прокатить детей до пристани, посмотреть на корабли, затем проехаться за покупками по магазинам. Орин не возражал.

Собрать детей было не так-то просто. В кабинет Орина заскочили Энджел и Элеонора.

–Скажи сыну, чтоб ехал с нами!

–Нет, тётя, я не поеду! Папа вчера обещал мне научить фехтовать!– перечил ребёнок.

–Нельзя перебивать старших,– одёргивала его мачеха,– Орин, почему ты способствуешь его неповиновению? Он оскорбляет меня своим непослушанием! Мы же договорились ехать все вместе.

–Ну, ему, наверное, уже не интересно в женской компании,– встал на защиту мальчика отец.

–Вам всем нравится злить меня!– фыркнула Элеонора.

«Как быстро из добродушной девушки получилась властная мегера,– удивился Филдинг, его мысли переключились на другую женщину,– Интересно, Отта в браке стала бы такой же? О. нет, она вьётся возле Джозефа, сопли ему вытирает каждую минуту!»

Энджел остался с отцом, и недовольная Элеонора волокла за руки Тэрэми и Фиону к карете.

Наяда пыталась что-то говорить о соблюдении приличий в публичных местах.

Жена брата одёрнула её, напомнив:

–Поубавь свою спесь, Наяда: я такая же аристократка, как и ты.

Дорогой Элеонора глядела прямо перед собой в стену, а перед взором проносились ненавистные лица тётки Отты и мужа. Злоба исказила мимику девушки. Кто-то должен ответить за то, что её мечты не сбылись, что мир оказался жесток.

Руперт Буркс вбежал к Орину с криком:

–Элеонора выгнала кучера и перевернула карету! Твои дочери пострадали!

–Элеонора – проклятая жаба!– возопил Филдинг.

Но душа его подсказала, кто истинный виновник трагедии: разве не он сам сломал жизнь молоденькой девушке?

–Элеонора погибла,– тихо добавил камердинер.

Филдинг бежит в комнату дочерей. Над ними кружит

врач. Капитан еле сдерживает слёзы. Фиона без сознания, у Тэрэми безучастный взгляд.

Наяда прижимала к себе Фиону и причитала:

–Я была не права, обвиняя индейцев в недоразвитости, утверждая, что они не такие же, как мы. Моя малышка Фи-Фи... Моя любимая Фи-Фи...

И миссис Олди зашлась безутешными рыданиями.

В комнату вбежала Оттавия.

–О, Орин...Орин...какое несчастье...

Она стояла рядом, мялась, пока мужчина не поднял голову, взглянув в глаза любимой женщине большими от ужаса глазами. Оттавия бросилась в объятия Орина, уже не сдерживая себя ни в рыданиях, ни в любви, целуя самого дорогого человека.

–У меня было много женщин, но самая лучшая – ты, – шептал Филдинг, обнимая Отту.

–Я люблю тебя...но я не должна прикасаться к тебе, я же жена другого, – шептала Оттавия, но не могла оторвать рук от Орина.

–Как я всё запутал...Я виновник этой трагедии. Любя тебя, я позарился на молодую, хотя ты лучше в миллион раз. Своим глупым поступком я вверг дорогих мне людей на дорогу страданий и горя. Таких бесконечно любимых и дорогих мне людей...

–Оттавия! – вскрикнул вошедший Джозеф, – О, ты как была шлюхой, так ею и осталась! Тебе доставляет удовольствие

изменять мужу?

–Ты прекрасно знал, Зэф, что я люблю Орина!– возразила итальянка.

–И не смей оскорблять Оттавию!– вскричал Орин,– Я её никому больше не отдам.

–Безумная затея была жениться на тебе, Оттавия!– в сердцах воскликнул уязвлённый юноша.

Джозеф выскочил из комнаты. Он думал, жена побежит за ним, но Оттавия осталась с Орином. В коридоре он налетел на Джессику.

–Куда Вы так бежите, мистер Сэндлер?– выдохнула девушка,– Случилось что-то ужасное?

–Я – придурок,– зачем-то пожаловался ей Зэф.

–Моя мать не отходит от Орина?– поняла сердцем Джесс.

–Да,– выдавил из себя юноша.

–Вы...ты сильно любишь Оттавию?

–Я люблю её. Она так красива...

–А я? Разве я не похожа на неё? И...и...я люблю тебя, Джозеф.

Юноша пристально взгляделся в глаза красавицы. Глаза не лгали! В них горела зовущая страсть и страдание. Джозеф в порыве прижал к себе падчерицу. Та всхлипнула.

–Не бойся, я огражу тебя от негодования матери,– уверял джентльмен.

–Ты не понял, это слёзы счастья. Я боялась, что никогда не смогу обнять тебя.

Прошёл год. Счастливый Орин склонился над колыбелью дочери Рэйчел.

Тэрэми и Фиона восхищённо разглядывали маленькие ручонки сестры. Энджел и Дэниэл теребили подарки в руках.

–Посмотрели? Теперь бегите играть,– выдворил их отец из спальни жены.

Дети, шушукаясь и хихикая, вышли из комнаты.

Орин обнял Оттавию.

Он говорил ей:

–Все мои дети до этого были ошибкой выбора невесты. Только этот ребёнок – центр моей Вселенной. Была ты одна, теперь вас двое.

Затем он взял ребёнка в руки и принялся тискать.

–Ты зацелуешь малышку до дыр,– смеялась Отт.

–Жаль, что она похожа на меня...

–Зато у Джозефа с Джессикой родилась дочь, похожая на нашу породу.

–Чему я очень рад. Зэф уже не сердится на нас, зовёт в гости.

–Конечно, поедем! Джесс я всегда любила немного больше, чем Умбриэль.

–Ещё надо съездить в Лондон к Наяде с Биффордом. У них растёт сын.

–Наяда растит ребёнка, как своего.

–Энджел часто у них бывает...– задумчиво вторил муж,

затем незлобно упрекал, -Ну, ты и попила моей крови, пока была женой племянника...

-Мне стоило невероятных усилий корчить из себя подострастие... Ходить возле тебя и не сметь хотя бы прикоснуться...

-А какой важной ты была!- смеялся, вспоминая, Орин,- Даже Няяда оставалась в тени, когда ты вышагивала по залу, как королева.

-Да меня буквально распирало от своей сверхзначимости,- хохотала Оттавия.

-Не смейся над собой, переоценить тебя невозможно.